Н.А. Зонтиков

Иван Сусанин:

легенды и действительность

Н.А. Зонтиков

ИВАН СУСАНИН:
ЛЕГЕНДЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Кострома
1997

Зонтиков Николай Александрович
Иван Сусанин: легенды и действительность. –
Кострома, 1997, 352 стр., с илл.

Костромской региональный центр новых информационных технологий "Эврика М".
156019, г. Кострома, ул. Фестивальная, 29. Т.: (0942) 22-71-41.
Издательская лицензия – ЛР № 040475 от 11.04.1996 г.
ISBN 5-89362-003-8.

На обложке: Окрестности села Домнина (вид с колокольни Успенской церви). Фото Г.П. Белякова. 1997г.

Корректор А.В. Соловьёва

Формат 70x100/16. Бумага офсетная 65 г. Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная. 352 стр. Тираж 5000. Заказ № 982.
Издательско-полиграфическое предприятие "Кострома".
156010, г. Кострома, ул. Самоковская, 10.

Памятная часовня в деревне Деревеньки — родине Ивана Сусанина. Построена в 1913 году в связи с 300-летием подвига Сусанина. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

ББК 63.3(2)4
З 848

Книга издана в год 385-летия подвига Ивана Сусанина

Фоторепродукции Г.П. Белякова

Зонтиков Н.А.

З 848 Иван Сусанин: легенды и действительность.
Кострома, 1997. 352 с.: ил.

Историческая монография *Н. А. Зонтикова* представляет собой первое всеобъемлющее исследование о русском народном герое Иване Сусанине. Как сама тема, так и её освещение автором, обобщившим многовековой исторический и литературно-художественный материал, делают данную книгу несомненно интересной всей читающей России.

ББК 63.3(2)4

Издание осуществлено при финансовом участии Администрации Костромской области, Костромской областной Думы, Администрации г. Костромы, АО "Костромаэнерго" и техническом содействии ОАО "Пегас".

© Зонтиков Н.А., 1997 г.
© Костромской общественный фонд культуры, 1997 г.
© Костромской региональный центр новых информационных технологий "Эврика – М", 1997 г.

ISBN 5-89362-003-8

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 9

ЧАСТЬ I. ИВАН СУСАНИН: служба и кровь 13
Пролог 15

Глава 1. РОМАНОВЫ И ИВАН СУСАНИН 19
Романовы и костромской край *19*
Село Домнино и домнинская вотчина *22*
Иван Сусанин *27*

Глава 2. РОМАНОВЫ: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ 33
Романовы в конце XVI – начале XVII веков *33*
Романовы в 1605 – 1612 годы *37*
Куда мать и сын Романовы поехали из Москвы? *40*
Почему Романовы поехали на Унжу? *43*
Где жили Романовы, вернувшись с Унжи? *47*

Глава 3. ГИБЕЛЬ СУСАНИНА: КАК ЭТО БЫЛО? 50
Когда погиб Сусанин? *50*
Кем был убит Сусанин? *52*
При каких обстоятельствах был убит Сусанин? *54*
К вопросу о роли Богдана Собинина *58*
Сусанин погиб в Исупове? *60*
Общие выводы *61*

Глава 4. ПОСМЕРТНЫЕ ПОЧЕСТИ СУСАНИНУ. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЕГО ПОТОМКОВ ИЗ ДОМНИНСКОЙ ВОТЧИНЫ В КОРОБОВО 64
"За службу к нам, и за кровь , и за терпение..." *64*
Переселение потомков Сусанина в Коробово *66*

Глава 5. МОГИЛА СУСАНИНА 70
А разве есть могила Сусанина? *70*
Версия I: Сусанин погребен в Ипатьевском монастыре *70*
Версия II: Сусанин погребен в Домнине *74*
Почему же могила Сусанина была забыта? *81*

Часть II. СУСАНИН В ИСТОРИИ РОССИИ 83

Глава 6. ПАМЯТЬ О СУСАНИНЕ В XVII – I-й ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКОВ 85
Имя Сусанина в XVII – I-й половине XVIII веков 85
Рождение сусанинской легенды 88

Глава 7. НАЧАЛО ВСЕРОССИЙСКОЙ ИЗВЕСТНОСТИ СУСАНИНА 91
Почему с конца XVIII века имя Сусанина становится известным? 91
Конец XVIII – начало XIX веков: "взлёт" имени Сусанина 92
Отечественная война 1812 года и после неё: Сусанин – герой Отечества 97
А там – во глубине России... 105

Глава 8. СУСАНИН – ГЕРОЙ "ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ" (30 – 50 годы XIX века) 107
Официальный культ Сусанина: причины возникновения 107
Посещение Николаем I Костромы: начало "взлёта" имени Сусанина 110
Создание оперы "Жизнь за царя" 112
Историческая и художественная литература о Сусанине в 30–50 годы XIX века 117
Сооружение памятника Сусанину в Костроме 123
Коробовские белопашцы в 30-50 годы XIX века 129
Сооружение в Коробове храма-памятника Ивану Сусанину 134
Сусанинский культ: плюсы и минусы 137

Глава 9. СУСАНИН – ГЕРОЙ РОССИИ (конец 50-х годов XIX – начало XX веков) 138
В эпоху реформ: величие и нигилизм. 138
Взлёт и падение коробовских белопашцев 142
Грянувший гром: скептик Н.И.Костомаров 147
Светила русской исторической науки против Н.И. Костомарова 153
1866 год. "Второй Сусанин"? 155
В защиту Сусанина: костромские краеведы в полемике с Н.И. Костомаровым 165

Историческая и художественная литература о Сусанине в конце XIX – начале XX веков *172*
Коробовские белопашцы во 2-й половине XIX – начале XX веков *178*
Сусанинские места во второй половине XIX века *181*
Общее отношение к Сусанину на рубеже XIX – XX веков *184*
1913 год: 300-летие правления Романовых – 300-летие подвига Сусанина *186*
Сооружение памятной часовни в Деревеньках *196*

Глава 10. НИЗВЕРЖЕНИЕ СУСАНИНА (1917 - сер. 30-х гг.) 199
Сусанин и 1917 год *199*
Разрушение сусанинского памятника. Переименование Сусанинской площади *201*
Разрушение и преображение романовского монумента *208*
Уничтожение храма-памятника Сусанину в Коробове *213*
Общее отношение к Сусанину до второй половины 30-х годов *216*

Глава 11. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х ГОДОВ: СУСАНИН СНОВА НУЖЕН 218
Сусанин возвращается *218*
Закрытие храма в Домнине *220*
Возвращение Сусанина *224*
Возвращение оперы М.И. Глинки *227*
1939 год: историческая наука о Сусанине *229*
Переименование Молвитина в Сусанино, Молвитинского района – в Сусанинский *233*
Почему был возвращён Сусанин? *236*

Глава 12. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. СУСАНИН ВМЕСТЕ СО СТРАНОЙ 241
Сусанин и война *241*
Танковая колонна имени Ивана Сусанина *245*
Возрождение домнинского храма *248*

Глава 13. ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ ЗЕМЛИ РУССКОЙ (1945 – конец 60-х годов) 252
Первые послевоенные годы *252*
В 50-е – начале 60-х годов *256*

В середине 60-х годов *263*
Открытие памятника Ивану Сусанину в Костроме *266*
Образ Сусанина в поэзии 50-80 годов *274*

Глава 14. НА ПЕРЕЛОМЕ (конец 60-х – конец 80-х годов) 282
Конец 60-х: "царская" версия возвращается *282*
Ю.Д. Черниченко: покушение на устои *285*
60-80 годы: верность заветам *287*
Празднование 375-летия подвига Сусанина *290*

Глава 15. ВОЗРОЖДЕНИЕ (конец 80-х – конец 90-х годов) 299
Падение "советского" Сусанина *299*
Опера Глинки: возрождение *300*
Сусанинская площадь: возрождение *301*
Сусанинский монумент: возрождение? *303*
Фестиваль "Вехи" *304*
Сусанинские места: возрождение *306*
Историческая наука о Сусанине: борьба мнений *318*
Возвращение коробовского колокола *321*

Послесловие 323
Примечания 324
Список сокращений 339
SUMMARY 340
RÉSUMÉ 341
ZUSAMMENFASSUNG 342
Именной указатель 343
Указатель географических названий 349

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Иван Сусанин, главный герой этой книги, не нуждается в особом представлении читателю. Высоких и хороших слов произнесено о нём немало. Мне же хочется сказать о нашей вине перед памятью этого человека.

Известно, как высоко чтилась память о Сусанине в России до революции. Причём чтилась, в первую очередь, по-христиански. В Коробове – там, где жили потомки Сусанина (ныне это территория Красносельского района), в середине XIX века был сооружён храм, освящённый во имя Иоанна Предтечи, в честь которого был наречён и наш костромской мученик. На родине Сусанина, в деревне Деревеньки, в память о нем в начале этого века была построена небольшая часовня (сейчас она – единственное сооружение, оставшееся от этой деревни, простоявшей многие столетия, но не пережившей колхозной эпохи). Традиционным днём молитвенного поминовения Сусанина считалось 11 сентября (нов. стиль) – день Усекновения главы Иоанна Предтечи.

После революции Сусанин был объявлен прислужником романовского самодержавия, а память о нём подлежала искоренению. Однако обаяние и сила образа костромского крестьянина были так велики, что безбожная власть со временем решила поставить Сусанина себе на службу: партийные пропагандисты стали восхвалять его как героя и патриота. Естественно, что восхваление это – казённое и бездуховное – зачастую было равным поруганию. Я уже не говорю о том, что на фоне знаков официального почитания были осквернены святыни – храмы и часовни – всех сусанинских мест костромского края.

Церковь – хранительница духовных устоев России – всегда чтила память о Сусанине, в первую очередь, с духовной стороны. Несколько лет тому назад посетивший Кострому епископ Василий (Родзянко), внук последнего председателя Государственной Думы дореволюционной России, сказал о Сусанине так: "Я всегда почитал его подвиг. Ведь это такая сила духа! Завести врагов на погибель, заведомо зная, что они хотят убить тебя, завести и погибнуть… Это евангельский образ! <...> Это … подвиг истинно христианский, подвиг христианского мученичества, подвиг совершённый во имя спасения Православного Отечества нашего и веры Православной нашей. Потому-то народ наш и сохраняет в памяти своей, уже почти четыре столетия, это святое имя, давно ставшее для каждого русского человека именем-символом".* Как верно это сказано владыкой Василием, человеком трудной судьбы, прошедшим тюрьмы и лагеря титовской Югославии! Воистину, образ Сусанина – это образ страстотерпца и мученика, образ подвижника.

Сусанин жил в страшное и подлинно Смутное время. Ныне наша страна вновь переживает трудные времена, во многом напоминающие Смуту начала XVII века. Немало людей сейчас запуталось и ожесточилось. Однако образы таких христиан, как Иван Сусанин, не могут не внушать оптимизма и уверенности в том, что, очищаясь покаянием и возвращаясь к вере своих предков, Россия переживёт и эти нелёгкие времена.

Архиепископ Костромской и Галичский
Александр (Могилев)

---

* О канонизации Ивана Сусанина.// Благовест, 1991, №2 (12), с.7.

Посвящается
Юрию Павловичу Назарову,
возрождающему традиции
костромских меценатов —
Ф.В. Чижова, И.Д. Сытина, П.М. Третьякова.

Подвиг Ивана Сусанина занимает в нашем общественном сознании совершенно особое место, а сам Сусанин издавна и прочно отнесён к числу национальных героев России. С именем этого костромского крестьянина связан целый пласт русской культуры: ему посвящено множество исторических работ, его подвиг получил яркое отражение в литературе, музыке, изобразительном искусстве, фольклоре.

Однако широчайшая известность сусанинского подвига в сочетании с неясностью, что же на самом деле произошло на излёте Смутного времени начала XVII века в северной части Костромского уезда, обусловила то, что, начиная с выхода в 1862 году знаменитой статьи Н.И. Костомарова "Иван Сусанин", вокруг подвига Сусанина идут непрекращающиеся споры. Споры эти то в завуалированной, то в открытой форме ведутся, по сути, вокруг одного вопроса: действительно ли Иван Сусанин отдал свою жизнь, спасая Михаила Федоровича Романова — первого царя из рода Романовых?

Настоящая книга представляет собой попытку дать на этот вопрос объективный ответ, вытекающий из анализа всех известных нам исторических документов, народных преданий и мнений историков. Сложность состоит в том, что, с одной стороны, на имени Ивана Сусанина, как, может быть, никакого другого героя русской истории, "нарос" необычайно мощный слой легенд, домыслов и устоявшихся представлений. С другой стороны, Сусанин, опять же, как пожалуй, никто из исторических личностей,

столь долго был предметом политических спекуляций и политической борьбы, когда его то — провозглашали символом царелюбивого русского народа, то — втаптывали в грязь и объявляли "мифом". Вследствие этого объективный историк, занимающийся народным героем, почти всегда находился в кругу каких-то политических запретов: то — нельзя было сомневаться, что Сусанин спасал царя, то, наоборот, — нельзя усомниться в том, что никакого царя он не спасал.

Ныне, когда, слава Богу, былых запретов нет, можно наконец разобраться во всей сусанинской истории спокойно и непредвзято.

Наша книга состоит из двух частей. В первой части предпринята попытка восстановить реальную картину гибели Сусанина: её обстоятельств, времени, места; здесь же рассмотрен вопрос о местонахождении могилы Сусанина. Вторая часть посвящена теме "Сусанин в истории России"; в ней рассматривается многообразное — в политике, науке, искусстве, общественном сознании — отношение к имени Ивана Сусанина на протяжении XVII-XX веков (именно поэтому у нас нет традиционной, предшествующей основному рассказу историографии - она даётся в соответствующих разделах книги по ходу повествования), причём особое внимание, конечно, уделено истории костромского края, в частности, мест, связанных с именем Сусанина — Домнина, Деревенек, Спас-Хрипелей, Исупова, а также места проживания потомков Сусанина — Коробова.

Автор благодарит всех, оказавших ему помощь в работе над книгой, а особенно — А.В. Соловьёву, заместителя председателя Костромского общественного фонда культуры, архиепископа Костромского и Галичского Александра (Могилева) и Ю.П. Назарова, генерального директора АО "Костромаэнерго", при содействии которых это издание в год 385-летия гибели Ивана Сусанина вышло в свет.

Часть I

ИВАН СУСАНИН:

служба и кровь

Пролог

24 августа 1619 года* Москва провожала уезжавших на богомолье молодого царя Михаила Федоровича Романова и его мать Марфу Ивановну. Впервые за шесть лет с тех пор, как весной 1613 года Михаил и Марфа Ивановна приехали в разорённую Москву из костромского Ипатьевского монастыря, они покидали столицу и ехали столь далеко. Путь их лежал через Троице-Сергиев монастырь, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому...** Из Костромы Романовы направились в находящееся в северной части Костромского уезда село Домнино — родовую вотчину Марфы Ивановны. Проведя в Домнине два дня,*** царь и его мать направились к конечной цели своего путешествия — на реку Унжу, в небольшую обитель преподобного Макария Унженского и Желтоводского. Последние двадцать вёрст до монастыря царь и сопровождавшие его сановники шли пешком...

Причины царской поездки хорошо известны: её цель — принести молебные благодарения "по обещанию" у гроба преподобного Макария в связи с возвращением из восьмилетнего польского плена отца царя, Филарета Никитича. Совсем недавно, под Вязьмой, Филарет был наконец обменен на полковника Струся, бывшего начальника польского гарнизона Московского кремля, и 14 июня торжественно въехал в белокаменную, где на церковном соборе 24 июня состоялось его возведение в сан патриарха;[4] и

---

* По другим данным, их отъезд состоялся 19 августа.[1]

** В Костроме, куда царь и его мать прибыли вечером 10 сентября, они посетили Успенский собор, а также Ипатьевский и Богоявленский монастыри. В Успенском соборе перед главной святыней костромского края - Федоровской иконой Божией Матери, которой Михаил Романов был благословлён на царство 14 марта 1613 года, - они, как писал Михаил Федорович отцу: "...всенощная пения и утрени, и литоргии, и молебныя благодарения принести нас сподобил Бог".[2]

*** В Домнино Романовы прибыли вечером 17 сентября, а уехали 20 сентября.[3]

вот, оставив главу семьи в Москве, его сын и жена совершают благодарственное паломничество к "цельбоносному гробу" унженского чудотворца... Уже в дороге Михаила Федоровича и Марфу Ивановну догоняет известие об официальной канонизации преподобного Макария Унженского и Желтоводского в качестве общерусского святого (указание о расследовании чудес, происходивших у гроба преподобного было едва ли не самым первым актом Филарета как патриарха)[5].

Среди историков долгое время не вставал вопрос о том, почему благодарственную поездку по столь важному поводу царь Михаил Федорович совершил именно в эту достаточно скромную и сравнительно мало тогда известную унженскую обитель. Первым обратил на это внимание костромской краевед В. В. Беляев, писавший в начале XX века: "...невольно возникает вопрос. Разве не было других величайших чудотворцев, как преподобный Сергий Радонежский, Савва Звенигородский, Пафнутий Боровской, Печерские Антоний и Феодосий, Соловецкие Зосима, Савватий и Герман и многие другие, которых бы можно было почитать молодому царю, но ни одному из них, кроме преподобного Макария царь Михаил Федорович не принёс таких благодарственных молитв, как ему одному".[6]

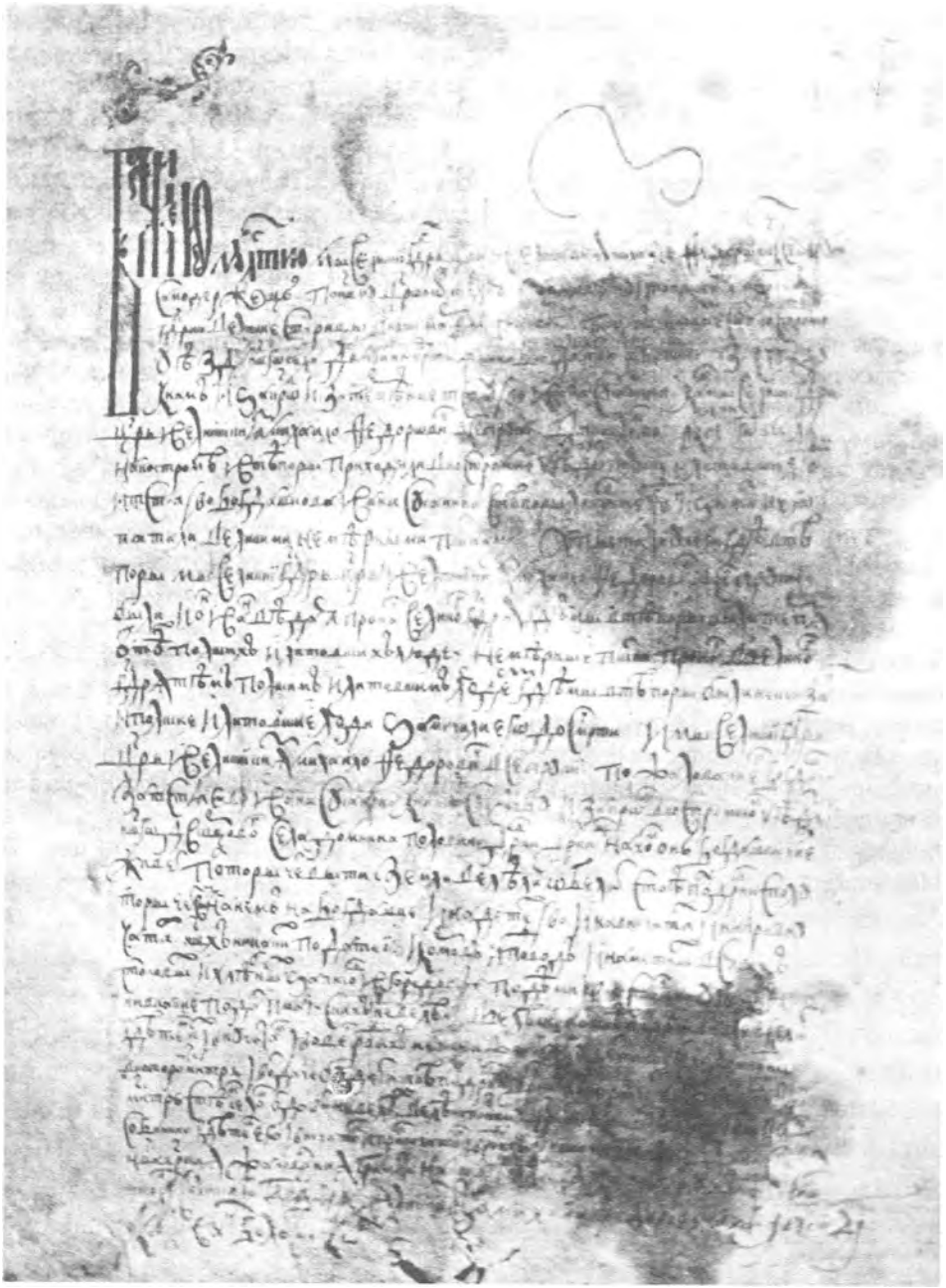
Вопрос В.В. Беляева совершенно резонен, к тому же он имеет прямое отношение к сусанинской истории, и ниже мы ещё вернёмся к нему.

Проведя в Макариевом монастыре на Унже несколько дней* , мать и сын Романовы в начале октября выезжают в обратный путь и 2 ноября возвращаются в столицу. В конце этого же месяца, 30 ноября 1619 года, Михаилом Федоровичем была выдана жалованная грамота, начинающаяся словами: "Божией милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович, всея Русии самодержец, по нашему царскому милосердию, а по совету и прошению матери нашея, государыни, великия старицы инокини Марфы Ивановны, пожаловали есма Костромского уезда, нашего села Домнина, крестьянина Богдашка Собинина, за службу к нам, и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина..."** Этой грамотой как бы окончательно была подведена черта под земной жизнью Ивана Сусанина и начиналась его иная – посмертная – жизнь в истории России.

---

* Михаил Федорович писал отцу 30 сентября из монастыря: "Во обители пребезначальныя Троицы, у целбоноснаго гроба великого в чудесех преподобного отца Макария всенощная пения и утренняя литургия и молебныя благодарения, по обещанию нашему, сподобил нас Бог совершити".[7]

** Учитывая принципиальную важность этой грамоты для нашей темы, приводим её текст целиком: "Божиею милостию, мы, великий государь, царь и



Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Романова зятю Сусанина Богдану Собинину от 30 ноября 1619 года. Фото начала XX века.

великий князь Михайло Федорович, всея Русии самодержец, по нашему царскому милосердию, а по совету и прошению матери нашея, государыни, великия старицы инокини Марфы Ивановны, пожаловали есма Костромского уезда, нашего села Домнина, крестьянина Богдашка Собинина, за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии в прошлом 121 (1613) году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии были, и он Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а польские и литовские люди замучили его до смерти. И мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии пожаловали его, Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина к нам службу и за кровь в Костромском уезде нашего дворцового села Домнина половину деревни Деревнищ, на чем он, Богдашка, ныне живет, полторы чети выти земли велели обелить с тое полу-деревни, с полторы чети выти на нем, на Богдашке, и на детях его, и на внучатах, и на правнучатах наших никаких податей и кормов, и подвод, и наметных всяких столовых и хлебных запасов, и в городовые поделки, и в мостовщину, и в иныя ни в какия подати имати с них не велели; велели им тое полдеревни во всем обелить и детям их, и внучатам, и во весь род неподвижно. А будет то наше село Домнино в который монастырь и в отдаче будет, тое полдеревни Деревнищ, полторы чети выти земли ни в который монастырь с тем селом отдавать не велели, велели по нашему царскому жалованью владеть ему, Богдашке Собинину, и детям его, и внучатам, и в род их во веки неподвижно. Дана сия наша царская жалованная грамота в Москве лета 7128 (1619) ноября в 30 день".[8]

Глава I

РОМАНОВЫ И ИВАН СУСАНИН

Романовы и костромской край

История сусанинского подвига неотделима от темы "Романовы и костромской край", поэтому рассмотрим вопрос о связи царя Михаила Федоровича Романова, его отца Федора Никитича (в иночестве Филарета) и его матери Ксении Ивановны Шестовой (в иночестве Марфы) с костромской землёй.

Шестовы – предки Михаила Федоровича по матери – издавна владели вотчинами в Костромском и Галичском уездах. Дед Ксении Ивановны, Василий Михайлович, а затем и её отец, Иван Васильевич, приходившиеся Михаилу Федоровичу, соответственно, прадедом и дедом, владели в северной части Костромского уезда довольно большой вотчиной с центром в селе Домнине.* Им же, по-видимому, принадлежала находившаяся неподалёку вотчина с центром в селе Зогзине, ** а также довольно крупные владения в соседнем Галичском уезде.[2] В костромском кремле Шестовы, подобно многим боярским и дворянским родам, имели свой так называемый осадный двор.[3] Будучи, судя по всему, единственным ребёнком у своих родителей, Ксения Ивановна унаследовала все их костромские владения.

---

* Брату Василия Михайловича Шестова, Григорию Михайловичу, во второй половине XVI века принадлежало на правах вотчины находящееся неподалеку от Домнина село Молвитино (ныне посёлок Сусанино, центр Сусанинского района) с близлежащими деревнями.[1]

** Ныне – деревня Зогзино возле посёлка Сусанино.

Год рождения Ксении Ивановны нам неизвестен, не знаем мы, и где она родилась. В литературе иногда говорится о незнатности матери первого царя из рода Романовых, однако это не так. Ксения Ивановна принадлежала к весьма знатному роду – своим предком Шестовы считали приехавшего в начале XIII века в Новгород из Пруссии некоего Мишу Прушанина (сын которого, Терентий Михайлович, отличился в знаменитой Невской битве), бывшего, в свою очередь, общим предком нескольких родов старинной русской знати – Салтыковых, Морозовых, Шеиных и др., приходившихся, таким образом, Шестовым роднёй.[4]

Около 1590 года Ксения Шестова была выдана замуж за Федора Никитича Романова, представителя старомосковского боярского рода. Федор Никитич родился около 1555 года, следовательно, женился он примерно в 35 лет. Отец Федора Никитича, Никита Романович, был известным деятелем эпохи Ивана Грозного, а его сестра, Анастасия Романовна, была, как известно, первой супругой Ивана Грозного и матерью царя Федора Ивановича, занявшего трон после смерти отца в 1584 году, – таким образом, муж Ксении Ивановны приходился царю Федору Ивановичу двоюродным братом.

Романовы также были издавна связаны с костромским краем – и по службе, и как вотчинники. Крупными земельными владениями в Костромском и Галичском уездах располагали братья Федора Никитича – Михаил Никитич и Иван Никитич. Михаил Никитич владел обширными именьями возле Нерехты ("в Костромском уезде, в волости в Нерехте"[5]). Ещё большие владения имел Иван Никитич, вообще бывший одним из наиболее крупных костромских вотчинников, – его собственностью была почти вся Верховская волость Унженской осады Галичского уезда, занимавшая правый берег реки Унжи от г. Унжи* до нынешнего Кологрива. В состав его "княжества" – как называл эту необычайно крупную для того времени вотчину историк Н.Н. Виноградов – входило 140 селений, в которых проживали около 3500 душ крестьян обоего пола.[6] Федор Никитич, конечно, также имел земельные владения в костромском крае, но данных об этом не сохранилось, так как после годуновской опалы все владения были конфискованы.

Считается, что вотчина Шестовых с центром в селе Домнине была отдана Ксении Ивановне в приданое, когда она вышла замуж, и владельцем вотчины стал Федор Никитич, но для местных жителей хозяйкой, по-видимому, оставалась Ксения Ивановна. Так как домнинская вотчина и стала местом сусанинского подвига, расскажем о ней подробнее.

---

* Ныне – село Унжа Макарьевского района.

Село Домнино. Церковь Успения Божией Матери, построенная на месте двора Марфы Ивановны. Фото Г.П. Белякова. 1995 г.

Мемориальная доска внутри Успенской церкви, установленная в середине XIX века. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

Село Домнино и домнинская вотчина

Центром костромской вотчины Романовых было – и поныне находящееся более чем в пятидесяти километрах к северо-востоку от Костромы – село Домнино. На начало XVII века Домнино с округой относилось к Шачебольскому стану Костромского уезда.*

Когда на возвышенности над низиной, по которой протекает река Шача, – левый приток реки Костромы – возникло это село, нам неизвестно, но, по-видимому, оно весьма древнее. Название "Домнино" происходит, конечно, от женского имени "Домна" ("госпожа" по латыни) – вероятнее всего, это было имя вдовы или дочери кого-то из первых владельцев села (или Шестовых, или же тех, кому село принадлежало раньше). С какого времени Домнино стало вотчиной Шестовых, мы не знаем; выше уже писалось, что, по крайней мере, большую часть XVI века Шестовы – дед Марфы Ивановны Василий Михайлович и его сын, отец Марфы Ивановны, Иван Васильевич – владели Домниным (не зря Марфа Ивановна называла Домнино "своей старинной и прародительской вотчиной").

---

* Позднее, в XVIII– нач. XX веков, эта территория относилась к Буйскому уезду, с 1928 года – к Молвитинскому району (после переименования в 1939 году села Молвитина в Сусанино этот район называется Сусанинским).

Судя по всему, в вотчину получил Домнино дед Марфы Ивановны, Василий Михайлович Шестов (так как в XVI веке правительство очень редко давало населённые земли в вотчину,[8] то можно предположить, что Василий Михайлович был награждён Домниным на правах вотчины за какие-то особые заслуги). Известно, что в 1577 году его дети, Иван и Пётр Васильевичи Шестовы, продали Домнино Т.К. Яковлеву,[9] но, по-видимому, в очень скором времени оно было выкуплено обратно, и при выходе Ксении Ивановны замуж дано ей в приданое.

В Домнине, как в центре домнинской вотчины, находился боярский двор – предание указывает, что он был на месте ныне существующей Успенской церкви, и нет никаких оснований сомневаться в этом.* К сожалению, до нас не дошло описание этого двора, но усадьбы вотчинников в то время, как и более позднее, представляли собой целый комплекс жилых и хозяйственных построек, включавший хоромы хозяев, людскую избу, амбары, житницы, клети, сенник, конюшенный и скотный дворы и т.д. Конечно, не был в этом отношении исключением и двор Шестовых.

Возле хором возвышалась деревянная шатровая церковь в честь Воскресения Христова. Впервые в письменных источниках она упоминается в писцовой книге 1628 года, где сказано: "...а в селе церковь Воскресение Христово, а в церкви образы и свечи и книги и ризы и колокола и всякое церковное строение прежних вотчинников и мирское..."[11] Если жилые хоромы Шестовых действительно находились на месте нынешней Успенской церкви, то – поскольку известно, где была Воскресенская церковь, – получается, что церковь в селе Домнине стояла в самой непосредственной близости от хором. Судя по всему, Воскресенская церковь была усадебной, подобно тем церквам при дворянских усадьбах XVIII-XIX веков, каких из-

---

* Впервые о том, что двор Марфы Ивановны находился на месте Успенской церкви в Домнине, было сообщено в 1854 году в статье "Известие о селе Домнине, Костромской губернии, и об исправлении в оном церкви", где говорилось: "В селе Домнине священно-служители и крестьяне единогласно подтверждают, что на месте нынешней каменной церкви, стояли древние боярские хоромы и назад тому не более 70 лет, сгорели от большого пожара, при постройке нынешней церкви, основание которой положено в 1809 году, при кладке фундамента рабочие встречали многие затруднения, находя срубы, брёвна и ямы, что, по мнению жителей, ясно доказывает место бывшего боярского дома".[10]

На сохранившейся доныне памятной доске, укреплённой на стене внутри Успенской церкви в Домнине, написано: " Во славу Бога храм сей ... сооружён прихожанами на месте дома Ксении Ивановны Шестовой, матери царя Михаила Феодоровича".

Храмовая икона Воскресения Христова из Воскресенской церкви в Домнине (в позднем окладе). После упразднения храма была перенесена в Успенскую церковь. Фото Н.М. Бекаревича. 1895 г.

вестно немало. В пользу этого предположения говорит то, что церковь в Домнине состояла из одного храма, в то время как подавляющее большинство деревянных церквей в ту эпоху состояли из двух храмов: летнего и зимнего. Из грамоты Марфы Ивановны 1631 года мы знаем, что Воскресенская церковь в Домнине была шатровой – вероятно, это был монументальный храм, гордо возносящийся над шачинской долиной. Поскольку шатровые деревянные храмы, как правило, были летние (т.е. не отапливались, и в них служили только в тёплое время года), то, возможно, что при церкви в начале XVII века был отапливаемый придел.

Велико ли было Домнино на 1612 – 1613 гг., нам неизвестно. Местный краевед священник А.Д. Домнинский* полагал, что в начале XVII века в Домнине крестьяне не жили и что здесь стояла лишь барская усадьба с церковью и жили дворовые и церковный причт. Однако, из грамоты Марфы Ивановны от 1631 года (подробнее об этой грамоте мы будем говорить ниже) нам известно, что на этот год в Домнине, кроме боярского двора, было четыре двора церковного причта и семь крестьянских дворов.** Маловероятно, чтобы за 18 лет после 1612 – 1613 гг. число жителей села сильно увеличилось, и, скорее всего, примерно столько же дворов (т.е. не меньше четырёх десятков жителей) было в Домнине и в рассматриваемое время.

Домнино было центром довольно крупной вотчины, включавшей в себя также сельцо Спас-Хрипели (о нём подробнее ниже) и несколько деревень и починков.*** Большинство из этих деревень являлись типичными для того времени небольшими селениями в несколько крестьянских дво-

---

* К труду о Сусанине А.Д. Домнинского мы будем обращаться неоднократно, и поэтому о нём необходимо рассказать. Протоиерей Алексей Данилович Домнинский – представитель старинного священнического рода, служившего в Домнине непрерывно на протяжении нескольких веков. (Один из прямых предков о. Алексея Домнинского – священник о. Евсевий – служил в Домнине ещё при Сусанине; на укоренённость потомков о. Евсевия в Домнине указывает и фамилия о. Алексея – Домнинский, так как в первой половине XIX века сыновьям священников при поступлении в семинарию фамилию чаще всего давали по храму или селу, откуда был родом семинарист.) А.Д. Домнинский родился в Домнине, видимо, в конце XVIII века, в 1818 году окончил Костромскую духовную семинарию, после чего свыше 50 лет прослужил священником в родном селе.[12] В 1871 году в журнале "Русский архив" был опубликован труд А.Д.Домнинского "Правда о Сусанине" – одна из наиболее значимых работ, посвящённых Ивану Сусанину. Неизвестно, дожил ли о. Алексей до его выхода из печати, так как он умер, по-видимому, в 1870 году.

** На 1631 год в Домнине были: "...двор попа Евсевия, двор церковного дьячка Второва, двор пономаря Гришки, двор бобыля Васки Федорова, двор бобыля Олешки Артемьева, двор бобыля Спиридонка Федорова, двор бобыля Первушки Винокурова у него сын Федка, двор дьячка Бориса Ондреева".[14]

*** В состав домнинской вотчины на 1631 год входили деревни: Голодаева, Ефаново, Копнино, Бузлуево, Свирлова, Рыбина, Юраки, Нестерово, Коростели, Коровина, Жары, Стуглево, Высокое, Перевоз, Холм, Антипино, Родихино, Ивашево, Гридино, Павлово, Деревеньки, Якимово, Кондратово, Зимина, Ортемово, Давыдово, Маврино; починки: Оксенов, Линяков, Кисели, Рагозки, Макаров, Долматов, Березники, Горчаки, Копцов, Овсяников, Докукино.[15] Всего в вотчине в то время было 49 селений, в которых имелось 275 дворов и проживало около 1650 душ обоего пола.[16]

Село Исупово. Сразу за домами начинается бескрайнее болото (вид с колокольни церкви). Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

ров (редкое исключение – находившаяся близ села Домнина деревня Перевоз, в которой на 1631 год было 13 крестьянских дворов).

Возле Домнина проходила так называемая большая Вологодская дорога, соединявшая Кострому с находящимися севернее городами – Галичем, Чухломой, Солью Галицкой и Вологдой.[17]

В непосредственной близости от Домнина, к югу, начиналось раскинувшееся на много вёрст в огромной котловине болото, которое местные жители с незапамятных времён называют "Исуповским" (по селу Исупову, находящемуся за болотом) или "Чистым".*

---

* По мнению некоторых исследователей, название болота – "Чистое" – будто бы, связано с гибелью Сусанина. Первым об этом высказался А.Д. Домнинский, написавший, что болото " носит издревле сие имя потому, что орошено страдальческой кровию незабвенного Сусанина...".[18] Вслед за ним эту же мысль в виде предположения повторил Л.П. Скворцов, заметивший: "... болото это жители называют Чистым, – не потому ли, что считают его очищенным кровью Сусанина-мученика?"[19] Однако это, конечно, не так. Название "Чистое" явно появи-

В Домнине, судя по всему в самой усадьбе, и жил главный герой нашего исследования – Иван Сусанин.

Иван Сусанин

Что известно нам достоверного о Сусанине? Крайне мало, почти ничего. Любопытно его прозвание, ведь "Сусанин" – это не фамилия в нашем понимании, которых в те времена у крестьян не было. Прозвание же давалось, как правило, по имени отца – вспомним, например, Кузьму Минина, прозываемого Мининым потому, что отца знаменитого нижегородца звали Миной; внук Сусанина Даниил, сын его зятя Богдана Собинина, опять-таки по отцу проходил в документах как "Данилко Богданов" и т.д. Прозвание Сусанин явно происходит от женского имени Сусанна ("белая лилия" по-древнееврейски; такое имя носила одна из жён-мироносиц). Вероятнее всего, Сусанной звали мать Ивана Сусанина, и прозвание по имени матери позволяет нам предположить, что Сусанин рос без отца, может быть, умершего, когда его сын был совсем маленьким. В литературе о Сусанине обычно сообщается его отчество – Осипович, но оно является вымышленным. В источниках XVII века ни о каком отчестве Сусанина не упоминается, и это естественно, так как официальных отчеств крестьянам тогда и не было положено: они являлись привилегией лишь бояр и дворян. Если бы отца Сусанина действительно звали Осипом (Иосифом), то тогда его прозвание было бы Осипов, а не Сусанин.*

Одним из важнейших является вопрос – кем был в домнинской вотчине Иван Сусанин? В документах XVII века об этом ничего не говорится.

лось задолго до гибели Сусанина – в известных нам документах оно впервые упоминается под 1629–1630 годами,[20] но возникло, конечно, намного раньше. Этот топоним является распространённым в России наименованием моховых, безлесных болот, обильных клюквой.[21]

* Историки XVIII– первой половины XIX веков также именовали Сусанина без отчества. Кажется, первым дал Сусанину вымышленное отчество ("Иванович") Н.А. Полевой в драме "Костромские леса", опубликованной в 1841 году. Отчество "Осипович" впервые появилось в популярной литературе 60-х годов XIX века и постепенно – хотя профессиональные историки его обычно не использовали – стало употребляемым повсеместно. Впервые его достоверность была поставлена под сомнение лишь в очередном томе "Русского биографического словаря", вышедшего в 1912 году, где было замечено, что отчество "Осипович" "вероятно, но не достоверно".[22]

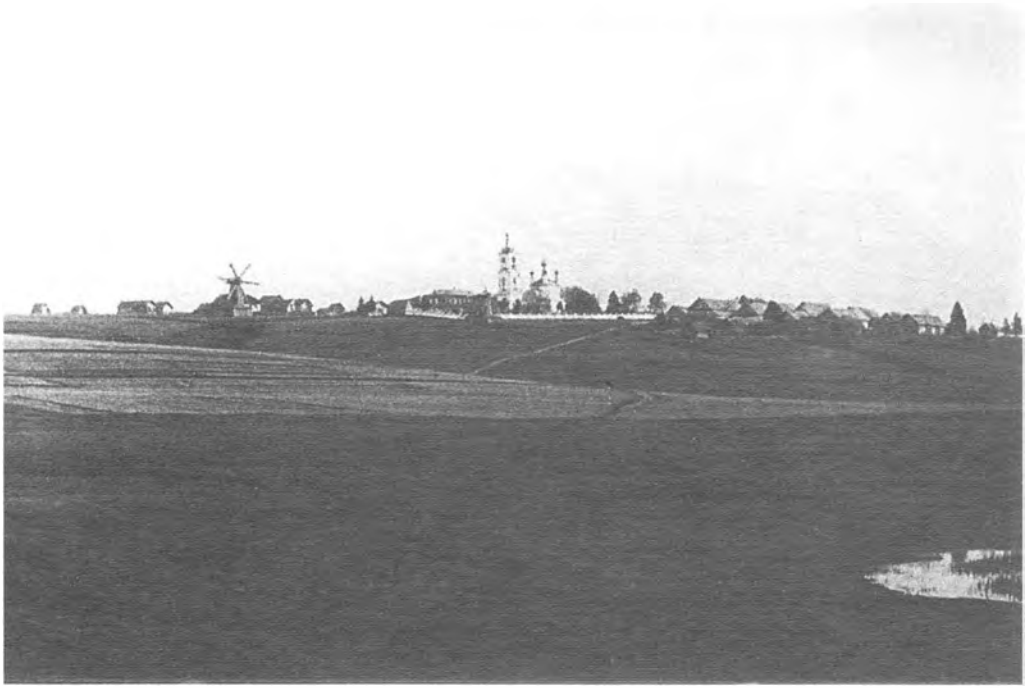
Деревня Деревеньки – родина Ивана Сусанина.
Фото Н.М. Бекаревича. 1895 г.

Историки XVIII–XIX веков обычно называли его крестьянином. Протоиерей А.Д. Домнинский, ссылаясь на бытовавшие в Домнине предания, первым указал, что Сусанин был не простым крестьянином, а вотчинным старостой. Он писал: "Что Сусанин был старостою вотчинным, это я считаю достоверным потому, что слышал об этом от двоюродного деда моего, престарелого священника села Станков Михаила Федорова, воспитанного, вместе с родным моим дедом, у деда их, а моего прапрадеда, домнинского священника Матвея Стефанова, урожденца домнинского и умершего около 1760-го года, а сей был внук домнинского священника Фотия Евсевиева – самовидца упомянутого события. Сей в дарственной грамоте от великой старицы Марфы Иоанновны в 1631-м году записан дьячком при отце своём священнике Евсевии".[23] В другом месте он вновь повторяет: "Домнинские старые крестьяне тоже говорили, что Сусанин был старостою".[24] После А.Д. Домнинского некоторые авторы стали именовать Сусанина приказчиком Марфы Ивановны, и, видимо, это соответствует действительности. Как

Дом в д. Деревеньки, стоящий на месте, где, по преданию, находился дом Богдана Собинина. Фото Н.М. Бекаревича. 1895 г.

известно, в боярских вотчинах XVI–XVII веков было два основных должностных лица: староста и приказчик. Староста являлся выборным лицом местной общины ("мира"), приказчик же (или "посельский") назначался владельцем вотчины. Н.П . Павлов-Сильванский писал: "Управление и хозяйство господского имения обыкновенно были в руках уполномоченного господином приказчика /посельского/... Посельский заведовал собственным хозяйством господина на боярской земле, в отношении же участков, занятых крестьянами как самостоятельными хозяевами, он был только сборщиком оброков и податей, а также судьёй и управителем. Вознаграждением ему служило пользование пожалованным участком земли в особенности особые пошлины, которые он собирал с крестьян в свою пользу".[25] Историк продолжает: "Господский приказчик (...посельский) не был полновластным управителем; его власть была ограничена выборным старостой и мирскою сходкою общины".[26]

Судя по всему, Сусанин был не выборным старостой, а именно приказчиком (посельским), управляющим домнинской вотчиной и живущим в



Село Спас-Хрипели. В центре – Спасо-Преображенский храм. Фото Н.М. Бекаревича. 1895 г.

Домнине при боярском дворе. Этому выводу отнюдь не противоречит то, что А.Д. Домнинский называет Сусанина "вотчинным старостой". Во-первых, ещё в старину термин "староста" имел и значение "управитель".[27] Во-вторых, ко временам А.Д. Домнинского этот термин несколько изменил своё значение, которое он имел в XVII веке, и из обозначения выборного лица, выполнявшего ряд важных мирских функций, стал – по крайней мере, в дворянских поместьях – также синонимом слов "приказчик", "управитель", "бурмистр".*

О семье Сусанина нам также известно крайне мало. Поскольку ни в документах, ни в преданиях не упоминается о его жене, то, скорее всего, к 1612–1613 гг. она уже умерла. У Сусанина была дочь Антонида, бывшая замужем за местным крестьянином Богданом Собининым. О её замужестве нам известно только на 1619 год, но, судя по тому, что Собинин умер к

---

* В словаре В.И. Даля читаем: "Староста вообще старшина, большак, начальник по выбору, или поставленный, из того же сословия. Сельский, деревенский староста, выборный. Барский староста, бурмистр, управитель из крестьян".[28]

1631 году, а его сыновья Даниил и Константин числились на этот год хозяевами двора, [29] можно уверенно предполагать, что Антонида к 1612–1613 гг. уже была замужем и что, скорее всего, к этому времени уже появились на свет внуки Сусанина, дети Богдана и Антониды – Даниил и Константин (по крайней мере, Даниил – явно бывший старшим).

О Богдане Собинине нам известно ещё меньше, чем о его знаменитом тесте. Мы знаем, что Собинин был местным крестьянином; прозвание его, скорее всего, происходит от старинного имени "Собина"*, как, видимо, звали его отца. Как говорилось выше, на 1612–1613 гг. он, вероятно, уже был женат на дочери Сусанина. В литературе обычно пишется, что Собинин был сирота или приёмыш Сусанина, стараясь тем самым объяснить тот факт, что, судя по всему, не Антонида пошла к нему в семью, а он пошёл во двор, принадлежавший, видимо, его тестю.

Согласно преданиям, родом Сусанин был из находившейся неподалёку от Домнина деревни Деревеньки**, но сам жил в Домнине, а в Деревеньках жили Богдан и Антонида.

---

* С.Б. Веселовский в своём "Ономастиконе", указав несколько примеров имён "Собина", пишет: "Собина, опричнина – личное имущество, пожитки, приданое в противоположность родовому имуществу".[30] Ю. Федосюк пишет: "В русских говорах собина, собинный означало "свой собственный, родной". Такое имя охотно давалось ребёнку наряду с церковным. "Собина, собинка ты моя!" – ласково приговаривала мать, и значило это: "Милый ты мой, родной!"[31]

В литературе сусанинского зятя называют то Собининым, то Сабининым. Правильным, конечно, является написание "Собинин" – так пишется всегда в источниках XVII века.

** В источниках XVII века эта деревня называется по-разному. Историк Н.Н. Виноградов, первым отметивший это, писал: "В грамотах Михаила Фёдоровича 7128/1619 и 7141/1633 гг. деревня именуется Деревнищами, в то время как в писцовых книгах и других документах местного характера, равно как и в завещании Марфы Иоанновны – везде встречается название Деревеньки.

Последнее название нужно считать за несомненно настоящее, так как в писцовые книги вносились данные после проверки их писцами лично на местах, а в грамоты, написанные дьяками в Москве и переписанные с малоразборчивых оригиналов, легко могли войти ошибочные наименования. Я не говорю уже о документах местного характера, писцам которых непростительно было не знать географического названия той местности, о которой идёт речь, а в них везде встречается название Деревеньки.

За большую достоверность последнего чтения говорит и тот факт, что родина потомков Сусанина называется Деревеньками и в настоящее время".[32]

Н.Н. Виноградов, наверное, прав, однако возможно и другое объяснение. Заметим, что впервые деревня названа "Деревнище" в 1619 году (повторение

Деревня Деревеньки издавна относилась к церковному приходу погоста Спас-Хрипели* – он находился над речкой Шачей, тремя верстами ниже Домнина. Впервые в известных нам источниках погост упоминается в грамоте Марфы Ивановны от 1631 года, где сказано: "… сельцо Храпели, а в нём храм во имя Боголепное Преображение Господа нашего Исуса Христа, да другой храм тёплой с трапезою во имя Архистратига Михаила…",[36] однако, безусловно, что это селение возникло задолго до начала XVII века (в одном документе 1629–1630 гг. про церковь Михаила-Архангела говорится, что она "ветха").

По-видимому, именно погост в Спас-Хрипелях был главным религиозным центром для крестьян домнинской вотчины (Воскресенская церковь в Домнине, как мы помним, явно была усадебной), в том числе, конечно, и для Ивана Сусанина. Вероятнее всего, что именно здесь он был крещён, здесь венчался и крестил дочь Антониду; на приходском кладбище у стен Преображенского и Михайло-Архангельского храмов, конечно, похоронили его мать (которую, видимо, звали Сусанной) и неизвестную нам жену, мог быть похоронен тут и его отец. Здесь же, в погосте Спас-Хрипели над Шачей, судя по всему, был первоначально предан земле (об этом ниже) и сам Иван Сусанин.

названия в грамоте 1633 года вызвано тем, что в тексте последней переписана значительная часть грамоты 1619 года), в более позднем документе – завещании Марфы Ивановны 1631 года – деревня названа "Деревеньки". Вполне возможно, что здесь имеет место ошибка, о которой пишет Н.Н. Виноградов, но возможно и то, что между 1619 и 1631 гг. произошло переименование деревни. Слово "деревнище" означает место, на котором была деревня[33] (так же, как и городище – место, где был город, церковище – место, где была церковь, усадище – место где была усадьба и т.д.). Вполне возможно, что на этом месте когда-то была деревня, потом она исчезла и возродилась вновь под именем Деревнище. Затем по какой-то причине Деревнище могли переименовать в Деревеньки.

* В грамоте Марфы Ивановны 1631 года Хрипели именуются в одном месте "сельцом", в другом – "селом",[34] однако в документах 1629–1630 гг. Хрипели названы "погостом",[35] что, видимо, более правильно (примечательно, что где-то в непосредственной близости от погоста находились деревни Большие и Малые Хрипели).

Глава 2

РОМАНОВЫ: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Романовы в конце XVI – начале XVII веков

Семейная жизнь Федора Никитича и Ксении Ивановны уже с первых лет была омрачена большим горем: один за другим умирали, прожив по несколько лет, их дети – Борис, Никита, Лев, Иван…* А вскоре колесница истории едва не раздавила и всю их семью. Как известно, после смерти, в январе 1598 года, бездетного царя Федора Ивановича и пресечения, таким образом, династии Ивана Калиты Федор Никитич Романов был одним из двух – наряду с Борисом Годуновым – основных кандидатов на царский престол. Однако победителем в этой борьбе вышел Борис Годунов, сестра которого, Ирина, была женой покойного царя Федора и в чьих руках в последние годы находились все реальные рычаги власти в государстве. Овладев троном, Годунов в 1600-1601 годах подверг опале почти всех Романовых, обвинив их в заговоре против себя. Трудно сказать, действительно ли дети Никиты Романовича готовили что-то против нового царя или Борис, воспользовавшись подходящим предлогом, решил устранить потенциально опасных соперников. Во всяком случае, по воле Годунова практически

---

* Борис (названный, видимо, в честь Бориса Годунова) умер 20 ноября 1592 года, Никита – 29 ноября 1593 года, Лев – 21 сентября 1597 года, Иван – 7 июля 1599 года.[1] Все они были похоронены в московском Новоспасском монастыре – традиционном месте погребения Романовых "доцарского" периода.

Федор Никитич Романов (в монашестве Филарет) – отец первого царя из рода Романовых.

весь род Романовых оказался в местах не столь отдалённых.** Глава рода, Федор Никитич, был сослан на архангельский север в далёкий Антониево-Сийский монастырь, где был насильственно пострижен в монахи и получил новое монашеское имя Филарет (пострижение в то время являлось также и формой политического убийства, при котором, не проливая крови,

** Сосланы были все четыре брата Федора Никитича: Александр Никитич – в Усолье-Луду, к Белому морю; Михаил Никитич – в Пермскую землю, в Чердынь; Иван Никитич – в Пелым (Западная Сибирь), Василий Никитич – в Яренск (архангельский север). Сослали с мужьями и сестёр Федора Никитича, а также его тёщу – мать Ксении Ивановны Марию Шестову, постриженную в монахини и отправленную в Никольский монастырь в Чебоксары.[2]

Марфа Ивановна Романова (в миру Ксения Ивановна, урождённая Шестова) – мать первого царя из рода Романовых.

выводили соперника из борьбы, в данном случае – за трон). Такая же судьба постигла и Ксению Ивановну – её также постригли в монахини и под новым именем, Марфы, сослали в Заонежье, в Толвуйский погост. Не пощадили и детей Федора Никитича и Ксении Ивановны, которых у них было двое – Татьяна, что постарше (её точный год рождения не известен), и пятилетний Михаил, родившийся в Москве 12 июля 1596 года. Вместе с князем Б.К. Черкасским и его женой (своей тёткой) Марфой Никитичной и второй тёткой, Анастасией Никитичной, в июне 1601 года они были сосланы в Белоозеро (г. Белозерск).

Дальнейшая судьба будущего царя из династии Романовых вызывает споры. В 1602 году по случаю женитьбы своего племянника, И.И. Годуно-

ва, на Ирине Никитичне Романовой (единственной представительнице своего рода, избежавшей, судя по всему, ссылки) Борис Годунов смягчил участь некоторых – Ивану Никитичу, Марфе Никитичне (муж которой, князь Б.К. Черкасский, уже умер в ссылке), Анастасии Никитичне и их племянникам – Татьяне и Михаилу – было разрешено поселиться в одной из родовых вотчин Романовых – в селе Клины Юрьев-Польского уезда, где они и пробыли под надзором приставов до падения Годуновых в 1605 году.[3]

Долгое время эти факты не вызывали сомнения, однако в 1907 году в Петербурге вышла книга макарьевского краеведа В.В. Беляева "История г. Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Феодоровича", в которой была выдвинута иная версия о том, где жил будущий первый царь из рода Романовых в период с 1602 по 1605 годы.

Пожалуй, единственной заслугой этой книги – необычайно сумбурной, местами поразительной по невежеству и самой необузданной фантазии автора – было то, что В.В. Беляев в ней впервые поставил вопрос (мы цитировали его выше) о причинах необъяснимой, на первый взгляд, привязанности к Макариево-Унженскому монастырю Михаила Романова и его родителей. К сожалению, ответ на этот вопрос В.В. Беляев дал совершенно фантастический. Значительная часть его книги была посвящена доказательству того, что строитель Макариева монастыря на рубеже XVI-XVII веков Давид (Хвостов) и казанский митрополит Ефрем – как старший в церковной иерархии, венчавший в 1613 году в Успенском соборе Московского кремля на царство Михаила Романова – это одно и то же лицо.[4] Причём, на страницах книги этот Давид-Ефрем вырос в фигуру грандиозного масштаба, управлявшую, целенаправленно готовя трон для Михаила Федоровича, чуть ли не всеми событиями Смутного времени. Основное внимание исследователей, откликнувшихся на книгу В.В. Беляева, было уделено разгрому версии о тождестве строителя Давида и митрополита Ефрема, * объяснению же В.В. Беляевым вопроса о причинах привязанности Романовых к обители преподобного Макария, к сожалению, должного внимания уделено не было.

---

* Наиболее веско об этом высказался П.С. Троицкий, заметивший, что В.В. Беляев и те, кто его поддерживают, "по-видимому, незнакомы с практикой церкви, при которой при хиротонии не переменяется имя..."[5] (т.е. если бы Давид и был возведён в сан епископа, а затем и митрополита, то он всё равно бы остался Давидом, а никак не стал бы Ефремом). Незнание подобных вещей особенно непростительно В.В. Беляеву, происходившему, как видно из его книги, из духовного сословия.

Для объяснения загадки привязанности Романовых к Макариево-Унженскому монастырю краевед выдвинул – в крайне уверенном тоне – версию, согласно которой, Михаил со своими родственниками, во-первых, был отправлен не в село Клины Юрьев-Польского уезда, а в село Клоны, входившее на рубеже XX века в состав Юрьевецкого уезда Костромской губернии и находившееся сравнительно недалеко от Макариева монастыря.[6] Во-вторых, В.В. Беляев предположил, что, формально числясь проживающим в этом селе, фактически будущий царь время с 1602 по 1605 год провёл в Макариевом монастыре под присмотром строителя Давида (Хвостова)[7], из-за чего позднее Михаил и его родители, будто бы, и стали так почитать эту обитель. Конечно, беляевская версия не подкреплена никакими доказательствами и рассыпается в прах при малейшем её рассмотрении, начиная от тождественности Давида и Ефрема и кончая тождественностью находящихся в разных местах сёл Клины и Клоны (серьёзные исследователи никогда не сомневались в том, что после Белоозера Михаил Романов три года провёл в селе Клины Юрьев-Польского уезда[8]). Однако некоторые костромские краеведы (в частности, Л.П. Скворцов[9]) активно поддержали версию В.В. Беляева – ведь казалось, что она наконец-то разрешила загадку о причинах столь явной привязанности Романовых к монастырю на Унже (наш ответ на эту загадку, имеющую прямое отношение к сусанинской истории, мы дадим чуть ниже).

Романовы в 1605 – 1612 годы

Поразительные события, связанные с падением Годуновых и воцарением в Москве Лжедмитрия I-го, принесли Романовым освобождение. В 1605 году все они – Филарет Никитич, Марфа Ивановна, Михаил и Татьяна – наконец собрались в Москве. Вскоре Филарет был возведён в сан митрополита и поставлен во главе старейшей русской епархии – Ростовской митрополии. Однако последующие бурные события начинающейся великой Смуты вновь разметали их семью. В октябре 1608 года во время захвата Ростова войсками Лжедмитрия II-го ("тушинского вора") Филарет был схвачен и с позором увезён в ставку самозванца, в село Тушино, где Лжедмитрий II неожиданно встретил его с почётом и провозгласил патриархом (что было, конечно, незаконно, но "тушинскому вору" нужен был свой глава русской церкви в противовес законному патриарху Гермогену). Проведя почти два года в тушинском лагере на странном положении полусоюзника-полу-

пленника, Филарет после краха Лжедмитрия II-го вернулся в Москву. Вскоре произошло свержение царя Василия Шуйского и к власти пришла группа бояр ("семибоярщина"), для преодоления династического кризиса выступившая за возведение на русский престол сына польского короля Сигизмунда III Владислава (в действиях "семибоярщины" обычно видят только предательство национальных интересов, но в них была и своя логика: старая династия со смертью Федора Ивановича пресеклась, "выборные" русские цари принесли стране только беды, значит, нового государя надо искать среди рождённых на троне и единственная реальная кандидатура – королевич Владислав, если, конечно, он перейдёт из католичества в православие). Для переговоров об этом с польской стороной в сентябре 1610 года под Смоленск, осаждаемый королём Сигизмундом, было отправлено "великое" посольство во главе с князем В.В. Голицыным и митрополитом Филаретом. Переговоры под Смоленском тянулись долго. В ходе их Сигизмунд неожиданно стал требовать призвания на русский престол не своего сына, а самого себя. Большая часть членов русского посольства, вопреки данным им наказам, согласилась с притязаниями Сигизмунда и была отпущена в Москву, меньшинство же во главе с владыкой Филаретом упорно отказывалось принять условия короля. Всё завершилось тем, что в апреле 1611 года непокорная часть делегации была арестована и отправлена в Польшу. Филарет был отвезён в Мальборгский замок, бывший центр Тевтонского ордена, где ему пришлось провести пленником восемь долгих лет.

Семья Романовых вновь надолго лишилась своего главы. Уже без отца умерла в июле 1611 года Татьяна Федоровна, в 1608 году выданная замуж за князя И.М. Катырева-Ростовского. Весной 1611 года к Москве подступило ополчение П. Ляпунова, Д. Трубецкого и И. Заруцкого. Предав сожжению большую часть территории Москвы, поляки и "семибоярщина" укрылись за стенами Китай-города и кремля. Вместе с ними оказалась и Марфа Ивановна с сыном – среди страшных сцен осады и вскоре начавшегося голода им суждено было прожить полтора года. Ополчение Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого из-за раздоров его руководителей вскоре распалось, но вокруг Москвы остались входившие в ополчение казаки. В августе 1612 года к городу подошло ополчение К. Минина и Д. Пожарского, совместно с казаками продолжившее осаду столицы. Несмотря на голод, поляки, надеясь на помощь идущего к Москве короля Сигизмунда, продолжали обороняться. Лишь 22 октября в ходе общего штурма был взят Китай-город, а вскоре капитулировал и польский гарнизон в кремле. Накануне капитуляции – 24 октября – поляки выпустили из кремля находившихся с ними русских бояр.

Михаил Федорович Романов – основатель романовской династии, правившей в России свыше 300 лет.

Когда бояре – а среди них была и Марфа Ивановна с сыном – вышли из ворот Троицкой башни на каменный мост через Неглинную, казаки едва не перебили их, но руководители ополчения не допустили расправы. 25 октября русские войска вошли в осквернённый врагами кремль. Шедший на помощь осаждённым в Москве Сигизмунд, находившийся уже у Волока Ламского, узнав о сдаче кремля, вынужден был отступить.

Дальнейшая судьба Марфы Ивановны и Михаила полна загадок. Известно, что чуть ли не сразу после выхода из кремля они уехали из Москвы на север, в сторону Ярославля. Куда направлялись они – поздней осенью, в условиях продолжающейся смуты, когда опасность могла угрожать на каждом шагу?

Куда мать и сын Романовы поехали из Москвы?

Итак, куда же поехали Марфа Ивановна и Михаил после их выхода из Московского кремля и где они находились до 13 марта 1613 года, когда посольство Земского собора застало их в Ипатьевском монастыре? Как писалось выше, большинство историков считают, что в октябре 1612 года Романовы поехали в село Домнино. Однако, судя по всему, дело обстоит не совсем так.

По-видимому, в первой половине ноября по большой Вологодской дороге в Домнино из Костромы* приехали мать и сын Романовы. Вместе со всеми домнинцами хозяев встречал, конечно, и Иван Сусанин. Традиционно считается, что Романовы, по крайней мере Михаил, прожили в Домнине до февраля или начала марта 1613 года. Однако, скорее всего, Марфа Ивановна и Михаил пробыли в Домнине лишь несколько дней, и село это вообще не было главной целью их большой осенней поездки 1612 года. Есть достаточно убедительные свидетельства того, что мать и сын Романовы, выехав из Москвы, направлялись в Макариев монастырь на Унже, чтобы у гроба преподобного Макария Унженского и Желтоводского помолиться об освобождении Филарета Никитича из польского плена. Сообщение об этом содержалось в житии Макария, списанном в начале XVIII века с другой, более старой, рукописи и хранившемся до революции в Макариево-Унженском монастыре. В житии этом, в частности, говорилось: "Прииде в монастырь сей и благоверная великая старица инока Марфа Иоанновна из костромских предел из вотчины своея на поклонение гробу святого и молитвы ради с прелестною своею отраслью, с сыном своим благоверным отроком Михаилом Феодоровичем Романовым, иже вскоре бысть милостию Божиею Государь царь и великий князь всея России. Тии убо мать с сыном многое моление у гроба святого Макария сотвориша, молящеся богоносному отцу, да поможет им своим ко Христу ходатайством в печалех их и да сподобит я видети блаженного воистину многодобродетельного преосвященного Филарета митрополита ростовского и ярославского в Польше тогда удержанного".[10]

В другом месте жития вновь говорится о Михаиле: "... ангелоименитый он от Бога предъизбранный на временное царство, вечное прежде

* По дороге в Домнино Романовы не могли миновать Костромы, где они, вероятно, пробыли несколько дней, остановившись, скорее всего, в своём осадном дворе в кремле. В Костроме они, видимо как и в 1619 году, посещали Успенский собор, а также Ипатьевский и Богоявленский монастыри.

возлюбивый, где ещё не у диадему нося и скипетр державства, егда крыясь от безбожных ляхов в младых сих летах в пределех костромских паче же покрываем бываше покровом милости небесныя царицы, христианския надежды и заступницы Богородицы <…> достиже и унженския чудного Макария обители. Слышал бо бяше славу чудес его и при его святем и чудотворнем гробе многая моления показа, многи слезы излия, еже бы молитвами его от злочестивых сохранитися <…> сотвори убо моления своя смиренно и о родителе своем чудном архиереи Филарете, удержанном в Польше в плене…" [11]

Насколько мы можем доверять сообщению жития о посещении Марфой Ивановной и её сыном унженской обители до того, как Михаил стал царём? Не является ли оно сочинённой позднее легендой? Думается, что сообщениям жития Макария можно доверять. Если оно действительно восходит к более раннему списку – т.е. списку XVII века, – то вряд ли бы тогда – во время, столь близкое к эпохе первого царя из рода Романовых, – решились приписать Михаилу Федоровичу посещение монастыря, которого на самом деле не было.

Когда именно посетили Романовы монастырь на Унже? Комментируя вышеприведённые места в житии преподобного Макария, историк Макариево-Унженского монастыря протоиерей И.К. Херсонский писал, что посещение Марфой Ивановной и Михаилом монастыря "случилось, вероятно, в один из трёх последних месяцев 1612 года или в первые два месяца 1613 года".[12] На конец 1612-го или начало 1613-го годов относили время посещения Романовыми монастыря В.В. Беляев и Л.П. Скворцов.[13] Думается, что мать и сын Романовы посетили Макариев монастырь или в ноябре, или в начале декабря 1612 года. За это более всего говорит то, что причина поездки Романовых – молебствие об освобождении главы семьи – была слишком важна, чтобы тянуть с ней.

В житии сказано, что Марфа Ивановна и Михаил прибыли в монастырь "из костромских предел из вотчины своея". Вотчина эта – безусловно, село Домнино. Следовательно, выехав из Москвы в конце октября 1612 года, Романовы проехали по ярославской дороге через Троице-Сергиев монастырь, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, прибыли в Кострому, посетили Домнино (где провели, видимо, несколько дней) и затем отправились на Унжу. Таким образом, они проследовали тем самым маршрутом, который в точности повторят спустя семь лет – в 1619 году. Следовательно, богомольный характер путешествия, предпринятого Марфой Ивановной и Михаилом поздней осенью 1612 года, не вызывает сомнений. Наверняка,

они давно уже собирались на Унжу, но, находясь в осаде в Москве, не могли туда выехать. Однако, почему же всё-таки Романовы поехали именно в Макариев монастырь на Унже?

Почему Романовы поехали на Унжу?

Учитывая роль, которая, по нашему мнению, принадлежала в описываемых событиях преподобному Макарию Унженскому и Желтоводскому, расскажем коротко об этом святом.

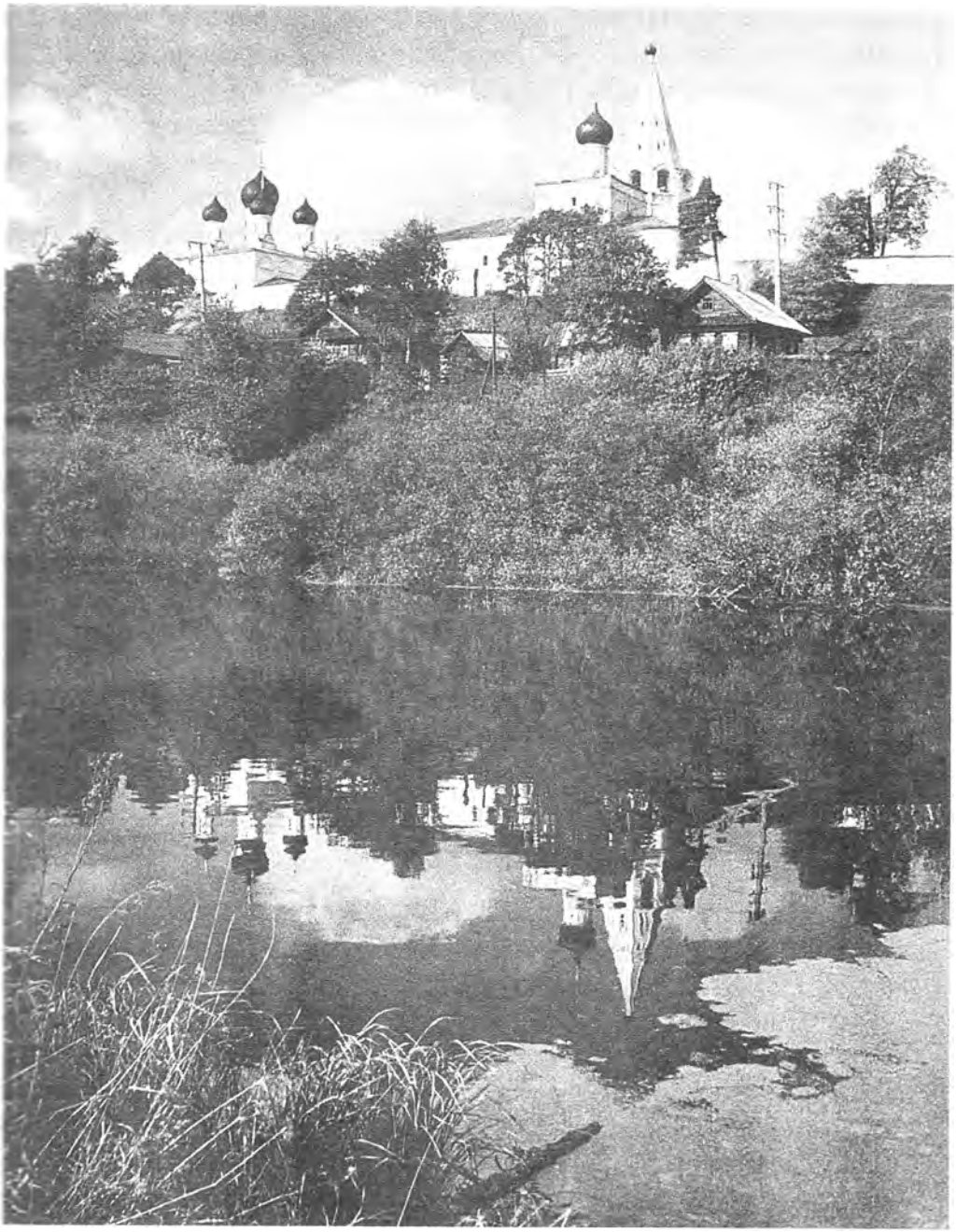
Преподобный Макарий – его мирское имя нам неизвестно – родился в Нижнем Новгороде. Если верно сообщение его жития о том, что он умер в 1444 году в возрасте 95-ти лет, то получается, что Макарий родился в 1349 году. Приняв ещё в молодости монашество в нижегородском Печерском монастыре, он на протяжении своей жизни был основателем трёх монастырей.* Первым из них был Богоявленский на реке Лух, вторым – Троицкий на Волге близ озера Жёлтые воды, ставший позднее известным как Макариево-Желтоводский монастырь. Основанный на самой границе тогдашней русской земли, этот монастырь явился важным очагом распространения христианства среди мордвы, черемисов и чувашей. Однако пограничное положение обители в конце концов привело к её разгрому. В 1439 году основатель Казанского ханства хан Улу Мухамед** предпринял большой поход на русские земли, захватив Нижний Новгород и едва не взяв Москву. Во время похода был уничтожен и монастырь на Жёлтых водах, а его братия во главе с преподобным Макарием попала в плен. Однако в плену преподобный находился недолго. То ли из уважения лично к нему, то ли в силу идущей ещё со времён Батыя традиции не трогать русское духовенство, татары отпустили Макария и вместе с ним ещё 40 пленных, запретив им селиться вновь на Жёлтых водах. Бывшие пленники пришли на реку Унжу и здесь, в 15 верстах от древнего города Унжи, преподобный основал свой последний, третий монастырь, в котором в 1444 году он и был погребён.[14]

Почитание преподобного Макария в костромском крае началось задолго до его официальной канонизации в 1619 году. Известно, что в Успен-

---

* Предания приписывают преп. Макарию большее число основанных им монастырей.

** В 1430-е годы начался распад Золотой Орды, на территории которой возник ряд суверенных ханств, одним из них и было Казанское.



Макариево-Унженский монастырь. Такой вид, благодаря покровительству первых Романовых, он приобрёл к концу XVII века. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

ском соборе Соли Галицкой (Солигалича) уже в начале XVI века имелся чтимый образ преподобного Макария. Спасение города во время очередного набега казанских татар в 1532 году было приписано чудесной защите этого образа, и в соборе был устроен придел во имя преподобного Макария.[15] По-видимому, с этого времени Макария начали почитать как одного из небесных покровителей и защитников костромского края. Трагические события Смутного времени окончательно утвердили преподобного в этом значении.

Перед сражением с поляками в мае 1609 года, которое состоялось у Мамшина острова на Волге возле Юрьевца, жители местной Коряковской волости дали обет в случае победы построить монастырь во имя преподобного Макария. Одержав победу, коряковцы, видимо, уже в том же 1609 году выстроили близ устья реки Нёмды небольшой Макариев монастырь.[16] В первые годы после окончания Смутного времени был основан (по другим данным – возобновлён) Макариев монастырь в селе Решме, находящемся двадцатью верстами выше Юрьевца по Волге, где также было сражение местных жителей с поляками.[17] Примерно тогда же и при таких же обстоятельствах был основан Макариев монастырь в нижегородском селе Пурехе.[18] Наконец, в 1620 году был возобновлён и уничтоженный татарами Макариево-Желтоводский монастырь на Волге.[19] Вообще, в течение всего XVII века в костромском и нижегородском Поволжье, а особенно в бассейне Унжи, было построено немало храмов и храмовых приделов во имя преподобного Макария.

Но всё, только что сказанное, ещё не отвечает на вопрос: почему же именно на далёкую Унжу, ко гробу преподобного Макария поехали мать и сын Романовы молиться об освобождении из плена Филарета Никитича? Выше мы писали о версии В.В. Беляева, объяснявшего причины привязанности первых Романовых к этой обители тем, что, будто бы, Михаил Федорович, находясь в ссылке, прожил несколько лет в монастыре на Унже. Однако эта версия не подкреплена никакими документальными свидетельствами и является искусственной. Между тем, думается, есть несравненно более простой и естественный ответ на вышезаданный вопрос. Как мы помним, в 1439 году преподобный Макарий попал в плен к казанским татарам, но вскоре уже был на свободе. Из всех русских святых к тому времени, пожалуй, только Макарий имел в своей биографии такой эпизод, и, по-видимому, в XV-XVII веках он почитался на Руси и как один из защитников находящихся в плену (об этом значении святого Макария Марфа Ивановна могла знать и как костромская вотчинница, и от своего деверя, Ивана Ни-

“Чудо избавления преподобным Макарием Унженским града Соли Галицкой от агарян”. Икона XVIII века.

китича, бывшего вместе с ней в московской осаде, огромные владения которого на Унже, как мы помним, располагались совсем рядом с Макариевой обителью). Известно, какое значение придавали наши предки вопросу о том, какому именно святому надо молиться при той или иной нужде, и поэтому, выйдя из стен Московского кремля, мать и сын Романовы поехали не куда-нибудь, а именно на Унжу – к святым мощам преподобного.

Братия Макариева монастыря во главе с игуменом Иоасафом, возглавлявшим обитель с 1607 года, конечно, с почётом встретила высоких гостей (вряд ли в то суровое время монастырь часто посещали знатные паломники). Расположенный на высоком берегу многоводной Унжи Макариев монастырь был в то время достаточно скромным, каких по России было немало. Центральное место в его ансамбле занимали два храма: летний, во имя преподобного Макария, построенный, видимо, в XVI веке и к 1612 году сильно обветшавший, и зимний – Троицкий, с приделом во имя мучеников Флора и Лавра, на подклете, с трапезою, построенный лишь в 1601 году. Оба храма были шатровыми – вероятно, это были монументальные сооружения, словно взмывавшие с высокого унженского берега над окрестными полями и лесами. С шатрами храмов перекликалась шатровая "осьмистенная" колокольня, на которой висело семь колоколов. Вокруг храмов находились жилые и хозяйственные постройки – игуменская и братские кельи, "хлебня", "поварня" и др. Монастырь был обнесён оградой, за которой стояли "конюшенный" и "коровей" дворы.[20]

Главной святыней монастыря были мощи преподобного Макария, покоившиеся под спудом в летнем Макариевом храме. До нас не дошло описание того, как выглядела гробница (рака) преподобного в начале XVI века, но её нетрудно представить по аналогам. Окружённая деревянной решёткой гробница была, разумеется, накрыта плащаницей с вышитым изображением Макария, на ней стоял образ преподобного, висели возженные лампады…

Большую часть времени, проведённого ими в монастыре, Романовы, конечно, пробыли в ветхом Макариевом храме (на 1613 год в нём обрушилась кровля), пред гробницей преподобного "молящеся богоносному отцу да поможет им своим ко Христу ходатайством в печелях их и да сподобит я видети блаженного воистину и многодобродетельного преосвященного Филарета…" .[21] Костромской краевед Л.П. Скворцов был совершенно прав, когда отметил: "…нужно предполагать, что не иначе как в этот же приезд, юный Михаил Феодорович над гробом преподобного Макария дал обещание вторично побывать в монастыре после освобождения отца своего из

польского плена, что и исполнил, по восшествии на всероссийский престол и по возвращении своего отца из Польши".[22]

Сколько времени провели мать и сын Романовы в унженской обители, мы не знаем - вероятно, несколько дней. Более важным является другой вопрос: в 1619 году Михаил Федорович и Марфа Ивановна вернулись с Унжи в Москву, а куда они поехали из Макариева монастыря, окончив богомолье, поздней осенью 1612 года?

Где жили Романовы, вернувшись с Унжи?

Костромские историки много спорили о том, где жил Михаил Федорович в костромском крае, приехав из Москвы. Большинство придерживались мнения, что первоначально будущий царь жил в Домнине, а после попытки захвата его поляками и подвига Сусанина он уехал в Кострому, где жил то ли в принадлежавшем Марфе Ивановне осадном дворе в костромском кремле, то ли в Ипатьевском монастыре. Уяснение того, что мать и сын Романовы первоначально посетили обитель преподобного Макария, несколько, хотя и не существенно, меняет картину.

Предметом спора является также вопрос о том, жили ли Марфа Ивановна и Михаил в это время вместе или порознь (Марфа Ивановна – в Костроме, Михаил – в Домнине). Главным основанием считать, что мать и сын жили порознь, является то, что во всех преданиях о Сусанине фигурирует только проживающий в Домнине Михаил, а инокиня Марфа никак при этом не упоминается, словно она действительно в это время находится где-то вдалеке от сына. Однако, очень и очень сомнительно, чтобы осенью и зимой 1612-1613 годов Марфа Ивановна и Михаил как-либо разлучались. Надо помнить, что Михаил был последним – из шести! – оставшимся к этому времени в живых ребёнком Марфы Ивановны, с которым она уже была несколько лет в разлуке, чтобы понять – в это время она никак не могла разлучиться с сыном. К тому же инокиня Марфа наверняка понимала, что Михаил после освобождения Москвы является одним из вероятных кандидатов на престол и, следовательно, не может не подвергаться опасности. Костромской краевед П.С. Троицкий – один из немногих, рассматривавших этот вопрос, – совершенно верно писал: "...старица Марфа Ивановна не могла оставить без опеки и материнского воспитания своего сына Михаила Федоровича. Всегда и везде мы видим её с сыном".[23] Действительно – вместе Марфа Ивановна и Михаил выехали из Москвы в октябре 1612 года, вместе они были 14 марта 1613 года в Ипатьевском монастыре,

вне всякого сомнения, не разлучались они и в период между этими событиями.

Итак, куда же поехали Романовы с Унжи? Собственно, таких мест мы можем предполагать только три: село Домнино, осадный двор в костромском кремле и Ипатьевский монастырь на окраине Костромы, где застало Марфу Ивановну и Михаила посольство Земского собора 13 марта 1613 года.

Могли ли Марфа Ивановна и её сын поехать из Макариева монастыря в Домнино? Большинство историков считало, что Михаил провёл зиму именно там. Одиноко, но зато веско, звучало мнение Н.И. Костомарова, отрицавшего саму возможность этого.[24] Действительно, очень трудно представить, чтобы Марфа Ивановна, столько претерпевшая и в минувшие годы, и в самое последнее время, поехала бы с сыном, завершив богомолье, в беззащитное (в случае чего) Домнино. К тому же вспомним, что в царской грамоте 1619 года прямо говорится, что во время гибели Сусанина Михаил находился "на Костроме". Мнение ряда историков, что выражение "на Костроме" надо понимать в широком смысле (в костромском крае), не представляется убедительным. В источниках имеется немало примеров, когда это выражение, бесспорно, надо понимать как "в Костроме".

Таким образом, можно уверенно считать, что с Унжи Романовы поехали в Кострому. В рамках нашей темы не столь важно выяснение того, где именно жили Михаил и его мать в Костроме – в кремле или Ипатьевском монастыре. Однако заметим, что, вероятнее всего, были правы те, кто считал, что до прибытия посольства из Москвы Михаил жил в осадном дворе в костромском кремле.[25] Осадный двор Марфы Ивановны – скорее всего, он перешёл к ней по наследству от родителей – находился в самой укреплённой и оттого достаточно безопасной части Костромы. Поэтому логично предположить, что Романовы поселились здесь, ведь осадные дворы и содержались боярами и дворянами именно на случай лихолетий, чтобы их владельцам было где приклонить главу. В кремле Марфа Ивановна и Михаил и жили, по крайней мере, до февраля 1613 года.* Однако, если Романо-

---

* Но почему же мать и сын Романовы встретили посольство Земского собора 14 марта 1613 года именно в Ипатьевском монастыре? Обычно писали, что Михаил, будто бы, переехал туда из кремля, чтобы принять посольство более торжественно. Некоторые историки полагали, что будущий первый царь из рода Романовых был даже фактическим владельцем Ипатьевского монастыря. Встречаются и утверждения, что посольство было принято в монастырских стенах потому, что в его составе было много духовных лиц. Ответ на этот вопрос – есте-

вы поехали с Унжи не в Домнино, а в Кострому, то когда же и как совершил свой подвиг Иван Сусанин и за кого в таком случае он отдал свою жизнь? Или всё-таки правы Н.И. Костомаров и его последователи, считавшие традиционную версию гибели знаменитого крестьянина мифом, монархической легендой, сказкой, а самого Сусанина лишь "одною из бесчисленных жертв, погибших от разбойников"?*

ственный и без натяжек – нашёл костромской историк И.В. Баженов, первым обративший внимание на то, что с 21 февраля начинался Великий пост, когда "цари и бояре, по благочестивому древнему обычаю, нередко помещались в монастырях для душеспасения, для сохранения или поддержания доброго христианского покаянного настроения".[26] Так что, скорее всего, Михаил Федорович не укрывался в Ипатьевском монастыре, спасаясь от поляков, а находился там в силу вышеназванного "благочестивого древнего обычая."

* Выражение Н.И. Костомарова.

Глава 3

ГИБЕЛЬ СУСАНИНА: КАК ЭТО БЫЛО?

Когда погиб Сусанин?

Итак, в Домнине Марфа Ивановна с сыном прожили, судя по всему, очень недолго, затем уехали на Унжу, а после, до марта 1613 года, жили в Костроме. Но если так, то когда же и при каких обстоятельствах действительно произошла гибель Сусанина? Несколько забегая вперёд, скажем, что ответ на первую часть этого вопроса будет неожиданным, идущим вразрез с традиционной картиной знаменитого подвига – очевидно, Сусанин погиб или сразу после отъезда Романовых из Домнина, или в скором времени после него. Иного вывода сделать на основании всех известных нам данных просто нельзя. Главным доводом в пользу этой версии является сама выдача жалованной грамоты зятю Сусанина в ноябре 1619 года. Безусловно, что произойди гибель Сусанина в феврале или марте 1613 года, то его близкие были бы награждены намного раньше.

До Н.И. Костомарова никто из историков не касался столь щекотливого вопроса о том, почему жалованная грамота Богдану Собинину была выдана лишь в 1619 году. Этот факт явно не вписывался в официальный канон, и поэтому столь убийственно, как казалось, прозвучала его констатация Костомаровым: "Грамота Богдашке Собинину дана почти через восемь лет (почему через восемь? раньше – Н.З.) после того времени, когда случилась смерть Сусанина. Есть ли возможность предположить, что новоизбранный царь мог так долго забывать такую важную услугу, ему оказанную? Конечно, он о ней не знал".[1]

Н.И. Костомаров и его последователи считали, что самой постановкой этого вопроса они разбивают легенду – о спасении Сусаниным Михаила Федоровича – в прах. Все, писавшие о Сусанине после костомаровской статьи, уже не могли обойти молчанием этот факт. В.А Самарянов, объясняя, почему жалованная грамота была выдана лишь в 1619 году, писал: "В грамоте надлежало упомянуть о злодейском поступке поляков и литовцев с Сусаниным, или, что то же, о покушении их на жизнь Михаила Федоровича. Выдать такую грамоту до возвращения Филарета из плена, значило бы огласить в одном из государственных актов злой умысел поляков и литовцев против русского царя, и через это раздражать их и подвергнуть опасности жизнь Филарета, или отягчить участь его в плену".[2] Однако такое объяснение не убедительно. Как бы ни наградил царь Михаил "Богдашку Собинина" в далёкой деревне Деревеньки, вряд ли бы это смогло повлиять на судьбу Филарета. Неубедительны и другие попытки объяснить задержку с выдачей грамоты какими-то уважительными причинами. Единственным и самым правдоподобным объяснением этого факта является то – и Костомаров с его последователями совершенно прав! – что до сентября 1619 года ни Михаил Федорович, ни Марфа Ивановна действительно ничего не знали о гибели Сусанина. Однако, как мы увидим ниже, это-то как раз и свидетельствует в пользу того, что Сусанин погиб поздней осенью 1612 года.

Первым из исследователей предположение о том, что Сусанин погиб осенью 1612 года, а не зимой 1613 года, как считалось традиционно, высказал протоиерей А.Д. Домнинский, писавший: "Историки говорят, что смерть Сусанина <…> случилась в феврале или марте 1613 года; а мне думается, что это событие случилось осенью 1612 года, потому что в нашей местности, в феврале или в марте месяцах, никак не возможно ни пройти, ни проехать кроме проложенной дороги. В нашей местности к огородам и лесам наносит высокие бугры снега в сии месяцы <…>, а историки между тем говорят, что Сусанин вёл поляков всё лесами и не путём и не дорогою".[3]

Предположение домнинского краеведа, к сожалению, не подверглось обсуждению дореволюционных историков.* Главная причина этого понятна – перенос событий с зимы-весны 1613 года на осень 1612 года

---

* Мнению А.Д. Домнинского не противоречит и грамота 1619 года, где сказано: "…как мы великий государь и великий князь Михайло Федорович всея Русии в прошлом во 121 году были на Костроме…"[4] Указанный в грамоте 7121 год от сотворения мира соответствует 1613 году от Рождества Христова, но ведь нача-

лишал всю сусанинскую историю ореола мученической смерти "за царя" (ведь осенью Михаил Романов ещё не был царём). Это столь резко шло вразрез с устоявшимся представлением, что наверное, воспринималось как отрицание самого факта подвига Сусанина (зато после революции версия Домнинского получила, как мы увидим ниже, такую поддержку, какая о. Алексею и не снилась). Теперь рассмотрим вопрос: кем именно был убит Сусанин?

Кем был убит Сусанин?

Долгое время, в соответствии с грамотой 1619 года, считалось, что Сусанин пал от рук поляков. В своём стремлении развенчать сусанинский "миф" Н.И. Костомаров нарушил и эту традицию, полагая, что Сусанина убили русские "воры", т.е. "разбойники, бродившие по России в Смутное время", допуская, впрочем, что "может быть<…> в числе воров, напавших на Сусанина, были литовские люди".[5] Подобную точку зрения разделял и С.М. Соловьёв, полагавший, что Сусанин пал жертвой "по всей вероятности, воровских казаков, ибо поляков не было тогда в этих местах".[6]

Однако, сам Н.И. Костомаров в своей статье совершенно справедливо писал, что и в прошлом, и в настоящем времени вряд ли бы кто затруднился отличить поляков и литовцев от русских или малороссиян, приняв одних за других и наоборот, а в грамоте же сказано, что Сусанин был убит "польскими и литовскими людьми". Мнение же С.М. Соловьёва можно оспорить тем, что, во-первых, ему не были известны опубликованные позже источники, прямо свидетельствующие о присутствии поляков в 1612-1613 гг. в непосредственной близости от Домнина, [7] а, во-вторых, спустя столетия вообще невозможно достоверно сказать, были или нет те или иные военные отряды (тем более небольшие) в какой-нибудь местности. Поэтому у нас нет никаких оснований не доверять грамоте 1619 года, в которой сказано, что Сусанин был убит "польскими и литовскими людьми", а не "русскими ворами" или казаками, как написали бы, будь они его убийцами.

Но что это были за "польские и литовские люди" – простая шайка, промышляющая грабежом или…? В царской грамоте сказано, что Сусанин был убит за то, что знал о местопребывании Михаила Федоровича и не сказал об этом. Мог ли быть нужен простой шайке Михаил? Конечно; за сына Филарета можно было, например, потребовать большой выкуп. Однако,

---

ло года в то время приходилось на 1 сентября, и, следовательно, время гибели Сусанина надо относить к периоду от 1 сентября 1612 года до 31 августа 1613 года.

учитывая, что после освобождения Москвы Михаил был одним из явных кандидатов на царский престол, то простая ли шайка искала его? Но тогда что – это была, говоря современным языком, "группа захвата", имеющая целью пленение или убийство Михаила? Отрицая саму возможность последнего, Н.И. Костомаров писал: "...но уж никак тут не был какой-нибудь отряд, посланный с политической целью схватить или убить Михаила".[8] Крупнейшие специалисты по эпохе Смутного времени – С.Ф. Платонов и Р.Г. Скрынников – так же, как и Костомаров, не верили в это. С.Ф. Платонов писал, что Михаилу Федоровичу в его вотчине "грозила опасность от бродячего польского или казачьего отряда, каких много было на Руси после падения Тушина".[9] Р.Г. Скрынников пишет: "По всей вероятности, Иван Сусанин <...> спас не царя, а боярина Михаила Романова от одной из польско-литовских шаек, бродивших тогда по всей России. В этих шайках объединялись бывшие тушинские наёмные солдаты и прочий сброд. Они грабили население, захватывали богатых людей, чтобы получить за них выкуп."[10] И, судя по всему, Сусанин действительно стал жертвой одной из таких шаек, искавших поздней осенью 1612 года Михаила Федоровича.

Однако, думается, было бы неверно полностью отрицать саму возможность посылки отряда с "политическою целью". Не забудем, что в новой, сложившейся после освобождения Москвы ситуации Михаил, будучи одним из реальных русских претендентов на престол, стоял на пути польских претендентов – сына Сигизмунда III Владислава или самого Сигизмунда. Почему же нельзя предположить, что за Михаилом действительно могла быть послана специальная "группа захвата"? В борьбе за власть всегда и везде использовали все доступные средства. Из возможных русских претендентов на престол лишь Михаил находился в кровной связи с пресекшейся династией (он был внучатым племянником царицы Анастасии Романовны, первой жены Ивана Грозного, и двоюродным племянником её сына, царя Федора Ивановича, – последнего государя из династии Рюриковичей), что в глазах людей того времени обеспечивало огромное преимущество перед остальными кандидатами. К тому же надо учитывать, что устранить Михаила было особенно важно именно до открытия Земского собора – т.е. поздней осенью или в начале зимы 1612 года, – ведь в этом случае шансы Владислава на избрание существенно возрастали.

Из всех исследователей, решившихся возражать Костомарову в этом принципиальном, но щекотливом вопросе, наиболее обоснованно высказался Н.Н. Виноградов, писавший: "Из имеющихся налицо исторических документов неизвестно, чтобы в этот период поляки так усердно искали

кого-либо из помещиков Костромской области. А если польский отряд разыскивал именно Михаила Федоровича Романова, то значит на это была какая-то особенная причина – в данном случае стремление избавиться от несомненного кандидата на царский престол Великой России".[11]

Однако, повторим ещё раз, если Михаил был в Домнине только недолгое время поздней осенью 1612 года, то как же из-за него мог быть убит Сусанин, хотя бы и знавший о местонахождении будущего царя?

При каких обстоятельствах был убит Сусанин?

Н.И. Костомаров, считавший, что Михаил зимой 1612-1613 гг. жил не в Домнине, а в Костроме, допускал, что Иван Сусанин, даже и не зная о пребывании Михаила в Костроме, " по слепой преданности к своему боярину, не хотел ни в коем случае сказать о нём".[12] Совсем исключать такой вариант, конечно, нельзя. Однако, вряд ли бы стал Сусанин скрывать, что сын Филарета находится в Костроме – об этом он мог сказать смело, и поляки в таком случае остались бы, по выражению того же Костомарова, в положении лисицы, взирающей на недоступный ей виноград. Вероятнее, что Сусанин не хотел сказать о том, что мать и сын Романовы уехали на Унжу. Очень может быть, что, покидая Домнино, Марфа Ивановна из предосторожности могла сказать, куда они едут дальше, только своему приказчику.

Не в этом ли разгадка того, что смущало почти всех, писавших о Сусанине, – почему поляки хотели узнать о местонахождении Михаила у одного лишь Сусанина, словно тот жил в безлюдной пустыне? Именно поэтому и в преданьях, и в литературе Сусанин обычно попадался полякам один или на дороге, или в лесу. Стараясь, видимо, объяснить этот факт, А.Д. Домнинский, как мы помним, полагал, что в начале XVII века крестьян в Домнине не было и что Сусанин жил в усадьбе чуть ли не один. Ярче всех это недоумение – толкуя его, разумеется, в пользу своей точки зрения – выразил Н.И. Костомаров, заметивший: "Но разве была возможность, чтобы в помещичьей усадьбе тогдашнего знатного боярина был всего-навсего один человек…"[13] И он совершенно прав: ведь даже если бы в Домнине в 1612-1613 гг. не проживали крестьяне, то должны были жить дворовые, церковный причт; в любом случае – пусть небольшая, но группа людей, а не один только Сусанин.

Развивая эту мысль, Н.И. Костомаров писал дальше: "Если при этом (при пытках Сусанина – Н.З.) были и другие, то воры (т.е. русские разбой-

ники, которые, по мнению историка, пытали Сусанина – Н.З.) и тех бы начали пытать и либо их, также, как Сусанина, замучили бы досмерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось известным за что его умучили. Если бы вообще были такие воры, которые приходили в Костромской уезд с решимостью сделать какую-нибудь пакость Михаилу Федоровичу, то как же бы они ограничились одним Сусаниным? Одного крестьянина спросили; тот им не сказал, они его замучили и тем дело кончилось; и ушли себе с миром! Думаем, что те, которые бы затевали что-нибудь подобное, не удовольствовались бы только этим, они допрашивали бы не одного, а десять, двадцать таких Сусаниных…"[14]

Возражая Костомарову, С.М. Соловьёв писал: "Что касается до вопроса, кто видел, как пытали Сусанина? то на него может быть множество удовлетворительных ответов. Известны обычные приёмы шаек подобных той, которая напала на Сусанина: узнать, кто знает о том, что нужно разбойникам, и потом пытать знатока, а другие, которые сами указали на него, стоят или лежат полумёртвые от страха".[15] Подтверждение словам С.М. Соловьёва мы находим в очень интересном и недостаточно изученном источнике – указе императрицы Анны Ивановны от 1731 года, где почти дословно повторено не дошедшее до нас прошение праправнука Сусанина, Ивана Лукьяновича Сабинина (подробнее этот документ будет рассматриваться ниже), в котором говорилось, что в то время, когда Михаил и его мать находились в селе Домнине, "приходили польские и литовские люди, поимав многих языков, пытали и расспрашивали про него, великого государя, которые языки сказали им, что великий государь имеетца во оном селе Домнине и в то время прадед ево онаго села Домнина крестьянин Иван Сусанин взят оными польскими людьми…".[16]

Согласимся, что описанное в этом отрывке выглядит весьма правдоподобно. Любой польский отряд, идущий в Домнино и не располагавший, естественно, местными топографическими картами, будет вынужден периодически брать "языков" (военный термин, хорошо понятный до сих пор) среди местного населения, в том числе, вероятно, и уже в самой вотчине Марфы Ивановны.

Попробуем теперь восстановить предполагаемую картину событий. Итак, проведя в Домнине какое-то непродолжительное время, Марфа Ивановна и Михаил уезжают в Макариев монастырь на Унжу. Вскоре в Домнино входят ищущие Михаила "польские и литовские люди". Убедившись, что того, кто им нужен, в селе нет, они приступают с допросом к Ивану

Сусанину – как приказчику, обязанному знать, куда уехали его господа. Согласно грамоте 1619 года, Сусанин отказался отвечать и был подвергнут жестоким пыткам. Отрицавший "политические цели" мучителей Сусанина Н.И. Костомаров, как мы помним, писал, вопреки чёткому указанию царской грамоты, что неизвестно, за что именно мучили Сусанина. М.П. Погодин был, видимо, совершенно прав, когда возмущённо заметил по этому поводу: "В грамоте, видите, не сказано, зачем поляки спрашивали о Михаиле, пытали и мучили Сусанина! Не найдёт ли г. Костомаров в доступных для него источниках известия, что поляки пытали и мучили Сусанина, желая узнать местопребывание вновь избранного царя русского для того, чтобы поцеловаться с ним?"[17]

Что было потом? Если бы в наших руках была только грамота 1619 года, то можно было бы полагать, что, несмотря на пытки, Сусанин ничего не сказал полякам и те убили его на глазах домнинцев. Однако, дело обстоит не так просто.

В преданиях о Сусанине, при всех их различиях в деталях, часто говорится о болоте, по которому Сусанин вёл поляков. Обычно и местом гибели Сусанина называется это же болото. Да и сам подвиг легендарного крестьянина, как традиционно считается, состоит в том, что он завёл поляков то ли в болото, то ли в лесную чащу. Н.И. Костомаров от души – и в целом совершенно справедливо – поиздевался над различными описаниями подвига Сусанина, в том числе и о вождении им поляков по болоту. Поставив под сомнение эту часть сусанинского подвига, Н.И. Костомаров, ссылаясь на грамоту 1619 года, писал: "Есть ли в грамоте что-нибудь похожее на то, что Сусанин был вожем (проводником – Н.З.) прибывших поляков? Нет ни следа. Там говорится только, что польские и литовские люди поймали Сусанина и стали пытать, допрашивая, где Михаил. Он не сказал им и был замучен. Уместна ли при этом сказка о том, что он взялся их вести? Зашедши в Костромской уезд, польские и литовские люди не знали, где Михаил, следовательно и не могли нуждаться в воже: им нужно было прежде узнать, где тот, кого им нужно, а потом уже искать туда пути. Так в грамоте и стоит: Сусанин погиб за то, что не сказал полякам, где царь, следовательно, не мог вести их …"[18]

В грамоте 1619 года, действительно, нет ни малейшего намёка на то, при каких обстоятельствах и где именно погиб Сусанин. Однако, вождение по болотам или лесным чащам не выдумано книжниками XIX века, как полагал Н.И. Костомаров. Впервые в дошедших до нас источниках об этом говорится в упоминавшемся выше указе Анны Ивановны 1731 года.

Предыстория появления этого указа такова. В начале 1731 года праправнук Сусанина, Иван Лукьянович Сабинин, столкнувшись с трудностями при подтверждении своих льгот, положенных ему как потомку Сусанина (об этих льготах подробнее будет ниже), подал прошение на имя новой императрицы Анны Ивановны, в котором подробно напомнил о подвиге своего предка. Само прошение до нас не дошло, но, по традиции, главная его часть была повторена в тексте императорского указа, подтверждающего право сусанинского праправнука на льготы.

Приведём тот фрагмент указа, в котором излагается "историческая" часть прошения И.Л. Сабинина: "… во прошлом во 121 году (7121-м, или 1612-1613гг.– Н.З.) приходил из Москвы из осад на Кострому блаженныя и вечныя достойныя памяти великий государь и великий князь Михайло Федорович, с матерью своею с великою государынею инокинею Марфою Ивановною и были в Костромском уезде в дворцовом селе Домнине в которую бытность их Величества в селе Домнине приходили польские и литовские люди поимав многих языков пытали и расспрашивали про него великого государя, которые языки сказали им, что великий государь имеетца в оном селе Домнине и в то время прадед ево онаго села Домнина крестьянин Иван Сусанин взят оными польскими людьми, а деда их Богдана Сабинина, а своего зятя оной Сусанин отпустил в село Домнино с вестью к великому государю чтобы великий государь шёл на Кострому в Ипацкий монастырь для того что польские и литовские люди до села Домнина доходят да он польских людей оной прадед его от села Домнина отвёл и про великого государя не сказал и за то в селе Исупове прадеда ево пытали разными немерными пытками и посадя на столб изрубили в мелкие части за которое мучение и смерть онаго прадеда даны деду Богдану Сабинину государевы жалованные грамоты …"[19]

Так что, как видим, традиционная картина подвига и гибели Сусанина, отдавшего "жизнь за царя", повторенная многими авторами XIX-XX веков, вполне присутствует уже в прошении И.Л. Сабинина. Насколько мы можем доверять изложенным в ней сведениям? Прежде всего, отметим, что И.Л. Сабинин называет в прошении Богдана Собинина своим дедом, а Ивана Сусанина – прадедом, в то время как из генеалогической схемы сусанинских потомков, составленной Н.Н. Виноградовым, следует, что на самом деле Богдан Собинин приходится И.Л. Сабинину прадедом, а Иван Сусанин, соответственно, – прапрадедом.[20] (Вряд ли Иван Лукьянович не знал истинной степени своего родства с обоими предками, почему же он тогда на поколение "приблизил" себя к ним? Опасался отказа в подтверждении своих прав?)

Теперь по самому прошению. Безусловно, что при написании его была использована хранившаяся у потомков Сусанина царская грамота 1619 года, однако основная часть прошения восходит к каким-то иным источникам – по-видимому, и к письменным, и к устным. Отдельные факты в прошении точно соответствуют действительности – например, сообщение о том, что Марфа Ивановна и Михаил Федорович прибыли "из Москвы из осад на Кострому". Уже писалось, что весьма реалистичным выглядит и упоминание о "языках", которых брали искавшие Домнино поляки. Однако большая часть фактов, приведённых в прошении, не соответствует ситуации 1612 - 1613 гг. и дана задним числом – это и наименование Домнина дворцовым селом, в то время как таковым Домнино стало лишь с воцарением Михаила, и то, что Богдан Собинин должен был направить сына Марфы Ивановны не куда-нибудь, а именно в Ипатьевский монастырь. Безусловно, что в прошении, по меньшей мере, сильно преувеличена роль зятя Сусанина, Богдана Собинина, поэтому рассмотрим вопрос о Собинине более подробно.

К вопросу о роли Богдана Собинина

Как мы помним, грамота 1619 года, выданная на имя зятя Сусанина, ничего не говорит о том, что Собинин был как-то причастен к подвигу своего тестя. Традиция считать, что Сусанин послал зятя предупредить Михаила о грозящей опасности, безусловно, пошла в исторической литературе от императорского указа 1731 года. Первым из историков написал об этом в своей книге по истории Костромы, вышедшей в 1840 году, князь А.Д. - Козловский, [21] после чего такая трактовка роли Богдана Собинина в сусанинской истории стала традиционной. Скептик Н.И. Костомаров – которому, заметим, было неизвестно прошение 1731 года, – отнёс известие о причастности зятя Сусанина к разряду мифов, представив при этом Собинина в не очень приглядном виде. Историк писал: "…зять Сусанина воспользовался им (убиством тестя – Н.З.) и выпросил себе обельную грамоту. Путь, избранный им, видим. Он обратился к мягкому сердцу старушки (Марфы Ивановны – Н.З.), а она попросила сына. Сын, разумеется, не отказал заступничеству матери".[22]

С.М. Соловьёв совершенно справедливо выступил в защиту Собинина, возразив Костомарову: "Не знаем, можно ли позволять себе такие вещи, не имея ясных улик из источников, на основании только некоторых

соображений, которые не держатся при первом серьёзном взгляде на дело. Сабинин, по словам Костомарова, обратился к мягкому сердцу старушки; но автор забывает, что в это время была уже не одна старушка, что уже приехал старец, вовсе не отличавшийся мягким сердцем, Филарет Никитич, который взял правление в свои твёрдые руки".[23]

Данная полемика, однако, не имеет отношения к вопросу о роли Богдана Собинина в событиях, связанных с гибелью Ивана Сусанина. Гораздо более важным представляется нам другое замечание Костомарова: "Зять настоящего выпросил грамоту для себя за услугу тестя: уж, конечно, если бы он сам участвовал в этих услугах, то в грамоте упомянулось бы о нём".[24] Правоту Н.И. Костомарова – несмотря на явно недопустимую пренебрежительность его тона – в данном случае нельзя не признать, и, судя по всему, Богдан Собинин, действительно, никаким образом в сусанинском подвиге не участвовал.

Откуда же пошло представление о его причастности? От Ивана Лукьяновича Сабинина? Однако сомнительно, чтобы праправнук Сусанина в своём прошении сознательно исказил картину событий более чем столетней давности (хотя, конечно, нельзя совсем исключить вероятность того, что и он внёс свою ленту в преувеличение роли Богдана Собинина, своего прадеда по мужской линии). Памятуя слова С.М. Соловьёва о неимении ясных улик, не будем бездоказательно подозревать И.Л. Сабинина, в своём прошении отразившем, видимо, сложившееся среди потомков Сусанина представление о подвиге Сусанина и его зятя. Подлинная картина гибели Сусанина при всём её трагизме, по-видимому, не обладала нужным драматическим эффектом, поэтому в сознании его потомков и возникает своя картина, в которой элементы исторической правды обильно перемешаны с вымыслом – и вот Михаил, уже избранный царём, живёт в Домнине; а раз грамота 1619 года была дана "Богданке Собинину", прямому предку всех потомков Сусанина по мужской линии, то не мог же он быть в стороне от этих событий – и вот воображение потомков посылает его к царю с вестью о грозящей опасности. В действительности же Богдан Собинин, судя по всему, к подвигу своего тестя никоим образом причастен не был (в противном случае об этом обязательно было бы сказано в грамоте 1619 года).

Но если причастность зятя к подвигу Сусанина, бесусловно, является вымыслом, народной легендой, то не является ли легендой и указание (в прошении) о гибели Сусанина в селе Исупове?

Сусанин погиб в Исупове?

Село Исупово, как мы помним, находится примерно в десяти километрах к югу от Домнина – на другом берегу огромного болота, разделяющего оба села и называемого обычно Исуповским или Чистым. В начале XVII века одна половина села (в источниках его иногда ещё называют "Исупово на Чёрном враге") на правах поместья принадлежала дворянам Овцыным, а другая половина была вотчиной Пушкиных.* В Исупове стоял традиционный ансамбль из двух деревянных храмов: холодного Троицкого и тёплого Воскресенского.[26]

Очень похоже, что название в прошении И.Л. Сабинина села Исупова местом гибели Сусанина – это кусочек подлинной истории, дошедшей до нас в полулегендарном предании. К моменту подачи прошения на имя Анны Ивановны потомки Сусанина уже ровно век жили далеко от Домнина (об обстоятельствах их переселения будет чуть ниже), и поэтому вряд ли к тому времени они знали топографию домнинской округи и её селений (за исключением, разумеется, Домнина и Деревенек, о которых они знали, во-первых, из хранившихся у них царских жалованных грамот, во-вторых, из своих устных преданий). Да и по сути прошения указание Исупова как места гибели Сусанина не носило принципиального характера – ведь в Петербурге и подавно не знали топографии сусанинских мест. Учитывая цели прошения, важно было напомнить, что Сусанин спас основателя династии, отправив его в известный Ипатьевский монастырь, что Сусанин был жестоко убит, что потомство его было так-то награждено и т.д. Исупово при этом можно было просто не упоминать, однако оно упомянуто.

Судя по всему, Исупово – это подлинное место гибели Сусанина. Ссылаясь на известные ему предания, А.Д. Домнинский писал, что Сусанин повёл поляков "на Чистое болото к селу Исупову. Там его изрубили неприятели на мелкие части".[27]

То, что Сусанин был убит в Исупове или возле него, признавали практически все костромские историки, писавшие о знаменитом крестьянине.*

---

* На 1626 год одна половина Исупова принадлежала вдове Тимофея Овцына, Марье Григорьевне, а другая – Михаилу Евстафьевичу Пушкину, одному из предков великого поэта, сыну видного воеводы и дипломата 80-90 годов XVI века Евстафия Михайловича Пушкина.[25]

Но если это так, то получается, что предания о Сусанине, ведущем поляков болотом, – скорее всего, не выдумки, так как из Домнина в Исупово Сусанин, видимо, повёл поляков напрямик через болото. С какой целью? При традиционной трактовке, когда считалось, что поляки встретили Сусанина где-то за пределами Домнина, а в Домнине находился Михаил, всё получалось более или менее логично – Сусанин, спасая царя, отводил поляков от Домнина через болото к Исупову. Но раз Михаила в Домнине не было, то какую цель могло иметь в данной ситуации вождение "польских и литовских людей" по болоту? Если Сусанин действительно повёл поляков через Исуповское болото, то целью этого, видимо, было подольше потянуть время, а при возможности сгубить врагов в трясине. По-видимому, в Исупове, поняв, что Сусанин их обманывает, поляки убили его – скорей всего, на глазах местных жителей. Бесспорно, что Сусанин умер мучительной смертью. Описание пыток, которым он был подвергнут, в прошении И.Л. Сабинина явно носит преувеличенный характер, но сам факт не может подлежать сомнению – вспомним, что в грамоте 1619 года сказано, что поляки пытали Сусанина "великими немерными пытками" и что Михаил Федорович пожаловал зятя Сусанина "за службу к нам, и за кровь, и за терпенье тестя его".

Попробуем, наконец, подвести итог, сведя все известные нам факты.

Общие выводы

Итак, посетив, по-видимому, в ноябре 1612 года Домнино, Марфа Ивановна и Михаил уезжают в Макариев монастырь на Унжу, чтобы помолиться у гроба преподобного Макария об освобождении из польского плена главы семьи Филарета Никитича. Из монастыря мать и сын Романовы отправляются в Кострому, где живут до марта 1613 года. Через некоторое

---

* П.П. Свиньин: "Место, где пал Сусанин, показывают в селе Исупове..."[28]; М.Я. Диев: "...Сусанин довёл их (поляков – Н.З.) до села Исупова. Здесь убийцы от жителей наведались, что усадьба Михаила от Исупова в десяти верстах, и тут же за патриотический обман убили Сусанина"[29]; П.Ф. Островский: "Близ села Исупова, верный долгу христианскому, Сусанин принял мученический венец"[30]; В.А. Самарянов: "Сусанин после пыток и страданий <...> наконец изрублен в мелкие куски в с. Исупове"[31]; И.В. Баженов: "...Сусанин после многих пыток был убит поляками близ села Исупова..."[32] К сожалению, признание историками Исупова в качестве места гибели Сусанина не оказало влияния на широкое общественное сознание, неизменно считающее, что Сусанин, заведя врагов, погиб то ли в занесённой снегом чаще, то ли в мрачном болоте.

время после их отъезда из Домнина – в конце ноября или начале декабря – в село входит отряд ищущих Михаила "польских и литовских людей". Не найдя Михаила, поляки хватают Сусанина – как управляющего вотчиной, на которого им, видимо, указали как на знающего местонахождение сына Марфы Ивановны. Сусанин ведёт поляков через болото к Исупову, где они его подвергают жестоким пыткам и убивают…*

Чтобы понять подвиг Сусанина, надо помнить общую ситуацию. Вот уже несколько лет костромской край является театром боевых действий. Население, страдающее от всех противоборствующих сторон, особенно ненавидит, конечно, иноземных захватчиков. Сусанину, вне всякого сомнения, известны, и не могут не вызывать сочувствия, судьбы Марфы Ивановны, её мужа и сына за последние годы. Наверняка ему известно, и зачем Марфа Ивановна с Михаилом поехали на Унжу. И вот приходят ненавистные иноземцы и спрашивают о том, где Михаил; и, надо думать, Сусанин хорошо понимал, что сын Марфы Ивановны им нужен, как писал М.П. Погодин, вовсе не для того, чтобы с ним поцеловаться. Поляки, возможно, ещё могут, если узнают правду, захватить Михаила и его мать в небольшом и незащищенном унженском монастыре или перехватить их где-нибудь по дороге.

---

* Нельзя не упомянуть о имеющейся в литературе точной дате гибели Сусанина – 27 ноября 1612 года. В опубликованной в 1836 году в журнале "Московский наблюдатель" статье "О новой опере г. Глинки", подписанной инициалами "Я.Н.", говорится: "27-е ноября день достопамятный в истории русской – это день смерти Сусанина; в нынешнем году он был ознаменован достойным образом"[33] (имеется в виду – премьерой оперы М.И. Глинки "Жизнь за царя", состоявшейся в Петербурге 27 ноября 1836 года). Автор статьи ничего не говорит о том, откуда взялась такая дата. Никто из занимающихся Сусаниным, кроме А.Д. Домнинского, не обратил внимания на это сообщение, и трудно сказать, как мы должны к нему относиться. Но нельзя не отметить, что, по нашему мнению, такая дата гибели Сусанина –27 ноября 1612 года – представляется весьма реальной.

Один из первых историков Костромы, Н.С. Сумароков, коснувшись жизни потомков Сусанина в Коробове, упомянул, что коробовцы "творят поминовение и празднество" в день смерти Сусанина.[34] В начале XIX в. А. Щекатов писал, что потомки Сусанина "день убиения <…> праотца своего празднуют <…> поныне с немалым торжеством."[35] Позднее об этом же писал и П.П. Свиньин: "Доныне многочисленные потомки Сусанина совершают торжественное поминовение по нём в день его смерти".[36] Все три автора не указывают, в какой именно день происходит такое поминовение, что внушает сомнение в точности их сообщений (ведь потомки Сусанина могли поминать его и в дни общих поминовений усопших – на Пасху и т.д.).

И не царя – до избрания Михаила царём всея Руси оставалось ещё несколько месяцев, – а своего молодого господина, несмотря на юный возраст столько уже перенёсшего, пытается спасти Сусанин.

Некоторые авторы – и до революции, и после неё, – желая принизить образ Сусанина, писали о его холопстве, о его рабской душе, о его собачьей преданности господам и т.д. Однако, во-первых, в памяти невольно встаёт образ другого слуги – незабвенного Савельича из "Капитанской дочки" А.С. Пушкина, которого при всей его преданности своим господам трудно упрекнуть в холопстве и рабской душе, а, во-вторых, очень похоже, что Сусанин действительно спас Михаила Федоровича от грозящей ему опасности и, тем самым, спас от новых, неисчислимых бед и всю Россию.

Конечно, мы можем только предполагать, под каким предлогом повёл Сусанин поляков до Исупова через огромное болото, в котором гибли и в XX веке, но сама цель этого, как уже писалось, не может вызывать у нас сомнения – видимо, это была или попытка затянуть время, или попытка уничтожить тех, кто искал Михаила Романова.

Таким образом, подлинный подвиг Ивана Сусанина состоял не в прямом спасении Михаила (как было бы, живи последний действительно в то время в Домнине), а, скорее всего, в попытке спасти Михаила – находящегося вдали от своей вотчины – от опасности, грозившей ему от "польских и литовских людей", что ни в коем случае не умаляет значения этого подвига.

Для Михаила и Марфы Ивановны смерть Сусанина тогда оставалась неизвестной, о ней мать и сын узнали только в сентябре 1619 года, хотя, в принципе, могли вообще не узнать.

Глава 4

ПОСМЕРТНЫЕ ПОЧЕСТИ СУСАНИНУ. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЕГО ПОТОМКОВ ИЗ ДОМНИНСКОЙ ВОТЧИНЫ В КОРОБОВО

"За службу к нам, и за кровь , и за терпение..."

Итак, Иван Сусанин, стараясь отвести угрозу от Марфы Ивановны и Михаила Романовых (а может быть, и в самом деле отведя её, ценой собственной жизни), был убит "польскими и литовскими людьми" в селе Исупове поздней осенью 1612 года. Через какое-то время его тело, конечно, было привезено в вотчину, отпет Сусанин мог быть или в Воскресенской церкви Домнина, или в зимнем храме Михаила-Архангела в Спас-Хрипелях, а предали его земле, вероятнее всего, как и положено, на приходском кладбище в Спас-Хрипелях.

Через несколько месяцев жители домнинской вотчины узнали поразительную новость о том, что новым царём "всея Руси" избран сын их хозяйки, что из Москвы в Кострому, в Ипатьевский монастырь, прибыло большое посольство, с которым Михаил Романов и его мать уехали в столицу. О жизни Богдана Собинина, Антониды и их сыновей в это время нам ничего не известно. Они продолжали жить в Деревеньках, разумеется, как и было заведено, в дни поминовения посещая могилу Сусанина.

И после гибели Сусанина домнинская округа, как и весь костромской край, ещё, по крайней мере, несколько лет не знала мира и покоя. Не знала их и вся Россия. Иногда в популярной литературе изображается так, что после избрания на царский престол Михаила кошмары Смутного времени чуть ли не окончились; но это не так. Поляки, не признавая Михаила

Федоровича царём, продолжали войну, и России ещё несколько лет приходилось напрягать все свои силы в борьбе с иноземцами.

И пока продолжалась война, ни о каком возвращении из польского плена отца русского царя, Филарета Никитича, конечно, не могло быть и речи. Лишь после того, как 1 декабря 1618 года в деревне Деулино под Троице-Сергиевым монастырём между Россией и Речью Посполитой на 14 с половиной лет было заключено перемирие, решилась и судьба Филарета. 14 июня 1619 года торжественно встреченный Филарет въехал в Москву, 22 июня на церковном соборе произошло его наречение, а 24 июня – поставление в патриархи. 24 августа, как мы помним, Михаил Федорович и Марфа Ивановна отправились с благодарственным паломничеством на Унжу; 10 сентября они прибыли в Кострому, а вечером 17 сентября – в Домнино. Только здесь царь и его мать узнали о судьбе Сусанина, после чего, по-видимому, было дано указание перезахоронить прах Сусанина с приходского кладбища в Спас-Хрипелях в подклет Успенской церкви Домнина (подробнее об этом в следующей главе), а по возвращении в Москву "по совету и прошению" Марфы Ивановны Михаил Федорович выдал потомству Сусанина жалованную грамоту от 30 ноября 1619 года.

Грамотой, выданной "Богдашке Собинину", царь жаловал сусанинскому зятю "в Костромском уезде нашего дворцового села Домнина половину деревни Деревнищ". Согласно грамоте, на Богдана " и на детях его, и на внучатах, и на правнучатах, наших никаких податей, и кормов, и подвод, и наметных всяких столовых и хлебных запасов, и городовые поделки, и в мостовщину, и в иныя ни в какия подати имати с них не велели, велели им тое полдеревни во всём обелить" (т.е. освободить от всех видов повинностей и налогов – Н.З.). Грамота особо оговаривала: "А будет то наше село Домнино в который монастырь и в отдаче будет, тое полдеревни Деревнищ <...> ни в который монастырь с тем селом отдавати не велели, велели по нашему царскому жалованию владеть ему Богдашке Собинину, и детям его и внучатам, и правнучатам, и род их во веки неподвижно".[1]

Судя по всему, грамота узаконила освобождение ("обеление") от всех повинностей той земли, которой фактически владел Собинин к 1619 году. Учитывая, что в 1631 году в Деревеньках было три крестьянских двора, можно предположить, что в 1619 году их было только два, один из них – собининский, почему зять Сусанина и получил "полдеревни".

Таким образом, Романовы почтили память Сусанина истинно "по-царски" – его останки были похоронены в церкви (по понятиям того времени такое погребение считалось наиболее престижным – в стенах хра-

мов хоронили, как правило, только представителей высших слоёв тогдашнего общества – царей, князей, церковных иерархов и т.д.), его потомки были "обелены" от всех видов налогов и повинностей (что также было для того времени – как и для любого другого – наградой необычайно высокой). Упомянем и ещё об одном значимом факте: в грамоте от 30 ноября 1619 года Сусанин назван полным именем "Иван", а не уничижительным "Ивашкой", как было положено (в то время как Богдан Собинин там же назван в соответствии с принятыми нормами "Богдашкой"). Всё это говорит о том, что Романовыми двигала не только память о старом слуге, тем более понятная и объяснимая во время благодарственного паломничества к "цельбоносному гробу" преподобного Макария, но и о том, что подвиг Сусанина был ими оценён необычайно высоко.

Переселение потомков Сусанина в Коробово

С 1619 года Богдан Собинин и его семья стали так называемыми "белопашцами" – т.е. свободными крестьянами, не несущими никаких повинностей в чью-либо пользу. Однако свобода их длилась недолго – чуть более десяти лет. 26 января 1631 года, находясь при смерти, Марфа Ивановна, как это было принято тогда, пожаловала на помин своей души московский Новоспасский монастырь – место упокоения почти всех Романовых – "селом Домниным и сельцом Хрипели и Водожским ямом з деревнями, и с починками, и с лесы, и с луги, и з болоты, со всеми угодьи, что к тем селам и деревням, и к Водожскому яму, и к починкам, и к пустошам истари потягло куда ходил плуг, и соха, и коса, и топор".[2] 27 января 1631 года "великая государыня инока Марфа Ивановна" скончалась, и, согласно её духовной грамоте, вместе со всей домнинской вотчиной "в дом ко Всемилостивому Спасу на новое, что на Москве возле Крутиц" перешла и деревня Деревеньки.[3] Настоятель Новоспасского монастыря архимандрит Тихон, в соответствии с духовной грамотой царской матери, естественно, "очернил" потомков Сусанина, т.е. возложил на них, как и на всех остальных крестьян бывшей вотчины инокини Марфы, различные повинности в пользу монастыря.

Как могло случиться, что потомков Сусанина, обелённых царской грамотой, вновь обратили в зависимое состояние, да ещё и вопреки прямому запрету той же грамоты отдали монастырю? Как могла Марфа Ивановна, богомольная женщина, монахиня, пойти на пороге могилы на такое, вне всякого сомнения, не слишком богоугодное дело, как передача свободных людей – потомков человека, отдавшего жизнь, спасая её единственно-

Грамота царя Михаила Федоровича от 30 января 1633 года о пожаловании дочери Сусанина Антониде пустоши Коробово в Костромском уезде. Фото начала XX века.

го сына, – в собственность монастыря? Тем более, что этим перечёркивалась грамота, появившаяся в результате благодарственного паломничества к мощам преподобного Макария Унженского.

Может, причиной этого был властный характер Марфы Ивановны, поступающей по своему выбору, не считаясь ни с чем? Конечно, нет. Вероятно, делая вклад в монастырь, в стенах которого ей предстояло обрести вечный покой, и находясь при смерти, о половине Деревенек Марфа Ивановна просто забыла. Или же – что ещё вероятнее – напутали, не проверив всё, как следует, те, кому было поручено составить её духовную грамоту. Но как бы там ни было, получилось нехорошо, и вольно или невольно Марфа Ивановна взяла на свою душу немалый грех, а ошибка с Деревеньками имела большие последствия.

К январю 1631 года Богдан Собинин уже умер, и овдовевшей Антониде пришлось защищать свои права и своих детей самой. Согласно преданию, бытовавшему среди потомков Сусанина, Антонида после смерти мужа ездила в Москву и даже будто бы жила в царском дворце.[4] Вполне возможно, что это предание – над которым очень смеялся Н.И Костомаров – отражает реальные события. Судя по всему, Антонида действительно отправилась в Москву, где и подала на имя царя не дошедшую до нас челобитную, в которой было указано на свершённую с семьёй Сусанина несправедливость и на нарушение царской грамоты 1619 года. Н.Н. Виноградовым был опубликован документ, датированный 6 февраля 1632 года, свидетельствующий о том, что по указу царя началось разбирательство обстоятельств передачи Новоспасскому монастырю половины деревни Деревеньки.* Результатом этого разбирательства была новая жалованная грамота от 30 января 1633 года, которой "вдову Антонидку и с детьми ея с Данилкой да Костькою" царь пожаловал "вместо тое деревни Деревнищ <…> в Костромском уезде,

---

* В этом документе, являющемся, по определению Н.Н. Виноградова, "черновиком памяти", сказано: "Лета 7140-го /1632/, февраля в 6 день по Государеву Цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу околничему и князю Олексею Михайловичу Львову да дьякам – Гарасиму Мартемьянову да Максиму Чиркову: велети им отписати к Василью Ивановичю Стрешневу да к дьяку Сурьянину Тороканову, блаженныя памяти великая государыня, инока Марфа Ивановна, по своей государской душе вкладу в монастырь к Спасу на новое в Костромском уезде дворцовое село Домнино с приселки л, или з деревнями дала, или дала одно то село? И того села Домнина половину деревни Деревнищ, на чом тово дворцового села Домнина живет крестьянин Богдашко Собинин полторы чети выти, с тем же селом Домниным в монастырь дано, или дано то село опричь той деревни".[5]

Деревня Коробово – селение потомков Ивана Сусанина. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

села Красного, приселка Подольского пустошь Коробово в отчину и в род их во веки не подвижно".[6] Этой грамотой Михаил Федорович, не смея нарушать предсмертную волю матери, взамен половины их родной деревни возле Домнина пожаловал дочери Сусанина и её сыновьям пустошь Коробово, находившуюся в противоположном конце тогдашнего огромного Костроского уезда (ныне это деревня Коробово Красносельского района Костромской области).

Всё, казалось бы, кончилось хорошо, и справедливость была восстановлена, если не считать того, сколько довелось пережить близким Сусанина, и того, что им в результате ошибки какого-то чиновника пришлось переселяться из родных мест и от родных могил. Переселение потомков Сусанина из-под Домнина, безусловно, явилось и одной из главных причин последующего забвения его могилы (об этом подробнее будет в следующей главе). Ясно, что останься они на родине, этого бы не произошло – известно, как потомки Сусанина берегли память о своём знаменитом предке в Коробове. Таковы последствия ошибки, ответственность за которую, так или иначе, лежит на Марфе Ивановне.

Глава 5

МОГИЛА СУСАНИНА

А разве есть могила Сусанина?

В широком общественном сознании вопрос о сусанинской могиле, практически, никогда не вставал, да, казалось бы, и не мог встать – какая могила может быть у человека, погибшего то ли где-то на болоте, то ли в лесной чаще! Весьма характерным в этом отношении является то, что сравнительно недавно написал костромской историк К. Воротной: "Прах русского героя – крестьянина Ивана Осиповича Сусанина покоится где-то в глубине обширных непроходимых Исуповских болот. И нет ничего страшного в том, что его тело не найдено. Главное – осталась память о нём и его подвиге".[1]

Однако всё это, как мы увидим ниже, далеко не так просто. В литературе о сусанинском подвиге с давних времён существует две версии о месте захоронения Ивана Сусанина. Согласно одной из них, останки Сусанина покоятся в костромском Ипатьевском монастыре.

Версия I: Сусанин погребен в Ипатьевском монастыре

Эта версия получила известность, после того как в 1820 году в журнале "Отечественные записки" П.П. Свиньин – основатель этого журнала, писатель* – в очерке об Ипатьевском монастыре, сославшись на некую "древнюю летопись", полученную им в Костроме от коллежского советни-

---

* Павел Петрович Свиньин (1878 - 1839) принадлежал к старинному костромскому дворянскому роду Свиньиных. Он родился в усадьбе Ефремово Галич-

ка И.Н. Назарова, сообщил: "Первым делом нового царя (Михаила Федоровича – Н.З.) было изъявление благодарности Сусанину пожертвовавшему собой для спасения его. Он повелел тело его перевесть в Ипатьевский монастырь и предать земле с честию. Напрасно чтитель отечественных доблестей будет любопытствовать, где покоится прах незабвенного Сусанина: место сие неизвестно, забыто..." [3] Позднее, в своей книге "Картины России и быт разноплеменных её народов", вышедшей в Петербурге в 1839 году, П.П. Свиньин почти дословно повторил написанное им в "Отечественных записках".[4]

Что можно сказать о версии П.П. Свиньина? "Древняя летопись", на которую ссылается, не приведя из неё ни единой строки, П.П. Свиньин, нам неизвестна, но, судя по всему, именно её передал в 1900 году в Костромскую губернскую учёную архивную комиссию Г.В. Мягков.* Эта "летопись" представляет собой полубеллетристическое сочинение, написанное не ранее 1835 года, автором которой, как выяснил Н.Н. Селифонтов, был родной брат протоиерея А.Д. Домнинского Иван Данилович Иорданский, ** уроженец Домнина, вышедший из духовного сословия и служивший в Петербурге.[6] В самой возможности захоронения праха Сусанина в Ипатьевском монастыре – если исходить из традиционной трактовки сусанинского подвига – нет ничего невероятного. Однако, во-первых, такое захоронение могло состояться только после посещения Домнина царём Михаилом Федоровичем в 1619 году (и, таким образом, оно никак не могло быть "первым делом нового царя"), а во-вторых, – и это, конечно, главное – почти невозможно представить, чтобы монахи Ипатьевского монастыря как-ни-

---

ского уезда Костромской губернии. После завершения образования служил в Министерстве иностранных дел, несколько лет работал в российском консульстве в США. По выходе в отставку Свиньин занимался литературной деятельностью, часто ездил по России, в 1818 году основал журнал "Отечественные записки", в котором много печатался сам. Был членом Российской Академии художеств и Российской Академии наук. Его перу принадлежит ряд книг, среди которых – "Опыт живописных путешествий по Северной Америке", "Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей", "Археологические путешествия по России в 1825 г.", несколько исторических романов.[2]

* Председатель комиссии, известный историк Н.Н. Селифонтов, писал об этой рукописи: "Если и нет несомненных доказательств, что именно настоящая рукопись <...> есть рукопись Назарова и была в руках П.П. Свиньина, то, с другой стороны, есть полная вероятность, что автор полученной нами рукописи имел в виду содержание рукописи Назарова".[5]

** Нас не должны удивлять разные фамилии родных братьев. В I-й половине XIX века в духовной среде это было самым обычным явлением.

будь "потеряли" - хотя, конечно, мы можем потерять всё, что угодно, – могилу человека, спасшего основателя царствующей династии. Если даже предположить, что место захоронения Сусанина было каким-нибудь образом и забыто (например, в XVIII веке – во время упадка монастыря), то всё равно запись о похороненном в ограде монастыря должна быть сделана в монастырском синодике и упоминаться в различных монастырских документах. Но ни в одном письменном источнике – кроме "древней летописи" Свиньина – не говорится о захоронении Сусанина в Ипатьевском монастыре, а в самом монастыре в обозримом для нас прошлом нет и не было ни малейших следов сусанинской могилы. Ни один из серьёзных историков, писавших об Ипатьевском монастыре в XIX и начале XX веков (М.Я. Диев, П.Ф. Островский, И.В. Баженов), говоря о монастырском некрополе, даже и не упоминал о версии, идущей от свиньинского очерка. Всё это убедительно говорит о том, что могила Сусанина в Ипатьевском монастыре не забыта, как полагал Свиньин, её здесь просто никогда не было.

Однако, будучи неопровергнутой, версия о том, что Сусанин похоронен в Ипатьевском монастыре, не умирала на всём протяжении XIX-XX веков и – как всякая не признанная официально легенда – пользовалась определённой известностью.

Явно отталкиваясь от очерка Свиньина, историк Д.Н. Бантыш-Каменский в 5 томе своего "Словаря достопамятных людей русской земли", вышедшего в Москве в 1836 году, в статье о Сусанине писал: "Прах Ивана Сусанина покоится в Костромском Ипатьевском монастыре; но могила его, к сожалению не известна".[7] Почти слово в слово повторил свиньинский текст в книге "Взгляд на историю г. Костромы", вышедшей в Москве в 1840 году, историк князь А.Д. Козловский, добавивший от себя: "Как больно для сердца русского, что могила Сусанина от древности времени не известна в Ипатьевском монастыре".[8]

Опираясь на или Свиньина, или Козловского, автор статьи "Православие - источник спасения отечества", опубликованной в 1849 году в "Журнале министерства народного просвещения", повествуя о подвиге Сусанина, писал: "…юный Михаил успел скрыться в обитель Ипатиевскую. Туда перенесено было и тело мученика (т.е. Сусанина – Н.З.), и там ежегодно совершалась по нём торжественная панихида; но теперь, к сожалению, неизвестен его гробовой камень".[9]

В 1861 году впервые был опубликован известный очерк К.Д. Ушинского "Поездка по Волге", в котором великий русский педагог, знакомый, видимо, с какой-то из работ, сообщающей о захоронении праха Сусанина в

Ипатьевском монастыре, рассказывая об этом монастыре, написал: "В Ипатьевском же соборе (так Ушинский неточно назвал Троицкий собор монастыря – Н.З.) похоронен, по повелению царя Михаила Федоровича, и крестьянин-герой Иван Сусанин".[10] Замечательный очерк великого педагога впоследствии многократно переиздавался и оказал влияние на ряд популярных путеводителей по Волге, сообщавших о захоронении Сусанина в Ипатьевском монастыре уже как о бесспорном факте.[11]

В 1871 году в Петербурге вышло "Описание Костромской губернии", в котором говорилось, что в Троицком соборе Ипатьевского монастыря "погребён и крестьянин Иван Сусанин, но место могилы его неизвестно".[12] В "Памятной книжке Костромской губернии на 1901 год" также сообщалось, что в Ипатьевском монастыре покоится "прах Сусанина, перевезённый сюда из Исупова".[13] В вышедшем в 1912 году очередном томе "Русского биографического словаря", в статье о Сусанине, писалось: "Сохранилось известие, что по восшествии на престол Михаил Федорович велел перенести тело Сусанина из Домнина, где были погребены его останки, в Ипатьевский монастырь…"[14] Посол Франции в предреволюционной России, Морис Палеолог, писал во второй книге своих мемуаров, впервые изданной на русском языке в 1922 году: "Старый город Кострома <…> богат воспоминаниями: в нём хранится в знаменитом Ипатьевском монастыре прах героического крестьянина Сусанина, легенда о котором прославлена "Жизнью за царя".[15]

В бурях революции рухнула романовская династия, и всё в нашей стране, как писали совсем недавно, "неузнаваемо изменилось", но свиньинская версия пережила и революцию. Первой в советское время о ней вспомнила в книге "Ипатьевский монастырь", вышедшей первым изданием в Ярославле в 1968 году, искусствовед В.Г. Брюсова. Ссылаясь на очерк в "Отечественных записках", она сообщила, что у П.П. Свиньина, будто бы, имелась "старинная рукопись со списком указа царя Михаила Федоровича о перезахоронении Сусанина в монастыре".[16] (Однако ни о каком письменном указе Михаила Федоровича у Свиньина нет ни слова!) Не вдаваясь в подробности, В.Г. Брюсова пишет: "Никогда не будет забыт потомками патриотический подвиг Ивана Сусанина, прах которого ныне покоится в стенах Ипатьевского монастыря".[17]

Вслед за В.Г. Брюсовой о захоронении Сусанина в Ипатьевском монастыре написал военный историк Н.В. Борисов, автор книги "Они повторили подвиг Сусанина", в которой он, не делая ссылок, сообщал, что Ивана Сусанина похоронили "сначала под Домнинской церковью, а затем прах перенесли на территорию Ипатьевского монастыря".[18]

И как совсем свежий пример, явно идущий от вышедшей несколькими изданиями книги В.Г. Брюсовой, – публикация в газете "Известия", датированная февралём 1993 года. Говоря о подготовке к празднованию 380-летия романовской династии, в ходе которого предполагалось в стенах Ипатия поставить оперу М.И. Глинки "Жизнь за царя", автор публикации сообщил: "И вот уже у режиссёров праздничного действа возникает мысль сыграть глинковскую "Жизнь за царя" не на театральной сцене, а в исторических декорациях – на открытой площадке Ипатьевского монастыря, в земле которого, кстати, покоится прах Ивана Сусанина".[19]

К сожалению, гораздо меньше известна другая, несравненно более вероятная версия о том, что прах Сусанина погребён в Домнине.

Версия II: Сусанин погребен в Домнине

Известно, что вся жизнь наших предков была связана с церковью своего прихода, в которой их крестили, венчали, отпевали; на приходском кладбище у стен храма, если не случалось прихожанину умереть уж очень далеко от родных мест, его обычно и хоронили. Центром прихода для домнинской округи в начале XVII века, как уже писалось, были храмы погоста Спас-Хрипели, стоявшего над Шачей несколькими верстами ниже Домнина. И тело Сусанина, если он не стало добычей болота или дремучего леса, должно быть похороненным на кладбище в Спас-Хрипелях. Так, наверняка, и было (среди местных жителей до сих пор существует предание о том, что Сусанин похоронен в Спас-Хрипелях). Однако позднее, видимо, – как уже писалось – в 1619 году, прах Сусанина был перенесён в Домнино и предан земле в подклете Воскресенского храма.

Как мы помним, Воскресенский храм в Домнине был построен, вероятно, во второй половине XVI века, скорее всего, тогдашним владельцем села Василием Михайловичем Шестовым, дедом Ксении Ивановны и прадедом Михаила Федоровича. Стоящую и ныне в Домнине каменную церковь Успения Божией Матери начали строить рядом с древним деревянным храмом в 1810 году и окончили в 1817 году. Некоторое время храмы стояли бок о бок (в каменном служили летом, в деревянном зимой), но в 1827 году к каменной церкви был пристроен тёплый храм, и в 1831 году деревянный Воскресенский храм, ставший уже совсем ветхим, был разобран на дрова, пошедшие на обжиг кирпича, из которого была сооружена стоящая и поныне ограда, окружающая церковь с находящимся возле неё кладбищем.[20]

Определением местонахождения могилы Сусанина мы обязаны глав-

Кладбище в селе Домнине. На этом месте находился древний храм Воскресения Христова. Фото Н.М. Бекаревича. 1895 г.

ным образом домнинскому священнику протоиерею А.Д. Домнинскому. Благодаря А.Д. Домнинскому, первое сообщение о том, что прах Сусанина покоится в Домнине, появилось в начале 1854 года в петербургском "Журнале министерства государственных имуществ" в статье "Известие о селе Домнине Костромской губернии, и об исправлении в оном церкви". В этой статье, в частности, говорилось: "Место, где стояла древняя церковь, ныне обращено в кладбище и как протоиерей села Домнина (имеется в виду о. Алексей Домнинский – Н.З.), так и прочие церковно-служители и крестьяне убеждены, что тело Сусанина похоронено было под этою церковью..."[21]

Через несколько лет об этом же сообщил капитальный труд "Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния", вышедший в Петербурге в 1861 году. В разделе о Домнине в нём говорилось: "Место где стояла древняя

церковь ныне обращено в кладбище и местные крестьяне убеждены, что тело Сусанина похоронено было под этой церковью…”[22]

Сам протоиерей А.Д. Домнинский написал о местонахождении сусанинской могилы уже на закате своих дней. В 1871 году в журнале “Русский Архив” была опубликована его интереснейшая работа “Правда о Сусанине”, в которой домнинский священник писал: “Сусанин погребен под церковию (Воскресенской, деревянной – Н. З.), и туда каждого дня ходили в старину петь панихиды.”[23] Сообщив это, о. Алексей пометил: “Это я слышал от домнинских крестьян, кои содружны были с моим родителем”.[24]

А.Д. Домнинский сообщал также о захоронении мужчины, обнаруженном на месте, где находился раньше Успенский придел Воскресенского храма; он писал: “С южной стороны под предел Успения Божией Матери устроен был вход, дверь коего от долговременности так была угружена в землю, что при сломке церкви был виден только косяк. Предание же говорит, что туда под церковь ходили петь панихиды. И в самом деле после разборки церкви под пределом Успения Божией Матери в том же 1831 году при взрытии могилы для одного умершего младенца в глубине земли открыт гроб, и в нём останки мужского тела: череп и волосы были целы, а в изголовье была найдена фарфоровая чашка с яркими по выпуклости цветами. Думать можно, что тело сие было похоронено у самой стены церковной; при распространении же церкви закрыто было пределом Успения Божией Матери. На всём пространстве, какое занимала церковь своим зданием <…> ни одной могилы более не открыто”.[25]

О. Алексей не высказал никаких предположений о том, чьё тело могло быть погребено под церковью, но он явно придавал этом факту большое значение и в другом месте своей работы вновь написал: “Что касается могилы, найденной мною под церковью, то совершенно не лгу и сохрани меня, Боже, лгать при конце жизни на истину, хотя на историческую. Впрочем есть этому и свидетель который ещё жив – бывший тогда причетчиком при нашей церкви, а ныне заштатный священник села Спасского, в Буйском уезде, Василий Алексеев”.[26]

К сожалению, труд протоиерея А.Д. Домнинского, опубликованный с предисловием тогдашнего костромского губернатора В.И. Дорогобужинова, не получил должной огласки, как он того, безусловно, заслуживал. Главной причиной этого явилось, видимо, то, что о. Алексей, как уже писалось, отнёс время сусанинского подвига не на февраль-март 1613 года, как было принято, а на позднюю осень 1612 года. Но осенью 1612 года Михаил Романов ещё не был царём, и спасение его в это время лишало подвиг Суса-

Кладбище в селе Домнине (вид с колокольни Успенской церкви). Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

нина непосредственного отдания "жизни за царя". Это могло иметь вполне понятные политические последствия, что и обусловило, видимо, замалчивание работы Домнинского, в том числе и сообщения о месте захоронения Сусанина.

Одним из тех немногих, кто сразу откликнулся на труд А.Д. Домнинского, был Н.И. Костомаров. Оценив в целом работу о. Алексея весьма критично и фактически обойдя стороной вопрос о захоронении Сусанина под Воскресенской церковью, он обрушился на сообщение об обнаруженном захоронении мужчины, заметив: "Но если это Сусанин, то как попала в гроб его чайная чашка? (у Домнинского, правда, не сказано, что чашка была чайная – Н.З.). В то время не только у крестьян – у бояр не было таких вещей, да и не было в них нужды! Очевидно, могила – времени более по-

зднейшего".[27] Правоту замечания Н.И. Костомарова нельзя не признать, * но ведь Домнинский не утверждал прямо, что обнаруженные им останки мужчины являются останками Сусанина.

Таким образом, сообщение протоиерея Домнинского о месте захоронения Ивана Сусанина – сообщение сенсационное и в любом случае заслуживающее самого внимательного рассмотрения – не подвергалось обсуждению историков и осталось, по сути, малоизвестным.

Однако спустя полтора десятилетия сообщённое А.Д. Домнинским получило подтверждение. В 1897 году на заседании Костромской губернской учёной архивной комиссии с докладом о розысках местонахождения могилы Сусанина выступил председатель комиссии Н.Н. Селифонтов, сообщивший, что "в настоящее время в распоряжении комиссии <...> имеется официальный рапорт благочинного священника 4-го Буёвского округа Василия Семёновского** (Домнино относилось к этому церковному округу – Н.З.) Его Преосвященству епископу нашему Виссариону, от 8 июля 1896 г. за №112, их которого видно, что "по ходячим в народе слухам предание сходится к тому, что Сусанин похоронен при тогда бывшей деревянной церкви села Домнина, но могила и самое её место в народном предании изгладилось. Большинство", – говорит далее отец благочинный, – "в числе

---

* Заведующий сектором археологии Москвы Института археологии Российской Академии наук Л.А. Беляев, к которому я обратился за консультацией по поводу этой чашки, любезно ответил мне в письме следующим образом :"К сожалению, датировать могилу XVII веком, конечно, нельзя. Фарфоровые чашечки появляются в могилах в массовом количестве только в последней четверти XVIII века и существуют до середины – второй половины XIX века. До появления фарфорового производства мне неизвестно ни одной находки фарфора в погребениях (хотя, конечно, стопроцентно отрицать саму возможность использования редчайшего в XVII веке фарфора из Китая и нельзя – всё же вероятность этого стремится к нулю). <...> Предназначение чашечек достаточно известно – в них был елей. Он оставлялся от последнего помазания больного перед смертью, и затем, по совершению обряда (смешение с вином и крестообразное проливание на гроб), оставлялся в могиле или в гробу, в той же посудине, из которой поливали. (В XVII веке это обычно керамика или стекло, ранее – почти исключительно керамика, стекло – только в "царских" погребениях, где встречается, как будто, и металлическая посуда.)"

** Священник Василий Григорьевич Семёновский – сын дьякона из села Семёновского Макарьевского уезда Костромской губернии. Окончив в 1854 году Костромскую духовную семинарию, он был рукоположен в священники Троицкой церкви в селе Исупове, находящемся в 10 верстах от Домнина, где прослужил до 1893 года. Долгое время был благочинным, позднее перешёл служить в Никольскую церковь в селе Соболеве Буйского уезда.[28]

коего главный с. Домнина старожил крестьянин Дмитрий Марков, имеющий от роду 75 лет, уверяют, что (как слыхал от своего отца и тёток старших отца) могила Сусанина должна быть на том месте, где была прежняя деревянная церковь, которая за ветхостью, уничтожена, а настоящая каменная церковь на несколько сажён отдалена от прежней деревянной; на могиле будто бы была плита с надписью, но оная плита между другими каменьями, находившимися на могилах, по недостатку камней для бута, при постройке каменной церкви употреблена на бут."[29]

Мы видим, что известие благочинного В. Семёновского, совпадая в целом с тем, что сообщил А.Д. Домнинский, содержит также существенное дополнение – упоминание о каменной плите "с надписью" на предполагаемой могиле Сусанина.* Судя по всему, плита могла погибнуть или в 1810 году, когда начали строить каменный холодный храм (что вероятнее), или во второй половине 20-х годов, когда к нему был пристроен тёплый храм. Не совсем понятно, почему об этой плите ничего не сообщил А.Д. Домнинский (не хотел бросать тень на своего отца, священника Даниила, при котором произошло уничтожение плиты?).

В начале XX века историк Н.Н. Виноградов, много и плодотворно занимавшийся сусанинской тематикой, записал неподалёку от села Коробова – места жительства потомков Сусанина – предание о спасении от поляков Михаила Федоровича. В этом предании говорилось, что Сусанин, спасая Михаила, укрыл его в яме от сгоревшего овина, сам же увёл поляков на болото, где затем и был ими убит. Русские воины, которых через некоторое время привёл Богдан Собинин, подобрали тело Сусанина и принесли его в деревню. Тут Михаил Романов вылез из ямы, и "когда он узнал, за что и как умер Иван Сусанин то сам плакал, обмывал и складывал части его тела и велел похоронить останки Ивана Сусанина в церкви".[30] Не разбирая в целом это предание, записанное в краю сусанинских потомков, обратим внимание на главное для нас в данном случае – на то, что Сусанин, согласно этому преданию, был похоронен "в церкви" (церковь же эта – безусловно, Воскресенский храм в Домнине).

---

* Думается, что эта плита "с надписью" может свидетельствовать в пользу того, что под ней действительно был погребён Сусанин. Ведь каменная плита, стоившая в XVII веке весьма недёшево, могла быть на могиле только у состоятельного человека – например, кого-то из Шестовых, владельцев вотчины. Однако нам неизвестно, чтобы кто-то из Шестовых был похоронен в XVI-XVII веках в Домнине. У крестьянина же такая плита могла появиться только ввиду каких-то особых обстоятельств и, конечно, не за счёт семьи покойного.

Но насколько мы можем доверять известиям о захоронении Сусанина в Домнине, и не являются ли все эти предания не имеющими под собой никакой исторической основы легендами? Конечно, народные предания – не самый лучший исторический источник и народная фантазия может додуматься до многого, но есть вещи, придумать которые просто нельзя, и захоронение Сусанина в церкви явно относится к их числу.

Вспомним, что издавна место захоронения умершего на кладбище обуславливалось или его социальным положением, или – гораздо реже – его заслугами. Престижность места определялась близостью к алтарной части храма, и поэтому у алтаря обычно хоронили священников и наиболее знатных прихожан. Несравненно почётнее было захоронение в стенах самого храма, причём престижнее всего считалось погребение в алтаре. В храмах хоронили, как правило, представителей высших слоёв русского общества – князей, царей, церковных иерархов; в церкви могли похоронить храмоздателя, т.е. человека, на чьи средства был возведён данный храм, а также его близких; изредка такой чести мог удостоиться долго прослуживший в храме священник. Лиц, не относящихся к этим категориям, могли похоронить в церкви только за какие-то выдающиеся заслуги по распоряжению очень высоких инстанций. Вспомним, хотя бы, Кузьму Минина, прах которого спустя несколько десятилетий после смерти был перенесён под своды Спасо-Преображенского кафедрального собора в кремле Нижнего Новгорода.

Таким образом, сам факт захоронения в церкви – в подклете шатрового храма Воскресения Христова в Домнине – убедительнее всего свидетельствует, что речь идёт о могиле именно Сусанина. Как уже писалось, по-видимому, первоначально останки Сусанина были преданы земле на приходском кладбище погоста Спас-Хрипели, а затем – скорее всего, после посещения Домнина царём в 1619 году – их перезахоронили в подклете Воскресенского храма, положив на могилу каменную плиту. Произойти это могло только по распоряжению – видимо, устному – царя Михаила Федоровича.

Обобщая всё вышесказанное, мы можем сделать уверенный вывод: Иван Сусанин был похоронен в подклете деревянного Воскресенского храма и место его захоронения находится всего лишь в считанных метрах от существующей ныне Успенской церкви Домнина.*

---

* В свете всех приведённых фактов видна полная несостоятельность утверждений современного историка К. Воротного о том, что "на самой родине кре-

Почему же могила Сусанина была забыта?

Судя по всему, в прошлом могила Сусанина была весьма почитаема. Как мы помним, у А.Д. Домнинского говорится, что "в старину" в подклет Воскресенского храма "ходили петь панихиды". Под этой "стариной", вероятнее всего, имеется в виду XVII век, эпоха первых Романовых. Почитание могилы прекратилось, видимо, в XVIII веке, когда она и была, по сути, забыта. Удивления у нас это вызывать не должно, вспомним, например, как была забыта могила гораздо более знаменитого героя России – князя Д.М. Пожарского, находившаяся в суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре (её нашли только в середине XIX века).

Забвение сусанинской могилы можно объяснить рядом конкретных причин – и отсутствием в домнинской округе прямых потомков Сусанина, переселённых в Коробово, и известной монастырской реформой 1764 года, отнявшей у монастырей их земельные владения (в результате чего Домнино, принадлежавшее с 1631 года московскому Новоспасскому монастырю, тесно связанному с домом Романовых, перестало быть его собственностью). Но главной причиной забвения, думается, был сам дух XVIII столетия, не помнившего о слишком многом из допетровской России. Впрочем, забвение сусанинской могилы, как мы видим, не было абсолютным, так как память о ней была жива среди крестьян Домнина, по крайней мере, до конца XIX века.

Но если к концу XIX века костромская общественность в лице губернской учёной архивной комиссии располагала вполне достоверными сведениями о месте захоронения знаменитого земляка, то почему же не были приняты меры по какому-то его мемориальному оформлению? Ниже мы ещё вернёмся к рассмотрению этого вопроса, а сейчас лишь скажем, что главную роль здесь сыграл известный консерватизм человеческого мышления – привычный образ Сусанина, погибающего где-то на болоте или в лесной чаще, никак не вязался с фактом существования в Домнине его могилы.* Для такой "увязки" требовалось время, однако его-то, как мы знаем,

---

стьянина, в с. Домнино, никто и никогда не упоминал и не показывал место, где мог быть, пусть недолго, захоронен прах земляка, если погребение действительно существовало".[31]

* Кажется, единственный, кто в начале XX века как о бесспорном факте писал о том, что могила Сусанина находится внутри ограды Успенской церкви в Домнине, был костромской краевед И.М. Студитский (правда, Студитский писал,

история тогда и не дала. Грянувший 1917 год надолго – до наших дней – отложил решение этого вопроса.

что могила находится в юго-западном углу ограды, но вероятнее её нахождение в юго-восточном углу).[32] Состояние общественной мысли по этому вопросу отражает ответ старика Игната Савельевича корреспонденту газеты "Новое время", посетившему Домнино зимой 1913 года:

" – А не знаете, где Сусанин похоронен?

– Разно толкуют, господин милостивый; одни сказывают, что по царскому указу под церковь его похоронили, другие толкуют, что поляки в болоте, как убили его, там и затопили, а тут, вот, надысь, барин какой-то учёный приезжал с кокардой, так тот говорил: "Доподлинно мне известно, в Ипатьевском монастыре, в Костроме, его похоронили". Да чего тут теперь об этом толковать, поди и кости-то все сгнили, а вот душеньке его чистой в раю теперь вольготно".[33]

Часть II

СУСАНИН

в истории России

Глава 6

ПАМЯТЬ О СУСАНИНЕ В XVII – I-й ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКОВ

Имя Сусанина в XVII – I-й половине XVIII веков

Обычно считается, что в этот период Сусанин был почти забыт и что о нём вспомнили только во 2-й половине XVIII века, однако это не совсем так.* В каком-то отношении в XVII веке память о Сусанине чтилась гораздо более достойно, чем в последующие столетия. Да, в эпоху первых Романовых ещё не было того официального сусанинского культа, возникшего позднее, всё было скромнее, но человечнее и естественнее. Как мы помним, по крайней мере, весь XVII век причт Воскресенского храма в Домнине служил панихиды на могиле Сусанина в подклете храма, поминая "раба Божия Ивана" и прося Господа простить ему все грехи – вольные и невольные… На этих панихидах, конечно, присутствовали земляки Сусанина – крестьяне домнинской округи, но, к сожалению, не бывали его прямые потомки, переселённые далеко от родных мест. И именно поэтому основным местом, связанным с именем Сусанина, постепенно становится в этот период Коробово.

---

* В советское время, когда все явления истории объяснялись преимущественно с классовой точки зрения, сравнительная малоизвестность имени Сусанина в XVII – I-й половине XVIII веков обосновывалась тем, что крепко стоявший на ногах "царизм" ещё не нуждался в то время в использовании имени костромского крестьянина для укрепления своей власти и что о нём вспомнили лишь во 2-й половине XVIII века – в условиях "разложения" феодально-крепостнической

Как уже было сказано, в 1633 году потомки Сусанина были вынуждены переселиться с севера тогдашнего Костромского уезда, где находились Деревеньки, в его южную часть – находящуюся в десятке верст от Волги пустошь Коробово.

Чуть ли не все сёла и деревни в этой части уезда издавна принадлежали представителям рода Годуновых. В нескольких верстах от Коробова располагалось старинное село Прискоково, которым раньше также владели Годуновы, а с 1572 года оно было центром большой вотчины, принадлежавшей Ипатьевскому монастырю.* Прискоково являлось и центром местного церковного прихода (к нему относилось и Коробово) – над селом возвышались шатровый храм в честь Рождества Христова (летний) и небольшой Никольский (зимний) храм; возле них – приходское кладбище и несколько келий, где жили нищие.[2]

На новом месте, в пустоши Коробове (название пустоши,** вероятно, произошло от фамилии дворянского рода Коробовых), поселились дочь Сусанина Антонида Ивановна и её двое сыновей – Даниил и Константин (от последних и пошли две ветви потомков Сусанина – ещё в начале XX века жители Коробова помнили, кто из них – "даниловичи", а кто – "константиновичи"). Неизвестно, были ли Даниил и Константин на момент переселения женаты, но если не были, то поженились они, видимо, уже в Коробове, взяв за себя девушек из соседних деревень. На новом месте внуки Сусанина распахали землю, построили избы и хозяйственные постройки, положив начало новой деревне, а позднее и селу, в котором потомки Сусанина – или "коробовские белопашцы", как стали их называть, – и жили впоследствии несколько веков.

В начале 40-х годов у Антониды Ивановны и её детей возникли проблемы в отношениях с местными властями, попытавшимися, несмотря на

системы и обострения классовой борьбы. Конечно, какая-то доля истины в этих утверждениях есть, но очень небольшая. Причин относительной малоизвестности имени Сусанина в этот период немало, но едва ли на самым главным был, в общем-то, случайный фактор: после 1619 года никому из обладателей трона Московского царства, а затем и Петербургской империи не привелось побывать в Костроме (но, как мы увидим ниже, имя Сусанина сразу же "всплыло" в 1767 году – при первом с 1619 года венценосном посещении Костромы).

* В середине XVI века Прискоково принадлежало Ивану Ивановичу Годунову, а затем перешло Дмитрию Ивановичу Годунову и его племяннику Борису Федоровичу Годунову. В 1572 году последние передали прискоковскую вотчину Ипатьевскому монастырю,[1] за которым она оставалась вплоть до 1764 года.

** Пустошь – незаселённая земля, покинутые надолго из-под сохи поля, покосы из-под пашен.[3]

наличие царских жалованных грамот, возложить на жителей Коробова какие-то повинности. По-видимому, дочь Сусанина обратилась с жалобой на имя царя, и следствием этого была новая царская грамота – последняя жалованная грамота, выданная Михаилом Федоровичем потомкам Сусанина, датированная 5 августа 1644 года.* Этой грамотой основатель династии Романовых, подтвердив прежние льготы жителям Коробова, дал им ряд новых. В грамоте говорилось, что царь Михаил Федорович "пожаловал приселка Подольского деревни Коробова вдову Богдановскую жену Сабинина з детьми з Данилкою и с Костькою по прежним <...> грамотам во оную деревню Коробово воеводам сыщикам и старостам и никому ни для каких дел ко оной вдове Антонитке и детям и внучатам не въезжать и стрельцов и пушкарей не посылать и запасов и подвод и кормов не имать и в городовые поделки не делать и судом и расправою ни в каких делах ея Антонитку и детей и внучат не ведать и никакие продажи и убытков не чинить, а ведать ее по всём в приказе Большого дворца...".[4]

Грамота 1644 года – последний документ, упоминающий Антониду Ивановну, по-видимому, умершую где-то в середине XVII века. Согласно поздним преданиям, не доверять которым у нас нет никаких основний, дочь Сусанина была похоронена на приходском кладбище в Прискокове. Позднее там же были погребены, конечно, внуки Сусанина – Даниил и Константин, а затем – его правнуки и праправнуки...

Последняя грамота, полученная потомками Сусанина в XVII веке, была выдана в сентябре 1692 года царями Иваном и Петром (последний – будущий российский император) сыну Данила, Григорию, и сыновьям Константина – Михаилу и Луке. Собственно, это была не новая грамота, а на грамоте царя Михаила Федоровича от 30 января 1633 года было приписано: "... Божиею милостию мы пресветлейшие и державнейшие Великие Государи Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцы, слушав сей жалованный грамоты деда нашего (...) Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержца, Мишку да Лучку Костянтиновых детей да Гришку Данилова сына Собининых пожаловали, велели сию жалованную грамоту подписать на наши Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича (...) имена, и пустошью Коробовою, за службу деда их, владеть им Мишке и Гришке и Лучке и их детям и внучатам и правнучатам и в род их вовеки неподвижно, и о всем чинить, как в всей жалованной грамоте написано".[6]

* Сама грамота 1644 года до нас не дошла, но её текст приводится в грамоте Екатерины II от 8 декабря 1767 года.

Память о Сусанине охраняла его потомков и в XVIII веке. Как мы помним, в 1731 году праправнук Сусанина "деревни Коробова белопашенец Иван Лукоянов сын Сабинин", переселившийся в расположенное неподалёку от Коробова, на другом берегу Волги, село Сидоровское и купивший там землю, подал прошение на имя императрицы Анны Ивановны, в котором жаловался на то, что местные крестьяне пытаются распространить на него общее тягло (то есть повинности). В ответ на это указом императрицы от 19 мая 1731 года было велено "Ивана Лукоянова сына Сабинина по силе означенных данных прадеду его жалованных грамот в том селе Сидоровском <...> в тягло <...> не класть <...> и в работы со крестьяны не понуждать...".[7]

В 1741 году над коробовцами нависла угроза рекрутчины – ведь регулярная армия, формируемая из рекрутов, возникла в России только при Петре I, и так как в старых царских грамотах ничего о рекрутстве не говорилось, то они, естественно, не могли защитить потомков Сусанина от этой напасти. Жители Коробова обратились с прошением на имя сменившего на троне Анну Ивановну младенца-императора Ивана Антоновича, и 21 сентября 1741 года (незадолго до свержения Ивана Антоновича, окончившего свою жизнь в шлиссельбургской тюрьме) им была выдана новая грамота, которая, подтверждая все прежние льготы потомкам Сусанина, освобождала их и от рекрутского набора.* В грамоте, подписанной от имени императора его матерью – правительницей Анной Леопольдовной (племянницей Анны Ивановны), говорилось: "... Мы Наше Императорское Величество Всемилостивейше пожаловать указали с них, Собининых, как в рекрутские, так и в другие поборы ныне и впредь ничего не спрашивать, а содержать их при прежних предков Наших Великих Государей жалованных грамотах во всем непременно".[8]

Рождение сусанинской легенды

Появление потомков Сусанина в Коробове, которые, с одной стороны, были обыкновенными крестьянами, с другой – обладали царскими грамотами и льготами, каких не было и у дворян, не могло не возбуждать у их новых соседей интереса, почему коробовцы оказались в такой чести.

Со временем "феномен" коробовских белопашцев стал нуждаться в объяснениях и для самих коробовцев. Реальная картина гибели Сусанина,

* Коробовцы не подвергались рекрутскому набору вплоть до 1874 года, когда в России была введена всеобщая воинская повинность и потомки Сусанина стали служить в армии наравне со всеми.

которую, надо думать, знали Антонида и её сыновья (впрочем, о многом, вероятно, не ведали и они), как это часто бывает, не могла удовлетворить, наверное, и современников, не говоря уже про потомков. И вот, взамен её, в представлении последних постепенно возникла иная картина подвига знаменитого предка, в которой было всё – и захватывающий сюжет, и драматические эффекты, и назидательность, и торжествующее в конце добро (к тому же в грамоте 1619 года о подвиге Сусанина было сказано так мало и глухо, что просто не могло не побуждать к домыслам и обобщениям). Так на место подлинной картине событий пришла красивая легенда, в которой элементы действительности были обильно перемешаны с вымыслом.

Во-первых, в легенде Сусанин спасал Михаила Федоровича, который уже, разумеется, был избран царём. Во-вторых, происходя по мужской линии от Богдана Собинина, его потомки не могли смириться с тем, что зять Сусанина, как уже писалось, не сыграл никакой роли в событиях, связанных с гибелью Сусанина. Ведь не зря же царская грамота выдана на его имя! И вот воображение потомков заставляет Сусанина послать Собинина к царю в Домнино с вестью, чтобы он укрылся в Ипатьевском монастыре (хотя, как уже писалось, если бы дело действительно обстояло так, то память о Сусанине была почтена уже в самом начале царствования Михаила Федоровича, попала бы в летописи и исторические повести о Смуте, а Богдана Собинина наградили бы не только в память о тесте, но и за его собственные заслуги).

По-видимому, окончательно легенда о гибели Сусанина сложилась в среде коробовцев к концу XVII века, когда ушли из жизни все старшие из рода Сусанина и Собинина. В прошении 1731 года, поданном И.Л. Сабининым на имя императрицы Анны Ивановны, эта легенда зафиксирована как уже целиком сложившаяся. Различными путями она попала позднее в сочинения историков и писателей XVIII-XIX веков. Таким образом, версия о подвиге Сусанина, спасающего Михаила Федоровича, уже избранного царём (или "царская" версия, как мы будем называть её в дальнейшем), не была сфабрикована царскими прислужниками в пропагандистских целях, как полагали некоторые исследователи в XIX-м, а особенно в XX веках, нет, эта версия – типичная народная легенда, сопровождающая любое историческое событие.

В том, что эта легенда, как мы увидим позднее, полностью заслонила подлинную картину событий, нет ничего удивительного: легенды и мифы, являясь произведениями устного народного творчества, всегда заменяли в памяти новых поколений исторические события (вспомним классический

пример – историки могут давать различные версии подлинных причин войн между греками и троянцами, но в тысячелетиях навсегда остались прекрасные мифы о яблоке раздора, о суде Париса и о похищении Прекрасной Елены).

Глава 7

НАЧАЛО ВСЕРОССИЙСКОЙ ИЗВЕСТНОСТИ СУСАНИНА

Почему с конца XVIII века имя Сусанина становится известным?

Как мы видели, в XVII веке и большей части XVIII века имя Сусанина было известно очень мало. Начало его широкой известности приходится лишь на конец XVIII века. Неизбежно встаёт вопрос: почему популярность Сусанина начинается только в это время? Вопрос немаловажный, ибо Н.И. Костомаров и его сторонники усматривали в этом факте ещё одно подтверждение того, что спасение Сусаниным Михаила Федоровича является "мифом" и "монархической легендой".

В советское время начало известности имени Сусанина в конце XVIII века традиционно объясняли тем, что в условиях кризиса крепостнической системы и обострения классовых противоречий "идеологи царизма" и "дворянские историки" стали возвеличивать образ Сусанина в пропагандистских целях для упрочения самодержавного строя. Спору нет, определённая доля истины в этих утверждениях есть, но главное, думается, не в этом.

Относительная малоизвестность имени Сусанина в течение большей части XVIII века объясняется прежде всего самим духом этого столетия. Петербургская империя, созданная в результате петровских реформ начала века, меньше всего была ориентирована на прошлое своей страны. Отношение к допетровской старине в высших слоях общества этого периода в каком-то отношении напоминало отношение к дореволюционному

прошлому в советской России первых послереволюционных десятилетий. Однако к концу XVIII века русское самосознание начало пробуждаться, постепенно начал расти и интерес к прошлому родной страны. Именно в это время закладываются начала политики, нашедшей позднее своё классическое выражение в теории "официальной народности", пропагандировавшей, в частности, героев русской истории; и образ крестьянина, отдавшего свою жизнь за основателя царствующей династии не мог быть обойден стороной. Свою роль во "взлёте" имени Сусанина на исходе XVIII века сыграла – как это часто бывает – и текущая политика.

Как известно, в 1773 году произошёл так называемый "первый раздел Польши", в ходе которого Пруссия, Австрия и Россия присоединили к себе части территории Речи Посполитой. "Второй раздел" произошёл в 1793 году – в это время столица Польши Варшава была занята русскими войсками. В 1794 году Варшава и другие города страны восстали. На подавление восстания были брошены значительные военные силы во главе с А.В. Суворовым. После ряда ожесточённых боёв под Варшавой польская столица сдалась. В 1795 году Пруссия, Австрия и Россия произвели "третий раздел Польши", более чем на столетие ликвидировавший независимое польское государство.

С трагических событий 1794 года берёт своё начало целая серия польских восстаний против российского владычества.* С этого же времени "польский фактор", как мы увидим ниже, постоянно играл немаловажную роль в политике России. И чем больше зла причиняло российское государство полякам, тем больше у него было оснований – для оправдания современных преступлений – возвеличивать старого русского героя, павшего от рук польских захватчиков, желавших подчинить себе Россию.

Конец XVIII – начало XIX веков: "взлёт" имени Сусанина

Как уже писалось, сравнительной малоизвестности Сусанина в большей части XVII – I-й половине XVIII веков "способствовало" и то, что после 1619 года преемникам Михаила Федоровича на троне не приводилось посещать костромской земли. Первое после 1619 года царское посещение

---

* Заметим, что и поныне каждому русскому не может не быть стыдно за всё, что вытворяли российские войска и администрация на польской земле, особенно в период подавления восстаний, но вели бы себя поляки на русской земле лучше, если бы в многовековом противостоянии России и Польши победила последняя?

произошло в мае 1767 года, когда императрица Екатерина II, совершая поездку по Волге, посетила и Кострому. И вот здесь впервые имя Сусанина было произнесено вслух в присутствии императрицы, сановников, иностранных послов, многочисленных представителей костромского дворянства и духовенства.

Утром 15 мая Екатерина II от галеры "Тверь", на которой она путешествовала по великой русской реке, на шлюпке подплыла к пристани у Ипатьевского монастыря (находившейся примерно там, где в 1613 году Михаил Федорович и его мать встречали московское посольство). Вышедшую на берег императрицу приветствовал глава епархии – епископ Костромской и Галичский Дамаскин (Аскаронский).* В своей речи владыка Дамаскин, в частности, упомянул о том, что "блаженныя памяти предок Вашего Императорского Величества, Михаил Феодорович от литовских и польских людей искомый, <...> крестьянином Иваном Сусаниным утаен бысть", упомянул он и про "мучения оными людьми реченнаго Сусанина ведавшего где, и не сказавшего им про него даже до смерти".[1]

Итак, слово было сказано и начало традиции положено: отныне при всех последующих царских посещениях Костромы имя Сусанина звучало постоянно почти в одном ряду с основателем династии Романовых.

Вскоре после посещения Екатериной II Костромы коробовские белопашцы "Василей Сабинин с товарищи" били челом императрице о подтверждении "жалованных предкам их на земле грамот, представя при том и самые те подлинные грамоты". В декабре 1767 года Екатериной II была подписана белопашцам новая жалованная грамота, в которой, в частности, говорилось: "Наше Императорское Величество в рассуждении <...> предка их Ивана Сусанина достохвальной и верной службы, те данные им грамоты Всемилостивейше подтверждаем, и наиточнейше повелеваем как жалованною от предков наших землёю владеть, так и всеми теми преимуществами пользоваться не только им, но и будущему по них роду свободно, и состоять под ведомством и судом Нашей дворцовой канцелярии и ее конторы".[2] (Правда, в грамоте 1767 года впервые промелькнули строки, свидетельствующие о том, что в отношениях российских монархов и облагодетельствованных ими потомков Сусанина не все обстоит благополучно.)**

---

* С 1744 года, когда была образована Костромская епархия, Ипатьевский монастырь стал официальной резиденцией епархиальных архиереев.

** Грамота Екатерины II кончалась характерным примечанием: "...подтверждая притом наикрепчайше, чтоб они белопасцы из посторонних в их звание ни под каким видом не принимали под опасением Нашего Императорского гнева".[3]

Начиная с конца XVIII века, о Сусанине всё чаще и чаще стали писать историки и литераторы.

Первым из историков о Сусанине написал Николай Степанович Сумароков (1727-1812), по праву считающийся "первым костромским историком". Костромской дворянин, участник Семилетней войны, долгое время прослуживший в Костроме, он в 1776-1788 годы работал над книгой, полное название которой – "История о первоначалии и произшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочинённая тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым".[4] В начале XIX века сын историка Н.Н. Сумароков, переложил труд отца в рукописи "Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии", где о подвиге Сусанина сказано, что во время избрания на царство "Михайло <...> Федорович с родительницею своею <...> находился в Костромском уезде в своей вотчине. Рассеянные поляки бежали из Москвы, и разделились разными небольшими толпами; узнав же они, что избран царем Михайло Федорович, устремились искать его и убить; дабы отмстить тем понесенное ими. Достигши они Костромских пределов, попался им по случаю Костромского уезда дворцового села Домнина крестьянин Иван Сусанин, пытали его мучительски, спрашивая, где обретается Михайло Федорович? Но он яко сын отечества скрыл от них истину; отвел их совсем в противную сторону, давши знать через верных своих, чтоб Михайло Федорович опасался, который и уведомясь о том, скрылся в город Кострому в Ипацкий монастырь. Сусанин же узнав, что Михайло Федорович находится уже вне всякой опасности, мужественно и с презрением объявил полякам, что он их обманул, которые тот же час мучительски предали его смерти. Семейство онаго крестьянина по восшествии на престол Михайло Федоровича получило многия от царя благодеяния, коими и поныне пользуются..."[5]

Судя по этому тексту, Н.С. Сумароков был знаком с версией сусанинского подвига, сложившейся среди потомков Сусанина к началу XVIII века (и это неудивительно: существование столь необычной деревни, как Коробово, побуждало узнавать сусанинскую историю весь верхний слой костромской администрации). Рукопись Н.С. Сумарокова оказалась неизданной, но содержание её не осталось неизвестным (в частности, эпизод о Сусанине автор рассказал писателю М.И. Хераскову,[6] что, как мы увидим ниже, имело свои последствия).

Эти строки царской грамоты свидетельствуют, что уже во 2-й половине XVIII века в среде коробовских белопашцев имели место отрицательные явления, подробнее о которых мы ещё скажем.

В 1792 году в Москве вышла книга "Собрание исторических известий, относящихся до Костромы", автором которой был Иван Кузьмич Васьков (1749-1813), костромской вице-губернатор, полковник, участник Русско-турецкой войны 1769-1771 годов. В этой книге впервые печатно сообщалось о подвиге Сусанина. И.К. Васьков писал: "... села Домнина крестьянин, Иван Сусанин в 1613 году, во время впадения в Костромской уезд поиском противу особы Михаила Феодоровича, поляками и литовцами был поиман, разными истерзан муками и в страдании умерщвлен; но твердый его дух, зная о месте пребывания искомого врагами, сокрыл испытываемую ими тайну, и принес жизнь в жертву для целости особы, ко утверждению государства сохраняемой."[7]

В 1804 году в Москве вышел 3-й том "Словаря географического российского государства" А. Щекатова, в котором – в статье о деревне Коробово – помещён рассказ о подвиге Сусанина. А. Щекатов писал: "Когда избрание российского государя упало на боярина Михаила Феодоровича Романова, тогда гонимые из всех российских стран (сторон – Н.З.) поляки, уведав, что избранный государь находится не в городе Костроме, а в отчине своей, бывшей в Костромском уезде, почли сей случай к погублению его удобнейшим. И так, собравшись в немалом числе, бегут прямо к селению, не сомневаясь найти в нём молодого боярина. По прибытии в оное, встречается с ними дворцового села Домнина крестьянин Иван Сусанов;* хватают его и спрашивают о местопребывании искомой особы. Поселянин приметил на лицах их начертаное злонамерение, отговаривается незнанием; но поляки, удостоверены быв прежде, что избранный государь подлинно находится в оном селении, не хотят крестьянина отпустить из рук живого, если он искомого места не объявит. Злодеи его мучат и отягчают несносными ранами; однако все сие не сильно было принудить к открытию толь важной тайны верного крестьянина, который ещё указывает им разные другие места, дабы далее тем от поисков их удержать. Наконец, по претерпении многих мучений от сих злодеев, страдалец наш лишается жизни, коею однако ж спасает жизнь своего государя, между тем щастливо скрывшегося".[9]

В 1-м номере за 1805 год петербургского журнала "Друг просвещения" под названием "Русский анекдот" был опубликован небольшой очерк о Сусанине, принадлежавший писателю М.М. Хераскову. Маститый Херас-

---

* А. Щекатов пишет так прозвание Сусанина, по-видимому, вслед за историком Т.С. Мальгиным, в 1794 году выпустившим в Петербурге книгу "Зерцало Российских государей, изображающее от Рождества Христова с 862 по 1794 гг. Высокое их родословие...", где Сусанин также именуется "Сусановым".[8]

ков писал, что Сусанин, встреченный поляками возле Домнина, "поведя их совсем в другую сторону, нашёл случай с дороги уведомить юного царя о предстоящей опасности, который получа известие, немедленно скрылся в Кострому, в Ипатский монастырь".[10] Очерку Хераскова предшествовало стихотворение графа Д.И. Хвостова – крупного чиновника (бывшего одно время обер-прокурором Св. Синода), костромского помещика, женатого на племяннице А.В. Суворова, и довольно известной в литературном мире XIX века личности. Стихотворение, посвящённое "Михайле Матвеевичу Хераскову" называлось "Надгробие. Крестьянину Ивану Сусанину" и было снабжено примечанием: "Жалею токмо, что стихи мои недостаточны изобразить славу достопочтенного Ивана Сусанина". Это было первое стихотворение в русской поэзии, посвящённое Сусанину. Граф Д.И. Хвостов писал:

Горация римлян Корнель изобразил,
Херасков русского Горация открыл
Награда подвигам, бессмертной право лиры,
Из мрака исторгать, производить в кумиры.
Сусанина здесь прах, крестьянин он простой,
Но друг отечества и мужеством герой!
Когда царя разить пришла литовска сила,
Он жизнью жертвует, спасает Михаила![11]

Буквально за считанные дни до переправы войск Наполеона через Неман и начала Отечественной войны 1812 года в московском журнале "Русский вестник", издаваемом С.Н Глинкой, был опубликован, принадлежащий перу издателя, большой рассказ "Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и избавитель Михаила Феодоровича Романова" с подзаголовком "Нравственное и историческое повествование".

В рассказе речь шла о том, что после освобождения Москвы отряды поляков кинулись в костромские пределы, где одному "из злодейственных скопищ встречается Иван Сусанин, крестьянин дворцового села Домнина. Злоумышленники останавливают его и различными околичностями расспрашивают о пребывании царя Михаила Феодоровича".[12] Однако Сусанин "проник лесть и обман злодеев, и твердо положил в душе своей исполнить приказ: чтоб все люди русские служили и прямили государю и со врагами бы его бились до смерти! <...> "Ступайте за мною, сказал он, я провожу вас в убежище царское". Скопище злодеев идет за ним; великодушный Сусанин отдаляет их совсем в другую сторону. До глубокой ночи следовали они за

ним по дремучим лесам и по снегам глубоким".[13] Затем все они где-то ночуют, поляки спят, а Сусанин молится. Автор пишет: "Сквозь шум зимней бури, сквозь покров мрачной ночи устремляется взор Божий на слабого земледельца, окруженного толпою злодеев. В полночь к этому месту подъезжает на коне сын Сусанина, отец посылает его к царю, сказав: "Ступай, спеши в костромскую вотчину царя Михаила Феодоровича, пусть уезжает…"[15] (С.Н. Глинка не говорит, куда именно надо уезжать молодому царю). Поляки просыпаются, Сусанин опять ведёт их через вьюгу по лесу. В конце концов, враги понимают, что Сусанин обманул их. "Ты обманул нас, воскликнули они! – Не я, отвечал спокойно Сусанин, не я, вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдам вам жизнь и здоровье государя-царя. Бог подкрепил меня: царь Михаил спасен".[16] Поляки предлагают Сусанину золото и серебро, но он всё отвергает. "До последнего мгновенья жизни своей, подкрепляясь верою и надеждою на Бога, великодушный Сусанин умер в жестоких муках и истязаниях. Вскоре и мучители его погибли…"[17]

С.Н Глинка завершал свою статью так: "Но не погибла память о избавителе царя Михаила Феодоровича: уже два века прошло, а крестьянин Иван Сусанин живет в памяти и в сердцах россиян. Добродетелью его, и род его прославился.<...> В тридцати пяти верстах от Костромы <...> дали вотчину семейству крестьянина Сусанина; все дела его сынов, внуков и правнуков заведовались в том же самом месте, где производились дела государевы. В Приказ Большого дворца поступали все дела потомков земледельца. Цари, наследники Михаила Феодоровича, с светлого своего престола обращали благодарные взоры на пашни и сельские жилища потомков Сусанина".[18]

Всего лишь через месяц после выхода майского номера "Русского вестника" войска Наполеона перешли границу Российской империи. Началась Отечественная война 1812 года.

Отечественная война 1812 года и после неё: Сусанин – герой Отечества

В 1812 году Россия словно вновь пережила события начала XVII века: значительная часть её была занята врагом, иноземцы вошли и в древнюю русскую столицу, вскоре охваченную грандиозным пожаром, зарево от которого по ночам было видно за сотни вёрст от Москвы.

Потрясения 1812 года и заграничный поход русской армии, завершенный победным вступлением в Париж, вызвали в России, как известно,

национальный подъём, воздействие которого так или иначе ощущалось всю первую половину XIX века. Одним из важнейших последствий 1812 года было усиление интереса к героическим страницам нашей истории (знаменательная веха тех лет – торжественное открытие в 1818 году в Москве на Красной площади памятника Минину и Пожарскому работы И.П. Мартоса).

Пережитая война существенно повысила и значение образа Ивана Сусанина. Способствовал этому, наряду с общим патриотическим подъёмом, и "польский фактор". Как известно, после победы над Пруссией и Австрией Наполеон создал в 1807 году на польской территории полностью зависимое от него Варшавское герцогство – именно территория герцогства была основной базой французской армии, осуществлявшей вторжение в нашу страну, – и пообещал полякам после победы над Россией воссоздание их независимого государства. Сомнительно, чтобы повелитель Европы выполнил своё обещание, но в рядах вторгшейся в российские пределы его "Великой армии" было и несколько десятков тысяч поляков. Во имя безумных планов французского императора поляки сражались под Смоленском и на Бородинском поле, принимали участие в грабежах и осквернении русских святынь в Москве, гибли под Малоярославцем и на Березине, устлав своими телами обратный путь наполеоновской армии от Москвы до западной границы.

Расплата за участие в войне против России последовала на Венском конгрессе 1814-1815 годов, где российский император Александр I добился присоединения к своей империи значительной части коренных польских земель вместе с Варшавой. Этот факт имел самое прямое, как мы увидим позднее, отношение к возвеличиванию Сусанина. Чем больше зла творили в Польше царские наместники, чем больше пытались её русифицировать и насадить там православие, тем больше было оснований возвеличивать в самой России русского героя, замученного поляками, покушавшимися на жизнь основателя правящей династии.

В июне 1815 года на полях под Ватерлоо закончилась война, бушевавшая в Европе столько лет, а уже 19 октября 1815 года в Петербурге – столице державы-победительницы – состоялась премьера оперы "Иван Сусанин".

Автором либретто оперы, написанного, как полагают, на основе рассказа С.Н. Глинки из "Русского вестника" 1812 года, был известный поэт и драматург того времени князь А.А. Шаховской (1777-1846). Примечательно, что Шаховской, как и многие дворяне центральных губерний, в 1812

году был командиром дружины ратников тверского ополчения: его отряд вышел из Твери 30 августа, из Клина ополченцы видели пожар Москвы и вступили в древнюю столицу сразу после ухода из неё французов.[19]

Автором музыки оперы был известный композитор Катарино Кавос (1776-1840), итальянец, уроженец Венеции, который после падения Венецианской республики, захваченной Наполеоном, приехал в 1798 году в Петербург.

Премьера "Ивана Сусанина" состоялась, как уже писалось, 19 октября 1815 года, и затем около двух десятилетий опера не сходила с российской сцены.* К сожалению, нам неизвестны её текст и музыка, мы знаем только то, что в этой опере, более похожей на водевиль, Сусанин не погибал, будучи спасённый русскими воинами (факт, показывающий насколько ещё не "отвердел" к тому времени сюжет о Сусанине, раз допускались такие вольности, немыслимые уже в самом ближайшем будущем).

К. Кавос. Литография К. Поля с портрета К. Осокина. 1820-е годы.

Опера К. Кавоса окончательно сделала известным широкой публике имя костромского крестьянина.

---

* Правнук К. Кавоса А.Н. Бенуа писал о прадеде: "В истории русской музыки Кавос заслуживает особенно почётного места как непосредственный предшественник Глинки. Свидетельством его благородного бескорыстия является то, что ознакомившись с партитурой своего младшего собрата на тот самый сюжет, на который он сам уже сочинил оперу "Иван Сусанин", прадед признал преимущество этой "Жизни за царя" и, по собственному почину, снял с репертуара своё произведение, дав таким образом дорогу своему молодому и опасному сопернику".[20]

Первое послевоенное десятилетие прославило имя Сусанина как бесспорного героя Отечества. В таковом качестве Сусанин отныне становится непременным персонажем учебников по истории. В 1818 году в Москве вышла 6-я часть "Русской истории в пользу воспитания" С.Н. Глинки, в которой автором был в основном повторён текст рассказа, опубликованного им в "Русском вестнике" в 1812 году, где говорилось о том, как Сусанин завёл поляков в дремучий лес и был ими убит.* Н.И. Костомаров писал позднее: "... с лёгкой руки Глинки, анекдот о том, что Сусанин завёл поляков, искавших головы Михаила Феодоровича, не туда куда им было нужно идти за этим важным делом, и за это положил живот – анекдот этот сделался более или менее общепризнанным фактом".[22] (Если отбросить язвительность тона, то в целом значение всего написанного о Сусанине С.Н. Глинкой Н.И. Костомаров определил верно).

Через два года в Петербурге вышла "Учебная книга истории государства Российского" Е.К. Константинова, где автор писал: "Таким образом Михаил Феодорович, спасенный в уединении своем от преследования буйствующих поляков крестьянином Иваном Сусаниным, венчался на царство".[23]

В майском номере "Отечественных записок" за 1820 год, как уже писалось, П.П. Свиньин в очерке об Ипатьевском монастыре, рассказав о подвиге Сусанина, сообщил о том, что прах знаменитого крестьянина был по распоряжению Михаила Федоровича перезахоронен в Ипатьевском монастыре (с текстами С.Н. Глинки П.П. Свиньин был явно не знаком, его же публикация в "Отечественных записках", как мы помним, получила известность, и все, позднее писавшие о том, что Сусанин погребён в Ипатьевском монастыре, так или иначе опирались при этом на свиньинский очерк).

На исходе первого послевоенного десятилетия, овеянного "вечной памятью двенадцатого года", появилось литературное произведение о Сусанине, которому суждено было стать классическим.

В конце 1822 года в Петербурге вышел первый выпуск альманаха "Полярная звезда", изданный А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым. В нём К.Ф. Рылеев опубликовал несколько своих дум, посвящённых героям русской истории, в их числе и думу "Иван Сусанин". Автор её – Кондратий Федорович Рылеев (1795-1826) – участник заграничного похода русской

---

* Новым было то, что С.Н. Глинка в своей "Русской истории в пользу воспитания" первым сообщил – не сославшись при этом ни на какие источники – о том, что прах Сусанина был предан земле в Ипатьевском монастыре

К.Ф. Рылеев. Рисунок неизвестного художника. 1824-1825 годы.

армии, один из руководителей Северного общества декабристов, принадлежал к старинному дворянскому роду, издавна связанному с костромской землёй. Родовой вотчиной деда К.Ф. Рылеева, А.Ф. Рылеева, и его отца, Ф.А. Рылеева, было имение Ахлебинино, находившееся неподалёку от Галича.[24] Хотя сам К.Ф. Рылеев, по-видимому, никогда не бывал в Костромской губернии, но, конечно, хорошо знал о своих корнях, что не могло не отразиться на его отношении к Сусанину.

Дума начинается с того, что поляки и Сусанин, встреченный ими где-то на дороге, идут к деревне Сусанина, причём поляки не скрывают,

что идут убивать Михаила Федоровича:

“Куда ты ведёшь нас?.. не видно ни зги! –
Сусанину с сердцем вскричали враги, –
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..[25]

Всё происходит в деревне Сусанина, последний угощает поляков, и они ложатся спать.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.*
Всё в дымной избушке внушает покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..[26]

Тут к дому подъезжает на коне сын Сусанина. Отец посылает его к Михаилу:

“Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому;
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей;
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге”.[27]

---

* Сарматами во времена К.Ф. Рылеева в поэзии нередко именовали поляков.

Сын расспрашивает отца о том, что тот задумал. Сусанин отвечает:

“<…> Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!”[28]

Сын выполняет его волю:

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.[29]

Враги в доме Сусанина просыпаются:

На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы – злодеи царя.

“Сусанин! – вскричали, – что молишься богу?
Теперь уж не время – пора нам в дорогу!”
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведёт их…[30]

Крестьянин заводит иноземцев в самую чащу непроходимого леса:

“Куда ты завёл нас?” – лях старый вскричал.
“Туда, куда нужно! – Сусанин сказал. –
Убейте! Замучьте! – моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой своей не погубит.”

“Злодей! – закричали враги, закипев, –
Умрешь под мечами!” – “Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!”

"Умри же! – сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали! –
Погибни, предатель! Конец твой настал!"
И твердый Сусанин весь в язвах упал!*
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила![31]

Дальнейшая история думы К.Ф. Рылеева о Сусанине повторяет судьбу всех наиболее выдающихся произведений, посвящённых знаменитому костромскому крестьянину. Известно, что вскоре после публикации её довольно высоко оценил А.С. Пушкин, в целом давший циклу дум весьма низкую оценку. В мае 1825 года он писал К.Ф. Рылееву из Михайловского, касаясь его дум: "Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключая "Ивана Сусанина" – первую думу, по которой начал я подозревать в тебе истинный талант)".[32]

В политическом отношении дума о Сусанине, как мы видим, была вполне благонамеренна, и если бы не трагическая судьба её автора-декабриста, повешенного в июле 1826 года на кронверке Петропавловской крепости, то, наверняка, через какое-то время думу включили бы в школьные программы по всей России. Однако одиозность для эпохи Николая I фигуры К.Ф. Рылеева заставила власти несколько десятилетий "жертвовать" этим весьма сильным в поэтическом отношении произведением о Сусанине (в ту пору дума, словно какое-нибудь революционное стихотворение, распространялась в списках). Во 2-й половине XIX века, когда запрет на имя поэта-декабриста был снят, дума о Сусанине стала обязательной в хрестоматиях по русской словесности, её учили и декламировали на уроках в гимназиях, в земских и церковно-приходских школах. Правда, и в это время отношение к думе было особым: её признавали и в правительственном, и в либеральном, и в революционном лагерях (в последнем "Ивана Сусанина" чтили за революционные заслуги её автора – жертвы самодержавия – и старались не замечать, что герой думы отдаёт жизнь за царя, считая это, видимо, чем-то вроде поэтической аллегории).

После же революции дума "Иван Сусанин" попортила немало крови советским литературоведам и сусаниноведам, заставляя их прибегать ко всяким увёрткам в тех случаях, когда им приходилось объяснять, почему

---

* Нельзя не заметить, что основным источником думы о Сусанине послужил, скоре всего, какой-то из текстов С.Н. Глинки.

К.Ф. Рылеев – революционер и республиканец – написал о народном герое такую "монархическую" думу.

Но, несмотря ни на что, дума К.Ф. Рылеева сыграла большую роль в популяризации имени Сусанина и в превращении его в один из символов русского патриотизма. Рылеевская дума была последним значительным произведением о Сусанине "начальной" эпохи его прославления. Как известно, 14 декабря 1825 года под гром пушек на Сенатской площади Петербурга на российский престол взошёл новый император, Николай I, прославление Сусанина при котором приобрело официальный характер и стало одним из проявлений государственной политики.

А там – во глубине России…

Как мы видим, в начале XIX века имя Сусанина, как героя Отечества, громко звучало в столицах. В сусанинских же местах – в бывшей домнинской вотчине* – дело обстояло несколько иначе. В это время, в связи с подвигом Сусанина, писали в основном о Коробове и коробовских белопашцах, а современного же положения Домнина почти не касались.

Между тем, старина постепенно уходила отсюда. Хранители исторической памяти этих мест – старые деревянные храмы – один за другим заменялись новыми, каменными. Первым был сооружён каменный пятиглавый Троицкий храм в Исупове, построенный в стиле барокко. Его освящение состоялось в 1740 году.[33] Как уже писалось, в 1810 году началось сооружение каменного храма в Домнине, причём строили его на месте бывшего двора Марфы Ивановны, совсем рядом с шатровым Воскресенским храмом, в подклете которого был погребён прах Сусанина. Строительство храма, освящённого во имя Успения Божией Матери, закончили в 1817 году.[34] Как мы помним, по-видимому, около 1810 года была разбита, пошедшая на бут, каменная плита, лежавшая на могиле Сусанина в подклете Воскресенского храма, а вскоре – в 1831 году – разобрали на дрова и сам древний храм. В 1820 году был закончен и освящён вставший на высоком берегу над Шачей каменный храм в Спас-Хрипелях.[35] Где-то вблизи нового, выдержанного в стиле классицизма храма покоились забытые могилы близких Сусанина…

---

* Как уже писалось, до 1764 года домнинская округа принадлежала московскому Новоспасскому монастырю, а после изъятия у монастырей их вотчин её жители перешли в разряд государственных крестьян.

Впрочем, память о Сусанине в бывшей домнинской вотчине не исчезла: она жила в многочисленных преданиях, известных местным крестьянам. В 1818 году в Домнино вернулся после окончания Костромской духовной семинарии молодой священник о. Алексей Домнинский, которому, как мы знаем, было суждено спасти от забвения многие страницы истории этого, связанного с именем Сусанина, уголка костромской земли.

Глава 8

СУСАНИН – ГЕРОЙ "ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ" (30 – 50 годы XIX века)

Официальный культ Сусанина: причины возникновения

Итак, уже с конца XVIII века образ Ивана Сусанина становится в России широко известным, однако, начиная с 30-х годов, эта известность поднимается на порядок выше, быстро перерастая в настоящий официальный культ Сусанина. Причин тому было немало. Очень важную роль, как уже писалось, сыграл в это время "польский фактор". Как известно, не без влияния французской революции 1830 года, окончательно свергнувшей власть династии Бурбонов, в ноябре 1830 года в Царстве Польском вспыхнуло восстание против российского владычества. Наместник Константин Павлович – брат Николая I, формально бывший в конце 1825 года императором России – едва уцелел, отступив с отрядом русских войск с польской территории. Варшавский сейм объявил о низложении Николая I с польского трона и предъявил претензии на Литву и западные части Белоруссии и Украины, ранее входившие в состав Речи Посполитой. Против восставшей Польши были брошены крупные воинские силы. В октябре 1831 года русские войска во главе с фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем взяли штурмом Варшаву, вновь уничтожив недолгую независимость польского государства.

Польское восстание и последовавшая за ним война, бесспорно, сыграли большую роль в том, что с 30-х годов имя Сусанина в России было вознесено так высоко, как никогда до этого. И чем больше российское государство во главе с лично оскорблённым поляками императором причиняло

им зла, тем больше ему было оснований – для оправдания современных преступлений – возвеличивать старого русского героя, жертву польской жестокости.

"Польский фактор" при всей его важности, однако, не был решающим. Думается, что даже и без него имя Сусанина всё равно было бы вознесено в то время на вершины официального признания. Главной причиной этого стал политический курс, который начал проводить занявший трон в конце 1825 года император Николай I. Суть его ярче всего выразила появившаяся в начале 30-х годов так называемая теория "официальной народности" с её знаменитой формулой: православие, самодержавие, народность.

Создателем этой теории был президент Петербургской Академии наук С.С Уваров (1786-1855)* , в 1832 году назначенный товарищем министра народного просвещения. В отчёте императору о ревизии Московского университета С.С. Уваров впервые выразил мысль о необходимости всю идейную и культурную жизнь России "привести к той точке, где сольются твёрдые и глубокие знания" с "глубоким уважением и тёплою верою в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества".[1] Николай I отметил этот отчёт, и в 1833 году его автор стал министром народного просвещения и ведущим идеологом большого периода николаевского царствования (в 1849 году, не разделяя курса на ужесточение правительственной политики, С.С. Уваров ушёл с поста министра в отставку).

Однако при всей важности роли С.С. Уварова подлинным творцом теории официальной народности по праву должен считаться сам Николай I, незаурядная личность которого наложила глубокий и противоречивый отпечаток не всю культурную жизнь страны.

На теорию официальной народности, с 30-х годов ставшей основой официальной идеологии России, ** и в XIX-м, и в XX-м веках было вылито – и в значительной степени справедливо – немало грязи. Действительно, в идеологической жизни того времени немало отталкивающего. Достаточно вспомнить грубую брань по адресу западной культуры, сопровождаемую неизменным противопоставлением "растленному" Западу России, со-

---

* С.С. Уваров занимал пост президента Академии наук с 1818 года до своей смерти в 1855 году.

** Уваровская триада с некоторыми коррективами была господствующей доктриной в России вплоть до 1917 года, но, конечно, её "классическим" периодом была эпоха Николая I.

Император Николай I. Его волей в 30-е годы XIX века имя Сусанина было вознесено на вершины официального признания.

хранившей свою первозданную "чистоту" и "самобытность" и имеющей особое предназначение; чванство былыми русскими победами (и в первую очередь, победой в Отечественной войне 1812 года) – и всё это на фоне крепостного права, усиливающейся технической и военной отсталости, засилья бюрократии и казёнщины.

Но было бы неверно представить эпоху официальной народности только с отрицательной стороны. Продекларированная "народность" – то есть обращение ко всему русскому – требовало конкретного наполнения, и в этом отношении в 20-50 годы было сделано немало положительного. Имен-

но тогда были реставрированы – пусть зачастую и довольно невежественно – многие ценнейшие памятники старины (вспомним, хотя бы, что в 1836 году в Московском кремле был установлен на пьедестал Царь-колокол). В русских городах было сооружено немало памятников деятелям отечественной истории и культуры: Минину и Пожарскому в Нижнем Новгороде (1828 г.), М.В. Ломоносову в Архангельске (1829 г.), Н.М. Карамзину в Симбирске (1845 г.) и др. В начале 50-х годов после специально проведённых раскопок было найдено место захоронения Д.М. Пожарского в суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре и на могиле знаменитого полководца установили прекрасный памятник. В местах ратной славы России были воздвигнуты величественные монументы: на Бородинском поле (1839 г.) и на Куликовом поле (1850 г.).

В 30-е годы в архитектуре на смену классицизму, ориентировавшемуся на античные Грецию и Рим, начинается утверждение "национального" стиля, наиболее ярким образцом которого стал храм Христа Спасителя – памятник победы в войне с Наполеоном, заложенный в Москве в 1839 году.

Образ Ивана Сусанина, сложившийся в исторической и художественной литературе к 30-м годам XIX века, был словно создан для того, чтобы стать одним из самых главных героев официальной народности, идеально воплощавшим в себе все три её составные части – православие (потому что Сусанин совершил свой подвиг, конечно, будучи истинно православным человеком), самодержавие (потому что отдал жизнь за царя) и народность (крестьянин в лаптях – уж куда народней). Руководители государственной идеологии поэтому, конечно, не могли пройти мимо его фигуры. Имя Сусанина было подхвачено общим потоком пропаганды официальной народности после известной поездки по России императора Николая I, в ходе которой в начале октября 1834 года он посетил Кострому.

Посещение Николаем I Костромы: начало "взлёта" имени Сусанина

Император прибыл в Кострому из Москвы вечером 7 октября 1834 года, посетив уже до этого ряд мест, неразрывно связанных с русской историей – Смоленск, Малоярославец, Тарутино, Куликово поле. Сразу по прибытии он направился в Ипатьевский монастырь, отстоял молебен в Троицком соборе и осмотрел кельи, в которых в начале XVII века жил Михаил Федорович. Из монастыря Николай I проехал в центр Костромы, на отве-

Дом генерала С.С. Борщова. Здесь 8 октября 1834 года состоялась первая встреча государя из Дома Романовых с потомками Сусанина. Фото начала XX века.

дённую ему квартиру в самом большом и роскошном доме губернского города, принадлежавшем генерал-лейтенанту С.С. Борщову.

Имя Сусанина прозвучало в этом доме уже утром 8 октября, когда государь в числе других депутаций местного населения принял и группу коробовских белопашцев – потомков Сусанина. Во время приёма белопашцы пожаловались ему на свою бедность, вызванную нехваткой имеющейся у них земли. В ответ император дал "царское" слово улучшить их положение.[2]

В тот же день наряду с обычными делами – посещением Успенского собора, где царь приложился к Федоровской иконе Божией Матери, и обозрением общественных заведений (острога, лазарета, губернской гимназии и др.), Николай I столкнулся с необходимостью решения ещё одной проблемы. Во время подготовки к его приезду в среде костромского дворянства родилась мысль о сооружении в Костроме памятника Михаилу Федоровичу Романову, причём предполагалось соорудить его в Ипатьевском монастыре. В принятом в сентябре 1834 года определении говорилось: "Никакое, к прискорбию, видимое знамение не указывает пришельцу, что смиренная обитель святого Ипатия была местом, в котором после годины искушения, воссиял первый луч счастья отечества нашего"[3]. 8 октября это определение "было повергнуто на Высочайшее благоусмотрение".

Из имеющихся документов не видно, чтобы на памятнике предполагалось поместить фигуры и основателей романовской династии, и Ивана Сусанина, как было в действительности потом, но если это так, то дополнить памятник Михаилу Федоровичу скульптурой Сусанина распорядился сам Николай I. Высочайшее соизволение на сооружение памятника Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину в Костроме последовало 8 июня 1835 года, причём им предусматривалось возвести памятник не в Ипатьевском монастыре, а на центральной площади Костромы, которая в связи с этим переименовывалась из Екатеринославской* в Сусанинскую (поразительный факт – император переименовывал площадь, названную в честь его царственной бабушки, дав ей имя крестьянина).

Николай I покинул Кострому 9 октября – он направился в Нижний Новгород. Пребывание царя в Костроме и положило начало возникновения в России официального культа Ивана Сусанина. После октября 1834 года имя Сусанина стало модным – о нём много писали в журналах и газетах, поэты слагали стихи. Но самым важным последствием посещения Николая I Костромы стало то, что уже в декабре 1834 года молодой М.И. Глинка начал работу над первой русской классической оперой, главным героем которой был Иван Сусанин.[4]

Создание оперы "Жизнь за царя"

Знаменитая опера об Иване Сусанине появилась на свет в результате стечения целого ряда обстоятельств. М.И. Глинка (1804-1857) – восходящая звезда отечественной музыки – именно в это время искал сюжет для русской оперы. В декабре 1834 года композитор стал посещать вечера у В.А. Жуковского – в то время поэт был воспитателем наследника престола Александра Николаевича, будущего Александра II-го, и жил в не существующем ныне флигеле Зимнего дворца (так называемом "Шепелевском" доме). По субботам на вечерах у Жуковского бывали его друзья – виднейшие деятели искусства и культуры того времени – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский и др. На одном из таких вечеров Глинка сообщил хозяину дома о своём желании написать русскую оперу. Позднее композитор вспоминал: "Жуковский искренне одобрил моё намерение и предложил мне сюжет "Ивана Сусанина".[5]

---

* Такое название площади – в честь Екатерины II – было дано ей в конце XVIII века.

Почему один из создателей русского романтизма предложил Глинке именно этот сюжет, а не какой-либо другой? Известно, что В.А. Жуковский давно проявлял интерес к теме сусанинского подвига,* но главную роль при этом, бесспорно, сыграло повышенное внимание к имени Сусанина, вызванное недавним царским посещением Костромы. Близкий ко двору В.А. Жуковский наверняка знал, что и сам император хочет создания русской оперы в "народном" стиле.** К тому же поэт был весьма близок с главным идеологом "народности" С.С. Уваровым.

М.И. Глинка. Рисунок неизвестного художника. 1837 г.

Однако и Глинка далеко не случайно согласился взять для своей оперы именно этот сюжет. Известна фраза из его "Записок": "Сцена в лесу (т.е. сцена самого убийства Сусанина – Н.З.) глубоко врезалась в моём воображении; я находил в ней много оригинального, характерно русского".[8] В советское время источником этого впечатления обычно считали "Думу" К.Ф. Рылеева, что, конечно, вполне может быть, но, скорее всего, прав музыковед В. Ярустовский, предполагавший, что М.И. Глинка имел в виду другое литературное произведение. В. Ярустовский писал: "Ещё в детстве, живя в имении Глинок – Новоспасском Смоленской губернии, он, по-

---

* В 1830 году, когда вышел роман М.Н. Загоскина "Юрий Милославский, или русские в 1612 году", В.А. Жуковский в письме автору предлагал ему продолжить роман и вывести в числе его героев и Ивана Сусанина. Жуковский писал: " По прочтении романа вашего, – пришла мне в голову мысль для другого романа; напишите 1613 год, а главным происшествием, вокруг которого всё может группироваться, пусть будет молодой царь Михаил Федорович и Иван Сусанин <...> перед вами развернулась бы картина, кипящая жизнью, с некоторыми разительными лицами на самом первом плане, каковы Пожарский, царь Михаил и его опасности, Сусанин и его самопожертвование..."[6]

** Дочь Е.Ф. Розена Юзикова позднее вспоминала: "Мысль вообще о русской опере в "народном духе" существовала и у самого императора Николая I..."[7]

Е.Ф. Розен. Портрет работы неизвестного художника.

видимому, читал "Занимательную историю" своего дяди – Сергея Николаевича Глинки. Эта книга была в библиотеке новоспасского дома. В "Истории" С.Н. Глинки немало тёплых строк было посвящено описанию смелости, отваги Сусанина, в ней подробно воспроизводилась драматическая сцена поляков и Сусанина в лесу".[9]

Работа над оперой началась уже в декабре 1834 года. Первоначально предполагалось, что автором либретто будет сам В.А. Жуковский, однако последний из-за занятости вскоре был вынужден отказаться от работы над либретто. По рекомендации Николая I, данной Жуковскому – одно это показывает на каком уровне решались столь, казалось бы, незначительные вопросы и какое значение придавалось будущей опере об Иване Сусанине – в авторы либретто был предложен Е.Ф. Розен, секретарь наследника Александра Николаевича, по выражению М.И. Глинки – "усердный литератор из немцев".[10]

Работа над созданием оперы шла на протяжении всего 1835 и в первой половине 1836 годов. Первые репетиции её начались весной 1836 года в Александринском театре, важную роль при этом, как уже писалось, сыграл маститый Катарино Кавос, автор первой оперы о Сусанине. В ходе создания опера несколько раз меняла своё название. Первоначально самим композитором она была названа "Иван Сусанин", но, по-видимому, это было рабочее название, под которым она не могла попасть на сцену, чтобы не создалось путаницы с оперой К. Кавоса. На завершающем этапе работы опера получила название "Смерть за царя". Когда опера была закончена, М.И. Глинка обратился за позволением посвятить её Николаю I. Посвящение первой русской оперы на такой значимый и важный сюжет было благо-

Петербург. Большой театр. Здесь 27 ноября 1836 года состоялась премьера оперы М.И. Глинки "Жизнь за царя". Литография Нури по рисунку Дица. 1840-е годы.

склонно принято, и одновременно утверждён окончательный вариант её названия – "Жизнь за царя".[11]

Премьеру оперы приурочили к открытию петербургского Большого театра,* не столь давно пострадавшего от пожара. Она состоялась 27 ноября 1836 года. Современный биограф М.И. Глинки так описывал это историческое событие: "Вечером Большой театр был переполнен. В нижних ярусах собралась столичная аристократия – дамы в бриллиантах, военные в мундирах с золотым шитьём. В царской ложе – император с августейшим семейством. В партере – петербургские литераторы, музыканты. В одиннадцатом ряду партера у самого прохода занял своё место Пушкин. Глинке досталась ложа во втором ярусе <...>. И вот за пультом появилась фигура капельмейстера К.А. Кавоса. Погас свет. Шум постепенно стих. Взмах палочки, и под сводами огромного пятиярусного театра полились торжественные могучие звуки увертюры".[12]

В опере М.И. Глинки и Е.Ф. Розена последовательно излагалась "царская" версия подвига Сусанина. Действие оперы происходило весной 1613

---

* К сожалению, монументальное здание Большого театра в Петербурге было разобрано в конце 80-х годов XIX века.

О.А. Петров – первый исполнитель роли Сусанина.

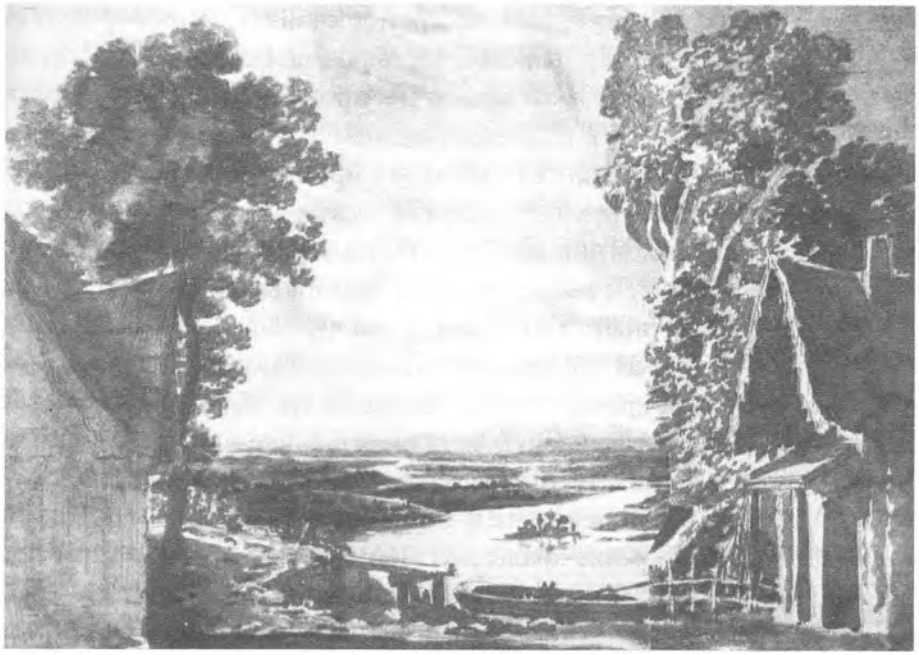
года, а среди её главных героев, наряду с Сусаниным,** Антонидой и Богданом Собининым, был введён и вымышленный персонаж – приёмыш Ваня, которому авторы доверили роль гонца, отправленного Сусаниным к Михаилу Федоровичу с предупреждением о грозящей последнему опасности.

Сюжет, музыка, величественный финал с его гениальным "Славься" не могли не произвести впечатления на первых зрителей оперы. М.И. Глинка позднее вспоминал про этот вечер: "Успех оперы был совершенный, я был в чаду и теперь решительно не помню, что происходило, когда опустили занавес.

Меня сейчас после того позвали в боковую императорскую ложу. Государь поблагодарил меня за мою оперу <...>. После императора благодарила меня императрица, а потом великие князья и великие княжны, находившиеся в театре".[13]

Так Сусанин стал героем первой русской национальной оперы, императорский Петербург окончательно принимал его в число своих героев. Разумеется, опера Глинки подавалась и воспринималась в то время не просто как явление искусства, ей придавался и немалый политический смысл в духе официальной народности, не зря И.С. Аксаков, один из идеологов славянофильства, откликнулся на последовавшую вскоре московскую постановку "Жизни за царя" такими словами: "Официозность, которую дают этой опере, как-то опошляет и мысль о такой опере. Это очень жаль и мешает понимать эту прекрасную, вполне русскую оперу".[14]

** Роль Сусанина исполнил знаменитый певец О.А.Петров, до самой своей смерти в 1878 году остававшийся бессменным исполнителем сусанинской партии на императорской сцене.



А. Ролер. Эскиз декорации 1-го действия оперы. Село Домнино. 1836 г.

Но при всех, видимо, неизбежных изъянах именно опера М.И. Глинки – гуманистическая, истинно русская и по-настоящему патриотичная – сделала имя Сусанина широко известным в России, воистину обессмертив его.

Историческая и художественная литература о Сусанине в 30–50 годы XIX века

Как уже говорилось, с середины 30-х годов о Сусанине стали очень много писать в газетах, журналах, учебниках, словарях – в целом в период царствования Николая I костромскому крестьянину была посвящена обширная художественная и историческая литература. Вспомним её наиболее важные образцы.

В 1835 году молодая поэтесса Е.П. Ростопчина откликнулась на известие о решении соорудить в Костроме памятник Сусанину стихотворением "На памятник, сооружаемый Сусанину", в котором говорилось:

Тебе ль чугун, тебе ли мрамор ставить,
Сусанин, верный сын, честь родины своей?..
Тебя ли можем мы прославить
Деяньем рук и грудами камней?
Чугун растопится... полудня мрамор белый
Раздробят долгие морозы русских зим...
Есть памятник иной: он твёрд, несокрушим,
Он силен и велик, как ты Сусанин смелый!
Сей вечный памятник тебе сооружён
В сердцах признательных потомков:
Во дни крамол и смут, из пепла, из обломков
С Россией новою восстал как феникс он
И с ней цветёт поднесь, могучий и спокойный.
Да!.. благоденствие и слава россиян,
Да!.. громкие хвалы позднейших сограждан –
Вот памятник, Сусанина достойный!..[15]

В 1837-41 годах была опубликована замечательная книга А.О. Ишимовой* "История России в рассказах для детей", в которой о Сусанине рассказывалось так: "В то время, когда сердца всех русских с согласным единодушным восторгом назвали государем своим Михаила Романова <...> поляки, узнав об этой новости и предвидя, как повредит она намерению их завладеть Россией, решили погубить избранного царя. <...> Погибель его казалась для них лёгкою: всё зависело от того только, чтобы сделать это прежде, чем послы успеют приехать к нему и превратить скромное беззащитное жилище молодого боярина в неприступный, окружённый верными подданными дворец избранного государя.

Рассуждая таким образом, отправили они самых решительных злодеев в поместье Романовых.<...> Отряд поляков уже появился в Домнине, оставалось не более версты до той деревни, где был господский дом, в котором жил молодой Михаил** в разлуке с добрыми родителями, тоскуя о несчастной судьбе отца и услаждая горесть свою только свиданиями с мате-

---

* Примечательно, что писательница А.О. Ишимова (1804–1881) родилась в Костроме, где служил в то время её отец.

** А.О. Ишимова ошибочно полагала, что центром романовской вотчины было не Домнино, а какое-то другое селение.

рью, монахиней, жившей в нескольких верстах от него, в Ипатьевском монастыре.* Убийцы не знали дороги в эту деревню и случайно встретили крестьянина из села Домнино Ивана Сусанина. Нетерпеливо начали они спрашивать у него, как найти им поместье нового царя Михаила Федоровича, и, чтобы не показаться подозрительными, злодеи притворились, что посланы от друзей его, чтобы прежде всех поздравить с неожиданным счастьем. Но Сусанин <...> тотчас узнал в них поляков.<...>. Искусно скрыв радость, которая взволновала сердце его при известии о том, что молодой Михаил Федорович избран царём России, он отвечал самым простодушным рассказом о том, что хорошо знает поместье Романовых, что часто бывает там и может проводить дорогих гостей помещика до самого дома его.

Притворное простодушие крестьянина обмануло поляков: они поверили его словам и велели вести себя как он знает. Что же он сделал и куда повёл их? В противоположную сторону от настоящей дороги! А между тем успел отправить молодому царю весть об угрожающей ему опасности. Долго поляки шли с проводником своим, нигде не останавливаясь, и наконец ночью пришли в самый густой, дремучий лес, где никогда никто не проходил и не проезжал. И там ещё Сусанин долго водил их, уверяя, что сбился в темноте с тропинки. Наконец злодеи начали догадываться, что проводник обманывает их, и с гневом сказали ему это. "Нет! – отвечал неустрашимый Сусанин, уже предвидя свою мучительную смерть. – Нет! Не я вас, а вы обманули сами себя. Как могли вы думать, что я выдам нашего государя? Он спасён теперь, и вы очень далеко от его поместья! Вот вам голова моя, делайте со мною что хотите, я отдаю себя Богу!"

Вы можете представить себе, милые читатели, какие жестокие мучения были наградой Сусанину за его верность и мужество, за его великодушное пожертвование собой! Злодеи, видя перед собою верную смерть в лесу, <...> набросились с неописуемой яростью на доброго слугу Романовых, и ужасны были страдания, какие вытерпел он, умирая от рук их. Но эти страдания были вознаграждены. На небесах Бог принял с любовью прекрасную душу Сусанина, на земле царь по-царски наградил усердие и верность его: он дал детям своего спасителя земли лежавшие в окрестностях села Домнина <...> и, наконец, все преимущества и выгоды, которые должны на вечные времена отличать потомков Сусанина от других государевых крестьян."[16]

---

* На самом деле от вотчины до Ипатьевского монастыря свыше 50 вёрст.

В 1840 году в Москве вышла книга костромского историка князя А.Д. Козловского* "Взгляд на историю Костромы", в которой подвиг Сусанина описывается так: "Время тогда было ненастное, начинало вечереть, как поляки, сбившись с дороги, встретили, близ деревни Деревнищ крестьянина Ивана Сусанина и спросили его о дороге в село Домнино к боярскому двору, где тогда был юный Михаил. Умный Сусанин, подозревая коварство их, решается спасти Богом избранного Михаила, вызывается сам проводить их, и между тем показывая, что будто чего-то ищет, успевает приказать зятю** своему, чтобы он как можно скорее спешил в Домнино для уведомления Михаила о предстоящей опасности. Сам, помолясь Богу и препоруча себя Его святой деснице, ведёт злодеев в противну сторону; притворяясь, что ищет дороги, которую в темноте будто потерял, блуждая с ними по болотам*** и глубоким оврагам. Наконец рассчитывая, что Михаил уже мог окольными дорогами удалиться в Кострому, прекращает нетерпеливость поляков объявлением, что он с намерением завёл их в противоположную сторону, дабы сим спасти жертву их.<...> Верный Сусанин в селе Исупове принял мученический венец. Михаил же, извещённый зятем Сусанина об угрожавшей ему опасности, уехал окрестными дорогами в Ипатьевский монастырь, куда прибыла и его родительница. Злодеи, не смея следовать к Костроме <...>, удалились к Белоозеру. Во время пребывания в Ипатьевском монастыре Михаил Федорович получил весть об избрании его на престол".[17]

В конце книги А.Д. Козловский, обращаясь к костромичам, патетически написал: "Верностью престолу и самопожертвованием для блага отечества докажем, любезные соотчичи, что и в нас течёт кровь Сусаниных и щедроты монархов не втуне изливаются на потомков тех доблестных мужей, которых верность и беспрекословная преданность, вместо крепких стен, служили твёрдою оградою жизни родоначальнику ныне благополучно царствующего Дома, Михаилу".[18]

---

* Александр Дмитриевич Козловский (1802–1845) – историк, представитель древнего княжеского рода, с конца XVI века укоренившегося в костромском крае. А.Д. Козловского можно назвать "костромским Карамзиным", поскольку его книга "Взгляд на историю Костромы..." сыграла для костромского края роль, подобную той, которую сыграла для всей России "История Государства Российского" Н.М. Карамзина.

** А.Д. Козловский, явно знакомый с преданиями сусанинских потомков, первым из историков в роли гонца, которого отправил Сусанин к Михаилу Федоровичу, представил его зятя (не сообщив, правда, имени последнего).

*** А.Д. Козловский первым из историков упомянул и о болотах, по которым Сусанин водил поляков.

В 1841 году в сентябрьском номере петербургского журнала "Репертуар русского театра" была опубликована пьеса писателя Н.А. Полевого "Костромские леса". Эта пьеса, имеющая подзаголовок "Русская быль в 2-х действиях. Посвящено жителям Костромы, землякам Сусанина", была первым, посвящённым Ивану Сусанину, драматическим произведением.

Пьеса начинается с того, что в не названной автором деревне готовятся к новоселью молодожёнов – Богдана Сабинина и Антониды. Из реплик героев выясняется, что Сабинин – приёмный сын Сусанина, что Сусанина зовут Иван Иванович и что в молодости он "бился в рядах русского войска". Вскоре приходит сам Сусанин и рассказывает, что он увидел во сне летящего молодого орлёнка, за которым гналась "ястреб не ястреб, коршун не коршун – птица превеликая хищная. <...> Как порхнёт молодой Орёл-Орёлович, да прямо ко мне, право не лгу!" Сусанин заслонил собой орлёнка, хищная птица бросилась на него и – продолжал рассказчик – "ударила клювом железным сюда, в сердце, и повалился я, как овсяный сноп...". Когда Сусанин очнулся, то увидел, что хищника треплет целая стая орлов, а "молодой орёл с короною царскою на голове, подымается и говорит мне человеческим голосом: "Спасибо тебе, Сусанин! Сослужил ты мне службу – вечная память тебе, Сусанин!"[19]

Вдруг в деревню входит отряд поляков во главе с капитаном Пршездецким. Капитан спрашивает Сусанина: "А далеко ли отсюда до села Домнина?" Тот, сразу почуяв недоброе, отвечает: "Да по большой дороге будет вёрст... эдак, с десяток...–" и объясняет, что всё сейчас занесено снегом, но через лес есть прямая дорога, по которой до Домнина всего "версты две".[20] Вскоре Сусанин узнаёт, что поляки идут убить Михаила Романова, проживающего в Домнине, и что за голову Михаила им обещано такого же веса золото. Не знающий ещё, что Михаил уже избран царём, Сусанин спрашивает себя: "Да и кто знает, зачем они ищут его смерти? Не царя ли будущего хотят погубить они?"[21]

Ещё сомневаясь в Сусанине, капитан говорит ему, что остальные жители деревни уверяют, "что короткой дороги через лес нет". Сусанин отвечает: "Хе, хе, хе! Сыщем дорогу. Вестимо, всякий боится... Лес, дичь, зима..." Уверившись в нём полностью, Пршездецкий приказывает снять караулы вокруг деревни и спрашивает крестьянина: "Твоё имя?" "Иван Сусанин!"[22] – слышит он в ответ. Скрыв всё от Богдана Сабинина, опасаясь его горячности, Сусанин посылает в Домнино к Михаилу Федоровичу прохожего странника Томилу, дав ему провожатым сироту Гаврюшу. Томила,

узнав, что Сусанин намерен отвести поляков в лес, говорит ему: "Ты идёшь испить смертную чашу!" Сусанин размышляет: "За кого?.. Когда и за малейшего из близких наших повелено жертвовать жизнью..."[23]

Во втором действии Сусанин ведёт поляков лесом к Костроме, чтобы сдать их костромскому воеводе. Следом за ним идут узнавший всё Богдан Сабинин и крестьяне. Поляки вновь приходят на место, где уже были недавно. "Ты обманул нас!" – кричит капитан Сусанину. Сусанин отвечает: "Сами вы себя обманули, когда подумали, чтобы я, русский, повёл вас в гнездо голубя невинного, предал вам отрасль царскую...<...> Так знайте же, что давно уж послал я в Домнино весть и Михаил Федорович теперь уже в Костроме – спасён от ваших рук! (слышен отдалённый благовест) Слышишь! (с восторгом) Вот она весть его спасения, которую даёт нам церковь православная... что стало со мною?.. Сон мой вещий!.. уцелел, ты, орёл мой юный! <...> Тебя ли я вижу, Михаил? Ты в венце прародительском – окрест тебя тысяча – попраны враги – сингклит встречает тебя!.. Туда, туда, во сретенье ему! Михаил спасён верным рабом своим! (спешит направо).

Польский капитан кричит: "Держите его! Стреляй! Не пускай его! (воины устремляются за ним, слышны выстрелы и голос Сусанина за кулисами: "Михаил спасён!")

Оставшись один, Пршездецкий говорит: "Проклятый изменник!.. Ах!.. изменник ли он? Сабля рыцарская! Достоин ли я носить тебя! Зачем я умертвил его!"[24] Появляется Сабинин и, выстрелив, убивает капитана. Русские воины выносят смертельно раненного Сусанина, вместе с ним идёт костромской воевода. Сусанин спрашивает: "Спасён ли он?" Томило отвечает ему: "Спасён, спасён! Мы предуведомили его и он укрылся в обители Ипатьевской!" Воевода спрашивает Сусанина: "Знаешь ли ты, кого ты спас?" Сусанин: "Моего милостивого боярина, Михаила Федоровича Романова".
"Воевода: – Царя России – прародителя будущих государей русских!
Сусанин: – Царя России?
Воевода: – Он избран на царство. Великое посольство московское встретило его в келии монастыря и возвестило ему об единодушном избрании его на престол! Меня послали отыскивать отряд злодеев, с которыми ты пошёл. Награда царская ждёт тебя!
Сусанин (указывая на грудь): Вот она, награда моя – кровь, которая льётся за моего царя, а там (указывая на небо) – может быть, помилует Господь меня, грешного, и удостоит сопричесть к лику праведных.

Воевода: – Ты будешь жив!
Сусанин: – В памяти благословенных потомков! Да, на Руси добрая память долговечна. Донеси царю-государю, что я благословлял его, умирая – пусть не оставит детей моих! Православные! Простите! (умирает)
Воевода: – Вечная память тебе, страдалец.
Все (благоговейно подъемлют руки к небу): Вечная память!"[25]

Через несколько лет, в вышедшей в 1847 году книге "Избранные места из переписки с друзьями", о Сусанине сказал Н.В. Гоголь, написав: "Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви. Последний и низший подданный в государстве принёс и положил свою жизнь для того, чтобы дать нам царя, и сею чистою жертвою связал уже неразрывно государя с подданным."[26]

Но, разумеется, вторым по важности событием этого времени, связанным с именем Сусанина, – после премьеры "Жизни за царя" – было сооружение Сусанину памятника в Костроме, увенчавшееся его торжественным открытием 14 марта 1851 года.

Сооружение памятника Сусанину в Костроме

Как мы помним, высочайшее соизволение на сооружение памятника Сусанину в Костроме последовало 8 июня 1835 года. Судя по всему, в том же 1835 году было объявлено о конкурсе на лучший проект памятника. В 1836 году на конкурс было представлено пять проектов, два из которых были архитектурные – ими предполагалось сооружение памятных часовен, а три – скульптурные. Свои проекты представили трое известных скульпторов: С.И. Гальберг, В.И. Демут-Малиновский и Б.И. Орловский. Как пишет искусствовед И.М. Шмидт: "Ни один из них не был одобрен, но, как видно, предпочтение всё же было отдано Демут-Малиновскому, который и представил вскоре окончательный проект, утверждённый в апреле 1838 года".[27]

Василий Иванович Демут-Малиновский (1779-1846) был известным русским скульптором первой половины XIX века, к концу 30-х годов более всего проявивший себя как мастер монументально-декоративной скульптуры Петербурга. В содружестве с С.С. Пименовым В.И. Демут-Малиновский создал к тому времени аллегорические скульптурные группы на портике Горного института, скульптуру арки Главного штаба на Дворцовой площади, скульптуру фасадов Александринского театра и др. В 1836 году вме-

Скульптор В.И. Демут-Малиновский – создатель сусанинского монумента в Костроме. Портрет М.И. Теребенева. 1830 г.

сто умершего И.П. Мартоса В.И. Демут-Малиновский стал ректором Академии художеств по скульптуре.

Работа над глиняными статуями Михаила Федоровича и Сусанина в натуральную величину заняла у В.И. Демут-Малиновского много времени и сил, а статую Сусанина пришлось делать дважды, так как первая модель в 1839 году рухнула и все пришлось делать заново. К началу 1842 года работа скульптора была завершена. В феврале 1842 года был заключён контракт с петербургским мастером И. Гамбургером, который обязался выполнить все скульптурные части памятника в бронзе, что и было сделано к осени 1845 года. К сожалению, сам В.И. Демут-Малиновский не дожил до открытия своего, бесспорно, наиболее выдающегося произведения – памятника в Костроме; он скончался почти за пять лет до этого события 16 июля 1846 года.

Пока в столице шла работа над памятником, в Костроме также готовились к его сооружению. Торжественная закладка памятника состоялась на Сусанинской площади 2 августа 1843 года. Рано утром из кафедрального Успенского собора вышел крестный ход с Федоровской иконой Божией Матери, возглавляемый епископом Костромским и Галичским Виталием (Щепотовым). После совершения молебна с водоосвящением на площади

состоялась закладка будущего монумента: по углам врытой под фундамент ямы первые четыре кирпича были положены епископом Виталием, костромским губернатором Н.И. Жуковым, губернским предводителем дворянства М.П. Купреяновым и городской головой Н.И. Малышевым (сам фундамент был выложен костромскими мастерами – преемниками мастеров старинной Кирпичной слободы, известной с XVI века, – из кирпича особой прочности, так называемого кирпича-железняка).[29]

19 сентября того же 1843 года в Кострому из Петербурга были доставлены гранитные плиты для пьедестала и колонна, на которой должен быть установлен бюст Михаила Романова. В 1845 году постамент с колонной на нём были установлены, а в августе 1847 года в Кострому были доставлены все бронзовые части памятника. До его открытия, по-видимому, оставалось совсем немного, но случившийся в начале сентября 1847 года грандиозный пожар*, испепеливший чуть не всю Кострому, вновь отложил это событие. Сам памятник, к счастью, не был тронут огнём, но очень сильно пострадавшему от пожара городу ещё несколько лет было не до торжественных церемоний. К лету 1850 года монумент на Сусанинской площади был полностью готов, к этому времени в основном завершилось и восстановление центральной части Костромы. По повелению императора Николая I торжественное открытие памятника было назначено на 14 марта 1851 года – на день Федоровской иконы Божией Матери, главной святыни костромского края, с 1613 года считавшейся покровительницей династии Романовых.

По свидетельству современников, предстоящее торжество заметно увеличило население Костромы. Накануне открытия памятника сюда съехалось чуть ли не всё дворянство губернии во главе со своими уездными предводителями, прибыли депутации коробовцев и земляков Сусанина – крестьян села Домнина, пришло и приехало немало жителей из уездных городов и большое количество крестьян из ближайших сёл и деревень. Для придания открытию монумента большей торжественности из соседнего Ярославля был прислан пехотный полк.

И вот, как писал один из участников торжества, настал "тот многозначительный день в истории Церкви и Отечества, в который совершилось открытие памятника родоначальнику благополучно царствующего дома Романовых и признательное потомство торжественно, перед лицом целой России, выразило народную благодарность поселянину Ивану Сусанину за спасение Царя Михаила Феодоровича. В этот сугубо-священный день пра-

* По слухам, ходившим в то время в Костроме, виновниками сентябрьского пожара 1847 года были поляки, проживающие в городе. Согласно молве, пожар, будто бы, был организован ими, чтобы сорвать открытие памятника Сусанину.[29]

вославие, самодержавие и народность, три краеугольные камня русского царства слились в одно всерадостнейшее празднество".[30]

Рано утром 14 марта 1851 года толпы народа заполнили Сусанинскую площадь, в центре которой высился закрытый покрывалом памятник, окружённый с трёх сторон шеренгами солдат. По мнению очевидцев, на площади было до 30 тысяч человек; балконы, окна, крыши окружающих её зданий – всё было усеяно людьми. Торжество началось с Божественной литургии в кафедральном Богоявленском соборе, которую в присутствии первых лиц – губернатора И.В Каменского, губернского предводителя дворянства Ф.Ф. Чагина, ярославского губернского предводителя А.А. Волкова, – уездных предводителей, военных и гражданских чинов, депутаций из Коробова и Домнина и др. отслужил епископ Костромской и Галичский Леонид (Зарецкий). По окончании литургии соборный протоиерей Е.П. Вознесенский выступил со словом, в котором, в частности, сказал: "238 лет минуло, как пролилась кровь Сусанина, первомученика за жизнь первого царя из рода Романовых. Но столетия не имеют никакого влияния на судьбы народа, среди коего Православие торжествует в лице Феодоровской Божией Матери, Самодержавие под благословенным царственным древом Романовых укрывает и утешает наслаждением мира и благоденствия, народность верно хранит в памяти бессмертный подвиг домнинского крестьянина".[31]

Из собора все присутствующие с многочисленными церковными хоругвями крестным ходом отправились к памятнику на Сусанинской площади. Впереди вместе с Федоровской иконой Божией Матери несли и главную святыню Ипатьевского монастыря – икону Тихвинской Божией Матери. Заканчивали шествие военные подразделения, марширующие под музыку духового оркестра.

По прибытии крестного хода на площадь настал торжественный момент, которого ждали столько лет: по знаку, поданному губернатором И.В. Каменским, с монумента – под крики "ура!" – упал покров. Пред взорами собравшихся 14 марта 1851 года на Сусанинской площади возник памятник, представляющий покоящуюся на постаменте высокую гранитную колонну, увенчанную бронзовым бюстом юного царя Михаила Федоровича в шапке Мономаха и бармах, на груди которого ярко выделялся позолоченный крест. В верхней части колонны (под царским бюстом) находился государственный герб – раскинувший крылья двухглавый орёл, в средней части её был укреплён герб Костромской губернии. У основания колонны высилась коленопреклонённая фигура молящегося Богу Сусанина, слева от ко-

торого лежали в виде свитков две жалованные грамоты его потомству. На передней стороне облицованного гранитом постамента был вделан барельеф, изображающий сцену убийства Сусанина поляками. На задней стороне постамента золотыми буквами было написано: "Ивану Сусанину, за Царя, – спасителя веры и царства, живот свой положившему. Благодарное потомство".

Памятник, по словам позднейшего исследователя, окружала "прекрасная решётка, украшенная арматурами из доспехов и распластанными Николаевскими орлами...".[32] По углам её стояло четыре чугунных фонарных столба.

Когда крики "ура!" смолкли, епископ Леонид освятил памятник, окропив его святой водой, и произнёс речь, посвящённую происходящему событию. После этого была отслужена панихида по Михаилу Федоровичу и Ивану Сусанину. В завершении церемонии оркестр сыграл гимн "Боже, царя храни!" и военные подразделения под музыку прошли парадным строем перед памятником.

По окончании торжеств на площади все начальствующие лица и высокопоставленные гости отправились на торжественный обед, даваемый костромским дворянством потомкам Сусанина – коробовским белопашцам,– в доме купца Первушина (бывший дом генерала Борщова*). Зала, где проходил обед, была украшена портретами Михаила Федоровича и Николая I-го, а также большой картиной, изображающей гибель Сусанина. Во время обеда староста коробовских белопашцев провозглашал тосты "за Его Императорское Величество", "за Его Превосходительство господина губернатора" и "за всех костромских дворян". При каждом тосте потомки Сусанина восклицали "ура!" В конце обеда староста провозгласил "вечную память царю Михаилу Феодоровичу и прадеду Ивану Сусанину".[34]

Всем коробовским белопашцам на память об этом дне были подарены бархатные шапки, опушенные мехом, с серебряным позументом, на котором было вышито: "14 марта 1851 г."

В это же день, чуть позднее, в Дворянском собрании был дан другой роскошный обед – на 250 персон. Целый день в городе звонили колокола всех церквей, а вечером центр Костромы украсился праздничной иллюминацией, иллюминирован был и стоящий посередине Сусанинской площади памятник-колонна, служба которого началась...

---

* Да, "крот истории" продолжал рыть, и к этому времени торжественный дворянский особняк – настоящий дворец, – в котором в 1834 году останавливался Николай I, перешёл от благородных дворян Борщовых в собственность к купцу А.А. Первушину.[33]

Памятник Михаилу Федоровичу Романову и Ивану Сусанину в Костроме. Открыт 14 марта 1851 года. Фото В.Н. Кларка. 1908 г.

Убийство Сусанина поляками. Барельеф на постаменте монумента. Фото В.Н. Кларка. 1908 г.

Идейно-художественные достоинства памятника, открытого в Костроме в 1851 году, конечно, можно оценивать по-разному (в советское время, когда памятник был уже разрушен, очень любили пройтись по коленопреклонённой позе Сусанина, упирая на то, что вот как "царизм" принизил народного героя, поставив его на колени), но бесспорно одно: сусанинский монумент очень быстро вписался в замечательный архитектурный ансамбль центра города, став вскоре одним из символов Костромы, подобно Медному всаднику – символу Петербурга или памятнику Минину и Пожарскому на Красной площади – символу Москвы.

Коробовские белопашцы в 30-50 годы XIX века

Утверждение в России официального культа Сусанина не могло, конечно, не отразиться и на положении его потомков – коробовских белопашцев, общественный статус которых с 30-х годов начал неуклонно повышаться.

Монумент на Сусанинской площади – сердце старой Костромы. Фото А.А. Макаревского. 1913 г.

Как мы помним, принимая в Костроме 8 октября 1834 года потомков Сусанина, Николай I дал "царское" слово улучшить их материальное положение. Император был верен слову: 14 марта 1837 года, в день Федоровской иконы Божией Матери, коробовцам была выдана последняя из царских жалованных грамот, полученных ими за два с лишним века. Во вступительной части грамоты говорилось: "Сохраняя всегда в памяти Нашей подвиг самоотвержения, оказанный некогда крестьянином Иваном Сусаниным, искупившим мученической смертью жизнь Родоначальника Императорского Дома Нашего, Царя Михаила Феодоровича Романова, Мы, при обозрении Нашем в 1834 году Костромской губернии, Повелели: собрать точнейшие сведения о настоящем положении потомков сего верного сына Отечества, жительствующих Костромского уезда в деревне Коробове и известных ныне под именем белопашцев".[35]

Грамота подтверждала все прежние льготы, дарованные коробовцам ранее "во всём пространстве оных, коими и пользоваться им, доколе пребывают в крестьянском состоянии. Проживая и водворяясь в городах, переходя в мещанское или купеческое звание, они равномерно сохраняют все личные свои преимущества, подвергаясь в сих случаях только платежу денежных повинностей, гильдейским и городовым Положением установленных".[36]

В главной части грамоты в дополнение к имеющимся у коробовцев 98 десятинам земли им, истинно по-царски, было пожаловано ещё 742 десятины земель из казённых пустошей. Наряду с этим Николай I даровал потомкам Сусанина ещё одну льготу. В грамоте говорилось: "... поелику белопашцы издревле находились в заведывании Приказа Большого Дворца, а в последствии состояли под ведомством и судом Дворцовой Канцелярии, то и ныне, оставляя их в Дворцовом заведывании, вверить главное попечительство над ними министру Двора Нашего, а ближайшее местное наблюдение костромскому гражданскому губернатору, с тем однако же, чтобы он не иначе въезжал в их селение, как всякий раз с разрешения Министра Двора, кроме случаев особенной важности, нетерпящих отлагательства, о коих в тоже время доносил бы ему, Министру Двора".[37] Последняя льгота фактически наделяла Коробово, как иностранное посольство, правом экстерриториальности, практически полностью выводя белопашцев из-под контроля местных властей.

Дарованные Николаем I-м потомкам Сусанина льготы были, в принципе, максимумом льгот, больше которого реально царь уже не мог дать ничего. Заметим, что созданием правительством исключительного поло-

жения коробовцам в условиях крепостного права самой историей был как бы проведён очень интересный социальный эксперимент: среди экономической несвободы, в которой жили все крестьяне России, – и помещичьи, и государственные – существовал как бы оазис полной экономической свободы. Казалось бы, что имея такие широкие льготы, коробовцы должны были, если и не процветать, то, по крайне мере, жить зажиточно. Однако в действительности дело обстояло совсем не так. В 1858 году, в преддверии крестьянской реформы, когда опыт редких очагов белопашества вызывал большой интерес, хозяйственную жизнь коробовцев изучал экономист В. Вешняков. В начале 1859 года в большой статье, опубликованной в "Журнале министерства государственных имуществ", он писал, что земли у коробовцев "переходят с раздроблением, по наследству, или как они говорят, по дворянству, от родителей к детям. В случае выморочных родов, земля наследуется и по восходящей линии родства.

Все <...> земли белопашцы перепродают между собою, закладывают, отдают внаём друг другу, иногда с выплатою денег за многие годы вперёд, но при этом случае не совершают никаких о том актов, производя всё сие по словесному добровольному соглашению. Однако они обыкновенно говорят при том, будто бы не позволяется у них продавать земель из одного рода, Данилова или Константинова, в другой. <...> Вследствие сих дроблений, неправых делений и происходящих споров, а также и по общепризнаваемому в белопашцах свойству недеятельности, земля их обрабатывается не рачительно".[38]

Зато классовое расслоение у коробовцев, как и везде, происходило весьма успешно. В. Вешняков продолжает: "...земли <...> разделены между ними самым неравномерным и несправедливым образом. У трёх домов, – старосты и двух его братьев, в коих всего только 7 мужского полу душ, земли в полях и сенокосах четвёртая доля из всего жалованного количества. Полосы их хороши, образуют большие участки; а рядом лежат полосы бедняков, коим приходится в 5 и 6 раз менее, нежели на один дом старосты или его братьев".[39]

Общий вывод экономиста был таков: "Как бы в противоположность предприимчивому духу вообще крестьян Костромской губернии, коробовские белопашцы весьма мало деятельны и вовсе не предприимчивы, а оттого большей частью они очень бедны; между ними только несколько семей весьма достаточных, разбогатевших на счёт других и почти наследственно сохраняющих в роде своём пожизненное звание старосты".[40]

Бедность белопашцев привела, в конце концов, к довольно печальным обстоятельствам – в Коробове обосновалась секта бегунов. Секта бегунов, или странников, появившихся в начале XIX века в Ярославской губернии, в середине 30-х годов распространилась и в Костромском, Нерехтском и Кинешемском уездах Костромской губернии. Суть их вероучения состояла в том, "что для достижения небесного царствия, необходимо разорвать всякую связь с миром и быть гонимому, угнетаемому на земле и не признавать над собою никакой земной власти…".[41] Согласно учению бегунов, земная власть считается властью Антихриста, а признающий эту власть – слугою Антихриста.[42]

Секта странников состояла из двух частей: собственно странников, скитающихся и гонимых, и странноприимцев, которые имели дома и официальные документы, но искупали этот "грех", укрывая и поддерживая странствующих членов секты. К середине XIX века странники имели очаги своего влияния по всему левобережью Волги напротив Плёса – в сёлах Красном, Здемирове, Сунгурове, Прискокове. Но особенно притягательным для странников было недоступное для полиции и местных властей Коробово. Один из исследователей писал: "Заметно также, что многие и не по расколу, а из корыстолюбивых видов дают у себя приют христовым людям (так называют себя странники), что особенно заметно в деревне Коробове, где проживают белопашцы – потомки Сусанина, пользующиеся особыми правами, которые между прочим избавляют их от надзора земской полиции, не имеющей права, без особого разрешения въезжать в деревню Коробово. Это последнее обстоятельство заставило странников искать дружбы и покровительства белопашцев".[43]

И дружбу, и покровительство странники в Коробове нашли, так что это селение обратилось, в конце концов, чуть ли не в главный оплот этой секты в Костромской губернии.

Разумеется, местные власти не могли не знать о деятельности сектантов в Коробове, но предпочитали, по-видимому, делать вид, что ничего не знают. И не мудрено! Общественное положение коробовских белопашцев было уникальным в истории России. Мало того, что у коробовцев имелся целый набор царских грамот, представляющих им широчайшие права и льготы, – начиная с 1834 года, когда их депутация была принята в Костроме Николаем I, установился обычай участия коробовцев во встречах посещающих Кострому представителей "благополучно царствующего Дома Романовых" – царей, наследников престола, великих князей, – которые, принимая белопашцев, выражали так своё уважение к их знаменитому предку.

14 мая 1837 года депутация потомков Сусанина была принята в Костроме посетившим её наследником престола Александром Николаевичем (будущим императором Александром II-м).[44] 14 марта 1851 года они, как мы помним, принимали участие в торжествах, связанных с открытием монумента на Сусанинской площади в Костроме. Ну а в 1858 году жители Коробова были удостоены небывалой чести – их селение посетил император Александр II (об этом – в следующей главе).

Сооружение в Коробове храма-памятника Ивану Сусанину

Третьим, наиболее крупным, "сусанинским" событием царствования Николая I, наряду с оперой М.И. Глинки и созданием монумента в Костроме, стало сооружение храма-памятника Сусанину в Коробове.

Как мы помним, с самого своего переселения в новые места коробовцы относились к прискоковскому приходу и не имели своего храма. В Прискокове они венчались, крестили детей, отпевали умерших, которых хоронили здесь же, на прискоковском кладбище. В 1825 году в Прискокове взамен старинных деревянных храмов началось строительство нового каменного храма Рождества Христова. Строился он "попечением костромского купца, почётного гражданина и кавалера" Ивана Маянского, [45] бывшего, вероятно, местным уроженцем. Освящён новый храм был в 1838 году. Наряду со старыми престолами – в честь Рождества Христова и во имя святителя Николы, – бывшими в деревянных храмах, в каменном храме добавили третий престол – во имя святого Иоанна Предтечи. Не вызывает сомнений, что, будучи посвящён, конечно, и небесному покровителю самого храмоздателя – купца Ивана Маянского, новый престол храма, прихожанами которого были потомки Ивана Сусанина, в первую очередь посвящался Иоанну Предтече как небесному покровителю знаменитого крестьянина, спасшего основателя царствующей династии.

Но через полтора десятка лет коробовцы заимели свой храм. Произошло это при следующих обстоятельствах. Как известно, осенью 1853 года началась война России с Турцией, Англией и Францией, вошедшая в историю как "Восточная" или "Крымская". Судя по всему, вскоре после её начала Николай I "в память мученической смерти Ивана Сусанина, спасшего для России родоначальника царствующего Дома царя Михаила Феодоровича Романова", [46] повелел построить в Коробове за счёт казны храм во

имя святого Иоанна Предтечи.* Его торжественная закладка состоялась в самый разгар войны – 25 мая 1854 года.[48] Одноглавый деревянный храм по проекту профессора Кузьмина строился в Коробове быстро – чуть больше года, – но перемены в стране, во многом вызванные поражением русской армии в Крыму, происходили ещё быстрее.

Церковь ещё строилась, когда в Петербурге скончался Николай I, правивший Россией тридцать лет. Примечательная деталь: все изготовленные для коробовского храма "ризы, стихарь, одежды на престол, жертвенник и аналой" были сшиты из "материи, бывшей в употреблении в Санкт-Петербургском Петропавловском соборе, при погребении тела в Бозе почившего императора Николая I-го".[49]

Работы были завершены уже при другом императоре – Александре II-м – и на заре совсем другой эпохи русской истории. Торжественное освящение храма в честь Собора Иоанна Предтечи в Коробове состоялось 11 декабря 1855 года. На церемонии освящения присутствовало всё губернское начальство во главе с губернатором генерал-майором А.Ф. Войцехом и губернским предводителем дворянства А.А. Мироновым. Освятил новопостроенный храм глава Костромской епархии – епископ Костромской и Галичский Филофей (Успенский). "По окончании литургии, – сообщали "Костромские губернские ведомости", – старейшие из коробовских белопашцев внесли в церковь для хранения, Высочайше дарованные им грамоты, которые и помещены в алтаре".[50]

Таким образом, с декабря 1855 года у коробовцев появился свой собственный церковный приход, состоявший из одного единственного селения (в то время как обычно сельские приходы состояли из нескольких – иногда из нескольких десятков – селений). Статус нового храма был необычайно высок: он относился к числу дворцовых храмов, то есть был приравнен к соборам Московского кремля, к Петропавловскому собору в Петербурге и др. и содержался за счёт казны. Первым священником коробовской церкви был назначен протоиерей Николай Леандров.**

---

* За несколько лет до этого, 18 июля 1850 года, Николай I повелел отпустить из казны средства "на исправление ветхостей в здании, на покупку богослужебных книг, приобретение церковной утвари и перелитие колокола" Успенской церкви села Домнина (все эти работы были окончены к октябрю 1853 года).[47]

** Овдовев, протоиерей Николай Леандров принял пострижение, получив монашеское имя Нафанаил. В 1882 году он стал викарным епископом Пермской епархии, в 1885 году с образованием самостоятельной Екатеринбургской епархии вла-

Храм Рождества Христова с приделом во имя святого Иоанна Предтечи в селе Прискокове. 1838 год. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

Храм, построенный в Коробове, изменил его статус: из деревни оно стало селом, в качестве которого и пребывало около 80-ти лет.

Сусанинский культ: плюсы и минусы

Как можем мы с позиций нашего времени, более чем полтора века спустя, оценить такое явление как официальный культ Сусанина, возникший в России в 30-е годы XIX века? Конечно, оно было очень противоречиво, как, впрочем, и вся николаевская "официальная народность".

С одной стороны, культ был явлением положительным, так как отвечал растущему интересу к прошлому родной страны, образы которого стали особенно близки людям, пережившим 1812 год. Официальный культ соответствовал уважительному отношению к имени Сусанина, существовавшему на костромской земле, и способствовал возникновению такого же отношения к нему во всей России. Именно в это время были созданы и такие выдающиеся произведения русского искусства, посвящённые Сусанину, как опера М.И. Глинки "Жизнь за царя" и монумент В.И. Демут-Малиновского в Костроме.

Но, с другой стороны, всё очень портила "официозность", о которой писал И.С. Аксаков. Официальный сусанинский культ – казённый и холодный – способствуя распространению уважительного отношения к имени Сусанина, в то же время неизбежно порождал неизменных спутников любого официального культа – нигилизм и насмешки над объектом возвеличивания, о чём мы ещё будем говорить. Нельзя не вспомнить – как одну из причин возникновения сусанинского культа – и "польский" фактор. Ведь возвеличивание Сусанина было неотъемлемой частью подавления польской независимости, что привносит в это возвеличивание нравственно весьма и весьма отталкивающие нюансы.

дыка Нафанаил стал её первым архиереем, епископом Екатеринбургским и Ирбитским.[51]

Глава 9

СУСАНИН – ГЕРОЙ РОССИИ
(конец 50-х годов XIX – начало XX веков)

В эпоху реформ: величие и нигилизм

В разгар столь неудачной для России Крымской войны в Петербурге 18 февраля 1855 года скончался император Николай I. На царский престол взошёл его сын Александр II. Унизительное поражение, понесённое в Крымской войне нашей страной, руководство которой, находясь под впечатлением прежних побед (главным образом победы в Отечественной войне 1812 года), привыкло считать Россию почти что непобедимой, дало возможность новому царю начать реформирование огромной страны. В отставку было отправлено огромное количество сановников николаевского времени, помилованы и возвращены из Сибири оставшиеся в живых декабристы, небывало ослаблен гнёт цензуры, и в газетах и журналах вначале понемногу и робко, а затем всё активней и уверенней стали обсуждаться самые больные проблемы России. Приближалось время великих реформ – реформы крестьянской, судебной, городской, земской и др. В стране происходила подлинная революция "сверху". Многие из идей и кумиров прошлых лет уходили в тот период в тень, однако как уваровская теория официальной народности по-прежнему оставалась основой государственной идеологии, так и один из её главных героев – Иван Сусанин, – как и прежде, оставался бесспорным героем России.

Очередное подтверждение тому произошло именно в это переломное время. Как известно, в конце 50-х годов началась подготовка к приходящемуся на 1862 год тысячелетию российского государства, отсчёт лет кото-

рому традиционно вёлся от полулегендарного призвания в 862 году новгородцами варяжского князя Рюрика. Столь важный юбилей было решено отметить сооружением в Новгороде величественного монумента "Тысячелетие России", чьим автором стал победивший на особом конкурсе в ноябре 1859 года молодой скульптор М.О. Микешин. На нижнем ярусе монумента, напоминающего собой огромный колокол, решили поместить круглый фриз со 109 горельефными изображениями наиболее выдающихся россиян. Среди этой сотни избранных находилась и фигура умирающего Сусанина.

Отбор фигур для фриза на нижнем ярусе был, конечно, делом ответственным и нелёгким. За помощью М.О. Микешин обратился к ряду видных деятелей культуры, историкам и литераторам: Ф.И. Буслаеву, К.И. Бестужеву-Рюмину, М.П. Погодину, Н.И. Костомарову, И.А. Гончарову, И.С.Тургеневу, А.Н. Майкову и др.[1] Естественно, что отбор героев русской истории происходил в страстных спорах – их активным участником был и недавно освобождённый из саратовской ссылки профессор Петербургского университета Н.И. Костомаров. Неожиданным реультатом этих споров явилась написанная вскоре Н.И. Костомаровым статья об Иване Сусанине, в которой известный историк впервые поставил под сомнение традиционную версию сусанинского подвига (подробнее об этом – чуть ниже).

8 сентября 1862 года воздвигнутый в центре Новгородского кремля памятник "Тысячелетие России", в присутствии Александра II, под гром артиллерийского салюта и звон колоколов Софийского собора, был торжественно открыт. Среди других скульптур его нижнего кругового фриза заметно выделялась и фигура умирающего Сусанина…

Однако Сусанин оставался признанным официальным героем не только в силу традиции. В сохранении его значения вновь, как и раньше, активную роль сыграл "польский фактор". В разгар перемен в России польские патриоты, посчитав, что их время пришло, подняли в январе 1863 года в Царстве Польском новое большое восстание, требуя восстановления независимой Польши в её старых границах – до Западной Двины и Днепра. Жестокое подавление этого восстания дало, как и прежде, очередному витку возвеличения Сусанина новый стимул.

Но прежним – как при покойном Николае I – культ Сусанина в новой, вставшей на путь огромных перемен России уже быть не мог. Как уже писалось, казённый сусанинский культ не мог не порождать и непременного спутника любого такого культа – нигилистического отношения к его объекту, в данном случае – к Сусанину. Естественно, что в прежние време-

Памятник "Тысячелетие России", открытый в Новгороде в 1862 году. Среди 109 фигур нижнего яруса помещена и фигура Сусанина. Фото Г.П. Белякова. 1982 г.

на подобное отношение могло существовать только подспудно, в новую же эпоху, в период переоценки многих ценностей прошлого, оно заметно усилилось. Ярким примером этого может служить одно из мест в переписке В.В. Стасова и М.А. Балакирева.

21 марта 1861 года – т.е. в самые первые дни после объявления Манифеста от 19 февраля 1861 года, провозгласившего отмену крепостного права, – В.В. Стасов, критик и искусствовед, один из "властителей дум" того времени, писал композитору М.А. Балакиреву. Коснувшись оперы "Жизнь за царя", В.В. Стасов заметил: "Никто, быть может,

Деталь памятника "Тысячелетие России". Умирающий Сусанин.

не сделал такого бесчестия нашему народу, как Глинка, выставив посредством гениальной музыки на вечные времена русским героем подлого холопа Сусанина, верного, как собака, ограниченного как сова или глухой тетерев, и жертвующего собой для спасения мальчишки, которого не за что любить, которого спасать вовсе не следовало и которого он даже, кажется, и в глаза не видывал. Это – апотеоза русской скотины московского типа и московской эпохи"[2] .

Конечно, в оправдание В.В. Стасову можно сказать, что подобное отношение – результат официозного сусанинского культа, но тем не менее, поражаешься, как мог В.В. Стасов, пусть и в частном письме, написать столь ужасные слова. Но они – отражение настроений, существовавших у определённой части тогдашнего образованного общества, среди радикальной молодёжи.

Ответ М.А. Балакирева критику был несравненно более разумным. Глава "могучей кучки" писал: "Чуть не забыл сделать Вам одно возражение на одну их фраз Ваших. Вы говорите, что Сусанин не должен был спасать Михаила. Нет! Его надо было спасти, лучше московское царство, чем польское иго <...> если бы нас поляки покорили, нам был бы вечный капут, всё обратилось бы в католичество, заговорило бы по-польски и тогда прощай Русь, она бы никогда не воскресла бы больше.

Михаил был идиот, но лучше что-нибудь, чем ничего..."[3]

Впрочем, спор В.В. Стасова и М.А. Балакирева как бы предвещал грядущие яростные споры вокруг личности и подвига Сусанина, о которых не могло быть и речи совсем недавно. В это же переломное время – в конце 50-х годов – небывалая гроза разразилась и над потомками Сусанина – коробовскими белопашцами.

Взлёт и падение коробовских белопашцев

Как мы помним, бедность и фактический запрет посещения Коробова представителями властей и полиции способствовали появлению в среде коробовцев ряда отрицательных явлений, о которых власти наверняка знали, но, видимо, предпочитали делать вид, что ничего не знают. Тайное стало явным при весьма необычных обстоятельствах.

В августе 1858 года новый царь Александр II, совершавший важную поездку по стране, – напомним, что дело шло к крестьянской реформе, дворянство на местах сопротивлялось планам освобождения крестьян, и глава государства хотел оказать на них давление своим авторитетом – вместе с

Село Коробово. Фото начала XX в.

императрицей Марией Александровной приехал в Кострому. Пребывание царя здесь было вполне традиционным: Александр II посетил Ипатьевский монастырь, губернское училище для девиц (будущую Григоровскую гимназию), кафедральный собор. В губернаторском доме на Муравьёвке 16 августа царь обратился с речью к представителям костромского дворянства, в которой поблагодарил их за "готовность", с какою они встретили его желание "улучшить быт крестьян – этот близкий сердцу" императора "вопрос, слишком важный для будущего России".[4]

По традиции, установившейся с 1834 года, император в тот же день встретился и с делегацией потомков Сусанина – коробовских белопашцев, возглавляемых их священником – протоиереем Н. Леандровым. Эта встреча также произошла достаточно традиционно. Потомки Сусанина ждали царскую чету в парке губернаторского дома. Когда император и императрица вышли к ним, то жёны коробовцев "снимали с себя платки и клали их на дорогу под ноги царя и царицы, образовав таким образом из них импровизированный ковёр; затем поднесли Их Величествам хлеб-соль…".[5] Протоиерей Н. Леандров обратился к Александру II с речью. Присутствовавшая

при этой сцене фрейлина императрицы А.Ф. Тютчева (дочь поэта) в своём дневнике отметила, что священник "держал речь вычурную, с театральными жестами, заставив этих добрых людей в определённый момент пасть на колени".[6] Всё было, как положено, и ничто не предвещало беды.

К несчастью, после Костромы царская семья посчитала нужным посетить и Коробово. По-видимому, в преддверии великой реформы по освобождению крестьян Александр II решил оказать потомкам знаменитого крестьянина небывалую честь, какой не видели коробовцы ещё ни от одного царя. Выехав утром 17 августа из Костромы вниз по Волге, в полдень того же дня царский пароход остановился напротив Плёса у специально приведённой к левому берегу пристани. Император и императрица сели в приготовленные экипажи и вместе с костромским губернатором И.В. Романусом "изволили отправиться в с. Коробово, обитаемое потомками славного Сусанина".[7]

День 17 августа 1858 года в истории коробовских белопашцев, а также, можно смело сказать, и в истории всего царствования Александра II как чёрный день. Впервые в это небольшое село (бывшую деревню) ехал сам царь чтобы оказать её жителям величайшую честь, и имевший потому полное право рассчитывать на соответствующую случаю встречу, достойную главы государства российского и потомков Ивана Сусанина. На деле же получился конфуз, подобного которому, пожалуй, не было никогда.

Согласно официальному описанию, всё в Коробове произошло вполне прилично. Автор описания свидетельствовал: "Сопровождаемые стекшимся на встречу народонаселением, Их Величества заходили в коробовскую церковь, посетили училище и достойного пастыря коробовского, протоиерея Леандрова <...> Августейшие путешественники также удостоили посещением сельского старосту и возвратились в дом священника, где Его Величество своеручно изволил пожаловать почётные кафтаны старосте и четырём коробовским старцам, в награду за их примерное благочестие и нравственность, протоиереем Леандровым засвидетельствованные".[8] Наградив о.Леандрова орденом св. Владимира 4-й степени, повелев произвести диакона Е. Розанова в протодиаконы и наградив дочь протоиерея и двух причётчиков золотыми часами, "августейшие путешественники оставили селение, сопровождаемые радостными и благодарными восклицаниями всего коробовского народонаселения".[9]

К этому времени в газетах и журналах России царила невиданная для нашей страны гласность и на страницах периодических изданий свободно писали то, за что ещё несколько лет назад упекли бы в Сибирь. Но

гласность, разумеется, имела свои пределы, и о том, что на самом деле произошло в Коробове 17 августа 1858 года, стали открыто писать лишь через несколько десятилетий.

Как мы помним, к этому времени известная часть коробовцев оказалась вовлечённой в секту так называемых "бегунов", или "странников". Согласно вероучению "бегунов" государство является созданием Антихриста, и поэтому, когда в Коробове приверженцы этого учения узнали, что едет глава государства, т.е. с их точки зрения почти что сам Антихрист, то реакция была соответствующей. Вместо того, чтобы с почётом встретить высокого гостя, коробовцы – жертвы "бегунских" идей – как и положено, ударились в бега.* Занимавшийся историей коробовских белопашцев историк Н.Н. Виноградов писал: "Пропаганда учения странников, запрещавшего, между прочим, признавать властей и царя, оказалась настолько сильною, что когда государь император Александр II посетил с. Коробово, то значительная часть белопашцев <...> не только не вышли встречать царя, но намеренно отправились в лес или в поле".[11]

Такое чрезвычайное происшествие не могло не иметь для коробовцев тяжёлых последствий.** Правда о неприглядных сторонах жизни потомков Сусанина наконец-то всплыла наружу. Разобраться с ситуацией на месте был прислан из Петербурга особый чиновник – действительный статский советник Неклюдов. Его миссия завершилась тем, что в один из дней Коробово было оцеплено солдатами и в селе устроили повальный обыск. По результатам расследования и обыска последовало высочайшее повеление костромскому губернатору от 23 октября 1859 года, в преамбуле которого говорилось: "Потомки Ивана Сусанина, Костромской губернии, бело-

---

* Видимо, отражая общее мнение придворных, уже упоминавшаяся А.Ф. Тютчева записала в своём дневнике о Коробове: "Со времени Михаила Федоровича все жители этой деревни пользуются полной свободой от всяких налогов, но эта привилегия не только не принесла им никакой пользы; наоборот, вследствие лености они впали в нищету и в состояние почти полного варварства".[10]

** С событиями 17 августа 1856 года не совсем всё ясно. Ведь накануне - 16 августа – император принимал группу коробовцев в Костроме, и, как мы помним, всё было вполне благопристойно. По-видимому, в губернаторском парке Александр II встречался с, так сказать, законопослушной частью коробовцев, которые во время царского посещения их села ещё находились в Костроме (скорее всего, из губернского города успел вернуться только протоиерей Н. Леандров). В Коробове же, судя по всему, оставались преимущественно приверженцы секты бегунов.

пашцы села Коробова, находящиеся в непосредственном ведении Министерства Императорского двора и одаренные льготами и преимуществами, изъявшими их от всех податей и повинностей, а также от въезда местной полиции в их селение, дошли, как видно из донесения, представленного командированным туда чиновником департамента уделов действительным статским советником Неклюдовым, до таких беспорядков и своей жизни, кои не могут быть далее терпимы, завели у себя в селении и окресных лесах притоны для беглецов и бродяг".[12]

Для "искоренения такого зла" Александр II повелевал 14 семейств белопашцев выселить "в разные отдаленные удельные селения, исключить из звания белопашцев, лишив сопряженных с сим преимуществ, а также пожалованных кафтанов, кто их имеет; подчинить сих переселённых всем податям и повинностям, которые несут удельные крестьяне, и учредить строгий за сими переселенцами надзор. Но дабы не распространять наказание на невиновных, то детям, рожденным и имеющим родиться в переселенных семействах, предоставить право по достижению совершеннолетия и с одобрения удельного начальства возвратиться на свой счет в село Коробово, в сословие белопашцев, с теми правами себе и потомству своему, какими в то время коробовские белопашцы будут пользоваться".[13]

Остальным коробовцам император велел объявить, "что ежели и за сим поведение их будет неодобрительно и ежели они станут предаваться расколу и преступлениям, то дарованные им грамоты будут окончательно волею Его Императорского Величества уничтожены, так что уже не останется никакой Высочайшей милости, дарованной им в воспоминание великого подвига их предка".[14]

В силу царского повеления 14 семейств коробовских белопашцев – причём глав семейств заковали в кандалы – были выселены из Коробова и отправлены частью в Симбирскую, частью – в Саратовскую губернии, где они и их потомки и жили впоследствии.

В советское время, когда иногда вспоминали об этом неприглядном эпизоде в истории коробовских белопашцев, то обычно возмущались (не вдаваясь в излишние подробности) произволом и жестокостью, которыми "проклятый царизм" отплатил потомкам Сусанина. Однако нельзя не признать, что по законам того времени подобное наказание было в данных обстоятельствах неизбежным. Впрочем, подобный случай гонения на потомков Сусанина был единственным, и впоследствии – вплоть до революции 1917 года – отношение верховной власти к коробовцам, как мы увидим ниже, оставалось неизменно благожелательным.

Впрочем, коробовская история осталась малоизвестной за пределами Костромской губернии. Подлинный гром на всю страну прозвучал в 1862 году, когда историк Н.И. Костомаров впервые высказал решительное сомнение в традиционной версии сусанинского подвига.

Грянувший гром: скептик Н.И.Костомаров

В начале 1862 года в февральском номере "Отечественных записок" появилась статья профессора Петербургского университета Н.И. Костомарова "Иван Сусанин". Очень немногие исторические работы могут похвастаться таким общественным резонансом, какой имела эта небольшая статья. Вот уже свыше ста тридцати лет прошло с момента её публикации, но она и поныне находится в центре спора всех занимающихся сусанинской темой, имея и ярых противников, и не менее ярых сторонников.

Что побудило Н.И. Костомарова обратиться к сусанинской теме? Судя по всему, непосредственным толчком к написанию статьи послужило участие историка в совещаниях у скульптора М.О. Микешина, работавшего над памятником "Тысячелетие России", о которых мы уже писали. Нам не известно, велись ли споры по вопросу: помещать или не помещать фигуру Сусанина на нижнем ярусе памятника, но, похоже, что велись, и Костомаров, потерпев поражение, продолжил спор на страницах "Отечественных записок", снабдив свою статью подзаголовком "Историческое исследование", который современный историк Б.Г. Литвак совершенно верно определил как "демонстративный".[15] Костомаровская статья писалась в 1861 году – судьбоносном году русской истории, в один из переломных её моментов. Сам факт появления подобной работы в легальном издании лишний раз свидетельствовал об огромных переменах, произошедших в стране после смерти Николая I, при жизни которого о публикации подобного материала, конечно, не могло быть и речи.

Н.И. Костомаров первым открыто поставил под сомнение официальную версию подвига Ивана Сусанина, состоявшую в том, что последний, спасая от поляков жившего в Домнине Михаила Федоровича Романова, отвел их от села в какое-то глухое место, за что и был ими убит. Не отрицая существования личности Сусанина (как нередко считается), Н.И. Костомаров фактически утверждал, что общепринятая версия о сусанинском подвиге является позднейшим вымыслом. Характерен уже сам эпиграф, взятый автором из соборного приговора 1678 года об одном апокрифическом житии: "В житии сем не мало, но много написано неправды, и того ради еще бы от

Н.И. Костомаров.
Портрет работы Н.Н. Ге. 1870 г.

части нечто было и праведно писано, ни в чесом же ему верити подобает".[16]

Статья начинается со вступления, представляющего собой настоящее стихотворение в прозе, в котором Н.И. Костомаров, в известной части справедливо, рисует общий процесс возвеличивания личности Сусанина. Он пишет: "Действительность, передаваемая в скудных известиях, украшается выдуманными подробностями; к событиям, на самом деле происходившим, прилагаются вымышленные, но тем не менее возможные в ходе жизни, и тогда историческая личность, сама по себе тёмная, светлеет и

делается как будто бы типом стремлений известной эпохи, а в самом деле выражением того, что давней эпохе, хочет дать новое время. К таким личностям принадлежит в русской истории, между прочим, Иван Сусанин – мученик царизма, спаситель избранной династии Романовых, в лице их первого венценосного прародителя, – идеал гражданского подвижничества, до которого только мог возвыситься крестьянин в самодержавном государстве; – личность, принявшая венец бессмертия и в думе поэта, и в превосходном музыкальном произведении; – личность, общеизвестная русской гражданской памяти и дорогая русскому сердцу до тех пор, доколе оно не перестанет биться завещанным от праотцев любовью и верностью к царям своим; – личность, за которой признано права красоваться на памятнике тысячелетия России, наряду с великими двигателями русской исторической жизни".[17]

Н.И. Костомаров первым поставил вопрос о том, почему о Сусанине молчат летописи и исторические повести XVII века. Он пишет: "Даже Никоновская летопись, составленная в своем и последнем виде при царе Алексее Михайловиче, когда потомки Сусанина имели грамоты, не внесла ни имени Сусанина, ни подвига его на свои страницы. А, между тем, как бы, кажется, не сказать об этом? Стало быть, даже чрез тридцать, пятьдесят или шестьдесят лет занимавшиеся историею своего отечества или вовсе не знали о сусанинском подвиге, или не считали его достойным того, чтоб о нем упоминать. Очевидно, в XVII веке не представлялось в нем такого, что представляется глазам XIX века, глазам нашего времени..."[18]

Рассмотрев историографию о Сусанине XIX века и вволю над ней посмеявшись, Н.И. Костомаров делает следующий вывод: "Страдание Сусанина есть происшествие, само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда козаки бродили по деревням и жгли и мучили крестьян <...>. Могло быть, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, столь громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год."[19] Н.И. Костомаров оговаривается: "Могло быть, однако, что в числе воров, напавших на Сусанина, были литовские люди, но уж никак тут не был какой-нибудь отряд, посланный с политической целью схватить или убить Михаила".[20] Окончательный вывод исследователя, хотя и несколько смягчённый, звучит почти как приговор: "Таким образом, в истории Сусанина достоверно только то, что этот крестьянин был одною из бесчисленных жертв, погибших от разбойников, бродивших по России в Смутное время; действительно ли он погиб за то, что не хотел сказать, где находился новоизбранный царь Михаил Федорович – это остается под сомнением..."[21]

Написанное Н.И. Костомаровым о Сусанине надо рассматривать как неизбежную и во многом справедливую реакцию и на казенный культ знаменитого крестьянина, и на официальную сусанинскую историографию того времени. Н.И. Костомаров первым поставил вопросы, которые не могли не быть поставлены, и в этом – большая заслуга историка. В главном – в фактически полном отрицании подвига Сусанина – Н.И. Костомаров был не прав, но, он был прав в отрицании официальной версии этого подвига, к тому же в его статье рассыпано столько безусловно верных и глубоких замечаний по конкретным вопросам сусанинской истории, которые, при всей ошибочности главного вывода, не снижают её важного научного значения. лишний раз подтверждая пользу плюрализма мнений в науке. Нельзя, однако, не сказать и об отрицательных последствиях костомаровской статьи. Официальный культ Сусанина, хотя, в принципе, и совпадал с уважительным отношением к крестьянину-мученику в народе, но, как уже писалось. не мог, как и всякий культ, не порождать и отрицательного отношения и к подвигу Сусанина, и к его личности. Статья же Н.И. Костомарова о Сусанине подводила под подобное нигилистическое отношение "научную базу". освящая его авторитетом имени университетского профессора, обладавшего к тому же такой биографией.

Как известно, Николай Иванович Костомаров (1817-1885) – историк, писатель, фольклорист, сын воронежского помещика и его крепостной крестьянки – будучи адьюнкт-профессором кафедры русской истории Киевского университета, стал одним из основателей небольшого тайного кружка, назвавшегося "Кирилло-Мефодиевским обществом". Своими целями общество ставило борьбу против крепостного права и создание вольной федерации славянских народов (одним из его членов был и поэт Т.Г.Шевченко). Весной 1847 года общество было разгромлено, Н.И. Костомаров год просидел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, после чего на 9 лет был сослан в Саратов, где познакомился с Н.Г. Чернышевским. В 1859 году – на гребне происходящих в стране перемен – Н.И. Костомаров был приглашен занять кафедру русской истории Петербургского университета, переехал в столицу, где с первых же дней завоевал славу либерального профессора и любимца студенческой молодежи.[22]

Естественно, что столь радикальная статья популярного ученого, развеявшего еще один миф "проклятого прошлого", не могла не найти самого живого отклика в кругах интеллигенции. Реакция, последовавшая вслед за её публикацией, лишь могла подтвердить в этих кругах правоту Н.И. Костомарова. Закономерно, что в ситуации начала 60-х годов эта реакция, по

сути. носила политический характер. Позднее в своей "Автобиографии" Н.И. Костомаров вспоминал: "...я напечатал в "Отечественных записках" исследование об Иване Сусанине, которое навлекло на меня целый поток печатных замечаний со всевозможными шпильками. Так как я доказывал, что история Сусанина украсилась разными добавлениями досужей фантазии и событие не могло происходить в таком виде, в каком привыкли видеть его и даже читать в учебниках, то сейчас нашлись ревнители патриотической славы, старавшиеся увидеть из этого моего поступка что-то неблагонамеренное.

Началась составляться обо мне молва, будто я задаю себе задачу унижать доблестные русские личности и, как говорили, сводить с пьедестала и развенчивать русских героев. Укоры эти много раз заявлялись в литературе, расходились в обществе и повторялись даже такими людьми, которым собственно не было ни тепло, ни холодно оттого, будет ли прославлен или унижен какой-нибудь из деятелей русской истории минувших веков.

До меня доходили слухи, что люди высокопоставленные в чиновной иерархии оскорблялись моим критическим взглядом на личность Сусанина и говорили, что я человек злонамеренный, желаю во что бы то ни стало унижать великие личности русской истории. Иные толковали это тем, что я, как малорус, хочу выставлять напоказ лица южнорусской истории и в противоположность им унижать северорусских героев <...>. Между тем истинная любовь историка к своему отечеству может проявляться только в строгом уважении к правде. Отечеству нет никакого бесчестия, если личность, которую прежде по ошибке признавали высоко-доблестною, под критическим приемом анализа представится совсем не в том виде, в каком ее приучились видеть.<...> Но всего несправедливее ставить историку в вину, если он ни в каком случае не унижал исторической личности, которой привыкли оказывать уважение, а только старался установить правильный взгляд на её действительное историческое значение и снять с неё вымышленные черты, созданные или народным воображением под влиянием протекших веков, или фантазиею писателей, как это и было относительно личности Сусанина".[23]

Отдаленные последствия костомаровской статьи о Сусанине были также весьма противоречивы. С одной стороны, в полемике с Н.И. Костомаровым его оппоненты – главным образом костромские краеведы – многократно пересмотрели все возможные исторические источники, введя в научный оборот немало новых, что не могло не вывести "сусаниноведение" на новый, более высокий уровень. С другой стороны, хотя сама статья на-

писана достаточно корректно, но – нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся. В данном случае главным оказалось даже не то, что было написано, а как это было понято. А понято это было преимущественно так, что передовой профессор-историк развеял еще один миф проклятого царизма и что пресловутого Сусанина вообще не существовало. Ведь саму знаменитую статью прочли относительно немногие, большинство же только что-то о ней слышало, устная же молва, как известно, всегда стремится к завершенности форм. Именно из этой молвы и пошло бытующее поныне представление, будто бы Н.И. Костомаров отрицал сам факт существования Сусанина, а раз так, то Сусанин не мог и спасти основателя династии Романовых.

В целом от статьи Н.И. Костомарова остается впечатление, что она написана поспешно и что автор подошел к теме недостаточно объективно.* Статья о Сусанине по-своему характерна для всего научного творчества Н.И. Костомарова, не зря его младший современник, В.О. Ключевский, заметил, что Н.И. Костомаров создал "ряд исторических образов, оторванных от исторического прошедшего и связавшихся неразрывно с их автором".[25] Верность собственному образу Сусанина историк сохранял до конца дней. В своей "Автобиографии", вспоминая, как летом 1865 года он совершил поездку по Волге и, в частности, посетил Кострому, Н. И .Костомаров написал: "На одной из площадей Костромы красуется памятник Сусанину: на памятнике сделано барельефами изображение убиения его поляками в лесу, в том виде, в каком рассказывается это событие под влиянием книжных вымыслов".[26]

В заключение приведем мнение историка А. А. Кизеветтера, который был совершенно прав, когда писал, что "несомненное научное значение" работ Н.И. Костомарова "состояло в том, что он яркой постановкой различных проблем возбуждал работу научной мысли, все равно, направлялась ли она на дальнейшее развитие высказанных им положений или на их критику и опровержение".[27]

---

* Характерно в этом отношении то, что написал в 1872 году в петербургском журнале "Гражданин" анонимный критик Н.И. Костомарова: "Г. Костомарову вдруг приспевает аппетит сокрушать какую-либо величавую личность из древней русской жизни, вот он поспешно и строчит, за недосугом мало справляясь с источниками, либеральнейшие статьи, доказывающие, что, мол, такой-то был трус, а такой-то ничтожнейший человек ,а такого-то и совсем де не было!.. И легко, и задорно!"[24]

Светила русской исторической науки против Н.И. Костомарова

Вызов, брошенный Н.И. Костомаровым отечественной исторической науке, был слишком серьёзен, чтобы остаться без должного ответа. Первым такой ответ дал крупнейший русский историк того времени С.М. Соловьёв, поместивший 12 апреля 1862 года в газете "Наше время" посвящённую выступлению Н.И. Костомарова статью "История и современность".

(В вышедшем незадолго до этого 9-м томе своей "Истории России с древнейших времён" С.М. Соловьёв написал известные строки о Сусанине: "До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, <...> показывал всего лучше подвиг Сусанина".[28])

С.М. Соловьёв отвечал спокойно и объективно. Он писал: "В грамоте прямо говорится, что враги спрашивали, где Михаил? пытали, значит им было это очень нужно; Сусанин знал и не сказал. Понятно, что ни в XVII, ни в XVIII веке не думали торговаться с Сусаниным, задавая вопрос, действительно ли он спас царя? Нужно ли было подвергаться пытке и смерти? Враги были ничтожны – какая опасность тогда могла грозить от них Михаилу? До таких тонкостей тогда не доходили, смотрели просто на дело: грозила опасность и Сусанин спас от неё царя".[29] Отвечая на вопрос о том, почему о Сусанине умолчали современные летописи, С.М. Соловьев написал: "Московский летописец <...> слегка касается важнейших событий государственной жизни и жизни столицы: что же мудрёного, что они не знали о событии местном, о событии костромском, о подвиге, совершенном в глуши тёмным человеком. Скажут: событие касалось самого видного лица в государстве, новоизбранного царя! Но спрашиваем: много мы знаем подробностей об этом лице из летописей? Когда после избрания Михаила нужно было отправить к нему торжественное посольство, то не знали, где находится новоизбранный царь! Что было с Михаилом до 13 марта 1613 года – об этом не знала Москва и её летописцы."[30]

Говоря о значении, которое явно придали подвигу Сусанина Романовы, историк заметил: "Если бы сам Сусанин был измучен, но остался жив, то, конечно, его бы наградили <...>; но самого его не было в живых, не было жены, не было сыновей, была одна дочь, отрезанный ломоть по тогдашним (да и по нынешним) понятиям. Однако и ту наградили!"[31]

Единственный вопрос, от ответа на который С.М. Соловьёв уклонился, – это вопрос о том, почему царская грамота близким Сусанина была выдана лишь в 1619 году. Н.И. Костомаров был прав: этот факт был самым слабым местом его оппонентов – сторонников традиционной версии сусанинского подвига.*

Удивительно, что на статью в "Отечественных записках" никак не прореагировал в печати известный оппонент Н.И. Костомарова – М.П. Погодин (недавний публичный диспут двух историков о спорных вопросах начальной истории Руси, произошедший в марте 1860 года, имел большой общественный резонанс). Однако, когда в 1871 году в журнале "Вестник Европы" появилась статья Н.И. Костомарова "Личности Смутного времени", в которой автор, разбирая, в частности, только что опубликованную работу А.Д. Домнинского "Правда о Сусанине", повторил основные выводы своей статьи 1862 года, семидесятилетний М.П. Погодин не выдержал. В нескольких номерах петербургского журнала "Гражданин" была помещена его большая статья, называвшаяся "За Сусанина", в которой он подверг Н.И. Костомарова эмоциональной и во многом справедливой критике. Характерно уже само начало статьи. М.П. Погодин писал: "Казалось, смиренный обитатель костромских лесов, на долю которого выпал славный жребий спасти жизнь вновь избранного царя, в тяжёлую эпоху русской истории, был после своей мученической кончины от рук поляков, совершенно уже безопасен от всякого навета вражия. Нет, в наше анархическое время потревожили и его кости".[33]

М.Н. Погодин обвинил Н.И. Костомарова в нелогичности. Он писал: "Признавая существование и подлинность грамоты (имеется в виду царская грамота 1619 года -Н.З.), г. Костомаров не верит в её содержание: грамота есть, а события не было: Сусанин не спасал Михаила!"[34] Далее ветеран русской исторической науки иронизирует (эти слова мы уже приводили): "В грамоте, видите, не сказано, зачем поляки спрашивали о Михаиле, пытали и мучили Сусанина! Не найдёт ли г. Костомаров в доступных для

---

* В откликах на статью С.М. Соловьёва примечательно одно место из частного письма его ученика В.О. Ключевского, будущего классика русской исторической науки, тогда ещё юноши, весьма сильно подверженного влиянию нигилистов. В.О. Ключевский писал 21 апреля 1662 года: "Соловьёв мечет стрелы в Костомарова за его увлечения и "богопротивную" статью о басне, выдуманной народом, что ли, или кем другим, будто Сусанин спас царя. Соловьёв говорит: "Спас Костомаров соврал!" – и обнаруживает поползновение объяснить дело духом народа, по-славянофильски! Вот как! Соловьёв, западник, не прочь протянуть руку славянофилам? Славная вообще возня идёт в журналистике!"[32]

него источниках известия, что поляки пытали и мучили Сусанина, желая узнать местопребывание вновь избранного царя русского, для того чтоб поцеловаться с ним?"[35] М.П. Погодин – нельзя не отдать ему должного – первым решился возразить Н.И. Костомарову в вопросе о поздней выдаче грамоты, признав, что Марфа Ивановна "не только до 13 марта, но и в следующее время <...> без всякого сомнения не знала, да и не могла знать, в переездах, заботах и попыхах того времени, о происходившем в соседстве относительно Михаила. Она не знала, кому отчасти они были обязаны спасением. Дочь и зять Сусанина очень естественно могли рассуждать, что в ближайшее время нельзя им было поминать о себе, они могли долго советоваться между собой, пока наконец решились рассказать дело и просить о награде, или пока представился тому удобный случай."[36] Старый историк восклицает: "Как с одной стороны какому-нибудь крестьянину, жившему в глуши лесной, не могла прийти в голову мысль приписать смерти своего тестя, убитого кем-нибудь случайно, как бывали убиваемы многие и премногие в это смутное время, мукам и пыткам за отказ объявить кому бы -то ни было, царское пребывание, так и с другой стороны невозможно допустить, чтоб такая наглая ложь, основанная на небывальщине, могла увенчаться успехом, проходя через множество правительственных инстанций, внимательных, осторожных, щепетильных".[37]

К сожалению, выступления признанных столпов исторической науки, как это обычно бывает, в глазах тех, кто поверил Костомарову, не стоили ничего. Зато истории было угодно именно в это время как бы повторить ситуацию начала XVII века, явив России "второго Сусанина". Но воистину, если подвиг смутного времени был трагедией, то "подвиг Сусанина" XIX века – ничем иным, как фарсом.

1866 год. "Второй Сусанин"?

Днём 4 апреля 1866 года Александр II, завершив свою прогулку в Летнем саду Петербурга, направился в сторону набережной к выходу. Здесь, напротив ждавшего его экипажа, собралась небольшая толпа, желающая посмотреть на царя. О том, что последовало дальше, современный историк пишет так: "Вдруг из толпы отделился высокий худощавый молодой человек с длинными светлыми волосами и горящим взором. Он решительно направился к царю. Александр II замедлил шаги, оттеснявшие народ жандармы настороженно замерли. Молодой человек выхватил внезапно из-за борта своего старенького пальто револьвер и стал неумело целиться в царя,

О.И. Комиссаров – "второй Сусанин".

щуря безбровые близорукие глаза. Стоящий впереди толпы ближе всех к царю щуплый белобрысый мужчина в поношенном пальто и дрянной шапчонке беспомощно поднял руки, как бы собираясь заслониться от пули. Послышался сухой треск выстрела. Но царь остался невредимым. И сразу всё ожило. Жандармы и некоторые из зевак бросились к стрелявшему и стали его избивать. "Ребята, я за вас стрелял!" – крикнул тот.

По распоряжению царя стрелявшего подвели к экипажу. "Ты поляк?" – спросил уже пришедший в себя от испуга царь. "Русский", – отвечал террорист."Почему же ты стрелял в меня?" – недоуменно осведомился царь и услышал ответ: "Ты обманул народ: обещал ему землю, да не дал". "Доставьте его в III Отделение", – распорядился Александр II, садясь в экипаж".[55] Так в русскую историю вошло 4 апреля 1866 года – день первого покушения на Александра II и вообще первого покушения на жизнь российского императора.

С места покушения Александр II, посетив III-е Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (занимавшееся, как известно, борьбой с революционным движением), поехал в Казанский собор, где по случаю спасения царской жизни был отслужен благодарственный молебен. Из собора он поехал в Зимний дворец, куда уже съезжался весь цвет сановного Петербурга.

Пока царь был на молебне, в III-м Отделении уже началось расследование обстоятельств покушения. Перед членами следственной комиссии предстал покушавшийся на царя, назвавшийся явно вымышленным именем крестьянина Алексея Петрова и отказавшийся отвечать на другие вопросы. После покушавшегося были допрошены основные свидетели – городовой, сторож Летнего сада и упоминавшийся выше щуплый белобрысый мужчина, которому и суждено было сыграть во всей этой истории едва ли не главную роль. Мужчину звали Осип Иванович Комиссаров, ему было 25 лет. Родом он был из Буйского уезда Костромской губернии, из села Молвитина, находившегося в нескольких верстах от Домнина. Ещё мальчиком Осип был увезён в столицу заниматься шапочным промыслом – традиционным занятием молвитинских крестьян. 4 апреля, в день святого Иосифа Песнописца, будучи именинником, Осип Комиссаров отправился к обедне в часовню у домика Петра Великого. Однако, ввиду ожидавшегося начала ледохода, проход через Неву был закрыт и Комиссаров двинулся по набережной к Летнему саду. Увидев там ожидавшую царя толпу, он примкнул к ней. И вот Комиссаров оказался перед следственной комиссией. Один из членов комиссии, П.А. Черевин*, впоследствии писал в своих записках: "Конечно, если кто перечувствовал в течение этого заседания, то после преступника следует Комиссаров. Найденный графом Тотлебеным* * спаситель царя не подозревал, как были объяснены его крик и невольное движение вслед за раздавшимся выстрелом. <…> В общей суматохе Комиссаров был задержан и приведён к Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору князю Суворову, откуда в комиссию, где был предъявлен ему неизвестный стрелявший в государя. Полагая, что его признали за участника в преступлении, Комиссаров, совершенно растерянный, не мог дать ни одного ответа на делаемые ему вопросы".[39]

Впрочем, не успели Комиссарова как следует допросить, как его увезли в Зимний дворец. Вместо уже, наверное, мерещившихся ему не то Сибири, не то плахи, он попал в заполненную придворными и сановниками двор-

---

* П.А. Черевин (1837-1896) – в то время подполковник, позднее – генерал-адъютант и начальник личной охраны Александра III – являлся земляком Комиссарова (представитель старинного костромского дворянского рода, он был владельцем усадьбы Нероново в Солигаличском уезде). Большой отрывок из записок П.А. Черевина, в которых он описал следствие по делу 4 апреля, был опубликован в Костроме в 1918 году.

** В момент покушения 4 апреля вблизи царя находился герой недавней обороны Севастополя генерал Э.И. Тотлебен, который уверенно указал на Комиссарова, сказав, что это он толкнул стрелявшего в царя под руку.

цовую залу, где увидел перед собой царя. Комиссаров упал ему в ноги. Александр II, поцеловав, поднял его и сказал, что сделает его дворянином. Только здесь, по-видимому, земляк Сусанина понял, какая чудесная перемена произошла в его судьбе – он оказался спасителем жизни самого царя.

С этого момента все события, связанные с покушением 4 апреля, происходили в двух направлениях: первое – невидимое для постороннего глаза – было следствие по самому покушению,* второе же – видимое всему миру - было небывалое ещё в России чествование спасителя царской жизни – костромского крестьянина Осипа Ивановича Комиссарова, тут же провозглашенного "вторым Сусаниным".

Сразу заметим, что в тот же день, в самом скором времени после того, как Комиссаров был увезен в Зимний дворец, следственная комиссия нашла настоящего спасителя царя. П.А. Черевин так написал об этом в своих записках: "На первые же сделанные ему вопросы неизвестный (террорист, стрелявший в царя – Н.З.) объяснил, что никто не мешал ему стрелять и не толкал его руки, что неудачу выстрела он приписывает собственной торопливости, вызванной впрочем услышанным им криком из толпы, собравшейся у экипажа государя. По собранным сведениям первый увидевший злодея и потому крикнувший был сторож Летнего сада.

Но такова несправедливость судьбы: несчастный сторож, криком своим вынудивший неизвестного стрелять скорее, и потому действительный виновник неудачи покушения, в награду за то должен был провести всю ночь на 5 апреля в III отделении; под утро уже из жалости один из членов (комиссии – Н.З.) дал ему 20 копеек на чай – тем и ограничилась награда".[40] Предполагая возражения на сообщённое им, П.А. Черевин написал далее: "Предполагать, что преступник преднамеренно не сознавался, что ему толкнули под руку во время выстрела, нет причины. Нельзя допустить, что он руководствовался чувством мести к соседу, помешавшему ему стрелять, он не знал, что лицо это найдено, что на него посыплются милости. В течение 5 месяцев до самой казни преступник подтверждал своё показание, а между тем ответы его, если речь шла не о выдаче своих сообщников, носила характер чистосердечного раскаяния и правды. Наконец, если обдумать приписываемый Комиссарову подвиг (так по крайней мере поименован его толчок), то окажется следующее: Комиссаров, стоявший у

* Личность террориста была установлена 10 апреля: им оказался Дмитрий Владимирович Каракозов, выходец из дворянской семьи Саратовской губернии, исключённый из Казанского и Московского университетов, член подпольной группы революционеров под названием "Организация".

решётки Летнего сада для того, чтобы увидеть Государя, вряд ли обращал внимание при проходе Его Величества на своих соседей".[41]

П.А. Черевин объяснил и искреннюю ошибку генерала Тотлебена, принявшего Комиссарова за спасителя царя. Он писал: "Тотлебену весьма легко представилась картина подвига Комиссарова. Взглянув в ту сторону, откуда раздался выстрел, он видит Комиссарова державшего руки от испуга кверху и смотрящего на преступника".[42] Общий же вывод, сделанный П.А. Черевиным, был таков: "Я нисколько не отвергаю заслуги Комиссарова, если он действительно был причиною промаха преступника; скажу более: я нахожу весьма политичным изобресть даже подобный подвиг; это простительная выдумка и даже полезно действующая на массы благотворно, но, излагая свои воспоминания, имея, как бывший член комиссии верные сведения, я почитаю долгом упомянуть об этом обстоятельстве, не зная и не будучи убеждён на чьей стороне правда. При всём том я, склоняюсь на показания Каракозова и не могу не сожалеть о судьбе человека действительно спасшего государя – сторожа летнего сада, ничего не получившего за это".[43]

Логика, объективность и правдивость П.А. Черевина невольно впечатляют. Правоту вывода, к которому он фактически пришёл, нельзя не признать. Впрочем, выявление подлинного спасителя царской жизни не имело уже никакого значения: в таковом качестве всей России был представлен Осип Иванович Комиссаров, громогласно наречённый, как было сказано, "вторым Сусаниным". Характерно, что в именном Высочайшем указе от 9 апреля Россия извещалась о том, что "четвертого сего апреля, по изволению Всеблагого Промысла, сохранена Нам жизнь рукою Осипа Комиссарова, временно-обязанного крестьянина Костромской губернии, Буйского уезда, Молвитинской волости – уроженца той же местности, которая некогда дала России знаменитого в отечественных летописях Ивана Сусанина.

В память этого события и в ознаменование Нашей признательности Комиссарову, Всемилостивейше жалуем ему потомственное Российской Империи дворянское достоинство, повелевав именовать его Комиссаровым-Костромским".[44]

Естественно, что совершенно особый отклик на выстрел 4 апреля имел место на родине Комиссарова – в Костроме и Костромской губернии. Разумеется, что и здесь при известии о спасении царя Осипом Комиссаровым первым делом вспомнили старика Сусанина.

5 апреля петербургский генерал-губернатор князь А.А. Суворов* отправил в Кострому на имя председателя губернской земской управы телеграмму: "Поздравляем костромичей с подвигом бывшего крестьянина Буйского уезда, села Молвитина, Осипа Иванова Комиссарова, ныне дворянина, спасшего жизнь Царя".[45] Характерен ответ, посланный А.А. Суворову губернским предводителем дворянства Н.П. Карцевым: "Внезапная весть об угрожавшей опасности Царю-Освободителю глубоко поразила нас; весть же о спасении породила радостное чувство и подкрепила убеждение, что дух Сусанина живёт в сердцах костромичей. Идём молить Бога за спасение дорогой для нас жизни обожаемого монарха. Да здравствует Император!"[46]

6 апреля в присутствии высших чинов губернии и при участии всего духовенства Костромы в Кафедральном Богоявленском соборе был отслужен благодарственный молебен о спасении жизни государя. Вместе с Костромой спасение царя новоявленным Сусаниным праздновала и губерния. Во всех уездных городах совершались благодарственные богослужения. 6 апреля, доставленная с нарочным в Молвитино, телеграмма А.А. Суворова была прочитана жителям села на общем сходе, после чего все присутствующие отправились в Воскресенский храм, где был отслужен благодарственный молебен. То же самое происходило и в Домнине, и в Исупове, и в Коробове, да и во всех остальных сёлах края.

В последующие апрельские дни по стране курсировало несколько мощных потоков писем и телеграмм, содержащих отклики на событие 4 апреля: один поток шёл в Петербург, второй – в Кострому, особый поток, в свою очередь, связывал оба эти города. 7 апреля губернский предводитель дворянства Л.А. Пушкин получил телеграмму из Вильны, в которой говорилось: "Дворяне, чиновники и крестьяне Костромской губернии, проживающие в Вильне, пьют здоровье своего земляка Осипа Ивановича Комиссарова и просят Ваше Превосходительство: передать низкий поклон крестьянам Молвитинского общества, из среды которого явился второй Сусанин, спасший нашего Обожаемого Монарха, Царя освободителя, и поздравить Костромское дворянство с новым сочленом, имя которого займёт блистательное место в летописях русской истории".[47]

11 апреля мировой посредник 2-го участка Буйского уезда Николай Коровин послал Комиссарову письмо, адресованное "любезнейшему нашему собрату- дворянину, из временно-обязанных села Молвитина, Буйского

---

* Внук великого полководца и костромской помещик князь А.А. Суворов несколько месяцев в 1847 году служил в Костроме губернатором.

уезда, Осипу Ивановичу Комиссарову, спасшему жизнь Царя". В письме, в частности, говорилось: "...вашим подвигом гордится целая волость, к которой вы принадлежали: вы возвысили её в виду обширной Империи, и как увековечил о себе память незабвенный Сусанин, который в том же уезде, близ Молвитина <...> заявил свой исторический подвиг, памятный поныне всем, так и ваш подвиг будет увековечен Русским Царством за спасение Царя и Государя от руки злодея, так дерзко решившего посягнуть на жизнь Великого Монарха".[48]

Костромской помещик М.С. Борщов в письме на имя петербургского генерал-губернатора А.А. Суворова, сообщив, что на его "долю выпал счастливый жребий быть близким соседом места родины Комиссарова",* писал, что он приносит новоявленному костромскому дворянину 784 десятины земли по берегам реки Костромы "с тем, чтобы это ничтожное пожертвование могло сохраниться в его роде, как слабая память о великой его заслуге".[49]

44 костромских дворянина в те дни обратились к Александру II с письмом "От дворянства Костромской губернии", в котором говорилось: "Завидная честь и слава спасти жизнь возлюбленного Царя выпала в другой раз на долю костромича, и в какие знаменательные для России эпохи! В первый раз – при восшествии на престол Дома Романовых, когда Россия была ослаблена беспорядками и замыслами Польши, и теперь – когда Твои заботы о благоденствии России призвали к новой гражданской жизни миллионы подданных и сокрушили польскую крамолу, охватившую своей сетью несколько губерний.

Гордимся новым собратом нашим, на долю которого выпал жребий доказать на деле то, что мы выражаем словами. Но верь, Государь, что каждый из нас ни на мгновение не поколеблется отдать свою жизнь за спасение обожаемого Монарха".[50]

Но, конечно, основной бум вокруг имени новоявленного русского дворянина происходил тогда в Петербурге. Пожалуй, ещё ни на какого героя в нашей истории не обрушивалось такое обилие наград – отечественных и зарубежных** – и почестей, какие выпали на долю скромного костромского шапочника.

---

* Родовая усадьба Борщовых Бочатино, стоявшая на реке Шаче, действительно находилась неподалёку от Молвитина.

** Например, французский император Наполеон III наградил Комиссарова орденом Почётного легиона, а австрийский император Франц Иосиф – орденом Франца Иосифа.

Кафедральные соборы в Костроме: Успенский (XVI в.) – справа, Богоявленский (XVIIIв.) – слева. В 1866 – 68 гг. к Богоявленскому собору был пристроен придельный храм, посвящённый небесному покровителю "второго Сусанина" – Осипа Комиссарова – св. Иосифу Песнописцу. Фото начала XX века.

8 апреля в Мариинском театре был дан торжественный спектакль "Жизнь за царя" М.И. Глинки. В театре присутствовали члены царской семьи и "второй Сусанин" – О.И. Комиссаров. О том, что происходило на этом спектакле, позднее вспоминал человек, имя которого уже много раз упоминалось на этих страницах, – Н.И. Костомаров. Историк свидетельствует: "Комиссарова с его женою поместили в одной из лож бельэтажа рядом с парадною царскою ложею. Публика много раз обращалась к нему с громким криком "ура!". Один из представителей русской поэтической литературы, А.Н. Майков, читал со сцены стихи, в которых выражал от имени русского народа негодование к гнусному злодеянию и делал намёки, что если преступник неизвестен, то по крайней мере все уверены, что он не русский.* Что подозрение падало на поляков, это выразилось в том, что публика с негодованием зашикала, когда во 2-м действии <...> стали танцевать полонез; то же шиканье раздалось и в третьем действии, когда в избу Сусанина вступили поляки. Комиссарова провели из ложи на сцену, когда пелся хор "Славься, славься", и вместо имени Сусанина произносилось Комиссарова".[52]

Весь апрель дни у Комиссарова были расписаны буквально по минутам: одно торжество в его честь сменяло другое. В мае в Петербург из Сибири был доставлен его отец – Иван Алексеевич, сосланный за какие-то грехи помещиком в 1855 году на поселение (в столицу из мест не столь отдалённых отца спасителя царской жизни, встречаемого повсеместно губернаторами и архиереями, везли триумфально под колокольный звон). Но постепенно шум в Петербурге вокруг имени О.И. Комиссарова-Костромского начал утихать. Родина же "второго Сусанина" находилась под впечатлением его подвига ещё несколько лет...

---

* В этом стихотворении А.Н. Майков, говоря о преступнике, покусившемся на жизнь государя, восклицал:

Кто б ни был он, – он нам чужой!
И нет ему корней ни в нынешней живой,
Ни в исторической России!
Но если он врагом подослан, чтоб вселить
Меж нами друг ко другу подозренье
И в русском царстве водворить
Междоусобье и смятенье,
Смотрите: сам Господь, хранивший Русь от всех
Её невзгод, и в бранях и в опалах,
Опять воздвиг "единого из малых" –
Да не свершится грех![51]

В середине августа 1866 года Кострому посетил наследник престола Александр Александрович (будущий Александр III) и его брат Владимир Александрович. Представители, как писали тогда, "благополучно царствующего Дома Романовых", впервые после 4 апреля, впечатления от которого ещё были так свежи, посетили Кострому, так что, обращаясь к "благоверным государям" в кафедральном Успенском соборе, епископ Платон (Фивейский) упомянул об "обоих" Сусаниных. Владыка Платон, в частности, сказал: "Вся Россия Вам своя; но дерзаем сказать, что костромская страна Вам преимущественно своя и Вы преимущественно наши. Промыслу Божию угодно соединить сию страну особенным союзом с Царственным Домом. Костромской стране принадлежит родоначальник Ваш, сыном сей страны, через пожертвование собственной жизнию, избранный в царя России, избавлен от рук врагов отечества. Только здесь торжественно празднуется непрерывно уже два с половиною века день восшествия на престол царя из Дома Романовых. К сему драгоценному древнему достоянию недавно даровано нам новое Божие благословение. Из числа миллионов верноподданных, исполненных беспредельной преданности и любви к царю. Господь Бог избрал сына костромской страны в орудие сохранения безценной жизни Государя Императора, отца отечества и славного среди царей земных".[53]

3 сентября 1866 года в Петербурге был повешен стрелявший в Александра II Д.В. Каракозов. А на другой день, 4 сентября 1866 года, в Костроме состоялась торжественная закладка придела к кафедральному Богоявленскому собору; новый придельный храм, посвящённый Федоровской иконе Божией Матери, давно уже предполагали пристроить к собору, но после 4 апреля придел было решено дополнительно посвятить также святому князю Александру Невскому и преподобному Иосифу Песнописцу – небесным покровителям Александра II и Осипа (Иосифа) Комиссарова.[54] Через два года, в 1868 году, когда придел был выстроен, епископ Платон (Фивейский) при его освящении сказал: "Вы, слушатели, знаете, почему имена Преподобного Иосифа и Благоверного Князя Александра наречены на храме сем. Это жертва нашего благодарения Господу Богу за спасение бесценной жизни Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича рукой одного из родичей страны сей".[55]

Таким образом, на родине О.И. Комиссарова к увековечиванию памяти о нём подошли очень ответственно (к великому сожалению, придельный храм, посвящённый небесным покровителям Александра II и О. Комиссарова был взорван летом 1934 года вместе со всем Богоявленским со-

бором). Как известно, О.И. Комиссаров-Костромской в 1867 году был зачислен юнкером в лейб-гусарский Павлоградский полк, через 10 лет в чине ротмистра вышел в отставку и поселился в пожалованном ему имении в Полтавской губернии, где и умер в 1892 году.

Покушение 4 апреля 1866 года на Александра II словно обозначило в судьбе нашей страны какой-то важный рубеж. Выстрел Д.В. Каракозова явно был грозным предзнаменованием и тревожным симптомом, но лишь немногие из людей того времени смогли осознать тогда подлинное – зловещее – значение этого события. В обществе в целом всё ушло в обличения и преследования нигилистов, а также неумный, перешедший все разумные пределы шум вокруг имени "второго Сусанина", из-за чего только было принижено имя Сусанина "первого".

С течением лет имя О.И. Комиссарова-Костромского стало подзабываться и на его родине, Сусанин же по-прежнему оставался главным героем костромской земли, вокруг которого продолжались споры и кипели страсти.

В защиту Сусанина: костромские краеведы в полемике с Н.И. Костомаровым

На вызов, брошенный Н.И. Костомаровым исторической науке, в первую очередь должны были ответить, конечно, историки костромского края, и весь последующий полувек костромского сусаниноведения прошел в основном под знаком полемики с Костомаровым.

Крупнейший знаток истории края протоиерей Павел Федорович Островский (1607-1876)* в своей последней книге по истории Ипатьевского монастыря, вышедшей в Костроме в 1870 году, писал в ответ на утверждения Н.И. Костомарова: "А непрерывное предание, существующее в Костроме, а грамота царская, данная через 7 лет после события, не ужели ничего не значат…?"[56]

В 1871 году во втором номере "Русского Архива" была опубликована "Правда о Сусанине" А.Д. Домнинского, на которую мы .уже многократно ссылались. Об авторе её – протоиерее Алексее Даниловиче Домнинском, священнике Успенской церкви села Домнина, нам известно очень немного. Как уже писалось, о. Алексей принадлежал к священническому роду,

---

* П.Ф. Островский - родной дядя драматурга А. Н. Островского, происходившего, как известно, из костромского священнического рода.

служившему в Домнине на протяжении нескольких веков: по прямой мужской линии он происходил от священника Евсевия – современника Сусанина. А.Д. Домнинский родился в Домнине около 1800 года, в 1818 году он окончил Костромскую духовную семинарию (где, судя по всему, и получил – по названию родного села – свою фамилию). Его отец, священник Даниил, при неизвестных обстоятельствах был убит старообрядцами в 1814 году, а сам он стал служить в Домнине с 1818 года (а поскольку умер о. Алексей, предположительно, в 1870 году* , то получается, что он прослужил в домнинском храме 52 года). Бесспорно, что его труд появился в результате многолетнего изучения местных преданий, и различных письменных источников. Исходя из того, что он появился в печати с предисловием тогдашнего костромского губернатора В.И. Дорогобужинова, можно предположить, что, написав свою работу, о. Алексей переслал её архиерею – архиепископу Платону (Фивейскому); тот сообщил о ней В.И. Дорогобужинову, который высоко оценил её и переслал в "Русский Архив".

Выше уже говорилось, что наиболее важными моментами, содержавшимися в труде А.Д. Домнинского, были, во-первых, сообщения о том, что Сусанин был вотчинным старостой (а не простым крестьянином, как считалось обычно) и о том, что он погребен в Домнине на том месте, где стоял древний шатровый храм Воскресения Христова, а, во-вторых, уверенное предположение о том, что Сусанин погиб осенью 1612 года.

Уже писалось о тех причинах, обусловивших, по нашему мнению, фактическое замалчивание труда А.Д. Домнинского, отклики на который были немногочисленны и глухи. Главной из них, конечно, был перенос времени гибели Сусанина с февраля-марта 1613 года, как считалось обычно, на осень 1612 года, то есть на время, когда Михаил Федорович еще не стал царем. Это разрушало всю устоявшуюся версию сусанинского подвига и, видимо, было сочтено "ересью", не хуже костомаровской.

Как мы помним, Н.И. Костомаров откликнулся на публикацию труда А.Д. Домнинского в "Русском Архиве" статьёй "Личности Смутного времени", помещённой им в июньском номере журнала "Вестник Европы" за тот же 1871 год. Ответ на неё появился уже в октябре в "Русском Архиве", где была напечатана статья "Еще отповедь г-ну Костомарову", принадлежавшая перу довольно необычного автора – тогдашнего костромского губернатора В.И. Дорогобужинова (как мы помним, им же было написано и вступление к труду А.Д. Домнинского).

---

* Скорее всего, о. А. Домнинский погребён у алтаря Успенской церкви в Домнине – в считанных метрах от места захоронения Сусанина.

В связи с кончиной А.Д. Домнинского В.И. Дорогобужинов, возглавлявший Костромскую губернию в 1865-1878 годы, по-видимому, решил выступить в защиту покойного отца протоиерея. Целиком поддержав все его выводы (в том числе и то, что Сусанин погиб осенью 1612 года[57]), В.И. Дорогобужинов попытался , не будучи историком, опровергнуть некоторые замечания Н.И. Костомарова. Последний, в частности, писал: "Но разве была возможность, чтобы в помещичьей усадьбе тогдашнего знатного боярина был всего-навсего один человек…"[58] В.И. Дорогобужинов заметил на это, что "Домнино не было вотчиною знаменитого Романовского дома, а принадлежало очень незнатному дворянскому роду Шестовых, поступило в приданое за Ксенией Ивановной и после брака четы, обладавшей не одною, вероятно, богатою подмосковною, оставалось в забросе, на руках приказчика, Сусанина".[59] Опровергая высказывание Н.И. Костомарова, писавшего: "Сообразно ли с бытом и обычаями времени, чтобы от опасности бежали из города в небольшую усадьбу, тогда как наоборот, заслышавши о приближении врагов, люди из сёл и деревень бежали в города?"[60]– начальник Костромской губернии отмечал, что от тайных убийц в городе не спрячешься и что "от отравы же, какую поднёс бы ему подкупленный монастырский служка, или от ножа фанатика-поляка, который протёрся бы под видом богомольца к заутрене в Ипатьевском соборе, не уберегли бы Михаила Феодоровича никакие городские охраны и ратные люди. <...> Против убийц, водимых рукою Иродов, Борисов или Сигизмундов, надёжно одно средство: бежать не более как самдруг, именно "Бог один знает куда…" [61]

Важнейшим событием в полемике, развернувшейся после публикации костомаровской статьи, стало издание в Костроме в 1882 году книги В.А. Самарянова "Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году" – одного из наиболее добротных и обстоятельных трудов о Сусанине.

Автор этой книги – Василий Алексеевич Самарянов (1822-1896) – родился в селе Ликурга Буйского уезда в семье священника. Окончив в 1844 году Костромскую духовную семинарию, он более 10 лет работал учителем в народных школах своего уезда. Подобно о. А. Домнинскому Самарянов как бы долго готовился судьбой к написанию труда о Сусанине. В 1855 году В.А. Самарянов переезжает в Кострому, где получает место столоначальника духовной консистории. Получив доступ к консисторскому архиву, он начинает активно заниматься историей костромского края. В последующие годы им был написан ряд краеведческих книг; наиболее важной из них была, конечно, книга о Сусанине, которой скромный столоначальник костромской консистории бросил вызов Н.И. Костомарову.[62]

Примечательно, что вскоре после выхода книги – в декабре 1882 года – её автор имел в Петербурге аудиенцию у Александра III и поднёс по экземпляру всем членам царской семьи, что свидетельствует о том, как высоко был оценён сам факт выхода книги о Сусанине, оспаривающей основные выводы Костомарова – ведь понятно, что царь лично принимал далеко не всех авторов вышедших исторических трудов.

Надо сразу сказать, что книга В.А. Самарянова глубоко традиционна и в основе своей восходит к трактовке подвига Сусанина в "докостомаровские" времена, не зря само её название является слегка изменённым текстом надписи на постаменте сусанинского памятника в Костроме. Достоинствами книги является, во-первых, хорошее знание топографии домнинской округи (по-видимому, В.А. Самарянов не раз там бывал), во-вторых, публикация и сведение воедино всех известных исторических источников, связанных с именем Сусанина, в-третьих, уточнение ряда отдельных важных вопросов сусанинской истории.

Полемику с Н.И. Костомаровым В.А. Самарянов начал уже на первых страницах своей книги. Он писал: "История о славном подвиге Сусанина более $2^1/_2$ веков держалась твердо, не подвергаясь каким-либо сомнениям, или оспариванию, а тем менее отрицанию, как в полном своем составе, так и в частностях. Подвиг Сусанина казался всем столько великим и патриотичным, а личность самого Сусанина столько привлекательною, что историки и поэты, а за ними и все русские люди с любовью останавливались на них. Скудость документальных сведений о личности Сусанина и о его подвиге была причиною того, что историки и поэты, воспроизводя в своих сочинениях сказание о подвиге великого человека, расходились иногда между собой в изображении подробностей подвига, но сущность сказания оставалась у всех одна и та же…"[63]

Выразив опасение, что "молодое поколение, изучающее русскую историю, между прочим, и по сочинениям г. Костомарова, так и останется в убеждении, что Сусанин - миф, а история о его подвиге - сказка",[64] Самарянов писал, что попытается "доказать, что Сусанин действительная историческая личность и что сказание о подвиге его по достоинству занимает место в отечественной истории и всегда составляло и будет составлять одну из лучших страниц её".[65]

В своем труде В.А. Самарянов сделал целый ряд важных замечаний, о которых мы уже говорили выше. Одним из наиболее важных было утверждение о том, что Сусанин был убит в Исупове (В.А.Самарянов не первым сообщил об этом, но он первым сделал на этом такой упор). В то же время,

будучи столь добросовестным исследователем, он ни словом не обмолвился об указанном А.Д. Домнинским месте погребения Сусанина.

Основные выводы, к которым пришел В.А. Самарянов, были таковы: "Марфа Ивановна и Михаил Федорович в начале 1613 года прибыли в Домнино (а не в Кострому), в 1613 году польские и литовские люди были в Костромском и Галичском уездах и именно они, а не казаки, замучили Сусанина; мать и сын Романовы после покушения на жизнь Михаила Федоровича приехали из Домнина в Ипатьевский монастырь; Сусанин был "изрублен в мелкие куски" в селе Исупове.[66]

Достаточно скромно оценивая свою работу, В.А. Самарянов в конце книги писал: "Повергая на суд общественного мнения результаты необходимо вытекающие из разобранных нами источников, на которых основывается история о великом подвиге Сусанина, позволяем себе надеяться, что люди сведущие сумеют лучше нашего воспользоваться теми памятниками древности, которые приведены в нашем труде, несомненно внесут значительную струю света в существующие сказания о подвиге Сусанина и извлекут эту величавую личность из мифического мрака, которым окружили её в последнее время некоторые писатели. Во всяком же случае мы крепко уверены, что тот суровый приговор, которым г. Костомаров осудил сказания о славном подвиге Сусанина на изгнание из отечественной истории, уподобив последнюю авгиевой конюшне, не будет приведен в исполнение, и память о верном и доблестном слуге Царя и Отечества будет жить в потомстве на прочных основаниях, будет украшать одну из страниц русской истории смутного времени и способствовать подъему народного духа в тяжкие годины испытания..."[67]

В конце XIX века сусанинской темой (в частности, вопросом о местонахождении могилы Сусанина) активно занимался председатель Костромской губернской учёной архивной комиссии Н.Н. Селифонтов.

Николай Николаевич Селифонтов (1835-1900) – историк, архивист и государственный деятель – родился в усадьбе Семеновское Нерехтского уезда Костромской губернии. Окончив одно из самых престижных учебных заведений того времени – Петербургское училище правоведения, он достиг больших высот на государственной службе – был сенатором, членом Государственного совета, действительным тайным советником. Не менее ярко Н.Н. Селифонтов проявил себя и как историк, будучи автором и редактором многих исторических трудов и возглавив в 1891 году Костромскую губернскую ученую архивную комиссию.[68] Похоже, что он не сомневался в истинности сообщения о местонахождения могилы Сусанина, сделанного

А.Д. Домнинским, и именно Н.Н. Селифонтовым были опубликован рапорт священника В.Г. Семеновского, который мы приводили выше. В 1895 году Селифонтов совместно с другими членами комиссии посетил Домнино и его окрестности[69]. Не исключено, что смерть – Н.Н. Селифонтов скончался в конце 1900 года в Петербурге, а погребён в своём родном Семёновском возле церкви Смоленской иконы Божией Матери* – помешала ему добиться официального признания того, что Сусанин погребён в Домнине возле Успенской церкви – человеку с его именем и весом это, пожалуй, было под силу.

Но, безусловно, вершиной дореволюционного костромского сусаниноведения явились многочисленные работы Н.Н. Виноградова, созданные им в 10-е годы XX века.

Николай Николаевич Виноградов (1876-1938) – историк, этнограф, лингвист – подобно многим костромским краеведам, происходил из духовного сословия: он родился в семье священника в селе Чмутове Галичского уезда. После окончания в 1896 году Костромской духовной семинарии он несколько лет работал учителем церковно-приходской школы; в 1905 году поступил в Петербургский университет (который не окончил); вернувшись на родину, несколько лет служил чиновником по особым поручениям при костромском губернаторе. В 1926 году Н.Н. Виноградов был арестован и несколько лет пробыл в Соловецком концлагере, после освобождения остался на севере. В 1937 году был вновь арестован, в начале 1938 года расстрелян.[70]

Среди обширного научного наследия Н.Н. Виноградова выделяется целый ряд статей, посвящённых почти всем аспектам сусанинской темы, в которых костромской историк очень энергично полемизировал с Н.И. Костомаровым. Как никто до него из историков знающий источники по периоду Смутного времени на костромской земле, Н.Н. Виноградов активно защищал традиционную трактовку подвига Сусанина. Особое место среди его работ занимает цикл статей под общим названием "Об Иване Сусанине", опубликованный в Костроме в 1915 году.

В первой статье цикла "Были ли польские отряды в районе Костромской губернии в 1612-1613 гг.?", приведя все известные факты пребывания польских отрядов на костромской земле в эти годы, Н.Н. Виноградов полностью опроверг утверждение Костомарова о том, что в то время поляков здесь вообще не было. Историк при этом заметил: "Костомаров мог прий-

* В советское время церковь в Семёновском была закрыта, а на могиле Н.Н. Селифонтова устроена свалка.

ти к такому заключению, вероятно, только потому, что в его распоряжении в то время не было других исторических документов, кроме скудных печатных источников, на которые он ссылается в своём исследовании. Между тем внимательное изучение многочисленных документов, относящихся к эпохе Смутного времени, даёт возможность сделать прямо противоположный вывод".[71]

Наиболее важной была третья статья цикла, называвшаяся "Могли ли польские отряды, действовавшие в пределах нынешней Костромской губернии, до 14 марта 1613 года узнать о предполагаемом или уже совершившемся избрании на царский престол Михаила Феодоровича?" Н.Н. Виноградов писал в ней: "Для того, чтобы более или менее удовлетворительно разобраться в том, являлся ли Иван Сусанин спасителем царя и отечества, или просто пострадавшим по недоразумению, – предварительно нужно решить вопрос: могли ли польские отряды иметь цель убийство Михаила Феодоровича? А этот вопрос, в свою очередь, расчленяется на два: 1) Могли ли польские отряды, действовавшие в районе Костромской области, иметь сведения о предполагаемом или уже совершившемся избрании Михаила Феодоровича на царство? 2) Есть ли указания, что поляки искали именно Михаила Феодоровича?"[72]

Приведя в пример незадолго до того ставший известным факт, что 10 февраля 1613 года занимавшие тогда Новгород шведы от двух русских купцов узнали, что на Земском соборе в Москве казаки активно выступали за избрание царём Михаила Романова, Н.Н. Виноградов ответил на первый вопрос утвердительно.[73] Отвечая на второй вопрос, заданный, конечно, чисто риторически, историк ответил (эти слова мы уже приводили): "Из имеющихся налицо исторических документов неизвестно, чтобы в этот период поляки так усердно искали кого-либо из помещиков Костромской области. А если польский отряд разыскивал именно Михаила Феодровича Романова, то значит на это была какая-то особенная причина – в данном случае стремление избавиться от несомненного кандидата на царский престол Великой России".[74]

Судя по всему, в планах Н.Н. Виноградова было создание большого труда о Сусанине. К сожалению, этому труду не суждено было появиться: началась революция, надолго сделавшая изыскания о Сусанине и споры историков о нём неактуальными. Даже цикл "Об Иване Сусанине", опубликованный всего лишь за год с небольшим до революции, по сути, так и не успел стать фактом исторической науки.

Историческая и художественная литература о Сусанине в конце XIX – начале XX веков

В целом в исторической, а также художественной литературе конца XIX – начала XX веков, посвящённой Сусанину, можно выделить три основных направления в освещении сусанинского подвига: 1) традиционное, официальное, постепенно уходящее из серьёзной науки в литературу популярную, литературу "для народа", 2) прокостомаровское, нигилистическое, пользующееся определённой популярностью в либеральных научных кругах, 3) противостоящее как первому, так и второму и пытающееся дать объективную картину гибели Сусанина.

Примером первого – традиционного, официального направления – может служить вышедший в конце XIX века несколькими изданиями труд Д.И. Иловайского "Смутное время Московского государства", в котором автор, рассказывая о событиях конца зимы 1613 года, писал: "Старица Марфа Ивановна и её юный сын Михаил, освободясь из рук осаждённых в Москве поляков, удалились в свои вотчины, находившиеся в Костромском уезде; причём они с молитвенной целью посетили некоторые соседние монастыри; между прочим ездили и в обитель Макарьевскую на р. Унже. Затем мать и сын мирно проживали в своём селе Домнине, <…> и надеялись, что здесь они достаточно укрыты от военных бурь того времени и от вражеских нападений. Но эта надежда не оправдалась.

Польско-литовские шайки вместе с воровскими казаками ещё свирепствовали в местах <…> заволжских. Между прочим, в 1613 году такие шайки нападали на пригород Солигалич <…> и на Железноборовский монастырь, отстоящий от села Домнина в 15-20 верстах. Неизвестно, одна ли из этих шаек или какая другая, в виду слухов об избрании Михаила Федоровича, задумала внезапным нападением захватить его в свои руки и направилась в ту сторону. Но ей нелегко было найти прямую дорогу в местности лесистой, ровной и занесённой снегом. Шайка попала в Деревнищи, один их ближних и принадлежавших Домнину посёлков. Тут польско-литовские люди схватили обывателя, по-видимому, деревенского старосту по имени Иван Сусанин, расспрашивали его о местопребывании семьи Романовых и потребовали, чтобы он проводил их в Домнино. Сусанин, догадавшись, в чём дело, охотно согласился служить проводником; но, отправляясь в дорогу, успел послать своего зятя Богдана Сабинина к старице Марфе Ивановне с предупреждением об опасности и советом спасаться скорее в Кострому.

Он повёл поляков такою дорогою, что Домнино осталось в стороне. Долгое время водил он их по лесам и замёрзшим болотам; враги начали изъявлять подозрения, грозя Сусанину жестокими пытками и смертию. Когда же по его расчёту Михаил был вне опасности, он объявил полякам истину, и принял от них мученическую кончину. Так вероятно или приблизительно совершился его подвиг, о котором история, к сожалению, имеет только или глухие, или косвенные свидетельства".[75]

В конце XIX века в Петербурге вышел роман П.Н. Полевого (1839-1902) "Избранник Божий", посвящённый событиям начала XVII века и рассказывающий о судьбах Филарета Никитича, Марфы Ивановны и их сына Михаила. Среди героев романа был и Иван Сусанин. Роман П.Н. Полевого – литературоведа и писателя (сына Н.А. Полевого – автора пьесы "Костромские леса", посвящённой Сусанину) – будучи, конечно, художественным произведением, в целом отражал общий уровень тогдашних представлений о подвиге Сусанина и, в свою очередь, сам оказывал известное влияние на представление общества об этом (во всяком случае, в некоторых вышедших позднее публицистических работах нетрудно обнаружить отдельные моменты, явно заимствованные из романа "Избранник Божий").

Мелькнув в начале романа, староста Иван Сусанин появляется снова уже в его конце – в середине октября 1612 года под стенами Московского кремля во главе большого обоза, нагруженного припасами, привезёнными в лагерь Минина и Пожарского из Костромы. Вместе с Сусаниным находится его внук, мальчик двенадцати лет, по имени Вася. В костромском отряде ополчения Сусанин видится со своим зятем Богданом Сабининым (по-видимому, вторя П.Н. Полевому, советские авторы позднее стали зачислять сусанинского зятя в ряды ополчения Минина и Пожарского без малейших на то оснований). Сусанин и Сабинин присутствуют при выходе бояр из кремля, встречают здесь свою хозяйку – Марфу Ивановну с сыном – и сопровождают их из Москвы в Домнино. Действие романа продолжается спустя пять месяцев – в конце зимы 1613 года. Автор сообщает, что проживая в Домнине, Марфа Ивановна "решилась <...> посетить некоторые из соседних обителей и ездила туда на богомолье с сыном, в сопровождении весьма небольшого количества челядинцев. Вернувшись из Макарьевской на Унже обители, Марфа Ивановна решилась никуда из Домнина не выезжать..."[76] В это же время "шайка литовско-польских воровских людей, числом с полсотни или поболее"[77], пробираясь лесными просёлками, ищет путь в Домнино. Отряд подходит к "небольшому поселку Деревищи, состоявшем из десятка изб", где "в ту пору <...> были дома старухи да грудные дети, а все остальное

мужское и женское население было на рубке дров в лесу, за много вёрст от Деревищ"[78] (так П.Н. Полевой весьма шаблонно разрешает извечную проблему сусаниноведения, объясняя, почему поляки схватили и пытали именно одного Сусанина, словно тот жил в безлюдной пустыне–Н.З.).

В Деревнищах "в единственной избе с трубою и крытым крылечком лежал на печи и трясся под полушубком от злой лихоманки домнинский староста Иван Сусанин. Накануне приехал он на побывку к дочке и зятю, который только что вернулся из-под Москвы, и спозаранок в тот же день выслал всю деревню в лес на рубку дров для боярской усадьбы. И сам хотел с ними ехать, да под утро его стало так ломать, что он предпочел остаться дома с внуком Васей и залег на печь, прикрывшись полушубком".[79] От вернувшегося зятя Сусанин уже знал, что собравшийся в Москве собор, будто, решил избрать царём "боярина Михаила Федоровича".[80]

В деревню входят поляки и требуют от Сусанина, чтобы он вёл их в Домнино. Сусанин отвечает им, что до Домнина двадцать вёрст, но есть другая дорога в пять или шесть вёрст. Поляки дают Сусанину деньги, тот сажает их за еду, а сам тайком говорит внуку Васе: "Сейчас я уведу злодеев… И как уйдем, так становись на лыжи и в Домнино беги! Скажи боярыне, чтобы немедленно укрылась с сыном в Кострому…"[81] Сусанин и поляки трогаются в путь.

"– Ну, господа паны! Пора и в путь, коли до темноты хотитё добраться в боярскую усадьбу… Пойдем! – сказал Сусанин, доставая с печки суковатую палку и снимая шапку со спицы.

Паны поднялись, оправляя одежду и побрякивая оружием.

– Помни пся крэвь! – сказал Сусанину в назидание пан Клуня. Ежели нам не ту дорогу покажешь, пуля тебе в лоб! Убьем, как собаку.А ежели…

– Да полно, пан! Я денежки люблю, а коли их не пожалеешь, будь спокоен! Как раз доставлю к месту.

И в то время, когда паны направились к дверям, Сусанин обернулся к иконам и осенил себя широким крестом… Во взоре его, устремленном на божницу, горела непоколебимая решимость: он твердо знал, куда идет, что делает, – знал, что не вернется более под свой родимый кров".[82]

Предупреждённые Васей Марфа Ивановна и Михаил сразу же уезжают в Кострому, где "Марфа Ивановна не решилась остановиться на житье в самом городе: она предпочла укрыться вместе с сыном в стенах Ипатьевской обители".[83] Здесь же в монастыре, несколько дней спустя, из Домнина "получены были печальные вести: Иван Сусанин был варварски убит

ворами, которых он завел в непроходимые лесные трущобы, в стороне от всяких путей, пролегавших от Деревищ к Домнину. Деревищенские и домнинские крестьяне, по темным и смутным указаниям Васи, разыскали шайку злодеев в лесу и истребили их всех до единого, мстя им за Ивана Сусанина".[84] Получив такую весть, мать и сын Романовы служат в Троицком соборе Ипатьевского монастыря заупокойную обедню за "раба Божия Иоанна".[85]

В 1901 году в Петербурге был издан XXXII-й том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, статья о Сусанине в котором при всей внешней объективности изложения была написана в сильном "прокостомаровском" духе. В словаре говорилось: "Сусанин (Иван) – крестьянин Костромского у., с. Домнина, принадлежавшего Романовым; известен как спаситель жизни царя Михаила Феодоровича. До самого последнего времени единственным документальным источником о жизни и подвиге Сусанина была жалованная грамота царя Михаила Феодоровича, которую он даровал в 1619 году "по совету и прошению матери", крестьянину <…> "Богдашке" Собинину <…> В летописях, хрониках и др. письменных источниках XVII в. почти ничего не говорилось о Сусанине, но предания о нём существовали и передавались из рода в род. До начала XIX века никто не думал, однако, видеть в Сусанине спасителя царской особы. Таким впервые его представил печатно Щекатов в своём "Географическом словаре"; за ним Сергей Глинка, в своей "Истории", прямо возвёл Сусанина в идеал народной доблести. <…> Вскоре личность и подвиг Сусанина стали любимым предметом и для поэтов, написавших о нём целый ряд стихотворений, дум, драм, повестей, рассказов и т.п. и для музыкантов <…>.

Скудость источников и разногласия авторов, повествовавших о подвиге Сусанина, побудили Н.И. Костомарова отнестись критически и к личности Сусанина, и к его подвигу. Исходя, главным образом, из того, что о нём не говорится в современных или близких к его времени летописях и записках, что существующими источниками не подтверждается присутствие польско-литовского отряда близ с. Домнина и что в начале 1613 года Михаил Феодорович жил со своей матерью не в с. Домнине, а в укреплённом Ипатьевском монастыре, он видел в Сусанине "одну лишь из бесчисленных жертв, погибших от разбойников в Смутное время".[86] Сообщив, что Н.И.Костомарову "горячо возражали" С.М. Соловьёв, М.П. Погодин, А.Д. Домнинский, В.И. Дорогобужинов и др., автор статьи замечал, что "все они руководствовались большей частью теоретическими соображениями и догадками".[87]

В 1909 году вышла первая часть "Учебника русской истории", написанного крупным русским историком С.Ф. Платоновым. В своём "Учебнике" С.Ф. Платонов фактически выступил и против традиционной версии сусанинского подвига, и против версии Н.И. Костомарова. Виднейший специалист по эпохе Смутного времени писал, повествуя об избрании Михаила Федоровича: "Нового царя, однако, не было в Москве. В 1612 году он сидел со своею матерью, инокинею Марфою Ивановною, в кремлевской осаде, а затем, освободясь, уехал через Ярославль в Кострому, в свои села. Там ему грозила опасность от бродячего польского или казачьего отряда, каких много было на Руси после падения Тушина. Михаила Федоровича спас крестьянин его села Домнина, Иван Сусанин. Известив своего боярина об опасности, он сам завел врагов в леса и там погиб с ними, вместо того чтобы указать им путь в боярскую усадьбу. Тогда Михаил Федорович укрылся в крепком Ипатьевском монастыре, где и жил с матерью до той минуты, как к нему в монастырь явилось посольство от земского собора с предложением престола".[88]

В 1911 году увидела свет книга известного польского писателя и историка Казимира Валишевского "Смутное время", в которой автор, повествуя о судьбе Марфы Ивановны и Михаила после капитуляции польского гарнизона Московского кремля, писал: "Пережив все испытания польского господства и страшную осаду, мать сыном удалились в свои поместья близ Костромы. Преданию угодно было, чтобы они подверглись здесь новой опасности – похищению или умертвлению от шайки поляков, спасением своим были бы обязаны только преданности крестьянина Ивана Сусанина, который погиб в муках, но не указал полякам дорогу к их жилищу. Этот смиренный мужик вошёл в славу, вдохновляя поэтов и художников и получил заметное место на памятнике тысячелетию России, где собраны главные герои народной истории. Избавление Московии мясником Мининым в 1612 году и это новое вмешательство сына народа, защитившее основателя новой династии, соединились здесь в символическом воспроизведении."[89]

Далее К. Валишевский почти слово в слово повторил основные положения Н.И. Костомарова. Он писал: "К несчастью, легенда о прославленном герое не выдерживает критики. Рассказы современников, всегда богатые подробностями, ни словом не обмолвились об его подвиге. Единственное указывающее на него свидетельство – грамота <…> 1619 г. <…> свидетельствует только, что истязуемый поляками Сусанин отказался ука-

зать, где находится Михаил <...> , но вовсе не упоминает, что свобода или жизнь будущего царя зависели от того, что Сусанин сохранил молчание о его местопребывании. Грамота имела на это основание: в дни этого события, в 1613 г., Марфы и её сына на самом деле не было <...> в селе Домнине <...> . Так как места эти были небезопасны, Романовы уже избрали себе пребывание в самой Костроме, укреплённом городе; без сомнения, поляки знали дорогу к нему, но не могли и думать овладеть им со своей маленькой шайкой. Очень мало вероятно, впрочем, и самое присутствие поляков в этой области. Сусанин, должно быть, имел дело с казаками, которые, вероятно, искали вотчину Романовых не ради них самих, а ради грабежа в их отсутствии. Отказавшись служить им проводником, мужик, может быть, и оказал услугу будущему царю; а семейство его, обращаясь к доброте и доверчивости Марфы, несомненно, преувеличило значение происшествия, а легенда доделала остальное".[90]

С 1908 года в Петербурге стал издаваться популярный журнал "Сатирикон", в котором сотрудничали виднейшие писатели-сатирики того времени. В период расцвета журнала в 1911 году была опубликована написанная его авторами "Всеобщая история, обработанная "Сатириконом", в которой была, в частности, и глава о Сусанине. Её автор, О.Л.Д'Ор (И.Л. Оршер), пародируя обычные рассказы о Сусанине в учебниках истории, написал: "После изгнания поляков их Москвы бояре и народ избрали на царство Михаила Федоровича Романова.

В то время прославился крестьянин Иван Сусанин.

Однажды в дом Сусанина ворвалась банда польских воинов и потребовала, чтобы он их повёл к Михаилу Федоровичу, которого поляки хотели убить.

Сусанин выбрал такое место, куда ворон костей не заносил, и завёл туда поляков. Сусанина поляки умертвили, но и сами погибли..."[91]

В Петербурге же, в 1912 году вышел очередной том Русского биографического словаря, в котором была предпринята попытка объективно оценить все известные данные о Сусанине. В издании говорилось: "Более или менее определённых и достоверных сведений о жизни этого героя из народа не сохранилось, почему личность его является до известной степени легендарной".[92] Словарь отмечал, что "в летописях, хрониках и других письменных документах и источниках XVII в. Ничего не говорится о Сусанине; не упоминается о нём и в донесениях и описаниях иностранных по-

слов, путешественников и историков, бывавших в России в те времена; только на родине Сусанина предания о подвиге его не переставали жить и передавались из рода в род".[93]

Биографический словарь констатировал, что о сусанинском подвиге существует две версии: "Более известная и популярная, но в сущности менее достоверная из них гласит, что Сусанин, после некоторых пыток, взялся быть проводником отряда, но завёл его в противоположную от Домнина сторону <...> по этой же версии погиб и весь польско-литовский отряд, заблудившийся в лесных дебрях. По другой, более достоверной версии, Сусанин просто отказался что-либо сообщить полякам <...> по этой версии Сусанина пытали не в глухом лесу, а в селе Исупове, в присутствии многих поселян для устрашения последних".[94]

Однако, как уже писалось, в популярной литературе вплоть до самой революции господствовала традиционная версия сусанинского подвига. Особенно часто писали о Сусанине в многочисленных изданиях, вышедших в связи с исполняющимся в 1913 году 300-летием правления Дома Романовых. Одним из образцов такого издания может служить книга "Россия под скипетром Романовых. 1613-1913", опубликованная в Петербурге в 1912 году, в которой так писалось о знаменитом подвиге: "... польская шайка остановилась в посёлке Деревнищах, в нескольких верстах от Домнина, и, желая извести соперника Владислава, приказала старосте деревни Сусанину вести её к Михаилу. Сусанин, догадавшись о замысле поляков, успел послать гонца к инокине Марфе и царю Михаилу, чтобы те спаслись за крепкими стенами Ипатьевского костромского монастыря, а сам повёл шайку по разным окольным дорогам, а затем, заведя их в леса и болота и уверившись по времени, что царь теперь уже в безопасности, открыл полякам истину. Те зверски его умертвили. Так честно умер крестьянин Сусанин за своего государя, показав пример доблести всем русским людям на вечные времена!"[95]

Коробовские белопашцы во 2-й половине XIX – начале XX веков

После конфуза 1858 года и грозы, разразившейся над Коробовым осенью 1859 года, казалось, что потомки Сусанина уже больше не восстановят своего традиционно высокого положения. Показательно, что когда в

конце июня 1863 года Кострому посетил наследник престола цесаревич Николай Александрович (как известно, он умер через два года и поэтому трон достался его младшему брату Александру), то в программу его пребывания – в общем-то достаточно обычную для очередного высокого гостя из Дома Романовых – впервые с 1834 года не вошла хотя бы и мимолётная встреча с коробовскими белопашцами. Трудно сказать, сколько бы продолжалась эта опала, если бы не выстрел 4 апреля 1866 года и не пресловутый "подвиг" "второго Сусанина" – Комиссарова, в свете которого все недоразумения между царским домом и потомками Сусанина были забыты и коробовцам вновь было возвращено прежнее царское благоволение. Уже в том же 1866 году депутация из Коробова вновь, как ни в чём ни бывало, принимала участие в церемонии встречи высочайшей особы.

Как мы помним, в августе 1886 года Кострому посетил новый наследник престола – цесаревич Александр Александрович – будущий Александр III. Приехав 14 августа, он остановился в губернаторском доме на Муравьёвке. Утром 15 августа в парке губернаторского дома наследник встретился с депутациями различных групп населения губернии, среди которых впервые находилась большая группа волостных старшин и сельских старост из Костромского и Чухломского уездов. Отдельно стояли волостные старшины Молвитинской и Домнинской волостей, вместе со старостами Молвитина и Домнина и некоторыми крестьянами из этих сёл, представлявшие родные места обоих Сусаниных – старого и нового. Во встрече с наследником престола приняли участие и коробовцы. Потомки Сусанина поднесли будущему государю хлеб-соль, а бывший с ними священник приветствовал Александра Александровича торжественной речью и поднёс ему икону – вероятно, образ Иоанна Предтечи.[96]

Через 11 лет после этого Коробово вновь увидело истинно царскую милость. Как мы помним, церковь Иоанна Предтечи в этом селе относилась к числу загородных дворцовых храмов, находившихся в ведении Министерства Двора Его Императорского Величества. Будучи, с одной стороны, приходским храмом, она в то же время была храмом-памятником, своеобразным древлехранилищем и музеем сусанинских потомков. Как уже писалось, именно здесь в церковной ризнице, в особом футляре, хранились жалованные грамоты, выданные коробовцам русскими царями. В конце 70-х годов по воле Александра II для коробовской церкви был изготовлен особый набор из шести колоколов. На пяти из них находились барельефные портреты членов царской семьи, от имени которых даровался каждый колокол. На самом большом, с портретом Александра II, была сделана следу-

ющая надпись: "Благодарствуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию Славу. Всемилостивейше пожалован Государем Императором Александром II-м 16 августа 1877 года". Второй по величине колокол дарился от имени императрицы Марии Александровны, третий – от наследника Александра Александровича, четвёртый – от имени великих князей Владимира и Алексея Александровичей, пятый – от великого князя Сергея Александровича. Шестой колокол – самый маленький – не имел ни портрета, ни надписи (всего же, с имевшимся ранее на колокольне, в Коробове стало 7 колоколов).[97]

Вместе с колоколами в 1877 году по высочайшему повелению в коробовский храм из Петербурга хранителем домика Петра Великого З.И. Дехтярёвым были привезены образ Нерукотворного Спаса, находившийся до этого в домике Петра Великого, и ряд других икон с изображением Собора в честь Иоанна Предтечи, святителя Николы, святого князя Александра Невского, святителя Тихона Задонского и др.[98] Подобным даром Александр II, вероятно, хотел дать понять коробовцам, что он на них больше не держит зла, а также, может быть, хотел и как бы покаяться перед ними, испытывая, возможно, угрызения совести за разгром Коробова в 1859 году.

22 июля 1881 года Кострому на пароходе из Нижнего Новгорода посетил император Александр III, всего лишь несколько месяцев назад занявший трон после убийства своего отца народовольцами. Вместе с ним была вся семья – императрица Мария Федоровна и дети, среди которых находился и наследник престола – тринадцатилетний цесаревич Николай, будущий император Николай II. При входе в Ипатьевский монастырь царскую семью встречала депутация потомков Сусанина из Коробова.[99]

14 мая 1898 года в Костроме был проездом московский генерал-губернатор – великий князь Сергей Александрович, сын Александра II, дядя Николая II. Посетив по традиции Ипатьевский монастырь, великий князь встретился там с депутацией коробовцев и крестьян села Домнина (как известно, в феврале 1905 года Сергей Александрович будет убит бомбой террориста в Московском кремле).[100]

После 1858 года члены царской фамилии долгое время не посещали Коробова, только незадолго до празднования 300-летия правления Дома Романовых в "царском" селе, как называли Коробово в губернии, побывал великий князь Константин Константинович, талантливый поэт, писавший под инициалами "К.Р."[101]

В мае 1913 года потомки Сусанина из Коробова в последний раз встретились в Костроме с последним государем из Дома Романовых. Об этой встрече – чуть ниже.

Сусанинские места во второй половине XIX века

Как мы помним, в первой половине XIX века основное внимание властей и общества уделялось Коробову и его белопашцам. Домнинская округа – родная земля Сусанина и место его гибели – по части официального признания находились как бы в забросе. С середины века ситуация начала меняться: в начале 50-х годов за счёт казны по повелению Николая I был обновлён Успенский храм в Домнине, а с 60-х годов установился обычай участия представителей Домнинской волости во главе с волостным старшиной в церемониях встреч посещавших Кострому царей и других особ Дома Романовых.

В 1866 году, правда, у домнинцев появился сильный конкурент – находящееся в нескольких верстах село Молвитино, родина О.И. Комиссарова. Какое-то время, наверное, даже казалось, что Молвитино отныне затмит собою Домнино (например, 21 августа 1866 года молвитинская депутация, состоящая в основном из родственников О.И. Комиссарова, участвовала во встрече посетившего Кострому посла США Фокса[102]). Однако бум вокруг "второго Сусанина" потихоньку спал: увешанный орденами герой новейшего времени померк пред освящённым веками образом старого русского мученика и вскоре молвитинцев на встречи высочайших гостей приглашать перестали.

Через несколько лет, весной 1871 года, в этих местах произошло другое (в отличие от комиссаровской истории совершенно незамеченное тогда, но зато оставившее неизгладимый след в отечественной культуре) и, похоже, также связанное с именем Сусанина событие.

В начале марта 1871 года Молвитино посетил художник А.К. Саврасов. Как известно, Алексей Кондратьевич Саврасов, в ту пору профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества, в конце 1870 года, взяв в училище отпуск на пять месяцев, в начале декабря приехал в Ярославль. Проведя зиму в Ярославле, художник в начале марта 1871 года приехал в Кострому, а оттуда – в Молвитино. Результатом этой поездки явилось создание им знаменитой картины "Грачи прилетели", центральное место на которой занял молвитинский Воскресенский храм, построенный в XVII веке. В истории приезда А.К. Саврасова в Молвитино почти всё остаётся

для нас неизвестным. По сути, есть только одна обоснованная версия того, почему А.К. Саврасов посетил Молвитино – версия, выдвинутая искусствоведом Е. Кончиным, который отверг предположения о том, что художник специально приехал в Молвитино для написания типичного русского села с церковью. Действительно, таких сёл вокруг Ярославля осталось очень много даже и сейчас и ехать для этого в соседнюю губернию не было никакой нужды. Е. Кончин предположил, что Саврасов приехал в Молвитино, чтобы увидеть места, связанные с подвигом Сусанина. Он пишет: "Молвитино расположилось в стороне от дороги, "случайно" сюда заехать трудно. Поэтому берусь утверждать, что кто-то из друзей или близких знакомых Саврасова завёз его именно в это село. И, быть может, именно потому, что селение овеяно славой Отечества нашего, связано с подвигом русского патриота Ивана Сусанина".[103]

Версия Е. Кончина логична, однако у ней есть и существенный изъян: Молвитино не имеет никакого отношения к Сусанину. Если бы А.К. Саврасов приехал в этот уголок костромской земли, чтобы посмотреть сусанинские места, то он, несомненно, поехал бы в Домнино, Деревеньки, на Исуповское болото. А если бы поехал, то сделал бы какие-нибудь рисунки, этюды, и, скорее всего, нам было бы об этом известно. Однако, судя по всему, Е. Кончин прав. В пользу его версии свидетельствует и само время приезда художника в эти края: ведь было общепринято, что Сусанин погиб именно в конце февраля – начале марта. А в собственно сусанинские места А.К.Саврасов мог не попасть из-за весенней распутицы. Во всяком случае, очень похоже, что рождению знаменитых саврасовских "Грачей" – одному из шедевров русской пейзажной живописи – мы обязаны памяти об Иване Сусанине.

Особая страница в истории сусанинских мест связана с деятельностью здесь Александровского православного братства – религиозно-благотворительной организации, созданной в 1879 году в Костроме. Братство, названное в честь наследника престола, ставшего вскоре императором Александром III, ставило своей целью благотворительную и просветительскую деятельность в местах костромского края, связанных с первыми Романовыми – Ипатьевской слободе в Костроме, сёлах Домнине и Спас-Хрипелях, городе Макарьеве, а также в районе Запрудни в Костроме – места явления Федоровской иконы Божией Матери, покровительницы Дома Романовых. Почётными членами братства были многие видные люди того времени: церковные иерархи, государственные деятели, промышленники. Вплоть до самой революции Александровское братство создавало в опекаемых им

Церковно-приходская школа в Спас-Хрипелях, построенная Александровским братством в 1890 году. Фото начала XX века.

местах школы, мастерские, амбулатории, приюты, богадельни, фермы для распространения передового сельскохозяйственного опыта и т.д.

В конце 80-х годов при содействии братства в Домнине и Спас-Хрипелях были открыты церковно-приходские школы, поначалу размещавшиеся в домах местных священников. Однако вскоре на средства братства для школ были выстроены – в Спас-Хрипелях в 1890 г., а в Домнине в 1893 г.[104]– двухэтажные кирпичные здания, благодаря чему церковно-приходские школы в этих сёлах по праву стали считаться одними из лучших в Костромской губернии. При домнинской школе были устроены мастерские: кузнечно-слесарная для мальчиков и рукодельная для девочек, а также приют для учеников из дальних деревень.[105] На уроках в обеих школах постоянно звучало имя Сусанина, их ученики участвовали в заупокойных богослужениях по своему великому земляку, а школу в Домнине обычно называли "Сусанинской" школой.

Последним крупным делом, осуществлённым Александровским братством в сусанинских местах, было сооружение в 1913 году, в связи с 300-

Церковно-приходская школа в Домнине, построенная Александровским братством в 1893 году. Фото Н.М. Бекаревича. 1895 г.

летием подвига Сусанина, памятной часовни на его родине – в деревне Деревеньки, о чём будет рассказано ниже.

Общее отношение к Сусанину на рубеже XIX – XX веков

Отношение к Сусанину в нашей стране на рубеже XIX-XX веков, конечно, было неоднозначным. В глазах большей части общества знаменитый костромской крестьянин был символом русского патриотизма, одним из наиболее по-человечески близких образов прошлого, давно и неразрывно связанных с отечественной культурой и, в первую очередь, с таким её шедевром, как опера М.И. Глинки "Жизнь за царя" (как раз в это время необычайную популярность первой русской классической оперы принесло исполнение главной роли в ней гениальным Ф.И. Шаляпиным).

Государство со времен Николая I использовало образ Сусанина в официальной пропаганде, делая особый упор на то, что он отдал свою жизнь, спасая именно царя, а не просто особу Михаила Романова. С другой стороны, в революционных кругах отношение к Сусанину было, по сути, отри-

цательным, объединяя две его разновидности – сторонники одной, идущей от костомаровской статьи, полагали, что Сусанин – это просто жертва Смутного времени и что все мифы о нём были раздуты потом, сторонники другой разделяли официальную версию и считали Сусанина подлым холопом и прислужником кровавого романовского царизма.

В кругах интеллигенции нередким было ироническое отношение и к имени Сусанина, и к его подвигу, тем более, что казённое его прославление и отдельные его курьёзы и не могли вызвать к себе иного отношения. (К числу таких курьёзов следует отнести, например, отправку в 1896 году из Костромы на Нижегородскую ярмарку пня от той сосны, под которой, будто бы, поляки убили Сусанина.*)

Ф.И. Шаляпин в роли Ивана Сусанина

Во время первой русской революции 1905-1907 годов имя Сусанина приобрело более сильную политическую окраску. Идеологи крайне правых, националистических организаций, возникших тогда в России, и, в первую очередь – "Союза русского народа" своими предшественниками провозгласили Кузьму Минина и Ивана Сусанина, что, естественно, не могло не вызвать у их противников – революционных, левых сил – укрепления негативного отношения к обеим этим историческим фигурам.

---

* Показательно, как реагировал на этот пень, увидев его на ярмарке в Нижнем Новгороде Н.Ф. Чалеев (1873-1938), представитель старинного костромского дворянского рода, выдающийся драматический артист.. В своих замечательных и до сих пор не опубликованных воспоминаниях (показывающих, в частности, как он – талантливый и образованный человек, подлинный патриот, относился к официальной версии сусанинского подвига) Н.Ф. Чалеев писал: "Были некоторые предметы, вызывающие недоумение, улыбку, а, пожалуй, и некий конфуз. Например: остатки той сосны, под которой был убит Сусанин свирепыми поляками. Какие доказательства тому, что этот гнилой пень был свидетелем истории, о которой прилично повествовать в средних учебных заведениях Иловайскому или другому

Такие крайности в отношении к Сусанину сохранялись в России вплоть до 1917 года.

1913 год: 300-летие правления Романовых – 300-летие подвига Сусанина

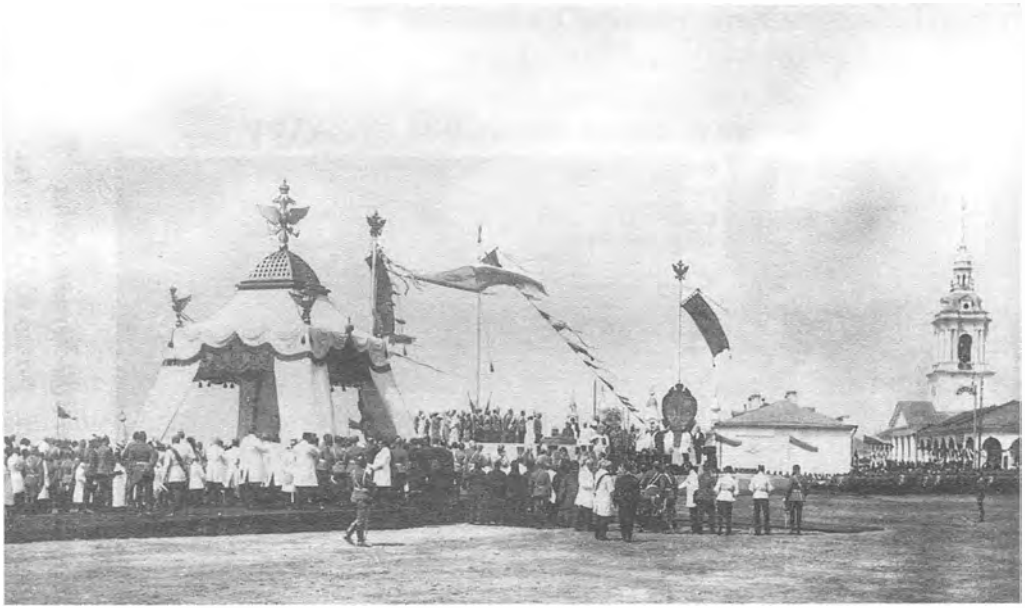
В череде крупных исторических юбилеев, отмеченных Россией в конце первого и в начале второго десятилетий XX века, бесспорно, самым значительным было 300-летие правления Дома Романовых – последнее крупное торжество в самый канун 1-й мировой войны и революции, похоронившей прежнюю царскую Россию.

Трёхсотлетие Дома Романовых, праздновавшееся с небывалым размахом, фактически было и трёхсотлетием сусанинского подвига. К романовскому юбилею было приурочено много всевозможных мероприятий, но его апофеозом, конечно, стала поездка Николая II с семьёй по пути, которым прошло в 1612 году ополчение Минина и Пожарского. В мае царская семья прибыла из Петербурга в Нижний Новгород и оттуда на пароходе направилась вверх по Волге. Основным центром торжеств в те дни, по праву "колыбели романовской династии", стала Кострома, куда царский пароход "Межень" прибыл утром 19 мая 1913 года. Два дня длились юбилейные празднества в Костроме, оставившие неизгладимый след в истории города, и всё это время имя Сусанина звучало почти столь же часто, как и имя основателя романовской династии.

какому-нибудь чиновнику от науки. Дело это тёмное, как будто придуманное. И село Домнино существует, и я был в нём <...>. Был я и на Исуповских болотах, куда якобы завёл Сусанин польский отряд, где он весь погиб в трущобах, в провалах и бездонных "окнах". Видел я бронзовую рыцарскую шпору, найденную в этих местах под старым, вывернутым из земли пнём бабами, собиравшими в тех болотах клюкву. Шпору эту купил мой дядюшка, Иван Николаевич, и пожертвовал её в Исторический музей в Костроме, где она и поныне находится. Всё это как будто и есть доказательства того, что здесь что-то происходило, похожее на легенду... Но дело в том, что в этой местности польских отрядов Сапеги и банд Лисовского путалось немало. Галич они громили, Буй громили, Кинешму жгли и брали приступом и вырезали до последнего кинешемца.

Так что находки старинной воинской сбруи в этих местах не диво. И в селе Исупове я сам видел старинную, проржавленную, ещё фитилём воспламенявшуюся фузею с медной стволиной, в которую можно загнать пулю в хороший грецкий орех. Тут же находились кольчуги, бердыши всяких фасонов и прочие ратные остатки".[106]

Май 1913 года. Сусанинская площадь. Кострома празднует 300-летие Дома Романовых. Царский экипаж едет мимо памятника Сусанину. Фото К.К. Буллы.



Торжественная закладка монумента в честь 300-летия романовской династии. 20 мая 1913 года. Фото К.К. Буллы.

Первым делом Николай II со всей семьёй, включая и девятилетнего наследника Алексея (которого нёс на руках его дядька), отправился в Ипатьевский монастырь. Всё было торжественно и величаво: звон колоколов, мундиры сановников и генералов, архиепископ Тихон (Василевский), встретивший царскую семью у входа в монастырь приветственной речью, богослужение в Троицком соборе… Но фактически последний русский император и его близкие прощались с тем местом, где, как писали в прошлом, "взошла звезда романовского величия".

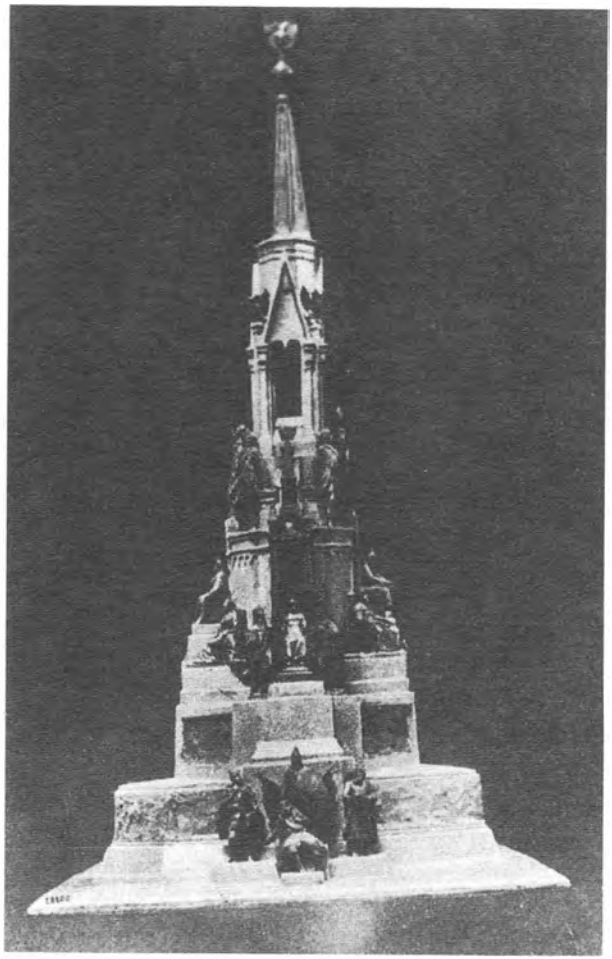
20 мая Николай II торжественно заложил в бывшем Костромском кремле вблизи кафедральных соборов монумент в честь 300-летия романовской династии. На этом уникальном сооружении должны были находиться бронзовые фигуры всех царей и цариц из дома Романовых. Помимо царских особ только трое героев русской истории должны были быть представлены на монументе: двое из них – Минин и Пожарский, а третий – Иван Сусанин. Причём бронзовая фигура Сусанина, как и на памятнике работы В.И. Демут-Малиновского, должна была находиться у самого подножия возносящегося вверх величественного, увенчанного двуглавым орлом монумента, играя в его композиции совершенно исключительную роль.

Первоначальный вариант памятника в честь 300-летия Дома Романовых. На переднем плане – Сусанин, умирающий у ног женщины в древнерусском одеянии – аллегории России, слева – Д. Пожарский, справа – К. Минин. Скульптор А.И. Адамсон.

Художественные достоинства романовского монумента и тогда, и после оценивали по-разному (особенно низко, конечно, после революции). Но, думается, что его художественный уровень был достаточно высок, а о его историческом значении и подавно говорить не приходится – этот интересный и оригинальный памятник можно сопоставить лишь с памятником "Тысячелетие России" в Новгороде. А ведь и памятник в Новгороде в своё

время оценивали невысоко, однако он уцелел и сейчас справедливо почитается как один из символов России. Вероятнее всего, что такая же судьба со временем ждала бы и монумент в Костроме.

Через несколько часов после закладки монумента Николай II в парке губернаторского дома на Муравьёвке принимал делегации населения Костромской губернии, но вначале ему были показаны некоторые специально привезённые сюда готовые статуи для будущего романовского монумента. Главными из бронзовых фигур, установленных в губернаторском парке, были две – царь Михаил Федорович Романов и Иван Сусанин. Пояснения императору давал автор скульптур А.И. Адамсон.



Окончательный вариант памятника. Внизу на переднем плане – всё та же группа.

Сусанин был представлен умирающим у ног женщины в древнерусском одеянии – аллегории России.* В официальном описании говорилось: "...она (т.е. аллегория России – Н.З.) полным грусти, но спокойным, гордым взглядом взирает на умирающего у её ног русского крестьянина; на лице её отражается сознание величия, которое покоится на готовности верноподданных пожертвовать жизнью для спасения своего царя; щит в её руке с изображением российского герба осеняет лучшего из их – Сусанина.

---

* Описание отмечает: "Одеяние на аллегорической женской фигуре исполнено по образцам XVII века, а в некоторых частях – по фотографиям, изображающим Её Императорское Величество Государыню Императрицу Александру Федоровну в древнерусской одежде".[107]

Умирающий Сусанин у ног женщины в древнерусском одеянии — аллегории России. Скульптор А.И. Адамсон. Фото 1913 года.

Фигура костромского крестьянина Ивана Сусанина изображает его в последние минуты жизни: он представлен в полусидячем положении, откинувшимся назад; левая его рука прикрывает рану, а правая – с перстами, сложенными для крестного знамения, бессильно отклонилась в сторону…"[108]

Осмотрев фигуры и выслушав пояснения, которые делал скульптор А.И. Адамсон, Николай II прошёл к делегациям различных групп населения губернии, в приветственных речах которых также непрерывно звучало имя Сусанина. Когда царь подошёл к депутации костромского отделения Союза Русского Народа, то товарищ председателя отделения М.Ф. Корецкий обратился к нему с речью, в начале которой сказал: "Перед ясными очами Вашего Величества смиренно стоят представители верноподданного Вам Костромского Союза Русского Народа – того Союза, Великий Государь, – начало которому положили доблестные Русские рыцари: нижегородец Кузьма Минин и костромич Иван Сусанин – своею преданностью и любовью к царям и родине, своими подвигами и кровью искупившие славу и величие Великой и Неделимой России…"[109]

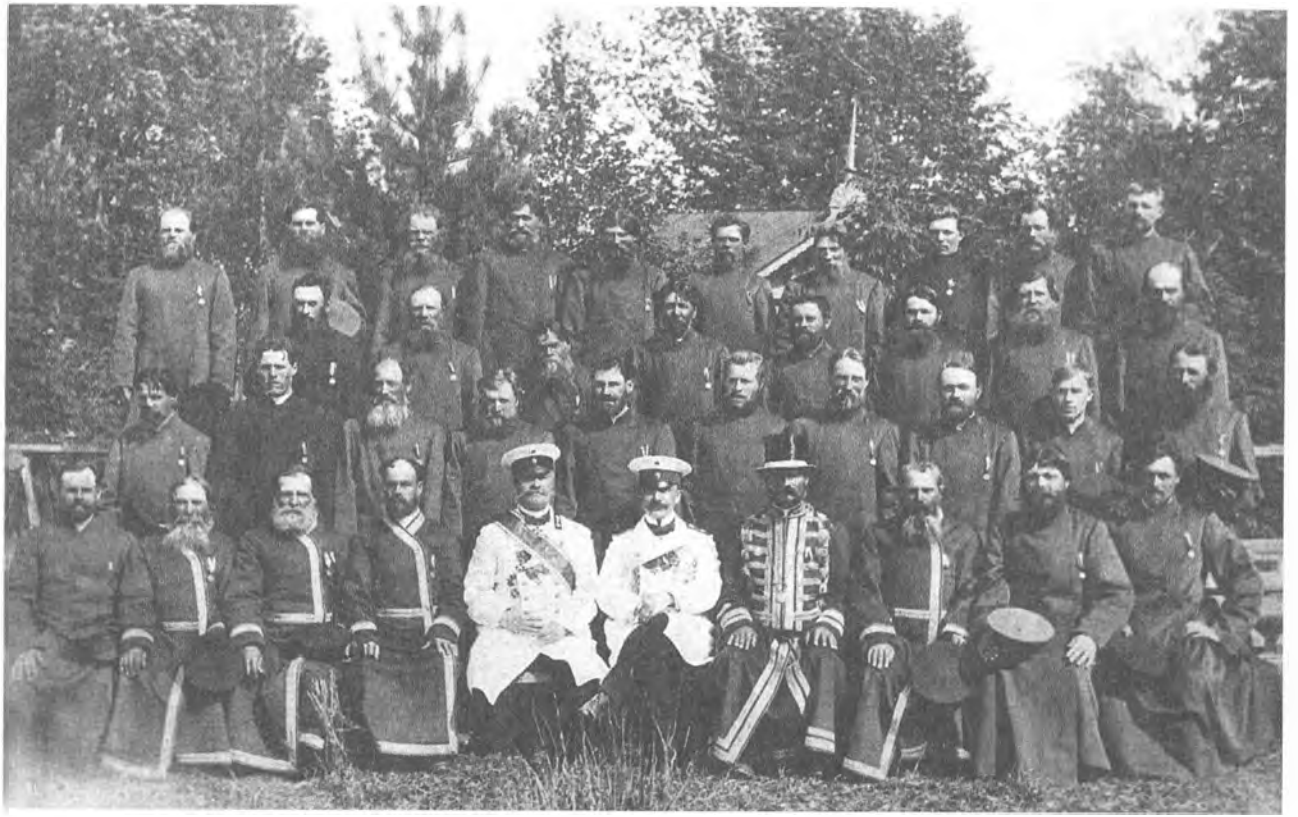
После этого император подошёл к группе коробовских белопашцев, одетых в специально сшитые кафтаны. Последняя в истории встреча потомков Сусанина с последним государем из рода Романовых началась. Староста белопашцев А. Феофанов обратился к царю со следующими словами: "Ваше Императорское Величество, Великий Государь, Всемилостивейший Отец и Благодетель наш!

В настоящий день всеобщего радостного торжества, воспоминаний великих исторических событий, бывших триста лет тому назад, мы, потомки незабвенного предка нашего Ивана Сусанина, счастливы, что удостоились лицезреть светлый лик Вашего Императорского Величества и лично выразить Вам наши чувства за все милости, которыми мы пользовались и продолжаем пользоваться. Мы сознаем, что все милости даруются нам за самоотверженный подвиг предка нашего Ивана Сусанина, но сами мы заслужить их не успели. Но верьте, Великий Государь, сознание долга нашего пред Вашим Императорским Величеством и дорогим отечеством всегда живет в сердцах наших, преисполненных молитвенной благодарностью к Венценосным Благодетелям нашим, любовным трепетом к милому отечеству и готовностью во всякое время отдать жизнь свою за любимого нами императора и Святую Великую Русь, по примеру предка нашего.

Примите же, ваше Императорское Величество, от нас, потомков Сусанина, наши верноподданнейшие чувства, которые и повергаем к стопам

Николай II. Обращаясь 20 мая 1913 года к потомкам Сусанина и волостным старшинам Костромской губернии, последний царь из династии Романовых сказал: "… радуюсь …видеть вас, представителей моего верного костромского населения, которое так славно показало себя в лице Ивана Сусанина триста лет тому назад. Я уверен, что та любовь и преданность, которую он показал моему предку, никогда не иссякнет, пока жива будет земля Русская."

Вашим! Да хранит Господь Бог Вседержитель Ваше Императорское Величество, Императрицу-супругу Вашего Величества, Государыню-Матушку Вашу, Отрока Наследника Цесаревича, и да будет благословение Божие продолжаться на потомстве Вашего Величества впредь и на многие века!



Группа потомков Сусанина – коробовских белопашцев, встречавшихся в Костроме с Николаем II. В центре (слева направо) – И.А. Трухин, непременный член Костромского губернского присутствия, П.П. Стремоухов, костромской губернатор, А. Феофанов, староста Коробова. Фото мая 1913 года.

Да прославится род Романовых, в лице Императора и Самодержца Всероссийского Николая Второго, потомка избранного самим Богом царя Михаила Феодоровича! Слава Богу на небе и императору православному на земле. Просим принять, ваше Императорское Величество, от нас, потомков Сусанина, хлеб-соль по древнему обычаю наших предков!"[110]

С этими словами А. Феофанов передал Николаю II хлеб-соль, после чего с речью к царю обратился волостной старшина Домнинской волости Ф.А Смирнов, сказавший: "Ваше Императорское Величество! Удостой, Великий Государь, принять нашу крестьянскую хлеб-соль, с которой в лице нас радостно встречает Тебя крестьянство всего Костромского края, исстари родного Тебе, готового и ныне, как 300 лет тому назад, по примеру земляка нашего Сусанина, жизнь свою положить за Тебя!".[111]

После этого, держа в руке бокал вина, Николай II обратился к присутствующим волостным старшинам Костромской губернии и коробовским белопашцам, сказав: "Я счастлив был прибыть в Кострому с Ее Императорским Величеством и семьей своей в год празднования трехсотлетия царствования нашего Дома и радуюсь также видеть вас, представителей моего верного костромского населения, которое так славно показало себя в лице Ивана Сусанина триста лет тому назад. Я уверен, что та любовь и преданность, которую он показал моему предку, никогда не иссякнет, пока жива будет земля Русская. Пью за ваше здоровье, здоровье белопашцев и за все население Костромской губернии".[112] С этими словами – под грянувшее ему в ответ "ура" – царь осушил бокал.

Перед тем, как покинуть парк при губернаторском доме, Николай II несколько минут побеседовал с потомками Сусанина. В официальном описании об этом сказано так: "Вслед за сим Государь Император уделил особое внимание потомкам Ивана Сусанина, славного спасителя Веры и Царства, среди которых находились: унтер-офицер лейб-гвардии конно-гренадерского полка Собинин, прямой потомок дочери Ивана Сусанина, Антониды, и член Симбирской управы, также бывший белопашец с. Коробова. Его Императорское Величество изволил милостиво расспрашивать белопашцев об их жизни и современном положении хозяйства".[113] Этой мимолётной беседой последняя встреча потомков Сусанина с государем из рода Романовых закончилась, Николай II и сопровождавшие его лица покинули парк на Муравьёвке.

Коробовские белопашцы же вместе с волостными старшинами губернии остались в губернаторском парке, где их пригласили "сесть за трапезу и откушать хлеба-соли".[114] Во время обеда играл духовой военный ор-

кестр. Тосты за здоровье государя-императора и весь царствующий Дом сменялись криками "ура!" и звуками гимна "Боже, Царя храни!", исполняемого оркестром по просьбе участников обеда…

Вечером 20 мая 1913 года пароход "Межень" и сопровождающая его флотилия покинули Кострому, взяв курс на Ярославль. И как писалось недавно в одном издании, посвящённом торжествам 1913 года: "Уплывал вдаль царский пароход <...>, но впереди уже виднелись совсем иные берега…"[115]

Сооружение памятной часовни в Деревеньках

Осенью того же 1913 года произошло ещё одно, менее известное, но не менее важное событие – на родине Сусанина, в деревне Деревеньках, была воздвигнута памятная часовня, предназначавшаяся "для совершения в ней причтом церкви села Хрипелей молебствий в высокоторжественные царские дни, а также панихид в дни рождения и кончины царя Михаила Федоровича и 29 августа (на Усекновение главы Иоанна Предтечи – Н.З.) об упокоении души приснопамятного Ивана Сусанина".[116]

Как мы помним, эту часовню решило соорудить в Деревеньках Александровское православное братство. Николай II, узнав об этом решении братства 3 июля 1911 года, написал на докладе министра внутренних дел: "Сердечно благодарю Костромское Александровское Православное Братство".[117] Закладка её состоялась в 1911 году. В течение 1912 года часовня – одноглавая, сложенная из красного кирпича – была выстроена.* Тогда же в ней был устроен иконостас,** который историк Александровского братства И.М. Студитский описывал так: "В золоченом, прекрасной резной работы, иконостасе помещен образ Спасителя, Феодоровская икона Божьей Матери, а также образа: преподобного Михаила Малеина и святителя Николая – небесных покровителей родоначальника Дома Романовых и ныне царствующего Государя Императора".[119]

Часовня была полностью готова к весне 1913 года. Её освящение должно было состояться во время "наступления юбилейных торжеств 300-летия царствования Дома Романовых".[120] Не надеялись ли создатели часовни, что при этом событии будет присутствовать сам император? Однако освящена часовня была лишь 20 октября 1913 года – накануне испол-

---

* К сожалению, архитектор, по проекту которого была сооружена часовня, неизвестен.

** Иконостас был выполнен известным костромским подрядчиком Дурлягиным, а все иконописные работы - художником Софоновым.[117]

Памятная часовня, воздвигнутая в 1913 году в честь 300-летия подвига Сусанина на его родине – в деревне Деревеньки. Фото 1913

няющейся (21 октября) 19-й годовщины восшествия на престол Николая II. По благословению архиепископа Костромского и Галичского Тихона освящение часовни в Деревеньках было совершено благочинным о. Н. Рубинским с причтами сел Домнина и Спас-Хрипелей при большом стечении местных крестьян.

В отчёте Александровского братства сообщалось, что "по совершении чинопоследования освящения и благодарственного молебствия отец благочинный обратился к присутствующим с речью, в которой, между прочим, высказал ту мысль, что исконные начала русской жизни: православие, самодержавие, народность – несокрушимая сила русского народа".[121] Затем выступил священник церкви села Спас-Хрипелей. Поздравив присутствующих с торжеством освящения часовни, он закончил своё выступление следующими словами: "И так пусть освященная ныне часовня-памятник послужит к глубокому запечатлению в наших сердцах того доблестного подвига, какой совершил Иван Сусанин, и пусть этот подвиг его будет для нас

во все времена примером тех высоких чувств, которыми был воодушевлен Сусанин, идя на мученическую смерть за Помазанника Божия, горя любовью к отчизне и вере".[122]

21 октября торжества в Деревеньках продолжились. К новоосвящённой часовне из Домнина и Спас-Хрипелей пришли торжественные крестные ходы с хоругвями и иконами, после чего в ней был отслужен Царский молебен. По окончании молебна все присутствовавшие выразили находившемуся здесь председателю совета Александровского братства Л.П. Слободскому и всем членам братства "душевную благодарность за заботы о нуждах местного населения и в частности за труды в деле сооружения часовни".[123]

Так в последний мирный год старой России на родине Сусанина встала воздвигнутая для его молитвенного поминовения часовня-памятник. Всего лишь через несколько месяцев – летом 1914 года – началась 1-я мировая война, завершившаяся революцией, которая сокрушила старую Россию со всеми её преданиями и героями.

Глава 10

НИЗВЕРЖЕНИЕ СУСАНИНА
(1917 - сер. 30-х гг.)

Сусанин и 1917 год

В феврале 1917 года вместе с романовской монархией рухнул и официальный культ Сусанина. Образ Сусанина (как и многие другие исторические образы России), ещё столь недавно покрытый хрестоматийным глянцем, словно сразу потускнел и, казалось, навсегда остался там – за гранью февраля 1917 года. Возникшей на обломках самовластья новой России он был не нужен.

В Костроме, в бывшей резиденции начальников губернии, торжественно переименованной в "Дом народа", обосновались после революции исполком Костромского Совета рабочих депутатов, бюро профсоюзов, комитет РСДРП(б) и т.д. В старинном губернаторском здании происходили непрерывные совещания и заседания, гремели речи ораторов – преимущественно большевиков и эсеров, а в нескольких шагах, в парке, по-прежнему стояли так и не дождавшиеся установки их к подножию романовского монумента забытые статуи царя Михаила Федоровича и Ивана Сусанина. И сама Россия – женщина в древнерусском одеянии – по-прежнему осеняла щитом с изображением российского герба умирающего у её ног Сусанина…

Только наиболее чуткие натуры в те дни, когда "свобода взметнулась неистово" и будущее страны представало в радужном свете, ощущали всю

глубокую связь происходящей революции с предыдущими эпохами наших великих смут и вспоминали трагический образ Сусанина. Характерно в этом отношении стихотворение, написанное в 1917 году поэтессой О.А. Ильиной (правнучкой Е.А. Баратынского), пафос которого определял этот, казалось бы, столь несозвучный наступившей эпохе образ:

Во время грозного и злого поединка,
Когда стихийный треск нам ослабляет слух,
На память мне приходит часто Глинка
И музыки его правдивый дух.
Когда в порыве пламенном и скором
Творим мы новое и прошлое клянём,
Из прошлого на нас глядит с таким укором
То близко-русское, что тайно скрыто в нём.
Пусть жизни нашей склад разрушен и изранен,
Пусть Русь очистится страданьем и борьбой,
Но сердце говорит: "Сусанин!
Зачем же ты пожертвовал собой?"[1]

Судя по некоторым данным, в том же 1917 году все бронзовые кумиры старого мира в бывшем губернаторском парке были повалены на землю, символизируя тем самым победу над этим миром, – в каком положении и оставались несколько лет, пока не были отправлены в переплавку.

Но вот на берегах Невы прогремел легендарный выстрел "Авроры", открывший, как известно, новую эру в истории человечества, а через несколько дней, 29 октября 1917 года, в Доме народа её официальное начало было провозглашено и в Костроме. Уже в первые месяцы начавшейся новой эры большевистская власть сделала на костромской земле немало: повсюду в губернии были разогнаны городские думы и земства, закрыты все небольшевистские газеты, в большом количестве проводились всевозможные конфискации и реквизиции, началась национализация фабрик и заводов, были нанесены первые тяжёлые удары по церкви, обычным явлением стали невиданная дороговизна, нехватка абсолютно всего, расстрелы и страх перед ЧК. Но всё это время главная площадь Костромы по-прежнему называлась "Сусанинской", а в центре её у колонны с бюстом Михаила Федоровича по-прежнему молился Богу коленопреклонённый бронзовый Иван Сусанин. Это было, конечно, упущение, и приближение I-й Октябрьской годовщины заставило новых хозяев города заняться Сусаниным всерьёз.

Разрушение сусанинского памятника. Переименование Сусанинской площади

Как мы помним, в 1835 году, когда решение о сооружении памятника Сусанину в Костроме ещё только было принято, поэтесса Е.П. Ростопчина в стихотворении "На памятник, сооружаемый Сусанину", писала:

Тебе ль чугун, тебе ли мрамор ставить,
Сусанин доблестный и верный гражданин,
Святой Руси достойный сын?
Тебя ли можем мы чрез памятник прославить?
Увековечим ли тебя в стране твоей
Деяньем рук и грудами камней?
Чугун растопится… полудня мрамор белый
Раздробят долгие морозы русских зим…[2]

Конечно, Е.П. Ростопчиной и в кошмарном сне не могло присниться, что памятник Сусанину разрушат менее чем через век совсем не "долгие морозы русских зим", а сами русские люди, земляки Сусанина… По сути, его судьбу предопределил февраль 1917 года. Памятник на Сусанинской площади был обречён самим фактом революции, разрушение же его стало лишь вопросом времени.

Новая власть, объявив беспощадную войну старому миру, добралась до его монументальных памятников уже через несколько месяцев после октябрьской победы. 14 апреля 1918 года в "Известиях" был опубликован очередной декрет Совета Народных Комиссаров, называвшийся "О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической революции". В декрете говорилось: "В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частию перенесению в склады, частию использованию утилитарного характера.
2) Особой Комиссии из Народных Комиссаров Просвещения и Имуществ Республики и Заведывающего Отделом изобразительных искусств при Наркомате Просвещения поручается, по соглашению с художественной

коллегией Москвы и Петрограда, определить, какие памятники подлежат снятию.

3) Той же Комиссии поручается мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской Социалистической Революции <…>.

6) Областные и губернские Советы приступают к этому же делу, не иначе как по соглашению с вышеуказанной Комиссией".[3]

Примечателен круг лиц, подписавших этот поистине исторический декрет советской власти. Его подписали: В.И. Ленин – как председатель Совнаркома, А.В. Луначарский – как нарком просвещения и И.В. Сталин (в каком качестве поставил свою подпись последний – не совсем понятно). Глубоко знаменательно, что в честь двоих из них в самом скором времени будет сооружено столько монументов (Ленину посмертно, Сталину прижизненно), сколько их не было поставлено всем вместе взятым царям и их слугам.

Декрет от 12 апреля положил начало разрушению памятников по всей стране, одновременно началось ускоренное проведение в жизнь столь милого сердцу главы советского правительства плана т.н. "монументальной пропаганды". Уже летом в Москве, Петрограде и других городах принялись за установку изготовленных на скорую руку памятников Марксу, Энгельсу, Робеспьеру, Дантону, Радищеву и т.д. К концу лета этот процесс дошёл и до Костромской губернии. Главным объектом, попадающим под ленинско-луначарско-сталинский декрет на её территории, стал, конечно, памятник на Сусанинской площади (будучи воздвигнут в честь и царя, и "его слуги", он действительно подходил под декрет идеально, о значении же памятника с исторической или художественной стороны вопрос, судя по всему, не вставал).

В конце августа в Костроме проходил губернский чрезвычайный съезд уездных представителей уездных исполкомов и чрезвычайных комиссий. В числе других решений съезд, "заслушав вопрос об уничтожении памятников напоминающих старый, угнетавший народ, монархический строй, постановил: 1) вменить в обязанность Губисполкома и всех уездных исполкомов убрать немедленно все неубранные до сего времени позорящие совесть революционеров памятники, эмблемы, украшения, вывески, надписи и проч. <…> Съезд глубоко возмущаясь таким позорным явлением, как продолжающимися красоваться до сих пор всеми старыми атрибутами отжившего гнилого Романовского царизма, вменяет в обязанность Губисполкома при-

Сентябрь 1918 года. Фигуры Михаила Федоровича и Сусанина низвержены. Фото Д.И. Пряничникова.

вести это постановление в исполнение без малейшего уклонения и отлагательства. [4]

И вот пробил час старого костромского монумента, существование которого, конечно, не могло "не позорить совесть" любого порядочного революционера. Совещание, обсудившее последние детали его предстоящего уничтожения, состоялось в костромском исполкоме 6 сентября, в час дня.[5] Во второй же половине дня началось разрушение памятника, превратившегося за семь десятилетий существования в один из символов Костромы. По свидетельству очевидцев, на шеи фигур Михаила Федоровича и Ивана Сусанина поочерёдно были накинуты верёвки, группа мужчин с криками тянула за них и тяжёлые бронзовые скульптуры одна за другой рушились на землю… На следующий день, 7 сентября, в органе губернских властей "Советской газете" появилась небольшая заметка "Снятие реликвий царизма", сообщавшая: "Вчера в силу декрета Совнаркома приступлено к снятию с памятника Сусанину фигур Сусанина и царя Михаила".[6]

Низверженные фигуры – эти "атрибуты гнилого Романовского царизма" – были оттащены к находящемуся неподалёку от площади музею (бывшему "Романовскому"), где и провалялись около года. В отчёте Костромского Научного общества по изучению местного края за 1919 год говорилось: "Ввиду отсутствия кладовой-сарая музей принуждён был отказаться принять части памятника Сусанина"[7] (речь, безусловно, идёт о скульптурах, т.к. кроме них, никаких других "частей" от памятника в 1918-1919 годах в музей поступить не могло). Об их дальнейшей судьбе ничего досто-

верного неизвестно. По слухам, и поныне бытующим в Костроме, фигуры Сусанина и Михаила Федоровича то ли были утоплены в Волге, то ли зарыты в землю в Ипатьевском монастыре – и то, и другое в духе времени и вполне могло иметь место, но, по-видимому, это легенды. Вероятнее всего, фигуры с сусанинского памятника, как и скульптуры с романовского монумента (об их судьбе чуть ниже), были отправлены на переплавку на костромской завод Пло.

Однако низвержение бронзовых скульптур – только часть начатого большого дела, которое надо было довести до конца. 9 сентября состоялось заседание костромского горсовета, на котором с докладом, посвящённым переименованию Сусанинской площади и преобразованию полуразрушенного сусанинского памятника, выступил председатель исполкома Костромского Совета рабочих депутатов П.К. Коганович. По докладу председателя было постановлено:

"1) переименовать Сусанинскую площадь в "Площадь Революции"; 2) все торговые полки и балаганы находящиеся на Сусанинском плацу (часть Сусанинской площади между Гостиным двором и Большими Мучными рядами – Н.З.), перевести по возможности в ближайшее время на площадь между мучными рядами и Анастасьинским монастырём (действительно, разве место на площади Революции пошлой мелкобуржуазной торговле? – Н.З.); 3) создать комиссию по выработке правил конкурса на разработку проекта "Трибуны Революции", после утверждения каковой немедленно объявить конкурс. "Трибуну Революции" предполагается установить на месте бывшего Сусанинского памятника".[8]

Итак, в сентябре 1918 года Сусанинская площадь исчезла, уступив место площади Революции. В высшей степени характерно, что процесс отбрасывания исторических названий в Костроме, а вслед за ней и во всём крае, начался именно с Сусанинской площади. Как реагировали на переименование площади и разрушение на ней монумента костромичи? Естественно, по-разному, но, разумеется, что в "Советской газете" мелькнуло только сообщение о поступившем в горисполком заявлении от рабочего Комова "с выражением благодарности от имени рабочих костромских фабрик Советской власти за удаление царского памятника".[9]

19 сентября в горисполкоме "с участием специалистов – техников и художников" состоялось совещание "по вопросу об устройстве трибуны около уничтоженного памятника Сусанину". Совещание решило, что "сохранившийся от разрушенного памятника постамент может быть частично приспособлен для трибуны, но с украшением его эмблемой свободы". Срок

представления проектов заканчивался 1 января 1919 года.[10] Через две недели костромской горисполком объявил конкурс "на проект трибуны-памятника октябрьской революции на площади Революции, бывшей Сусанинской в г. Костроме, на месте бывшего памятника Сусанину". Условия конкурса были таковы: "1.Требуется составить проект трибуны-памятника, приспособив оставшийся от разобранного памятника Сусанину пьедестал из красного гранита <…>. Трибуна должна быть устроена у подножия верхней ступени пьедестала для ораторов не менее 5 человек; пьедестал желательно оставить в прежнем виде, но возможно допустить изменение лицевой его стенки, обращённой к р. Волге (на которой, как мы помним, имелся большой барельеф с изображением сцены убийства Сусанина поляками – Н.З.), на всех его стенках могут быть соответствующие барельефы, даты и орнаменты. Пристройки к пьедесталу в виде колоннад, стенок и т.п. допустимы. Пьедестал должен служить подножием для какой-либо, смотря по мысли автора, эмблемы "октябрьской революции". 2. Трибуна-памятник должна соответствовать своему назначению, явиться вечным хранителем идей революции и должна гармонировать с окружающей обстановкой".[11] Газета извещала, что проекты должны быть представлены в горсовет не позднее 12 часов 15 декабря 1918 года (т.е. первоначальный срок был сокращён на две недели). По-видимому, первоначально руководство города близоруко пошло на поводу у специалистов, отнеся время представления проектов на конец года. Однако очень скоро власти спохватились, что все эти работы должны быть кончены к первой годовщине Октября, и начали форсировать темпы. Так и неизвестно – состоялся ли объявленный конкурс или горисполком в спешке утвердил какой-то из проектов волевым путём.

К 7 ноября 1918 года "трибуна-памятник" выглядела так: на старый сусанинский пьедестал был поставлен деревянный обелиск, обтянутый кумачом (его стержнем служила гранитная колонна) и увенчанный красным флагом. На четырёх сторонах обелиска были укреплены большие портреты деятелей российского и международного революционного движения. Подбор этих портретов примечателен и по-своему очень ярко характеризует время: на обелиске, скрывшем полуразрушенный сусанинский монумент, висели портреты К. Маркса, В.И. Ленина, А. Бебеля, и Ф. Лассаля.[12] С портретами Маркса и Ленина всё ясно, но присутствие изображений не столь широко известных в Костроме А. Бебеля и Ф. Лассаля (если только наличие последних не вызвано какой-то случайной причиной – например, в последнюю минуту не оказалось других портретов) объясняется, видимо, на-

чавшейся в те дни революцией в Германии, на которую пролетарская Кострома откликнулась имеющимися у неё портретами немецких социалистов.

Перед обелиском находились деревянная трибуна для губернского и городского руководства. "Советская газета" весьма выспренно писала накануне октябрьского праздника: "Сусанинский памятник преобразован в великолепную ораторскую трибуну. Всё говорит за то, что наша Костромская Площадь Революции станет историческим Лондонским Гайд-парком, где протекает вся массовая жизнь лондонского пролетариата".[13]

Октябрьские торжества прошли, "памятник Революции" в центре Костромы остался. Его дальнейшая судьба, при всей своей индивидуальности, во многом типична для подавляющего большинства памятников раннего периода "монументальной пропаганды". Сделанный в срочном порядке, памятник на площади Революции и очень быстро пришёл в негодность. Подлатываемый к 1 мая и 7 ноября, в остальное время он имел самый неблестящий вид. К тому же много проблем вызывала выбитая золотом на постаменте надпись, в которой "благодарное потомство" выражало свою признательность Ивану Сусанину, "за Царя, - спасителя веры и царства, живот свой положившему". Кое-как прикрытая, старорежимная надпись постоянно вылезала наружу, вызывая справедливые нарекания со стороны советской общественности. Один из участников т.н. "комсомольского Рождества" 1923 года возмущённо писал в газете: "Я стоял у самого памятника Революции и под портретом великих вождей* читал: "за царя и отечество", а дальше "благодарное потомство", и спрашивал себя, что это: дело ли рук преступной руки, или непростительное невнимание местных органов власти? Надо научиться товарищи, беречь свои революционные памятники".[14] Ещё одно письмо на эту тему было опубликовано в апреле 1923 года, накануне Первомая. Его автор писал: "На сквере есть злосчастный памятник: вверху портреты вождей пролетарской революции, а внизу мерзкая надпись о том, как Сусанин спас царя и как за это его благодарит потомство. Неужели нельзя бы затянуть постамент досками, если уж не прочна материя, когда-то затягивающая эти позорные для трудящихся строки".[15]

В 1925 году письма трудящихся, требовавших привести памятник Революции в надлежащий вид, печатались в губернской газете "Северная правда" на протяжении полугода:

---

* Конечно, среди "великих вождей" уже не было ни Бебеля, ни Лассаля. По свидетельству очевидцев, над пресловутой надписью долгое время висел портрет Л.Д. Троцкого.

1-я годовщина Октября. Бывший сусанинский монумент – ныне "трибуна-памятник Революции". Фото Д.И. Пряничникова. Ноябрь 1918 г.

"Приведите в порядок трибуну на Площади Революции. Фанера на памятнике ободрана, портрет Ленина почти сорвало ветром и т.д."[16] (март).

"Флаг, развевающийся на памятнике на площади Революции давно уже пора бы снять. Он весь выцвел, изорвался"[17] (июль).

"Переменить флаг на памятнике революции <…>. Флаг принимает грязно-белый цвет и сильно истрёпан"[18] (август).

Так бесславно протекали дни "памятника-трибуны Революции", что "в ознаменование великого переворота, преобразившего Россию", пришёл на смену старому сусанинскому монументу. Не менее бесславным был и его конец.

Накануне Первомая 1928 года властям наконец надоело латать обветшавший фанерный обелиск, надетый на гранитную колонну, и было решено обелиск убрать, а колонну, сбросив с постамента, зарыть тут же в скве-

ре. Губернская газета писала об этом после майских праздников: "В Горсовет поступают вопросы от рабочих: почему зарыта в землю колонна от б. Сусанинского памятника. Объясняем: ранее этот столб лежал (почему лежал? он стоял – Н.З.) на постаменте памятника и был прикрыт деревянным настилом. Настил сейчас сгнил. Если делать новый, то он быстро сгниёт опять. Если увести столб куда-либо со "сковородки" – надо ломать ограду. <…> использовать её никуда нельзя. Поэтому и решено было убрать её в землю, где камень конечно не испортится. В любой момент, в случае надобности, её оттуда можно будет взять и использовать".[19]

Ещё несколько лет после этого в центре площади Революции оставался постамент от сусанинского памятника. Как вспоминает один из старожилов Костромы: "В начале 30-х на постаменте вывешивались картины костромских художников на темы Октябрьской революции, в том числе картины известного в те годы художника К.В. Сакса, <…> репрессированного в 1937 году".[20] Однако вскоре был уничтожен и пьедестал. Видимо, в период ожесточённого разрушения храмов было решено уничтожить и остатки того, что, как помнили все в Костроме, недавно ещё было памятником Ивану Сусанину. Как разрушали постамент, мы знаем из свидетельства того же очевидца: "Однажды, идя в школу, в 1934 году видел, как здоровые мужики кувалдами разбивали гранитный постамент, а куски зарывали слева от памятника в сквере…".[21] Через несколько лет, в 1938 году, "Северная правда" свидетельствовала (к этой публикации мы ещё вернёмся): "В Костроме был исторический памятник Ивану Сусанину, который несколько лет тому назад был разрушен. Прекрасный мрамор и гранит этого памятника разбивали на куски, которыми вымостили несколько метров мостовой на площади и по Советской улице".[22] Так от памятника, долженствовавшего быть "вечным хранителем идей революции", не осталось и следа.

Разрушение и преображение романовского монумента

Однако памятник на бывшей Сусанинской площади не был единственным памятником в России, посвящённым Сусанину. Как мы помним, в композиции романовского монумента в Костроме, заложенного Николаем II в мае 1913 года, бронзовая фигура Сусанина, находящаяся, как и у В.И. Демут-Малиновского, у подножия возносящегося вверх величественного памятника, занимала – и в смысловом, и в художественном отношении – совершенно исключительное место. После революции судьба романовского монумента и его скульптур, включая скульптуру Сусанина, сло-

жилась схожим с судьбой монумента на Сусанинской площади, но ещё более причудливым образом.

Февральская революция остановила работы на памятнике. Окружающие его строительные леса простояли заброшенными весь 1917-й и несколько первых месяцев 1918 года. Ещё до Декрета от12 апреля 1918 года в среде костромских большевиков появилась мысль использовать недостроенный монумент в новом качестве. 1 марта 1918 года помощник костромского губернского комиссара Н.А. Огибалов в докладе в губисполком писал: "В виду того, что строившийся памятник должен ознаменовать царствование Романовых, бывшим столь пагубным для страны, в виду того, что это царствование привело Россию к той великой пропасти, приближение которой заставило весь русский народ стряхнуть и сбросить старое тяжкое иго, чтобы начать новое строительство. Поэтому необходимо, чтобы начатый строиться памятник, был закончен так, чтобы он явился постоянным свидетелем вечной смерти царского бюрократического управления России на развалинах которого, освободившийся от цепей народ, начал великое строительство республиканской России. Необходимо, чтобы конец памятника означал верность и преданность страны к завоёванной революцией свободе".[23]

Готовясь к празднованию 1 мая 1918 года, власти решили несколько благоустроить и романовский монумент: леса вокруг него убрали, а на вершине гранитного постамента установили специальную мачту, над которой в первый советский Первомай "красиво развевался красный флаг".[24] Вскоре губисполкомом была создана комиссия "по переустройству памятника 300-летия дома Романовых в памятник Свободы", открытие которого предполагалось "в предстоящую годину октябрьской революции".[25] Однако бурные события лета 1918 года не позволили претворить эти намерения в жизнь, и несколько последующих лет недостроенный монумент с красным флагом над ним был фактически заброшен. Большая часть доставленных в Кострому статуй находилась в ящиках возле постамента, меньшая – в парке бывшего губернаторского дома (в числе последних была, как мы знаем, и поваленная на землю фигура Сусанина). Костромичи долго помнили, как из этих, постепенно разваливающихся ящиков, служивших, конечно, объектом повышенного интереса детей, выступали вначале царские ноги и головы, а затем – полностью фигуры царей. Драматург В.С. Розов, чьё детство прошло в 20-е годы в Костроме, вспоминал: "Стоял там и сам митрополит Филарет и выделялся среди других чугунных тёмных фигур своей церковной одеждой, а главным образом круглой золотой пупочкой на голове, на

Вместо романовского монумента – памятник Свободы. Фото Д.И. Пряничникова. Начало 20-х гг. XX в.

скуфье. Мы, ребята, лазили по этим фигурам на руки, на плечи и даже на головы".[26]

Взрослым это нравилось меньше. В мае 1924 года губернская газета поместила письмо, в котором говорилось: "С давних пор около собора и в саду Физио-Института (бывший губернаторский дом – Н.З.) валяются отлитые из меди статуи для строившегося царского памятника. Вот уже более шести лет они тут валяются. Наверное граждане уже насмотрелись на царей вполне достаточно, и пора кому следует убрать их. Да и место пригодится на полезное дело".[27]

Неизвестно, какая судьба ждала недостроенный романовский монумент – может быть, через несколько лет, как и от сусанинского памятника, от него не осталось бы и следа. Однако смерть В.И. Ленина в январе 1924 года по-своему решила судьбу монумента – вместо неопределённого памятника Свободы он стал памятником покойному вождю мирового пролетариата.

Этим решением старым бронзовым статуям выносился окончательный приговор. Летом 1924 года губернские власти обратились за указаниями на счёт статуй в правительство и вскоре получили разрешение на их "реализацию".[28] По-видимому, или в конце 1924, или в первой половине 1925 года все скульптуры с недостроенного романовского монумента были отправлены на костромской завод "Рабочий Металлист". Одна за другой фигуры русских царей и цариц, включая и аллегорическую фигуру России с умирающим у её ног Иваном Сусаниным, были поглощены, по свидетельству очевидцев, плавильной печью этого завода…

Создание на постаменте нового памятника растянулось на несколь-

Так стал выглядеть романовский монумент в 1928 году.
Так он выглядит и сейчас.
Фото Г.П. Белякова. Конец 60-х гг. XX в.

ко лет. Предполагалось открыть его к 10-й годовщине Октября, но предварительное широко разрекламированное открытие памятника к этой дате не состоялось. Объясняя, почему сорвалось открытие, губернская газета писала в праздничном номере от 7 ноября 1927 года: "Обычно гранитные плиты скрепляются цементом или бетоном. Однако, романовский памятник оказался неожиданно скреплённым железными и стальными балками, что чрезвычайно затруднило работу по срезке верхней его части, ибо эти балки приходится по кусочкам выковыривать. Всю неделю работа идёт днём и ночью".[29] Но, как известно, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики. Как ни сопротивлялся сделанный на совесть царский постамент своему новому высокому предназначению, верхушка его была всё же срезана, и на образовавшейся площадке появилась огромная железобетонная фигура вождя, в ставшей уже к тому времени классической позе – с вытянутой рукой, указующей в грядущее светлое будущее (авторами скульптуры были молодые выпускники Вхутемаса: Е.Г. Иванова, Д.П. Шварц, М.Ф. Листопад[30]).

Торжественное открытие памятника состоялось 1 мая 1928 года. Мог ли представить Николай II, заложивший этот монумент в 1913 году, каким будет его открытие и чья фигура встанет на верху гранитного постамента вместо шпиля с венчающим его двуглавым орлом?

С утра в Костроме состоялась традиционная первомайская демонстрация трудящихся, после чего огромное количество людей – около 25 тысяч – пришло на открытие памятника. Комсомольская губернская газета "Смена" так описывала это торжество: "К часу дня все демонстранты разместились. Знамёна, лозунги, карнавальные группы, карикатуры Чемберлена, Бриана, Пилсудского и прочей заграничной братии, белые повязки красных санитарок, майки физкультурников, тёмно-зелёное поле красноармейских гимнастёрок…"[31] К присутствующим обратился секретарь губкома ВКП(б) Заславский, в конце своей краткой речи воскликнувший: "Шапки долой! Мы открываем памятник Ленину!" Оркестр заиграл "Интернационал", под его звуки медленно спал покров, и взорам присутствующих открылась фигура Ленина с вытянутой вперёд рукой… После этого секретарь губкома зачитал ряд приветственных телеграмм, первая из которых, присланная главным продолжателем дела Ленина, гласила: "Братский привет рабочим Костромы в день Первого мая, в день открытия памятника в г. Костроме, – Ленину – основателю нашей партии! Да здравствуют рабочие Костромы! Да здравствует Первое мая! Да живёт вечно память о Ленине в сердцах рабочего класса! И. Сталин".[32] Затем были зачитаны телеграм-

мы от секретаря приглашённой на открытие в Кострому Н.К. Крупской о том, что вдова Ленина не может приехать по болезни и "шлёт привет", и от сестры Ленина М.И. Ульяновой, в которой говорилось: "Пусть памятник, который возвышается сегодня в вашем городе, нашему вождю и учителю является постоянным напоминанием о необходимости напряжения всех сил для выполнения его заветов".[33] После этого с речами к присутствующим обратились представители советской власти, профсоюзов, крестьянства и Красной армии. Возле нового памятника молодые красноармейцы приняли присягу, и, завершая праздник, перед памятником вождю прошли колонны трудящихся города.

Таким образом, после революции были уничтожены основные памятники, связанные с именем Сусанина. Чудом уцелело только изображение Сусанина на памятнике "Тысячелетие России" в Новгороде; хотя в 20-е и начале 30-х годов монумент в новгородском кремле также перенёс немало всяких издевательств, разрушить его всё же не решились.

Как ни странно, но уничтожение скульптурных изображений Сусанина не сопровождалось какой-то открытой антисусанинской пропагандой с выпадами по адресу знаменитого крестьянина. В это время официальный герой старой России шёл как бы "в пристёжку" с низвергаемыми царями. Но, в конечном счёте, важны ведь не слова, а дела: разрушение памятников, связанных с именем Сусанина, являясь свидетельством отрицания всей дореволюционной истории, было, конечно, и актом глубочайшего пренебрежения лично к Ивану Сусанину, к памяти о нём.*

Уничтожение храма-памятника Сусанину в Коробове

Понятное дело, что 1917 год лишил живущих в Коробове потомков Сусанина всех прежних привилегий, однако память о прошлом, конечно, была в селе жива. По-прежнему почти в каждом доме висела на стене большая фотография, на которой были запечатлены коробовцы, участвовавшие

---

* Но – нет правил без исключений. В первые годы после революции был один случай, когда советская власть косвенным образом продемонстрировала уважение к Сусанину. В августе 1919 года крестьянин села Рассказиха Барнаульского уезда Ф.С. Гуляев, взятый отрядом колчаковцев в проводники, заведя белых в непроходимое болото, сумел убежать. В ноябре 1920 года, привезённый в Москву, он был принят самим В.И. Лениным. Аналогия с легендарным костромским крестьянином была настолько очевидны, что постановлением ВЦИК герою гражданской войны на Алтае была присвоена вторая почётная фамилия – Сусанин. Летом 1922 года Реввоенсовет республики наградил Ф.С. Гуляева-Сусанина

Здесь стоял коробовский храм Иоанна Предтечи… (на снимке – красносельский священник о. П. Чулков). Фото Г.П. Белякова. 1997г.

в мае 1913 года в романовских торжествах, хранились в разное время пожалованные парадные кафтаны, шапки и другие подарки. По-прежнему в центре Коробова высился построенный "в память мученической смерти Ивана Сусанина" храм в честь Собора Иоанна Предтечи и над окрестными полями и перелесками, как и раньше, плыл звон его колоколов… Как мы помним, коробовский храм относился к числу загородных дворцовых, революция, конечно, лишила его этого высокого статуса, превратив в обычный приходской храм.

По-настоящему глубокие перемены здесь, как и везде на селе, начались лишь в конце 20-х годов.Предшествовала им воистину революционная ломка прежней административной системы: в 1929 году – году "великого перелома" – Костромская губерния была ликвидирована, а её территория в составе Костромского округа была включена в гигантскую т.н. Ивановскую промышленную область. Одновременно с этим были упразднены и уезды, из территорий которых было нарезано по 2-3 новых района. Коробово, входившее

орденом Боевого Красного Знамени.[34] Впоследствии пропаганда всячески обыгрывала этот эпизод, умиляясь, как советская власть уже на своей заре чтила и уважала Ивана Сусанина. Однако данный случай, повторим, – лишь исключение из правила. К тому же Сусанин имел дело с иноземцами, а Ф.С. Гуляев совершил свой подвиг в братоубийственной гражданской войне – худшей из всех видов войн.

ранее в Костромской уезд, отошло по новому административному делению к Красносельскому району с центром в селе Красном.* А вслед за этим грянула и коллективизация, ударившая по крестьянству всей нашей страны. Красносельскому району, наряду с Костромским, по темпам коллективизации руководством области отводилась роль лидера в Костромском округе, почему творимые здесь насилия на раннем этапе социалистического переустройства сельского хозяйства перешли все мыслимые пределы.

Колхоз в Коробове был образован уже в декабре 1929 года, но просуществовал недолго – вскоре после выхода в начале марта 1930 года знаменитой статьи Сталина "Головокружение от успехов" он благополучно развалился – и вновь был создан в июне 1931 года. [35] Заново организованный колхоз получил название "Красный фронтовик" (видимо, от названия немецкой коммунистической организации "Рот фронт" – "Красный фронт"). Немало церквей в Красносельском районе было закрыто уже зимой 1929-1930 годов, но тогда чаша сия миновала храм в Коробове. С образованием же "краснофронтового" колхоза был закрыт и коробовский храм в честь Собора Иоанна Предтечи. С него была сбита церковная главка, иконы и утварь постигла обычная участь – они были уничтожены (судьба царских жалованных грамот, хранившихся в храме, нам неизвестна, но, по-видимому, они также погибли в это время). В том же 1931 году с колокольни храма были сброшены все колокола (большинство из них, как мы помним, украшали барельефные изображения членов семьи Александра II-го). По свидетельству очевидцев, колокола сбрасывали татары из Татарской слободы в Костроме, до революции занимавшиеся прямо противоположным делом. Спецы из Татарской слободы очень ловко – по тому же свидетельству – сбросили коробовские колокола "друг на дружку", чтобы разбить их уже при сбрасывании. Целыми были сняты только два небольших колокола.**

В "переоборудованном" таким образом "очаге религиозного дурмана" был устроен "очаг культуры" – клуб. Правда, клубу в стенах бывшего храма было суждено пробыть недолго – в 1936 году из-за неисправности

---

* Основные же сусанинские места – Домнино, Деревеньки и Исупово, бывшие до этого в Буйском уезде, по новому административному устройству находились теперь в Молвитинском районе с центром в селе Молвитине.

** Один из этих колоколов вскоре оказался на открытом 1 мая 1932 года в Костроме новом железнодорожном вокзале, где и провисел довольно долго, давая ударами сигналы к отправлению поездов. Судьба второго сложилась иначе: он был спасён Иваном Кузьмичём Кузминым – бывшим церковным старостой, участником I-й мировой войны, до революции служившим в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку. Сдавая в Костроме разбитые и целые колокола, он сумел,

дымохода он сгорел. Впрочем, советская власть не оставила потомков Сусанина в этой беде – уже в 1937 году на месте сгоревшего храма был построен новый клуб.*

Общее отношение к Сусанину до второй половины 30-х годов

Официальное отношение к Сусанину в первые два послереволюционные десятилетия было не то чтобы враждебным – к нему относились, скорее, как к чему-то допотопному, невообразимо далёкому и чуждому новой социалистической эпохе. С 1917 года не ставилась больше опера М.И. Глинки "Жизнь за царя". Памятники Сусанину были разрушены. В новых работах по истории не упоминалось его имени. Если и вспоминали о Сусанине, то крайне пренебрежительно. Например, журналист С. Глаголь в своём очерке о Буйском уезде, помещённым в "Северной правде" в октябре 1928 года, походя заметил: "Невдалеке от Буя расположена и деревня Деревеньки, где жил по преданию Сусанин Иван, спасший жизнь царя Михаила от поляков, которых завёл в Исуповское болото, так же расположенное в Буйском уезде. Нужно сказать, что научных, исторических данных о существовании Сусанина не имеется (вот оно – отдалённое эхо костомаровской статьи!– Н.З.). Выдуман он был для увеличения патриотизма и веры в незыблемость старой царской власти".[38]

Свой посильный вклад в общее пренебрежительное отношение к Сусанину внёс в это время и великий пролетарский писатель Максим Горький. В одной из своих статей, помещенных в "Известиях" в декабре 1930 года, он сравнил с Сусаниным … А.Ф. Керенского (личностью в ту пору безусловно отрицательной), "который, будучи соблазнён легендой об Иване Сусанине, пытался спасти последнего Романова от справедливой кары за массовые убийства рабочих и крестьян".[39]

дважды положив на весы один и тот же обломок (так, что общий вес сошёлся), утаить один из колоколов и привёз его назад в Коробово. Спасённый колокол повесили на пожарной вышке. В мае 1932 года И.К. Кузмин был прямо в поле арестован чекистами и, получив три года ссылки в Казахстан, [36] больше в родное село не вернулся (примечательно следующее: в следственном деле записано, что он "во время организации колхоза, совместно с бывшими царскими охранниками Сусанинцами" вёл "агитацию против его организации"[37]).

* В связи с открытием нового Дома культуры в соседней деревне Веселово, клуб на месте храма в Коробове был в 1987 году закрыт и вскоре разобран на дрова.Ныне место, где стоял храм, заросло деревьями.

В массовой пропаганде в это время основной упор делался или на то, что подвиг Сусанина – это миф, или на то, что мифом является и сам Сусанин. В октябре 1936 года в "Северной правде" историк В.И. Самойлов обличал дворянских и буржуазных историков, которые для обоснования того, что Кострома, якобы, явилась "колыбелью дома Романовых", использовали "миф о Сусанине" и в то же время "старательно замазывали факты революционной борьбы костромских городских низов и крестьян против помещичьей диктатуры в XVII веке"[40] (как мы увидим ниже, В.И. Самойлов, человек достаточно компетентный, но вынужденный колебаться вместе с генеральной линией партии, очень скоро – вместе с очередным колебанием этой линии – изменит свой взгляд на Сусанина на 180 градусов).

Итак, казалось, что Сусанин полностью повержен во прах и больше никогда не восстанет. Однако, давайте вспомним цитировавшееся нами стихотворение Е.П. Ростопчиной "На памятник, сооружаемый Сусанину", в котором поэтесса, скептически отозвавшись о возможности материально, "через памятник прославить" Сусанина, писала:

Есть памятник иной: он твёрд, несокрушим,
Он силен и велик, как ты, Сусанин смелый!
Сей вечный памятник давно сооружён
Тебе в сердцах признательных потомков…[41]

И вот этот памятник – в сердцах потомков – новой эпохе, несмотря ни на что, разрушить до конца всё-таки не удалось. Более того, в конце 30-х годов свершилось настоящее чудо: воистину, как Феникс, Сусанин восстал из пепла.

Глава 11

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х ГОДОВ: СУСАНИН СНОВА НУЖЕН

Сусанин возвращается

Примерно с середины 30-х годов в стране Советов стали происходить странные, невиданные вещи. Неожиданно был положен конец охаиванию и осмеиванию всего дореволюционного прошлого. На страницы газет, журналов, книг, на плакаты и полотна художников, на киноэкраны один за другим стали возвращаться полузабытые старшими поколениями – а молодёжи вообще неизвестные – деятели русской истории, казалось бы, навсегда выброшенные революцией на свалку истории вместе с монархией, религией и частной собственностью. В официальной пропаганде героев революции и гражданской войны всё более и более стали теснить образы А.В. Суворова и М.И. Кутузова, К. Минина и Д. Пожарского, Александра Невского и Дмитрия Донского. Вновь вернулось – что ещё недавно было совершенно немыслимо– почитание царя Петра (вот только титул "Великий" ему не вернули, утвердилось нейтральное "Пётр I": великие у новой эпохи были свои). Но система пропаганды, направлявшейся лично Сталиным, шла ещё дальше, постепенно воскрешая то, чего в России не было уже, по крайней мере, ни в XIX, ни в начале XX веков: настоящий культ другого русского царя – Ивана Грозного.

Всё это были внешние проявления глубинных процессов, происходивших в советской стране. К середине 30-х годов режим личной власти

Сталина, отказавшись от ряда крайностей первых послереволюционных лет, всё более и более стал напоминать прежнюю империю. Один из наиболее чутких наблюдателей происходящего на родине, парижский эмигрант философ Г.П. Федотов в 1936 году характеризовал Сталина как "красного царя", а о его режиме писал, что он "вполне заслуживает названия монархии".[1] В целом же он оценивал происходящий процесс так: "Общее впечатление: лёд тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию 17 лет своей тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Это настоящая контрреволюция, проводимая сверху".[2]

Возвращая советскому народу избранных героев прошлого, не могли не вспомнить и про Сусанина. К сожалению, на пути исторической реабилитации знаменитого костромского крестьянина вставали определённые трудности. Если не было никаких проблем с Мининым и Пожарским – борцами с польскими захватчиками и освободителями Москвы, не было проблем с Суворовым и Кутузовым – великими русскими полководцами, не было проблем с Александром Невским и Дмитрием Донским – выдающимися государственными деятелями и также великими русскими полководцами (небольшие проблемы с Невским возникли чуть позже, в 1939-1941 гг., в эпоху советско-германской дружбы, но 22 июня 1941 года они исчезли сами собой), не было проблемы с Петром I – создателем регулярной армии и военно-морского флота, прорубившим окно в Европу, даже с Иваном Грозным – великим полководцем и государственным деятелем, боровшимся с остатками феодальной раздробленности, – особых проблем не было, то с Сусаниным проблемы были. Всё портил этот словно прилипший к народному герою родоначальник романовской династии, не попавший под историческую реабилитацию (и почему Сусанин не спас, к примеру, Александра Невского или хотя бы Петра I, которого считали как бы и не Романовым?). Но, несмотря ни на что, процесс возвращения Сусанина народу пошёл. Первым, кто во всеуслышание произнёс имя Сусанина в положительном смысле, был писатель А.Н. Толстой, бывший граф и эмигрант, уже давно отдавший своё талантливое перо писателя и публициста на службу советскому режиму (интересно – была ли по поводу Сусанина чья-нибудь просьба к Толстому или он сам, из воздуха эпохи, уловил, что можно и нужно вспомнить сейчас о старом крестьянине из костромских лесов?). Сусанина писатель упомянул без особой связи в довольно незначительной статье, которая была написана в конце 1936 года, а опубликована под названием "В добрый час!" в газете "Известия" 1 января 1937 года. В этой статье, посвящённой народному эпосу и его героям, Толстой назвал Ивана Сусани-

на и Степана Разина "последними "младшими" богатырями эпоса".[3] Причём Разин – один из официальных, с 1917 года, героев русской истории – был назван автором явно только для прикрытия пока ещё довольно сомнительного Сусанина. Конечно, А.Н. Толстой сопроводил упоминание о Сусанине всеми необходимыми оговорками, написав: "Ивана Сусанина, правда, торопливо экспроприировали для царских надобностей, но создан этот трагический образ в одну из самых тяжёлых эпох, когда боярство и служилый класс – дворяне – предали русскую землю полякам. И разорённую Москву, и всё вытоптанное копытами польских коней, вконец разорённое государство пришлось выручать мужикам и посадским своими силами. Тогда запели в народе про мужичка-старичка Сусанина, с одною хворостиною "похитившего" гордых поляков".[4] Заметим сразу: никаких таких песен о Сусанине неизвестно и, вообще, к теме эпоса он был притянут Толстым искусственно. Ставить Сусанина рядом с безусловным героем русских народных песен, Степаном Разиным, – это более чем явная натяжка. Однако слово о Сусанине как герое было сказано, сказано живым классиком – одним "из лучших писателей земли советской" (слова В.М. Молотова), и не где-нибудь, а в новогоднем номере второй после "Правды" газеты в СССР.

По-видимому, Сусанина могли уже в 1937 году вознести на гребне пропаганды к вершинам славы, но наступивший двадцатый послереволюционный год, с его борьбой со сторонниками "гнилой теории затухания классовой борьбы" и оказавшимися вдруг в несметном количестве повсюду диверсантами, германо-японскими шпионами и прочими врагами народа, не позволил сразу должным образом восславить вновь обретаемого советской Родиной народного героя. Более того, именно в этом году был нанесён удар по главному сусанинскому месту – по Домнину.

Закрытие храма в Домнине

Пока на верхах отношение к Сусанину менялось от полного пренебрежения к безудержному восхвалению, на местах, в частности в Домнине, всё катилось по старым рельсам. Именно в это время – в 1937 году, в эпоху большого террора – был насильственно закрыт и подвергнут разгрому домнинский Успенский храм, расстрелян его последний священник и уничтожено примыкающее к храму, хранящее прах Ивана Сусанина кладбище.

В начале 30-х годов в домнинской округе, как и везде, провели коллективизацию. В 1931-32 годах в Домнине был организован колхоз "За пятилетку", несколько позднее переименованный в колхоз имени НКВД (в

документах 30-40 годов его обычно именовали колхоз "НКВД"); в Деревеньках – колхоз "Красный воин", в Перевозе – колхоз "Красный Перевоз", в Холме – колхоз "Красный Холм", в Анфёрове – колхоз "Безбожник", в Исупове – колхоз имени Сталина.[5]

Коллективизация полностью изменила жизнь местных крестьян, в своём подавляющем большинстве к 1937 году вынужденных вступить в колхозы. Пожалуй, единственным островком прежней жизни оставалась стоявшая в центре Домнина действующая Успенская церковь, что, естественно, не могло не раздражать местных начальников, твёрдо усвоивших, что "религия – враг социалистического строительства".

В середине 30-х годов священником в Домнине служил о. Константин Васильевич Сокольский. Примечательна его судьба, столь отличная от жизненных путей большинства представителей дореволюционного костромского духовенства. Отец Константин Сокольский родился в 1896 году в селе Кулиги Нерехтского уезда Костромской губернии в семье священника. С 1914 года он участвовал в I-й мировой войне, затем с 1918 года служил в Красной армии, был пулемётчиком, воевал на Восточном фронте, принимал участие в войне с Польшей, в ходе которой попал в плен, где и находился до 1923 года.[6] Из следственного дела, составленного невежественными молвитинскими чекистами после его ареста, не видно, получил ли о. Константин духовное образование, а также – когда именно он принял сан и стал служить в Домнине. Но именно этому человеку выпала судьба стать последним в длинной веренице священников, служивших в Домнине на протяжении, по меньшей мере, четырёх веков, – стать последним защитником храма и праха Сусанина.

Сохранившееся в архиве дело о. Константина Сокольского наглядно показывает, что непосредственными инициаторами расправы с ним и последующего разгрома храма в Домнине были члены президиума Перевозского сельсовета, к территории которого относилось Домнино в то время. Судя по всему, представителям местной советской власти о. Константин особенно встал поперёк горла после неудачи их первой попытки закрыть домнинскую церковь. Произошло это так: в декабре 1935 года "по инициативе общественности сельсовета", т.е. по решению этой самой местной власти, было организовано вынесение постановлений собраний всех колхозов Перевозского и соседнего, Жаровского, сельсоветов с требованиями о закрытии церкви в Домнине (перевозские сельсоветчики не могли организовать собраний в чужом сельсовете, значит, всё это делалось по указанию Молвитинского райкома партии). В ответ на это "поп Сокольский"

вместо того, чтобы смириться с требованиями колхозных масс, собрал церковный совет, состоявший, естественно, в основном из единоличников. Члены совета, распределившись по деревням, за короткое время собрали нужное количество подписей местных жителей под прошением против закрытия Успенской церкви, в результате чего заведённый механизм закрытия церкви не сработал и ответственное политическое мероприятие – ликвидация "очага религиозного дурмана" – было сорвано.[7] Смириться с победой классового врага представители власти, естественно, не могли, и, выждав для приличия некоторое время, товарищи из президиума Перевозского сельсовета бросили играть в демократию и пошли другим путём – отправили в районное отделение НКВД в Молвитине донос, назвав его "докладная", чем фактически обрекли о. Константина – сорокалетнего мужчину, отца троих детей – на смерть.

В этой безграмотнейшей докладной президиум сельсовета сообщал органам, что "поп Сокольский успенской церкви села Домнина на территории Перевозского сельсовета проводит агитационную работу среди колхозников имени "НКВД" в связи с чем Президиум Перевозского сельсовета просит р.о. НКВД убрать стерритории села Домнина попа Сокольского"[8] (к сожалению, все пять подписей под этим доносом неразборчивы, а жаль – страна должна знать своих героев).

Суть "агитационной работы", которую проводил о. Константин – как следует из дела – сводилась к следующему. Летом 1937 года домнинский колхоз, носящий имя славных органов внутренних дел, привлёк к участию в сенокосе и местных единоличников (т.е. крестьян, всё ещё не вступивших в колхозы), среди которых был и о. Константин, на условиях оплаты 60 рублей за гектар покоса. Как говорилось в докладной: "... в колхозе имени "НКВД" трудоспособных колхозников очень мало на грузка в сенокосную и уборочную кампанию большая и для того чтобы не оставить в лугах сенокоса по прошлогоднему (вот она вечная колхозная действительность! –Н.З.) где колхоз пострадал матерьяльно из-за недостатка кормов и по решению всех колхозников Домнинского колхоза правление колхоза сочло необходимым на период сенокосной кампании нанять со стороны единоличников не связанных с сельским хозяйством по 60 рублей с одного гектара скосить и убрать."[9]

Дальше из дела не совсем ясно – то ли о. Константина выгнал с работы председатель колхоза, то ли он сам ушёл в соседний колхоз, где расценки оплаты за тот же объём работы были несколько выше. После этого домнинский священник, зарабатывающий на хлеб в основном трудом на

земле, сказал как-то одной из женщин, что те в колхозе имени НКВД на сенокосе получают мало. В результате этой "антиколхозной агитации" о. Константина Сокольского – по словам свидетеля В.И. Смирнова, секретаря сельсовета, – "единоличники бросили работу, требуя повышения платы за покос".[10] В докладной президиума уточнено: "... по инициативе попа в колхозе 5 человек колхозников стариков и старух не выходят на работу".[11] Но это ещё не все "преступления" священника из Домнина. Согласно показаниям П.И. Смирнова, избача в Перевозе, о. Константин имел как-то ещё наглость сказать: "Я теперь такой же гражданин по новой Конституции и могу говорить, что мне вздумается".[12]

На сельсоветской докладной не стоит даты, но, судя по всему, она была отправлена в райотдел НКВД или в конце августа, или в самом начале сентября 1937 года. Реакция органов на неё была незамедлительной: 3 сентября за о. Константином пришли. Хозяина не было дома – он с женой косил овёс в поле; за ним послали, а когда он пришёл, его тотчас схватили, не дав, по воспоминаниям детей, даже переобуть лаптей, в которых этот враг колхозного строя ходил на работу. Когда матушка о. Константина попыталась с ним проститься, один из энкавэдэшников оттолкнул её с такой силой, что она ударилась головой о печку и у неё потекла изо рта кровь... Отца Константина увезли в Молвитино, где, по свидетельству дочери, ему предлагали отречься от веры и выступить с сообщением об этом по радио, но домнинский священник отказался, за что был сильно избит. 17 октября 1937 года ему предъявили обвинительное заключение в том, что он, "являясь участником контрреволюционной кулацко-церковной группы, существовавшей на территории Перевозского и Жаровского сельсоветов и имея тесную связь с кулаками <...> вёл контреволюционную агитацию среди населения Перевозского сельсовета. Агитируя колхозников за невыход на колхозные работы, а единоличников за неучастие в колхозных работах. Ведёт среди пионеров школьников религиозную пропаганду, использовал церковный актив общины, организуя его и противопоставляя последний против проводимых мероприятий Советской власти. Сталинскую конституцию истолковывал в контреволюционном содержании".[13] Этим обвинительным заключением, подписанным помощником оперуполномоченного Молвитинского райотдела НКВД Власовым и начальником райотдела сержантом Государственной безопасности Владимировым, окончательное решение судьбы арестованного домнинского священника выносилось "на рассмотрение тройки УНКВД".

"Тройка" Управления НКВД Ярославской области,* штамповавшая в те дни приговоры о расстрелах пачками, также не заставила себя ждать. Заслушав в своём заседании 2 ноября 1937 года (в самый канун 20-летия Великого Октября) дело Молвитинского РО НКВД №6001 по обвинению служителя религиозного культа Сокольского Константина Васильевича, который "являлся участником контреволюционной кулацко-церковной группы и вёл контреволюционную анти-колхозную агитацию. Истолковывал в контреволюционном содержании Сталинскую конституцию", тройка постановила "Сокольского Константина Васильевича РАССТРЕЛЯТЬ".[15] Это постановление было приведено в исполнение 17 ноября 1937 года.[16] Где был расстрелян и где похоронен последний священник домнинского храма о. Константин Васильевич Сокольский, нам неизвестно.

Убрав священника и обезглавив тем самым религиозную общину, местные деятели могли действовать свободно. Вскоре после ареста о. Константина Успенская церковь в Домнине была закрыта. По-видимому, это произошло уже в сентябре 1937 года. По свидетельствам очевидцев, утварь из храма – паникадила, подсвечники, ризы с икон и т.д.– была на лошадях отвезена в Молвитино (только несколько предметов удалось сохранить местным жителям). В бывшем храме устроили зерносклад, куда стали ссыпать колхозное зерно.

В скором времени было уничтожено и находящееся при церкви кладбище. Металлические кресты с него отправили в колхозную кузницу. На территорию ограждённого кирпичной оградой кладбища после этого стали периодически загонять стадо овец – здесь удобно было делать животным различные прививки. Находясь на кладбище целыми днями, овцы своими копытцами постепенно сравняли с землёй все бывшие могильные холмики. Толклись они, разумеется, и на месте могилы Ивана Сусанина…

Возвращение Сусанина

Отгремел 1937 год, и пришедшийся на 1938 год 325-летний юбилей гибели Сусанина позволил окончательно вернуть его в строй народных героев, чтимых советской страной. Строго говоря, по традиции юбилей надо было отмечать или в феврале, или в марте, но вспомнили о нём только к

* В 1936 году из Ивановской области была выделена Ярославская область, в состав которой вошла большая часть костромского края. Согласно приказу наркома внутренних дел Н.И. Ежова, в "тройку" по Ярославской области на то время входили: начальник областного управления НКВД А.М. Ершов, 2-й секретарь об-

лету. 30 июня 1938 года в "Северной правде" появилась заметка "Восстановить памятник" (мы её уже цитировали выше), в которой говорилось: "В Костроме был исторический памятник Ивану Сусанину, который несколько лет тому назад был разрушен (на самом деле, как мы знаем, памятник был разрушен в 1918 году, а "несколько лет тому назад" стёрли с лица земли его останки – Н.З.). Прекрасный мрамор и гранит этого памятника разбивали на куски, которыми вымостили несколько метров мостовой на площади и по Советской улице. А мраморную колонну, которая стояла на постаменте, не разбили, а зарыли на два метра в землю тут же на месте памятника. А где бронзовая фигура Сусанина – неизвестно".[17] (Скрытый подтекст заметки состоял в том, что вот ещё один пример вредительской деятельности "врагов народа", недавно орудовавших в горсовете, – это они, де, разрушили памятник Сусанину.)

21 июля 1938 года в той же газете историк В. Самойлов, ещё совсем недавно, как мы помним, заявлявший о "сусанинском мифе", написал: "Подвиг Ивана Сусанина, отказавшегося изменить родине, и за это зарубленного поляками воплотил заветное стремление русского народа к ограждению своей национальной независимости".[18]

По-настоящему за возвеличивание Сусанина взялись осенью. 30 сентября областная газета "Северный рабочий" поместила небольшую заметку "На родина Ивана Сусанина", которая поистине открыла шлюзы восхвалений возвращаемого народу героя. В заметке говорилось: "Геройский подвиг, выражающий безграничную любовь к родине и ненависть к её врагам, совершил 325 лет тому назад крестьянин бывшей Костромской губернии Иван Сусанин. <...> Сейчас на родине великого русского патриота, в деревне Деревеньки Куземинского сельсовета, Молвитинского района, растёт и крепнет колхоз "Красный воин". 250 гектаров земли, в том числе 150 гектаров пахотной, закреплены за артелью в вечное и бесплатное пользование".[19] Областной газете всего лишь через несколько дней, 8 октября, заметкой того же названия вторила костромская "Северная правда". Воспроизведя слово в слово публикацию "Северного рабочего", костромская газета добавила от себя: "В памяти колхозников-односельчан и сейчас живёт образ народного героя Ивана Сусанина. Из поколения в поколение проходит слава о его замечательных качествах. В селениях Якимово, Деревеньки, Холм и других наиболее излюбленной считается у детей игра, отражающая геройский подвиг Сусанина.

кома ВКП(б) Г.А. Полумордвинов и областной прокурор Б.К. Юрчук. Все они вскоре сами ушли туда, куда отправляли других.[14]

Колхозная молодёжь на примере славного патриота воспитывает в себе чувства беззаветной любви к родине и беспощадной ненависти к врагам народа.<…> С глубокой любовью вспоминают трудящиеся о Сусанине, как о человеке бесстрашном, правдивом, до конца преданном любимой родине, геройски отдавшем за неё жизнь".[20] Эта заметка содержала и критику, констатируя: "Необходимо отметить, что память о костромском крестьянине Иване Сусанине в Костроме ничем не отмечена. Бывшая Сусанинская площадь, кем-то переименованная, до сих пор не получила своего прежнего названия. Памятник Сусанину уничтожен. В местном музее народному герою не отведено даже скромного уголка".[21]

В общий хор включилась и районная молвитинская "Ленинская правда" (бывший "Колхозный клич"), 14 октября поместившая всё под тем же общим заголовком "На родине Ивана Сусанина" целую страницу, посвящённую опять вдруг ставшему знаменитым народному герою и его славным землякам. В неповторимом стиле того времени газета патетически писала: "В 1613 году польские паны пытались захватить нашу землю. Овладеть просторами и богатствами московского государства, закабалить навечно многомиллионный русский народ.

Польские захватчики жестоко ошиблись. Весь русский народ героически встал на защиту родины. Немало было совершено беспримерных в истории патриотических подвигов в борьбе с поляками. Именно таким подвигом явилась героическая смерть крестьянина д. Деревеньки нашего района Ивана Осиповича Сусанина, отдавшего жизнь за независимость своей родины. Сусанин воплотил в себе черты русского народа - мужественную, беззаветную любовь к родине, лютую ненависть к её врагам.

Триста двадцать пять лет прошло с тех пор. Родина, за которую отдал жизнь Сусанин, стала социалистической".[22]

Поначалу, как мы видим, о подвиге Сусанина писали весьма абстрактно, не вдаваясь в излишние подробности. Наконец, 26 октября 1938 года в областном "Северном рабочем" появилась большая статья С.Н. Рейпольского* "Народный герой", в которой впервые рядом с Сусаниным было про-

---

* С.Н. Рейпольский (1909-1975) – уроженец Костромы, ученик руководителя Костромского научного общества по изучению местного края В.И. Смирнова (общество было разгромлено на рубеже 20-30 годов, а его глава находился в то время в архангельской ссылке). В конце 30-х годов С.Н. Рейпольский был заместителем директора по науке Ярославского областного музея.[23] Примечательно, что первым о царе Михаиле Федоровиче сказал один из представителей костромской краеведческой традиции.

изнесено и имя Михаила Романова. Разумеется, это было сделано с обязательными оговорками: "В данном случае спасение Романова Иваном Сусаниным было сильным ударом по замыслам интервентов".[24] Автор статьи не мог, конечно, не ударить лишний раз по подлому царизму, примазавшемуся к знаменитому крестьянину, написав, что до революции "преступно затушёвывалась буржуазной исторической наукой роль народных героев, искажались их образы в интересах царизма. Так было и с Сусаниным".[25] С.Н. Рейпольский писал далее: "Своим подвигом Сусанин спасал родину, содействовал национально-освободительной борьбе, дававшей народу возможность в дальнейшем направить свою силу на борьбу с самодержавием и феодальным гнётом."[26] Характерна и концовка статьи: "Память о великом патриоте жива в народных массах. И свободный великий русский народ, в Октябре 1917 года завоевавший свободу в содружестве с другими народами, чтит память великого патриота Ивана Сусанина".[27]

Статья С.Н. Рейпольского в ярославской областной газете уже через несколько дней была положительно отмечена самой "Правдой", заметившей: "Инициативу газеты следует всячески приветствовать. Примеры мужества и героизма, взятые из истории великого русского народа, понятны и близки советскому человеку, для которого его родина безмерно дорога!"[28]

Нельзя не видеть, что реабилитируемый советской властью Сусанин возвращался народу каким-то воинствующим патриотом, одержимым просто немыслимой любовью к родине, тут же переходящей в столь же безграничную ненависть к её врагам (какой никогда нет у нормальных, невыдуманных людей), и к тому же чуть ли не врагом самодержавия - если судить по публикациям того времени, то кажется, что Сусанин спасал Михаила Романова, морщась от классового омерзения к нему, и делал это только из-за своей пресловутой лютой ненависти к иноземным поработителям.

Но всё это был только зачин. По-настоящему "годом Сусанина" стал следующий 1939 год. Важнейшим событием, знаменующим окончательное возвращение костромского крестьянина в пантеон героев советской державы, стало возобновление в начале этого года посвящённой Сусанину оперы М.И. Глинки.

Возвращение оперы М.И. Глинки

Естественно, что начиная с 1917 года опера "Жизнь за царя" М.И. Глинки в нашей стране больше не ставилась. Признание Сусанина героем вернуло на сцену театров и первую русскую классическую оперу,

подвергнувшуюся, конечно, неизбежной переделке.* Старое либретто было полностью переписано – из него были выброшены все упоминания о Михаиле Романове, что лишило оперу сюжетной остроты, а в каком-то отношении и смысла.** В новой редакции спектакля поляки искали не Михаила, а стан Минина и Пожарского и действие оперы начиналось не весной, как было раньше, а поздней осенью. Нового названия оперы придумывать не пришлось: взамен "Жизни за царя" ей было возвращено первоначальное, данное самим композитором, название "Иван Сусанин". Премьера новой редакции оперы состоялась в Москве, 21 февраля 1939 года.

Уже одно то, что премьера "Ивана Сусанина" прошла в главном театре страны, с 20-х годов пользовавшемся неофициальным статусом "правительственного", свидетельствовало о политическом значении этого события. Об этом же говорил и состав зрителей, заполнивших в тот день театр. На названной "общественным просмотром" премьере оперы Глинки присутствовал цвет тогдашней советской элиты: формальный глава государства – председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин (жена которого в это время находилась в лагере), глава военного ведомства – нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов, глава внешнеполитического ведомства – нарком иностранных дел М.М. Литвинов, другие официальные лица, а также – "знатные люди столицы, Герои Советского Союза, виднейшие мастера советского театра, композиторы, писатели".[30]

Премьера "Ивана Сусанина" была приурочена к 23 февраля, к Дню Красной армии и военно-морского флота, отмечавшегося в тот год с небывалой торжественностью и размахом. В этот день по всей стране должно было пройти массовое принятие новой военной присяги всеми военнослужащими, включая Сталина и Ворошилова. Однако по иронии судьбы премьера оперы Глинки, из которой были выброшены все упоминания о родоначальнике романовской династии, пришлась на 21 февраля, т.е. на день, когда – пусть по старому стилю – в 1613 году Земский собор в Москве утвердил кандидатуру Михаила Романова в качестве нового русского царя.

Уже на следующий день газета "Правда" откликнулась на премьеру: "На сцене лучшего советского оперного театра поставлена монументаль-

---

* Автором новой редакции либретто стал С.М. Городецкий (1884-1967), бывший поэт-символист, начинавший в 10-е годы в Петербурге яркими, популярными среди молодёжи сборниками стихов о языческой Руси.

** "Правда" писала тогда о новой редакции, что с неё снята "ура-патриотическая накипь прежнего текста. Новый текст оперы, хотя он и не лишён некоторых недочётов, в основе своей, конечно, несоизмеримо выше старого".[29]

ная народно-героическая опера Глинки "Иван Сусанин". Творение гениального русского композитора возвращено народу, подлинному вдохновителю всего прекрасного, возвышенного, благородного".[31]

Авторы нескольких исторических работ о Сусанине, вышедших в том же 1939 году, обязательно упоминали о возвращении оперы Глинки в её новой редакции, давая ей, разумеется, очень высокую оценку. Историк В. Самойлов писал: "Только в наши дни истинный замысел гениального русского композитора был восстановлен в полном соответствии с исторической правдой нашим советским театром. Авторы либретто оперы "Иван Сусанин", поставленной в Московском государственном академическом Большом театре оперы и балета, правильно поняли свою задачу".[32] Об этом же писал и историк Е. Герасимов: "... мужественным поступком Сусанина руководила не холопская преданность царю, а горячее чувство патриотизма, великая бескорыстная любовь к родине.<...> Эти же чувства и мысли вложил в свою оперу "Иван Сусанин" и великий русский композитор Глинка, гениальная музыка которого зазвучала со всей силой только в наши дни, когда память о Сусанине и других безвестных героях, отдавших свою жизнь за родину, почитает наш освобождённый советский народ, борющийся под руководством партии Ленина-Сталина за счастливое будущее всего человечества".[33]

Вслед за Большим театром премьера "Ивана Сусанина" состоялась в Саратовском театре оперы и балета им Н.Г. Чернышевского. Коллектив театра посвятил её открывающемуся в марте в Москве XVIII-му съезду ВКП(б).[34] С 1939 года "Иван Сусанин" прочно вошёл в репертуар оперных театров СССР.

Безусловно, что возвращение оперы Глинки было явлением глубоко положительным. Но, как и почти всё возвращаемое во 2-й половине 30-х годов из исторического и культурного наследия России, шедевр русской оперной классики был возобновлён в изуродованном виде. К тому же возвращение произведения Глинки имело политическую подоплёку, о которой мы скажем чуть ниже.

1939 год: историческая наука о Сусанине

Статья С.Н. Рейпольского была как бы первой ласточкой: вслед за газетчиками к сусанинской теме очень оперативно подключились и историки, наглядно продемонстрировав то, что в стране диктатуры пролетариата история, как и все остальные научные дисциплины, – наука, в первую очередь, партийная.

В майском номере "Исторического журнала" за 1939 год была помещена большая статья костромского историка В. Самойлова "Народный герой Иван Сусанин". В этой статье её автор, ещё в конце 1936 года (напомним снова) писавший про "миф о Сусанине", говорил уже совсем по-другому: "Чтобы продолжить междуцарствие и воспользоваться им в своих захватнических целях, интервенты решили убить царя Михаила. Узнав от своих шпионов, что Михаил находится в своей вотчине Домнино за Костромой, они послали туда отряд своих войск. В дремучих буйских лесах, недалеко от Домнина, отряд встретил старого крестьянина и заставил его стать проводником поляков. Однако этот крестьянин, страстно ненавидевший интервентов за горе и разорение, причинённое им русскому народу, узнав, с какой целью идёт отряд в Домнино, обманул польских жолнеров и завёл их в непроходимый лес, где интервенты, узнав об обмане, замучили старика, но и сами погибли.

Этот старик был Иван Осипович Сусанин…"[35]

В статье В. Самойлова содержался упрёк современным историкам: "К сожалению, наши советские историки совершенно не занимались исследованием вопроса об Иване Сусанине <…>. Историки так называемой школы Покровского* даже не ставили перед собой вопроса, прогрессивен или реакционен подвиг Сусанина. Их пугало то, что при исследовании вопроса о Сусанине нельзя обойти молчанием связь подвига Сусанина со спасением Михаила Романова".[36] Сам В. Самойлов уже ничего не боялся: он почти насильно вырывал Сусанина из объятий проклятого царизма. Так про царскую грамоту 1619 года он писал, что она "представляла Сусанина как преданного своему господину раба, а не как сознательного защитника своей родины, ненавидевшего иноземных захватчиков".[37] Упомянув традиционные качества Сусанина – любовь к родине и ненависть к захватчикам, автор статьи восклицал: "Эти качества Сусанина жили, живут и будут жить всегда в каждом гражданине нашей великой родины на страх всем её врагам".[38]

---

* Напомним, что основоположник марксистской исторической науки в России М.Н. Покровский (1869-1932) и его последователи считали главным в изучении прошлого борьбу классов, историю революционных движений, историю рабочего класса и т.п. Представить, что последователи Покровского в 20-е и в первой половине 30-х годов стали бы заниматься Сусаниным, просто немыслимо. В середине 30-х годов т.н. "школа Покровского" в исторической науке была объявлена антинаучной и антимарксистской и подверглась разгрому. Обвинять её во всех мыслимых и немыслимых грехах было в то время нормой, что на примере с Сусаниным и демонстрирует В. Самойлов.

В том же 1939 году в Государственном Военном Издательстве Наркомата обороны СССР в серии "Библиотека красноармейца" была выпущена небольшая книга Е. Герасимова "Иван Сусанин". Поражает быстрота, с которой эта книга увидела свет: сдана в производство она была 16 мая, подписана в печать 20 июня, а тираж её наверняка был напечатан ещё летом.

Работа Е. Герасимова в каком-то смысле, пожалуй, самое поразительное из всего написанного о Сусанине, хотя бы уже потому, что никогда ещё так решительно не отделялся Иван Сусанин от особы Михаила Романова. Автор категорически настаивал на версии протоиерея Домнинского (не ссылаясь, естественно, на него и не приводя никаких доводов в защиту своего утверждения) о том, что Сусанин погиб в ноябре 1612 года. Он писал: "Не успели оставшиеся в деревнях женщины, дети и старики убрать яровые, как опять выпал снег, а к началу ноября ветер уже наметал у деревень сугробы.

Вот в это время и совершил свой подвиг Иван Сусанин, старик-крестьянин, живший в опустевшей деревне Деревнищи".[38]

Вот как описывает Е. Герасимов семью Сусанина: "Не известно, жил ли ещё кто-нибудь в деревне Деревнищи, кроме Сусанина, его дочери и сироты-приёмыша. Второй двор принадлежал молодому крестьянину Богдану Собинину – жениху Антониды. Но в то время, о котором идёт речь, молодого Собинина в деревне не было: как и большинство костромских крестьян, он ушёл на ратный подвиг под Москву"[40] (автор имеет в виду, что большинство костромских крестьян ушло к Москве с ополчением Минина и Пожарского).

А вот описание обстоятельств гибели Сусанина: "Один из вражеских отрядов, пробиравшийся с севера к Костроме, ночью, в метель, не доходя до села Домнина <…> сбился с пути и натолкнулся на деревню Деревнищи".[41] Что было дальше – понятно: Сусанин "решил не пустить поляков к Москве и погубить их ценою собственной гибели".[42]

Дальше у Е. Герасимова начинается самое интересное: "Известие о героической смерти Сусанина случайно дошло до Москвы. Произошло это через шесть лет после того, как всенародное ополчение Минина и Пожарского разгромило польских захватчиков. Бояре и дворяне, успевшие с помощью нового царя украсть у народа победу, постарались создать искажённое представление о величественном подвиге Сусанина. <…> Рабы не должны думать о родине, они обязаны служить не родине, а своим господам. Требуя этого от крестьян, царь и бояре поэтому не могли говорить народу о Сусанине правды.

В царской грамоте, пожалованной в 1619 году Богдану Собинину "за службу к нам, и за кровь, и за терпение тестя его", было сказано, что Сусанин погиб, спасая царя Михаила Романова. Эта царская версия, впоследствии подхваченная попами, использованная для монархических проповедей, для внушения народу холопской преданности царю, вызвала подозрение даже у буржуазных историков".[43]

И снова было подчёркнуто отсутствие хоть какой-нибудь связи подвига Сусанина с фигурой Михаила Романова: "Сусанин не мог спасать царя Михаила, хотя бы уже потому, что он совершил свой подвиг за несколько месяцев до того, как Михаил стал царём. Это уже давно доказано (бедный о. Алексей Домнинский, мог ли он помыслить о такой поддержке! - Н.З.). Кроме того, в ноябре 1612 года (по старорусскому летосчислению – 1613 г.), когда погиб Сусанин, Михаил Романов, будучи ещё боярином, жил за надёжными стенами Ипатьевского монастыря (это тоже давно доказано? – Н.З.). Никакой опасности от поляков ему здесь не угрожало: он только что вернулся из польского стана, где свободно жил продолжительное время".[44] Отсюда логично следует: "Как мы видели, мужественным поступком Сусанина руководила не холопская преданность царю, а горячее чувство патриотизма, великая бескорыстная любовь к родине".[45]

Замечательно ещё одно высказывание Е. Герасимова: "В дореволюционной литературе было много споров о Сусанине. Для нас эти споры не представляют интереса, потому что даже лучшие буржуазные историки, отбрасывающие поповскую легенду, не могли сказать правды о Сусанине".[46]

В том же 1939 году в Ярославле вышла книга историка Л.Б. Генкина "Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века". Это был весьма серьёзный исторический труд, в котором, в частности, давалась и традиционная дореволюционная трактовка сусанинского подвига. Л.Б. Генкин писал, что после освобождения Москвы ополчением Минина и Пожарского "отдельные шайки поляков, пользуясь слабостью правительственной власти в России, бродили во многих уездах, занимаясь грабежом. Одна из таких шаек занималась разбоем в пределах Костромского уезда. Узнав об избрании Михаила на царство, о пребывании его в пределах Костромского уезда, поляки решили убить его. <…> Разыскивая Михаила Романова, поляки добрались до деревни Деревнища <…>. Здесь встретили они Ивана Сусанина. Они начали расспрашивать его о местопребывании Михаила и заставляли быть их проводником. Поняв в чём дело, чего хотят польские интервенты, Сусанин согласился быть их проводником, а сам послал своего зятя – Богдана Сабинина в Домнино, чтобы предупредить об угрожающей опасности.

Вместо того, чтобы вести поляков к Домнину, Сусанин повёл их в трущобы и леса. Там поляки плутали целую ночь. Догадавшись о том, что их обманули, они убили Сусанина".[47]

Этот отрывок Л.Б. Генкин сопроводил ставшим к тому времени традиционным комментарием: "Буржуазно-дворянские историки пытались исказить смысл подвига Сусанина. Они пытались использовать этот эпизод в интересах царского самодержавия. Они утверждали, что Сусанин отдал свою жизнь "за царя". На самом же деле народный герой Сусанин погиб за свою родину, за свободу и честь своего народа".[48]

Как видим, в 1938-1939 годах оформилось две точки зрения на подвиг Сусанина: первая, более либеральная и восходящая к дореволюционной традиции, признавала – со всеми неизбежными оговорками – факт спасения Сусаниным первого царя из дома Романовых; вторая, более непримиримая и тесно связанная с идеологическими установками двух последних десятилетий, категорически этот факт отрицала, считая Сусанина обыкновенным героем-патриотом, подвиг которого не имел никакого отношения к спасению царя. Как ни странно, ни одна из этих точек зрения не была признана официальной, и обе они, как мы увидим ниже, поочерёдно выступая на передний план, просуществовали до конца 80-х годов XX века, когда с крахом советской власти либеральная точка зрения окончательно взяла верх. Столь редкий для советского времени плюрализм мнений в вопросе, имеющем политическое значение, можно, видимо, объяснить тем, что либеральная точка зрения более нравилась "наверху", но сделать её официальной всё-таки не решились, почему и было оставлено две точки зрения на подвиг Сусанина.

Между тем пропаганда имени Сусанина продолжалась, поднимаясь по восходящей спирали, в строгом соответствии со сложившимися советскими канонами: в конце лета 1939 года в честь Сусанина был переименован район, на территории которого жил и погиб знаменитый крестьянин.

Переименование Молвитина в Сусанино, Молвитинского района – в Сусанинский

Как мы помним, уничтожение исторических названий в костромском крае началось с переименования главной площади губернской Костромы – Сусанинской, ставшей в сентябре 1918 года площадью Революции. После этого почина процесс переименований в крае стал безудержным. Отбрасывались старинные, нередко уходящие вглубь веков, названия площа-

дей и улиц Костромы, Галича, Чухломы, Солигалича, Парфеньева, Макарьева и др., взамен им давались названия в честь Маркса, Ленина, Троцкого, Володарского, Урицкого, Луначарского, Свердлова, Калинина, Семашко, К.Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин, А. Бебеля и т.д., и т.д.

Возвращение Сусанина требовало и каких-то связанных с ним названий: раз советский народ кого-то чтит – значит, обязательно должны быть и названия в его честь. Столетний юбилей смерти А.С. Пушкина в 1937 году, например, покрыл всю страну улицами Пушкина и вновь переименовал бывшее Царское Село, уже переименованное в 1918 году в Детское Село, в город Пушкин. Возвращённому крестьянину-патриоту по его чину народного героя также полагалось и сколько-то названий.

Вновь вспомним уже не раз цитировавшуюся нами заметку "На родине Ивана Сусанина", напечатанную в "Северной правде" в октябре 1938 года, в которой говорилось: "Необходимо отметить, что память о костромском крестьянине Иване Сусанине в Костроме ничем не отмечена. Бывшая Сусанинская площадь, кем-то переименованная (написали бы ещё: в "какую-то площадь Революции" - Н.З.) до сих пор не получила своего прежнего названия".[49] Согласимся, что подобное даже для того времени было чересчур. Видимо, получив указание о пропаганде имени Сусанина, власти прорабатывали даже и вариант обратного переименования площади Революции в Костроме в Сусанинскую площадь.

Однако на столь ответственный шаг всё-таки не решились и был найден другой, более приемлемый и традиционный вариант. Было решено переименовать в честь Сусанина старинное село Молвитино, находящееся в нескольких километрах от Домнина и ставшее, как мы помним, с 1928 года районным центром. Канителиться с организацией митингов трудящихся и вынесением резолюций о переименовании Молвитина не стали (хотя позднее, уже после переименования, сообщалось, что оно произошло по "ходатайству трудящихся района"), дело было решено чисто бюрократически. И вот 27 августа 1939 года (в литературе обычно указывается ошибочная дата – 1938 год) председателем Президиума Верховного Совета РСФСР А. Бадаевым и секретарём Президиума Г. Козловым был подписан указ Президиума Верховного Совета РСФСР, гласивший: "Переименовать Молвитинский район Ярославской области в Сусанинский район и его центр, село Молвитино, в село Сусанино".[50]

Никакого отношения к Сусанину Молвитино не имело, оно было, как мы помним, родиной "второго Сусанина" – О.И. Комиссарова. Это старинное село, известное с конца XVI века, навсегда вошло в русскую культу-

Село Сусанино (бывшее Молвитино). Над селом возносится колокольня "саврасовской" церкви, превращённой в склад; главы храма разрушены.
Фото Г.П. Белякова. 1953 г.

ру, благодаря тому, что сюда в 1871 году приезжал художник А.К. Саврасов, в результате чего появилась его знаменитая картина "Грачи прилетели".* Уже одним этим название "Молвитино" относилось к числу таких названий-святынь, как Михайловское, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Щелыково, Бородино и т.д. Но всё это были, конечно, пустяки по сравнению с необходимостью прославления народного героя.

Примечательна передовица "Великая честь", которой откликнулась на это событие районная газета "Ленинская правда", где говорилось: "Переименование нашего района в честь народного героя, замечательного патриота нашей родины Ивана Осиповича Сусанина налагает на нас то, чтобы мы также любили свою родину, свой район и крепили бы их.

---

* Попутно заметим, что изображённый на картине молвитинский Воскресенский храм в 1938 году был закрыт и разделил участь тысяч таких же других: подвергся разгрому, был лишён пятиглавия и превращён в зерносклад. В таком виде храм, ставший, благодаря А.К. Саврасову, одним из символов России, и встретил переименование Молвитина в Сусанино.

Переименование района налагает на нас обязанность – успешно разрешать поставленные перед нами партией и правительством задачи, своевременно завершать уборку богатого урожая, в ближайшие дни разостлать лён, завершить сев озимых, в сроки и полностью выполнить государственные обязательства. Всемерно развёртывать подготовку к выборам в местные Советы депутатов трудящихся.

Полное и своевременное разрешение этих задач будет лучшим ответом на честь, которую нам оказал Президиум Верховного Совета РСФСР, присвоив району имя Ивана Сусанина".[51]

Отклики на переименование Молвитина в Сусанино* шли в газетах уже вместе с сообщением о ратификации советско-германского Пакта о ненападении, о принятии в СССР закона о всеобщей воинской повинности и о нападении Германии 1 сентября 1939 года на Польшу…

И теперь, пожалуй, пришло время ответить на вопрос:

Почему был возвращён Сусанин?

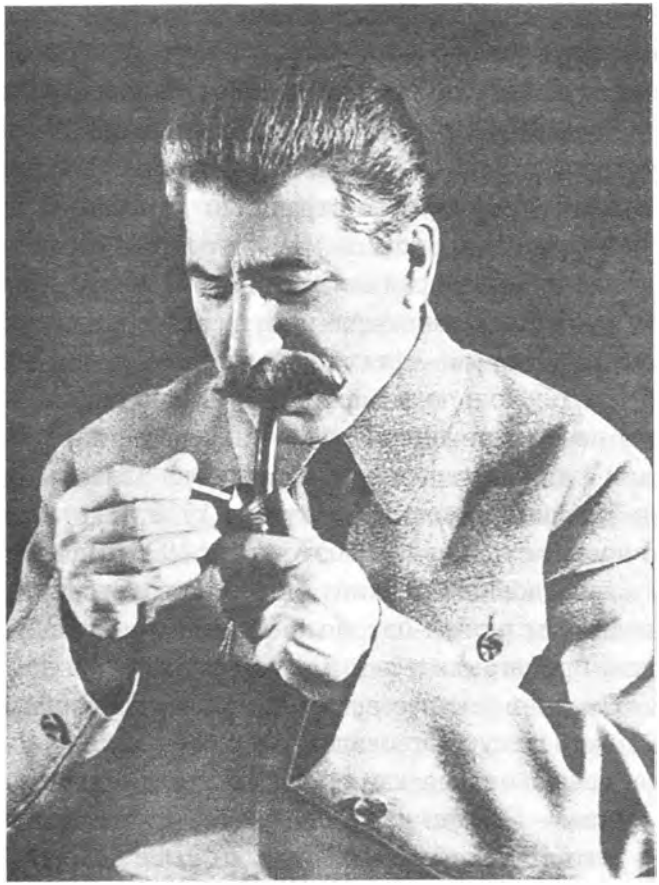
Эту главу – о возвращении Сусанина – мы назвали: "Вторая половина 30-х годов: Сусанин снова нужен". Для точности сюда надо было бы добавить ещё одно слово: "Сталину".

Учитывая специфику сложившейся к концу 30-х годов в СССР системы власти, можно уверенно утверждать, что возвращение Сусанина происходило по прямому указанию И.В. Сталина. К.М. Симонов в своих воспоминаниях отмечал, что Сталин нередко "брал готовую фигуру в истории, которая могла быть утилитарна с точки зрения современной политической ситуации…".[53] В данном случае к концу 30-х годов "утилитарной" оказалась фигура Сусанина. Конкретным поводом к его возвращению вновь, как и в XIX веке, послужили антипольские соображения.

Как известно, Польша, оккупированная в годы I-й мировой войны войсками Германии и Австро-Венгрии, в 1918 году восстановила свою независимость. Казалось бы, что теперь "польский фактор" из внутренней политики страны Советов должен был уйти, но этого не произошло. Свою

---

* Одновременно с Молвитиным был переименован и Перевозский сельсовет, чьё руководство недавно закрыло домнинский храм и отдало на смерть его священника – отныне этот сельсовет стал называться Сусанинским.[52] В том же 1939 году, по свидетельству местных жителей, была закрыта церковь Преображения в Спас-Хрипелях , у стен которой были погребены, как мы помним, родные Сусанина.



И.В. Сталин. Его державной волей в конце 30-х годов Сусанин вновь был вознесён на пьедестал народного героя. Фото конца 1936 года.

роль сыграло и то, что в 20-30 годы между независимой Польшей и СССР были очень натянутые отношения, но ещё большее значение имела острая неприязнь, которую испытывал к Польше и полякам лично Сталин.* В 1937-38 годах тысячи и тысячи поляков, живших в нашей стране, были арестованы только за свою национальность, значительная их часть была уничтожена. В 1938 году решением Исполкома Коммунистического Интернационала (на самом деле – по личному решению Сталина) была распущена

* Н.С. Хрущёв позднее вспоминал: "Сталин вообще сохранял самое острое недоверие к Польше. Отчасти оно было обоснованным и подтвердилось фактами, когда началась вторая мировая война. Однако своё недоверие к руководите-

(единственный случай за всю историю Коминтерна!) – "ввиду засорённостями шпионами и провокаторами" – польская компартия, действовавшая у себя на родине в условиях подполья. Осуществив в сентябре 1939 года совместно с Гитлером "IV-й раздел" Польши (при котором Германия оккупировала собственно польские земли, а к СССР отошли Западные Белоруссия и Украина), Сталин завершил его страшным катынским преступлением, когда в лесу под Смоленском весной 1940 года было расстреляно свыше четырёх тысяч пленных польских офицеров – главным образом офицеров запаса, бывших учителями, инженерами, врачами, преподавателями вузов... Таков был фон, на котором – для прикрытия и оправдания современных преступлений – происходило возвращение Сусанина. Обратим внимание хотя бы на дату переименования Молвитина: старинное русское село сменило своё имя за 4 дня до нападения гитлеровцев на Польшу и за три недели до перехода Красной армией 17 сентября 1939 года границы польского государства с востока... Именно поэтому на 1939 год приходится и пик официальных славословий Сусанину, после этого Сусанин, оставаясь, разумеется, признанным героем-патриотом, уже никогда не будет так превозносим советской пропагандистской машиной.

Однако Сусанин, скорее всего, был бы возвращён, даже если бы польского фактора и не существовало: государству стали нужны образы народных героев, освящённые веками ("своих" героев – героев революции и гражданской войны – Сталин и его окружение, может быть за редким исключением, за таковых наверняка не считали). Всё более и более ощущавший свою преемственность с царями старой России, Сталин явно симпатизировал и героям этой старой России, чтимым его царственными предшественниками.

Ещё в 1923 году русский философ С.Л. Франк, охарактеризовав революционные перемены в России как нашествие "внутреннего варвара",

---

лям буржуазно-помещичьей Польши Сталин направлял против любого поляка. Ему представлялось, что эти люди только и думают, какой бы и где нанести вред нашему государству."[54] Истоки неприязни вождя народов к полякам и Польше надо, видимо, искать в событиях советско-польской войны 1920 года, в ходе которой Красная армия, ведущая бои уже на подступах к Варшаве, в конце концов потерпела тяжёлое поражение. Не в последней степени вина за это поражение лежала и на Сталине, находившемся тогда на юго-западном фронте, осуществлявшем наступление на Львов. При разборе причин неудачи в войне в высших военных кругах имя Сталина звучало не раз. Не забывавший нанесённых ему обид, Сталин со временем отомстил и военным, и полякам.

писал, что этот процесс "подобно нашествию внешних варваров на античный мир, <…> имеет двойной смысл и двоякую тенденцию. Он несёт с собой частичное разрушение непонятой и чуждой варвару культуры и имеет своим автоматическим последствием понижение уровня культуры именно в силу приспособления его к духовному уровню варвара. С другой стороны, нашествие это движимо не одной лишь враждой к культуре и жаждой её разрушения; основная тенденция его – стать хозяином, овладеть ею, напиться её благами. Нашествие варваров на культуру есть поэтому одновременно распространение культуры на мир варваров; победа варваров над культурой есть в конечном счёте всё же победа сохранившихся от катастрофы остатков этой культуры над варварами".[55]

Действительно, вспомним классический пример – падение Римской империи в результате нашествий германских племён. Какое-то время германские варвары разоряют, грабят, уничтожают, "жгут города и в церковь гонят табун", но проходит исторически очень небольшой период и вот уже победители-германцы принимают религию побеждённых – христианство, латинский язык римлян становится их официальным языком, вожди германских племён коронуются в Риме, принимая римский же титул императоров и т.д. Тот же самый процесс, только в исторически ещё более сжатые сроки, прошёл и в нашей стране (судя по всему, его завершающий этап мы переживаем сейчас).

Однако подобно тому, как германцы, усваивая элементы поверженной античной культуры, получали в результате их смешения со своей варварской культурой нечто новое, так и страна Советов, став на путь частичного возвращения элементов дореволюционной русской культуры, получила, по выражению того же С.Л. Франка, "новое живое целое".

Другой, уже упоминавшийся выше русский философ Г.П. Федотов писал в 1940 году, когда процесс возвращения элементов старой культуры был в самом разгаре: "Возвращая по капле народу национальную культуру, власть "обезвреживает" её, очищая от всех слишком тонких и благородных элементов: от христианского и гуманистического наследия. Национализм сталинской России, через головы трёх поколений интеллигенции, прямо возвращается к официальной идеологии Николая I".[56] Философ продолжал: "Само по себе возвращение национального чувства в России, так долго его лишённой, так долго обречённой жить отбросами международной цивилизации, могло бы быть положительным явлением. Но пошлость, безбожие и бездушие монополистов государственной культуры отравили новое национальное чувство".[57]

Г.П. Федотов был, безусловно, прав. Касаясь Сусанина, вспомним – каким он был возвращён народу в 1938-1939 годах, какой была возвращена опера Глинки. Однако при всех неизбежных издержках процесс возвращения элементов старой культуры молодой республикой Советов, постепенно превращающейся в сталинскую державу, был явлением положительным. В принципе, большевики были обречены на гибель уже тогда, когда они не решились сбросить за борт с парохода современности всю старую культуру полностью. Всё, что происходило в дальнейшем, – это были лишь этапы постепенного обратного завоевания варваров "сохранившимися от катастрофы остатками культуры". И в этом отношении Сусанин, неизбежно тянувший за собой целый пласт русской истории и культуры, явился одним из "могильщиков" возвратившего его советского режима.

Впрочем, скоро начались события такого масштаба, перед которыми померкли все прежние политические спекуляции и интриги, а с образа Сусанина слетела почти вся идеологическая шелуха, и его великая тень пришла на помощь так долго отрекавшимся от него потомкам. На страну надвигалась война.

Глава 12

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. СУСАНИН ВМЕСТЕ СО СТРАНОЙ

Сусанин и война

22 июня 1941 года началась война, уже через несколько дней получившая название "Отечественной". Война была настоящая, большая, совсем не похожая на ту игрушечно-победоносную из популярного предвоенного фильма "Если завтра война". Пролетариат Германии не восставал как один человек, узнав о нападении на СССР, немецкие солдаты не обращали свои штыки против клики Гитлера, а Красная армия не отбрасывала врага от наших рубежей в один миг "малой кровью, могучим ударом", как должно было быть согласно схемам коминтерновско-советской пропаганды. Всё происходило, как и должно быть в реальной жизни.

Впрочем, в тылу это выяснилось не скоро, и пропаганда, сразу же мобилизовавшая образ народного героя и патриота Сусанина на военные нужды, мыслила ещё прежними шаблонами. Так, например, председатель домнинского колхоза им. НКВД И. Пухов писал в районную газету (его письмо было опубликовано в номере от 26 июня): "В ответ на зверское нападение фашистских шакалов потомки народного героя Ивана Сусанина, колхозники сельско-хозяйственной артели имени НКВД, Сусанинского сельсовета, с удвоенной энергией работают на полях. <...> По примеру народного героя Ивана Сусанина, отдавшего свою жизнь за родину, мы отдадим всё, что нужно для Красной Армии, чтобы обеспечить быстрейшую победу над врагом".[1]

Но обеспечить быстрейшую победу было не так легко. Немцы неотвратимо двигались вглубь СССР, Красная армия, терпя поражение, отступала, над страной нависла более чем реальная угроза военного поражения и оккупации. И в этих условиях произошло то, что было естественно для любой нации, которой угрожала смертельная опасность, – обращение к героическим образам предков, к попранным национальным традициям России. В пламени войны прежние кумиры – типа Ворошилова и Будённого – окончательно отошли на задний план, уступив место образам, словно вставшим из глубины русской истории – Александру Невскому и Дмитрию Донскому, Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому, Суворову и Кутузову. В этой шеренге исторических героев России, помогавших потомкам защищать Родину, был и Иван Сусанин, героический и трагический образ которого из чисто книжного стал в то жестокое время живым и близким современным поколениям.*

Характерно в этом отношении стихотворение "Сусанин", написанное С.Н. Марковым (костромичом по происхождению) в 1941 году. Трагическое ощущение времени первого года войны придаёт образам Сусанина и иноземных врагов поразительную современность.

Трещат лучины ровные пучки,
Стучит о кровлю мёрзлая берёза.
Всю ночь звенят запечные сверчки
И лопаются брёвна от мороза.

А на полу под ворохом овчин
Кричат во сне похмельные гусары –
И ляхи, и оборванный немчин,
И чёрные усатые мадьяры.

---

* Вспомним один из примеров: 6 ноября 1941 года в Москве, на станции метро "Маяковская", состоялось традиционное торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся, посвящённое 24-й годовщине Октябрьской революции, на котором выступил Сталин. Для участников заседания был дан концерт, и знаменитый певец М.Д. Михайлов исполнил на нём арию Сусанина из оперы М.И. Глинки.[2] И именно в эти дни, когда бои шли под самой Москвой и никто не мог точно сказать – удержим мы столицу или нет, эта ария ощущалась не просто красивым музыкальным номером, но чем-то неизмеримо большим: воистину, словно сама Россия устами Сусанина звала своих детей к самопожертвованию.

Прощайте, избы, мёрзлые луга
И тёмный пруд в серебряной оправе…
Сколь радостно идти через снега
Навстречу смерти, подвигу и славе.

Сверкает ледяная бахрома.
Сусанин смотрит грустными глазами
На полдень, где укрылась Кострома
За древними брусничными лесами.

И верная союзница-метель
По соснам вдруг ударила с размаху.
"Метель, стели мне снежную постель,
Не зря надел я смертную рубаху…"

И почему-то вспомнил тут старик
Свой тёплый кров… "Оборони, владыко:
Вчера забыл на лавке кочедык
И золотое липовое лыко.

И кочедык для озорных затей
Утащат неразумные ребята.
Ленился, грешник, не доплёл лаптей,
Не сколотил дубового ушата…"

И вздрогнул лес, и засветился снег,
Далёким звоном огласились дали,
И завершился стариковский век
Причастьем крови и туманной стали.[3]

В войну о Сусанине писали немало, причём из двух предвоенных версий его подвига – с царём Михаилом Федоровичем и без него – в ту пору полностью господствовала "царская" версия. На время было как бы забыто, что Михаил Федорович был главой "феодально-крепостнической диктатуры", и на передний план выступило соображение, что он – русский царь. Вот лишь один образец того, как писали о Сусанине в войну, – очерк "Ярославцы", помещённый в сентябре 1942 года в газете наркомата обороны

"Красная звезда". В очерке, повествующем об участии ярославцев в защите русской земли, подробно рассказывалось о подвиге Сусанина в его "царской" версии и, в частности, говорилось: "Иван Сусанин согласился быть проводником, и шайка тронулась в путь. Но лесу не было конца, а зимней долгой ночи – рассвета. За такую ночь далеко можно в лес завести… Он и завёл – сын русского народа Иван Сусанин. Кругом дремучей стеной стояли мохнатые от снега, могучие русские ели. От звёздного морозного света синел снег. Перед Сусаниным стояла кучка тяжело дышавших, измотанных, пёстро одетых дураков, которые поверили ему, что он поможет, что он, старик, предаст Россию…

Спокойное мужество, мужество Сусанина принесли с собой ярославцы и в отечественную войну с фашизмом".[4]

В военные годы немало писали о людях, в той или иной степени повторивших на оккупированной территории подвиг Сусанина. Наибольшую известность приобрёл подвиг "псковского Сусанина" – М.К. Кузьмина, приведшего под Великими Луками 14 февраля 1942 года отряд немцев под огонь наших солдат (посмертно в 1965 году М.К. Кузьмину было присвоено звание Героя Советского Союза).[5] Весной 1942 года в журнале "Звезда" был напечатан рассказ-очерк В.Я. Шишкова "Советский Сусанин", посвящённый, в частности, подвигу М.К. Кузьмина (в 1943 году под названием "Сусанины Советской земли" он был включён в книгу рассказов В.Я.Шишкова). Характерно начало этого рассказа-очерка: "Каждому советскому человеку дорог светлый образ Ивана Сусанина. Незабываемый облик мстителя за свой народ жив и поныне. Наша освободительная Отечественная война во множестве родит советских Сусаниных".[6]

В целом образ Ивана Сусанина в войну, пожалуй как никогда, имел двойственный характер. С одной стороны, старый русский крестьянин-герой не мог не вызвать у людей живую "теплоту патриотизма" – патриотизма естественного, нормального, без которого нельзя одержать победу. С другой стороны, на официальном облике Сусанина в то время, как никогда, лежала печать патриотизма казённого (хотя использование пропагандой имени Сусанина в годы войны, конечно, носило несравненно более естественный и политически чистый характер – в отличие от периода 1938-1939 годов, когда этим именем прикрывали преступления сталинского режима). Пожалуй, нагляднее всего эта двойственность проявилась в конце 1942 года, во время сбора средств на строительство танковой колонны имени Ивана Сусанина.

Танковая колонна имени Ивана Сусанина

7 ноября 1942 года – в разгар Сталинградской битвы – Сталин выступил с докладом на торжественном заседании Моссовета, посвящённом 25-й годовщине Октябрьской революции. Несколько дней спустя члены колхоза "Красный доброволец" Избердеевского района Тамбовской области "в ответ на доклад" вождя выступили с почином о сборе средств на строительство танковой колонны "Тамбовский колхозник". Почин этот был, естественно, организован "сверху", но, как и всегда, изображалось, что он идёт "снизу" – от широких колхозных масс. Фактически это был очередной, возложенный на колхозное крестьянство, военный налог. Пример тамбовцев, как писала в те дни "Правда", "воодушевил всех колхозников советской страны", [7] и организованный обкомами партии сбор средств на строительство новых танковых колонн развернулся повсеместно. Вслед за "Тамбовским колхозником" в считанные дни были проявлены инициативы о строительстве "Московского колхозника", "Рязанского колхозника", "Ивановского колхозника", "Красноярского колхозника", "Челябинского колхозника" и т.д., и т.д. Не могла, конечно, остаться в стороне и Ярославская область, где в начале декабря члены колхоза "Восход" Ярославского района, поддержав почин тамбовцев, выступили с инициативой о сборе средств на танковую колонну своей области. Первоначально колонну предполагалось назвать по общему шаблону – "Ярославский колхозник",* однако вскоре ей было решено дать другое имя. Во второй половине декабря группа колхозников из Сусанинского района обратилась в Ярославский обком ВКП(б) с письмом – скорее всего, в самом обкоме и написанном, – в котором говорилось: "Великий патриот земли русской Иван Сусанин отдал свою жизнь за Родину. Следуя патриотическому почину тамбовских колхозников, мы, колхозники и колхозницы колхозов имени НКВД, имени Сталина, имени Фрунзе, имени Молотова, "Красное Знамя", имени Калинина и другие,

---

* Примечательно постановление бюро Ярославского обкома ВКП(б) от 11 декабря 1942 года "О сборе средств на строительство танковой колонны "Ярославский колхозник", в котором говорилось: "1.Поддержать инициативу колхозников и колхозниц колхоза "Восход" Ярославского района, начавших по примеру тамбовских колхозников сбор средств на строительство танковой колонны "Ярославский колхозник". 2.Обязать райкомы ВКП(б) развернуть широкую разъяснительную работу среди колхозников по сбору средств на строительство колонны "Ярославский колхозник" и обеспечить окончание сбора средств к 25 декабря с.г."[8]

Сусанинского района,* собрав на строительство танковой колонны 900 тысяч, просим обком ВКП(б) присвоить ей имя народного героя нашего земляка Ивана Сусанина. Пусть танки с именем Ивана Сусанина беспощадно громят гитлеровских бандитов. Пусть имя Ивана Сусанина зовёт наших родных красных воинов вперёд, на разгром врага".[9]

Одновременно с этим письмом в газетах были опубликованы две телеграммы: одна – 1-го секретаря обкома партии А.Н. Ларионова Сталину, гласившая: "Москва, ЦК ВКП(б), товарищу Сталину. Колхозники и колхозницы Ярославской области, по примеру тамбовских колхозников, в течении нескольких дней собрали 70 миллионов рублей на строительство танковой колонны и просят Вас, товарищ Сталин, присвоить танковой колонне Ярославских колхозников имя русского народного героя, ярославского земляка, Ивана Сусанина. Сбор средств продолжается";[10] и вторая – ответ Верховного Главнокомандующего: "Передайте колхозникам и колхозницам Ярославской области, собравшим 70 миллионов рублей на строительство танковой колонны имени Ивана Сусанина, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И.Сталин".[11]

Таким образом, присвоение танковой колонне имени Сусанина было санкционировано на самом высоком уровне. Разумеется, по поводу сталинской телеграммы по всей области прошли митинги трудящихся, а обком и облисполком выступили со специальным обращением "Ко всем колхозникам и колхозницам, ко всем трудящимся Ярославской области", в котором говорилось: "Товарищи колхозники и колхозницы! В ответ на телеграмму товарища Сталина усилим сбор средств на строительство мощной танковой колонны ярославских колхозников имени Ивана Сусанина. Все колхозники и колхозницы нашей области должны стать активными участниками сбора средств на танковую колонну".[12]

В те декабрьские дни имя Сусанина склонялось в прессе и на митингах непрерывно, а 25 декабря – в день, когда сбор средств на колонну в результате "широкой разъяснительной работы" должен был, согласно постановлению бюро обкома, успешно завершиться – в областной газете "Северный рабочий" появилась большая статья "Иван Сусанин". После рассказа о подвиге Сусанина – разумеется, в его "царской" версии, с информацией о Михаиле Романове – шёл текст: "С тех пор прошло 330 лет. Но память о подвиге Ивана Сусанина не померкла. Свет этого подвига озаряет сейчас пути наших воинов, отстаивающих родную страну от нашествия

* В послесталинское время при публикации этого письма названия колхозов опускались.

немецко-фашистских бандитов. Когда потомки народного героя сходятся с врагом в неравной схватке, они не отступают. <…> Бессмертный подвиг Ивана Сусанина вдохновляет воинов Красной Армии на смертный бой с фашистскими извергами, на борьбу за свободу, честь и независимость родной страны. Имя Сусанина стало символом беззаветного служения родине.

<…> Нам, ярославцам, Сусанин особенно близок и дорог – это наш земляк. Родина Ивана Сусанина – бывший Молвитинский район. По требованию трудящихся район был назван Сусанинским.*

Сейчас, по патриотическому почину тамбовских колхозников, колхозники нашей области вносят свои трудовые сбережения на строительство танковой колонны. <…> По просьбе трудящихся Сусанинского района этой колонне присвоено имя ярославского крестьянина Ивана Сусанина."[13] Процитировав затем строки из популярной предвоенной песни: "Гремя огнём, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход", – автор кончил статью так: "На своём пути они будут расстреливать, сокрушать, давить живую силу и технику врага. Это будет продолжение легендарного пути Ивана Сусанина, славный путь победы.

Чем больше танков пойдёт в колонне имени великого патриота земли русской, тем быстрее будет очищена родная земля от фашистской нечисти. Кровь предка зовёт ярославских колхозников умножить свои усилия в борьбе с иноземными захватчиками".[14]

После сбора средств на строительство танковой колонны** и высочайшего – самим Сталиным – освящения её названия, имя Сусанина окончательно стало культовым, священным, звучавшим с самых высоких трибун. Например, выступая в конце января 1943 года в Ярославле на совеща-

---

* Как мы помним, Молвитино и Молвитинский район были переименованы в августе 1939 года чисто административным путём. Никаких просьб, а тем более требований трудящихся на этот счёт не было.

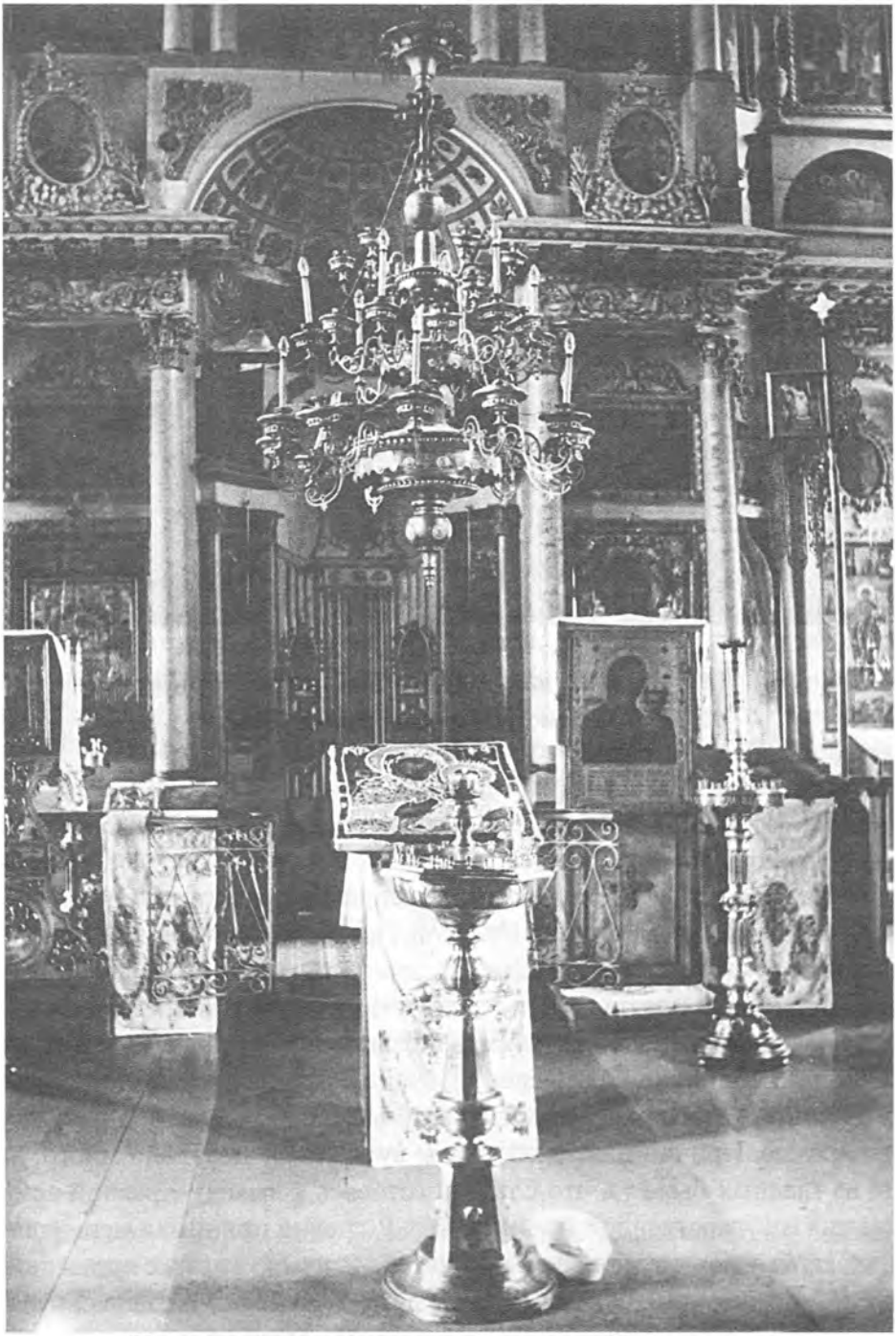
** Усиленный сбор средств продолжался и в апреле 1943 года; первый секретарь Сусанинского райкома ВКП(б) Елизаров и председатель райисполкома Новиков в телеграмме по адресу: "Москва, Кремль, товарищу Сталину" – сообщали вождю, что "колхозники и колхозницы родины русского народного героя Ивана Сусанина" собрали на строительство новых танков и самолётов 4 миллиона 700 тысяч рублей.[15] В том же апреле 1943 года старший зоотехник находящегося вблизи Костромы племсовхоза "Караваево" С.И. Штейман передал в фонд обороны полученную им Сталинскую премию в сумме 1000 тысяч рублей, попросив в письме на имя Сталина, опубликованном во всех газетах, построить на эти деньги самолёт, назвав его именем народного героя Ивана Сусанина.[16] В ответной телеграмме Сталин, предав ему свой привет и благодарность Красной армии, сообщил, что его желание будет исполнено.[17]

нии секретарей колхозных комсомольских организаций области, I-й секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов, в частности, сказал: "Вам, товарищи ярославцы, можно законно гордиться <...> бессмертным подвигом вашего земляка Ивана Сусанина, вам, товарищи, можно гордиться тем, что в эту великую войну нашёлся не один представитель советской молодёжи из среды ярославской молодёжи, который оказался достойным преемником <...> Сусанина".[18] А ведь с момента "реабилитации" Сусанина прошло всего лишь 4 года! Впрочем, неуклонное повышение статуса Сусанина имело и свои реальные положительные стороны. Именно по этой причине на завершающем этапе войны произошло возрождение Успенской церкви в Домнине.

Храм в Домнине снова действует. Фото Г.П. Белякова. 1953 г.

Возрождение домнинского храма

К осени 1943 года война была в самом разгаре. Наши войска с боями шли на запад, в тылу на непосильной работе надрывались пресловутые "колхозники и колхозницы" – женщины, старики и подростки, пропаганда по-прежнему – в числе других имён наших великих предков – склоняла имя Сусанина, а Успенский храм в Домнине оставался в своём осквернённом виде, продолжая служить зернохранилищем колхоза имени НКВД; вытоптанное в предвоенные годы кладбище возле него зарастало травой. Верующие ходили молиться – а молиться в войну было о чём! – в дальние храмы, чудом уцелевшие от разгрома 30-х годов, в частности, – в Троицкую цер-



Успенская церковь в селе Домнине. Интерьер.
Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

Ещё недавно здесь лежало колхозное зерно…
Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

ковь села Исупова. Казалось, так будет всегда; и вдруг произошло настоящее чудо – храм был возрождён.

Как известно, после поистине исторической встречи Сталина 4 сентября 1943 года с иерархами Русской Православной Церкви произошёл довольно крутой, но, в принципе, логично вытекающий из всей практики военных лет поворот политики государства в отношении к церкви. Последней было разрешено вновь избрать патриарха, разрешено иметь духовные академии и семинарии, разрешён выпуск церковных изданий, и – главное – в результате этого поворота было возрождено довольно большое количество храмов. Причин для такой смены курса было довольно много, но одной из главных была та, что Сталин, готовясь к выходу Красной армии за пределы государственной границы СССР, срочно принимал меры для придания своему режиму большей респектабельности (в это же время был распущен и Коминтерн). Однако, не будь даже этой причины, церковь всё равно рано или поздно получила бы те права, что были ей даны в 1943 году. В 30-е годы уничтожив в ней почти всё, что представлялось опасным для его

власти, Сталин мог, как ему казалось, – в соответствии с давними русскими традициями – вновь сделать церковнослужителей частью своего государственного аппарата.

В результате этой либерализации, плоды которой в силу целого ряда причин в костромском крае были очень и очень скромными, и произошло возрождение старого домнинского храма. По-видимому, или в конце 1943 года, или в начале 1944-го жившая в Домнине монахиня Троицкого Сумароковского монастыря* Ксения (Груздева), бывшая членом прежнего церковного совета, вместе с другими верующими стала писать в Москву, прося власти вернуть домнинцам храм. В прошениях она указывала на историческое значение Успенской церкви и на её связь с именем Сусанина. И произошло чудо: землякам русского народного героя не отказали – из Москвы пришло распоряжение передать храм религиозной общине. Вскоре – согласно материалам архива Костромской епархии, это произошло 15 августа 1944 года, на Успение Божией Матери[19] – в Домнино был назначен священник о. Геннадий Горицкий. Совместно с прихожанами 67-летнему священнику, заступившему на место расстрелянного о.Константина Сокольского, довольно быстро удалось восстановить храм, тем более, что иконостас в нём пострадал сравнительно немного. В Успенскую церковь было снесено немало сбережённых икон из других закрытых храмов округи, и в том же 1944 году она вновь после освящения стала действовать.

Так тень Сусанина помогла домнинцам возродить свой храм, ибо либерализация либерализацией, но не будь они земляками высочайше признанного патриота земли русской – храм в Домнине и поныне, быть может, пребывал бы в мерзости запустения.

Тогда же, в августе 1944 года, произошло ещё одно важное событие: Указом Президиума Верховного Совета СССР из состава Ярославской области была выделена (а по сути, восстановлена) Костромская область. Для Сусанина этот факт имел то значение, что его наконец-то перестали именовать ярославцем, и к концу войны он снова стал тем, кем и был всегда, – костромским крестьянином.

---

* Троицкий Сумароковский женский монастырь возник во второй половине XIX века всего в нескольких верстах от Домнина и до революции был одним из наиболее процветающих монастырей Костромской епархии. Его закрыли в начале 20-х годов, а бывшие монастырские насельницы разошлись по окрестным сёлам, осев при храмах. Несколько монахинь, в том числе и мать Ксения, поселились в Домнине.

Глава 13

ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ ЗЕМЛИ РУССКОЙ
(1945 – конец 60-х годов)

Первые послевоенные годы

К окончанию войны имя Сусанина пребывало в ореоле славы – её носитель был признанным героем советской державы, а утвердившийся за ним эпитет – "великий патриот земли русской" – воспринимался почти как особый титул. В победном мае 1945 года, через считанные дни после капитуляции фашистской Германии, в Большом театре состоялась премьера новой постановки оперы М.И. Глинки " Иван Сусанин". Эмоциональный подъём тех великих дней радости и надежд не мог, конечно, не отразиться на спектакле. Академик Б. Асафьев в "Правде" сравнивал его финал "Славься" с видом "ликующей массы нашего народа на Красной площади в день величайшей симфонии человеческой радости, в светлый день 9 мая – день празднования небывалой победы могучей Красной Армии".[1] 24 мая на приёме в Кремле командующих войсками Сталин провозгласил свой знаменитый тост за русский народ.[2] Откликаясь на эти слова вождя, один из постановщиков оперы, художественный руководитель Большого театра А.М. Пазовский, писал: "Великие и волнующие слова, сказанные на днях товарищем Сталиным о русском народе, – в сердце каждого из нас. Простая, сжатая, предельно ясная в своей обобщённости характеристика русского человека, – как много она объясняет в тысячелетней борьбе русского народа за свою самостоятельность!

Побеждала в прошлом, побеждает и ныне нация Сусаниных – людей "с ясным умом, стойким характером и терпением"* , пламенно любящих свою родину. Глинка воздвиг им памятник, имя которому – бессмертие. Постановкой "Ивана Сусанина" мы присоединяем наш голос к могучему "Славься!", которое несётся от края до края по всей советской земле, по всему миру в честь великого русского народа".[3]

В июне 1945 года в Костроме открылись залы областного музея, бывшие на замке почти 4 года. Особое место в музейной экспозиции занимала выставка "Иван Сусанин – патриот земли русской", [4] которая была первой – и в дореволюционное, и в советское время – музейной выставкой, посвящённой Сусанину Ещё одним знаком полного признания Сусанина на его родине было то, что в 1947 году домнинский колхоз имени НКВД был переименован в колхоз имени Ивана Сусанина** (возможно ль было такое на заре коллективизации!).

В послевоенном учебнике по истории СССР для 4 класса вновь, как и до революции, в соотвествующем месте появился абзац о Сусанине.[6] И, наконец, в 1947 году постановлением правительства РСФСР "знаменитому патриоту русской земли, костромскому крестьянину Ивану Осиповичу Сусанину" было решено соорудить в Костроме памятник, причём его проект был заказан одному из ведущих официальных скульпторов – лауреату Сталинской премии Н.В. Томскому.[7]

Как мы видим, в первые годы после войны, с их пиком сталинского великодержавия и национализма, отношение к Сусанину (на другом витке истории) как бы вернулось ко временам Николая I. Налицо был весь набор эпохи официальной народности – упоминание в учебниках, предполагаемый памятник, музыкальный шедевр Глинки, общий культ крестьянина-патриота (не вернулось только благоволение к коробовским белопашцам, а ныне труженикам колхозной деревни).

Однако послевоенное время внесло в трактовку образа Сусанина и свои существенные коррективы. Как мы помним, в войну единственной версией сусанинского подвига была "царская", однако после победы идео-

---

* А.М. Пазовский цитирует слова Сталина.

** Районная сусанинская газета "Ленинская правда" так сообщила об этом событии: "В целях увековечения памяти народного героя Ивана Сусанина, по решению общего собрания колхозников, колхоз "НКВД" переименован в колхоз имени Ивана Сусанина"[5] (причиной переименования, конечно, явилось произошедшее в 1946 году преобразование наркоматов в министерства, в связи с чем НКВД стал называться МВД).

логическая натура советского государства взяла своё. Окончив войну, режим вновь стал закручивать гайки, приструнивая "разболтавшихся" за военные годы и ставших слишком много позволять себе советских людей. В связи с общим усилением реакции в стране, "царская" версия была отброшена, а на передний план выступила версия, целиком отрицающая какую-либо связь подвига Сусанина со спасением царя.*

В августе 1949 года в статье "Иван Сусанин", помещённой в "Северной правде", сообщалось, что во время продвижения ополчения Минина и Пожарского "ряд вооружённых польских отрядов пытается преградить ополчению путь к Москве. Один из таких отрядов, двигаясь с севера по направлению к Москве, подошёл к д. Деревнища, расположенной близ с. Домнина** <...> Здесь поляки встретились с крепостным крестьянином Иваном Сусаниным и потребовали от него сказать, где находится стан Минина..."[9] – ну и т.д. Не сказав ни слова о Михаиле Федоровиче, автор в конце статьи замечал: "Царское правительство пыталось дать искажённый образ Ивана Сусанина, показывая его как спасителя царской особы, как раба, преданного своему господину".[10]

---

* Один из последних отголосков военной вольности прозвучал в разделе о Сусанине большой статьи "Костромичи – патриоты земли русской", помещенной в вышедшем в 1946 году в Костроме "Костромском альманахе", но написанной, видимо, или в войну, или в самое первое послевоенное время. О подвиге Сусанина в ней говорилось так: "Не теряя надежды на возможность достичь своих захватнических целей, польские паны решили убить только что посаженного Земским собором 1613 года на Московский престол царя Михаила. Узнав, что Михаил находится в своей вотчине неподалёку от Костромы, они направили туда с этой целью отряд своих войск.

Пробираясь глухой дорогой, польский отряд сбился с пути и попал в деревню Деревнище, где встретил старого крестьянина Ивана Осиповича Сусанина. Поляки стали расспрашивать Сусанина о дороге. Как и все русские люди, Сусанин любил свою родину и ненавидел интервентов. Узнав с какой целью они двигаются, он решил лучше пожертвовать своей жизнью, лишь бы уничтожить ненавистных ляхов и спасти свою родину от продолжения междоусобиц и нового иноземного вторжения.

Чтобы выиграть время, он пригласил поляков к себе. После обильного угощения, он сообщил командиру польского отряда, что царь якобы находится в лесу на охоте, и повёл интервентов в глухую лесную трущобу, из которой не было выхода".[8]

** Как известно, выступившее из Нижнего Новгорода ополчение Минина и Пожарского проследовало через костромской край весной 1612 года. Таким образом, чтобы полностью отвести от Сусанина подозрение в "преступном" спасении царя, автор статьи относил время гибели народного героя аж на весну 1612 года!

В новом учебнике по истории СССР для 4 класса, где опять упоминалось об Иване Сусанине, не было сказано ни слова о Михаиле Федоровиче. В учебнике, из которого большинство детей впервые узнавало о Сусанине, говорилось: "Много героев выдвинул русский народ в борьбе с польскими захватчиками. Одним из таких героев и был крестьянин Иван Сусанин. Польский отряд заставил его быть проводником. Сусанин, жертвуя своей жизнью, завёл отряд в лесные дебри. Сусанин был зарублен поляками, но польский отряд не мог выбраться из леса и погиб".[11]

В марте 1952 года в большой статье в "Северной правде", посвящённой отмечаемому тогда 800-летию Костромы, говорилось о подвиге Сусанина: "...когда один из польских отрядов польских панов, возвращаясь из Галича в Москву, попал в деревню, где жил Сусанин, поляки потребовали проводника. В сентябрьскую осеннюю ночь Сусанин завёл интервентов в непроходимое болото. Враги убили его, но и сами погибли.

Дворянские и буржуазные историки исказили факты. Они писали, что Иван Сусанин совершил свой подвиг, спасая Михаила Романова, который, якобы, в это время находился в Ипатьевском монастыре, а польский отряд искал дорогу в Кострому, чтобы убить Михаила Романова, как претендента на русский престол.

Это неверно. Иван Сусанин был убит в конце сентября 1612 года, а Романов прибыл в Кострому в начале января 1613 года, чтобы быть ближе к Москве. Иван Сусанин не только никогда не видел Михаила Романова, он не знал о его существовании".[12]

Через несколько дней в юбилейном номере газеты, посвящённом 800-летию Костромы, в одной из статей говорилось, что в летописи костромской земли навсегда останется "героический подвиг Ивана Сусанина, который завёл в непроходимое Исуповское болото крупную часть противника. Изрубив саблями Сусанина, поляки сами погибли в бездонном болоте. Приняв мученическую смерть, Сусанин показал пример беззаветного служения своему народу".[13]

Осенью того же 1952 года в Костроме произошло событие, показавшее необычайно высокий официальный статус Сусанина. Внешне оно было достаточно скромным – в Костроме переименовали в честь Ивана Сусанина одну из улиц. Значение этого факта понимается, если учесть, что до переименования эта улица носила имя Сталина. Столь поразительное для сталинской эпохи событие произошло при следующих обстоятельствах. Накануне открытия XIX съезда ВКП(б) осенью 1952 года в Костроме решились-таки устранить вопиющий "недостаток": отсутствие в центре города ули-

цы, носящей имя мудрого вождя и учителя партии и народа. Конечно, в Костроме с 1925 года существовала улица Сталина (бывшая Лазаревская) - улица в то время окраинная и во всех отношениях малозначительная, что показывает, как мало ещё в середине 20-х годов Сталин воспринимался ведущей фигурой партии и государства. И вот, накануне открытия съезда, было решено переименовать в проспект Сталина одну из центральных улиц города, с 1918 года носящую имя Луначарского (бывшую Павловскую). В результате ансамбль названий центра Костромы приобрёл полную завершённость: от площади Революции (бывшей Сусанинской) отходила улица Ленина (бывшая Еленинская), а рядом с ней пролегал проспект его соратника и гениального продолжателя. Одновременно переименовали и улицу Сталина (похоже, положено было иметь в каждом городе только по одной улице, носящей имя вождя). И, наверное, властям нелегко дался вопрос – как назвать бывшую улицу Сталина, однако, как видим, сочли, что великий патриот Сусанин – достойная замена великому организатору всех наших побед. Так в нашей стране появилась первая улица Ивана Сусанина.[14]

Конечно, на общем благополучном фоне не обошлось без отдельных "недостатков". Примерно к 1947 году пик дружественности в отношении сталинского государства к Русской Православной Церкви был пройден (хотя внешне почтительное отношение к ней сохранялось до самой смерти Сталина), и именно в это время была закрыта Троицкая церковь в селе Исупове, уцелевшая в 30-е годы. В мае 1948 года исуповская церковь лишилась очень уважаемого прихожанами о. Алексея Воскресенского (он был перемещён в другой приход, а вскоре арестован и погиб в лагере); год церковь простояла запертой, а в мае 1949 года , её, как "нефункционирующую", несмотря на все протесты общины, закрыли. Летом по укоренившейся советской традиции в бывшую церковь уже ссыпали поспевшее на полях колхоза им. Сталина зерно урожая 1949 года...[15]

В 50-е – начале 60-х годов

В марте 1953 года умер Сталин. Через несколько месяцев, 16 июля 1953 года, Домнино посетил, завершив гастроли в Костроме, солист Большого театра, народный артист СССР М.Д. Михайлов – бывший протодиакон и один из лучших исполнителей партии Сусанина в советское время. Беседуя с домнинцами, М.Д. Михайлов, в частности, сказал, что опера "Иван Сусанин" была "одной из любимейших опер Иосифа Виссарионовича Сталина"[16].

В бурные времена второй половины 50-х – начала 60-х годов многое в нашей стране изменилось, но отношение к Сусанину осталось прежним, хотя официальный его культ в послесталинское время, пожалуй, несколько потускнел. В литературе о Сусанине по-прежнему господствовала "антимонархическая" версия его подвига.

В вышедшем в 1955 году в Москве очередном томе академических "Очерков истории СССР" о подвиге Сусанина было сказано так: "Героическое сопротивление оказывало население оголтелым и озлобленным поражениями отрядам шляхты. Народная память донесла до нас имя подлинного героя русской земли — крестьянина-старика Ивана Осиповича Сусанина, не допустившего прохода поляков к важному пункту Домнино. Спасая родину, Сусанин был изрублен польскими интервентами, но и их отряд не смог выбраться из заснеженных топей Исуповского болота".[17]

В 1959 году в Костроме вышла книга Н.Н. Владимирского "Костромская область. Историко-экономический очерк", представлявшая собой первую попытку показать историю костромского края с древнейших времён до 50-х годов XX века. В этой книге была изложена господствовавшая в то время точка зрения на обстоятельства гибели Сусанина. Н.Н. Владимирский писал: "В 1612 г. из Нижнего Новгорода на Москву двинулись крупные силы народного ополчения во главе с Мининым и Пожарским. Народные войска шли через Кострому и Ярославль, пополняясь в пути новыми и новыми отрядами добровольцев. Узнав об этом, поляки стали стягивать свои силы, разбросанные в ряде северных пунктов, к Москве. Один из таких отрядов, направляясь с севера к Москве для борьбы с ополчением Минина и Пожарского, приблизился к деревне Деревнища близ Домнино, Костромской области. Поляки захватили крестьянина Ивана Сусанина, желая использовать его как проводника. Вместо того, чтобы показать интервентам наиболее короткий путь на Москву, Сусанин завёл их в лесные дебри на болоте. Поляки убили Сусанина, но не зная выхода и сами погибли".[18]

В отличие от Н.Н. Владимирского большинство авторов, писавших тогда о Сусанине, излагали свои мысли отнюдь не в академической манере. В 1963 году в большой статье "Подвиг, вошедший в историю", напечатанной в "Северной правде", сотрудник костромского музея Н. Ерошин писал: "Духовенство и царские прислужники, вопреки историческим фактам, утверждали, что Иван Сусанин свой патриотический подвиг совершил во имя спасения Михаила Романова, которого якобы разыскивал польский отряд, чтобы убить его, как русского царя, избранного московским собором на престол России.

Такое толкование патриотического подвига Сусанина потребовалось Романовым для того, чтобы связать свой приход к власти с народом, показать, что он поддерживал царя. <...> Истинная правда подвига народного героя-костромича Ивана Сусанина такова, что он спасал не царя, а честь русскую.

Иван Сусанин, житель далёкой от Москвы деревни, затерявшейся в костромских лесах не мог знать об избрании Михаила Романова царём России, ибо об этом тогда (до получения от Романова согласия) нигде ещё не объявлялось. Вместе с этим польский отряд не мог знать о решении Земского собора избрать царём России Михаила Романова, так как блуждал и был оторван от событий".[19] По мнению Н. Ерошина, Сусанин пал жертвой заблудившегося польского отряда, который "искал дорогу на Москву".

Впрочем, не было в это время более ярого врага "монархической басни о Сусанине", чем Борис Васильевич Белоцерковский - самая, пожалуй, яркая фигура сусаниноведения 50-60 годов. Б.В. Белоцерковский (1893-1971) был человеком непростого жизненного пути. Выпускник Тамбовской гимназии и Московского университета, в котором он окончил физико-математический факультет, Белоцерковский с 1926 года жил в Ленинграде, где преподавал математику сначала в педагогическом институте им. Герцена, а затем – в институте народного хозяйства им. Энгельса. В августе 1941 года, когда фронт приблизился вплотную к Ленинграду, Белоцерковский ушёл в армию добровольцем. В декабре того же года он был по болезни демобилизован и возвратился в Ленинград, где был назначен директором детского дома и вместе с ним эвакуировался в Сусанино. В Сусанине он уже вскоре стал работать в райкоме партии, вначале инструктором, а затем – заведующим отдела агитации и пропаганды.[19]

Выполняя обычную работу пропагандиста: призывая колхозников ударно провести сев и уборку, агитируя перед выборами за кандидатов "нерушимого блока коммунистов и беспартийных", руководя сетью кружков по изучению биографии И.В. Сталина и борясь с "религиозными пережитками" – Белоцерковский активно занялся и краеведением. Естественно, что одной из главных его тем стала сусанинская – во многих своих статьях, опубликованных в районной и областной газетах, и в вышедшей в 1959 году книге "На родине Ивана Сусанина", он коснулся различных её сторон. Бесспорно, что краеведческая деятельность Белоцерковского – как и деятельность любого краеведа – имела определённое положительное значение (и мы об этом ещё будем говорить). Но бывший выпускник университета, ставший партийным пропагандистом, к сожалению, пропагандистом оставал-

ся и когда писал о Сусанине – от его публикаций так и веет духом 30-х годов, духом классовой борьбы и нетерпимости. И дело, конечно, не в каких-то цензурных соображениях – Б.В. Белоцерковский был совершенно искренен.

Главным делом краеведа было многолетнее отстаивание тезиса о том, что никогда и никакого царя Сусанин не спасал – этим были пронизаны все высказывания Белоцерковского о знаменитом народном герое. Вот что, например, писал он о старом монументе на Сусанинской площади в Костроме: "Талантливый скульптор В.И. Демут-Малиновский блестяще выполнил социальный заказ монархистов: его творение более полувека было доходчивым и красноречивым пропагандистом верноподданнических идей".[19] В другой работе, описав всю "неприглядность" бронзовой фигуры стоящего на коленях Сусанина, он восклицал: "Разве <...> это походит на Сусанина, в подвиге которого были проявлены лучшие черты русского народа - любовь к свободе, ненависть к угнетателям, преданность родине и героизм в её защите? Нужно ли было сохранять памятник, исказивший правду? Конечно нет! Вот почему народ, взявший власть в свои руки, снял этот памятник".[22] Белоцерковский испытывал неловкость за К.Ф. Рылеева, автора знаменитой "Думы", о котором он писал: "На первый взгляд кажется непонятным, что Рылеев, по убеждениям республиканец и активный участник вооружённого восстания против самодержавия, прославлял спасителя царя. Это противоречие можно объяснить так: во-первых, монархические строки поэмы являлись вынужденной данью царской цензуре; во-вторых, поэт стал республиканцем лишь через несколько лет после создания поэмы"[23] (в 1968 году, когда исполнилось 145 лет выхода в свет думы о Сусанине, Б.В. Белоцерковский своею властью устранил это "противоречие", опубликовав в районной газете текст думы, из которого он лично выбросил все упоминания о Михаиле Романове).

А вот как Б.В. Белоцерковский описывал сам подвиг Сусанина: "Зимой 1613 года один из польских отрядов, блуждая по лесам и снегам в районе Молвитина, попал в деревню Деревеньки. Местный крестьянин Домнинской вотчины бояр Романовых Иван Сусанин согласился быть проводником поляков, которые требовали вывести их безопасным путём на нужную дорогу: интервенты избегали больших и людных дорог, боясь "засек" и "засад", в которых сидели "шиши" – партизаны.

По преданию, Сусанин повёл отряд из Деревенек руслом реки Корбы мимо села Домнино и деревень Перевоза и Холма и завёл его в низину реки Шачи, в лесные дебри, в непроходимое, не замерзающее местами бо-

Часовня в Деревеньках.
Фото Г.П. Белякова. 1953 г.

лото. Здесь получив отказ провожатого вывести их на дорогу, интервенты после пыток и истязаний убили Сусанина, но сами погибли.

Чем же был вызван героический подвиг Ивана Сусанина? Из многочисленных документов тех лет видно, что польские интервенты убивали и насиловали крестьян, отбирали у них скот, хлеб и другое имущество, сжигая дома и целые деревни, оставляя население без крова, разутым и раздетым, обречённым на голод, нищету и вымирание. Это испытывали и домнинцы. У них росла ненависть к захватчикам. За исстрадавшийся народ, за поруганную честь Родины они были готовы при удобном случае отомстить врагу.

Поляки в тот день учинили зверскую расправу с односельчанами Ивана Сусанина.* Это переполнило чашу его ненависти к врагам: выполняя неписаный наказ земляков и всего русского крестьянства, патриот Сусанин стал народным мстителем. Таким его представляют и народные сказания".[24]

И всё это писалось, словно и не существовало достижений дореволюционных исследователей (А.Д. Домнинского, В.А. Самарянова, Н.Н. Виноградова и др.), с работами которых Белоцерковский был знаком!**

Реальный фон, на котором происходило развенчание "монархической легенды" о Сусанине, был таков. Уже в 50-е годы, подточенная коллективизацией, войной и послевоенным колхозным временем, исчезла с лица земли существовавшая, по крайней мере с XVI века, деревня Деревеньки – родина Сусанина, от которой осталась только памятная часовня, освящённая в 1913 году. Судьба этой часовни в советское время была достаточно традиционна. Приписанная к Спас-Хрипелёвскому приходу, она до конца 30-х годов оставалась нетронутой, внутри её сохранялся иконостас и висела большая литография, изображавшая гибель Сусанина. Интерьер часовни сохранялся ещё и в начале 50-х годов, однако, по-видимому, в 1954 году, после известного антирелигиозного постановления ЦК КПСС, местные власти, спохватившись, что и у них под носом остался такой "очаг религиозного дурмана", приняли соответствующие меры: иконы из часовни были удалены, а само здание стало использоваться под сенной склад.

Сохранилось свидетельство о том, как выглядела часовня в Деревеньках в конце 50-х годов, когда костромской писатель К.И. Абатуров привёз сюда абхазского писателя Г.Гулиа, желавшего посмотреть на родину знаменитого Сусанина. К.И. Абатуров пишет: "Часовня стояла обшарпанная, на дверях висел ржавый замок. Открыли – в неё не ступить: вся снизу доверху, до самой крыши была забита сеном, лежало оно, видимо, давно, потому что пахло плесенью. У входа топтался угреватый мужичонка, глядевший исподлобья. Его было это сено.

– Так-то вы храните память о своём земляке, – покачал головой Гулиа.

– Вы про сено? – переспросил тот. – Дак строение пропадало, отдали...

Считал он себя правым, и других мыслей, похоже, у него не возника-

---

* Это сообщение является вымыслом Б.В. Белоцерковского – ни о чём подобном в источниках не говорится.

** Исходя из классового подхода к своим предшественникам, Белоцерковский, например, А.Д. Домнинского пренебрежительно именовал "попом", а В.А.Самарянова –"чиновником духовной консистории".[24]

ло. Раз отдали... На обратном пути Гулиа вздыхал. <...> Я молчал, не поднимая головы. Стыдно было перед уважаемым писателем, приехавшим издалека ради поклонения русскому герою и увидевшим такое осквернение святого места..."[26]

С практикой использования часовни в Деревеньках в роли сенного склада боролся Б.В. Белоцерковский, повсюду выступавший за приведение часовни – памятника Ивану Сусанину – в мало-мальски приличный вид. В мае 1959 года он писал в районной газете "Ленинская правда": "... многие забыли, что часовня является памятником Сусанину. Видимо, поэтому в колхозе её часто используют как склад.

Сусанинский научно-краеведческий кружок принял решение о превращении сооружения в памятник-музей Ивана Сусанина. Она будет приведена в порядок, огорожена. На ней будет помещена мемориальная доска, указывающая когда в честь Ивана Сусанина земляки поставили это сооружение.* Внутри можно поместить выставку, посвящённую истории Деревенек и Домнина, подвигу Сусанина".[27]

(До осуществления этих планов в жизни было ещё далеко.)

Судьба находящейся в нескольких километрах от часовни Преображенской церкви в Спас-Хрипелях – где, как мы помним, были похоронены близкие Сусанина, в том числе и Богдан Собинин – сложилась ещё хуже. По свидетельству местных жителей, примерно в 1963 году прекрасное здание церкви, построенное в стиле классицизма, было разобрано: предполагалось получить какое-то количество кирпича, но получили лишь щебёнку, которую пустили на бут фундаментов животноводческой фермы в деревне Митирёво.** От храма осталась только красивая трехъярусная колокольня,

---

* Делая, безусловно, благое дело – борясь с использованием часовни под склад, Б.В. Белоцерковский в то же время во всех своих публикациях, во-первых, указывал неверную дату построения часовни –1915 год, вместо 1913 года, а, во-вторых, постоянно писал, что часовня (называемая им обычно уклончиво "постройка" или "сооружение") была построена жителями Молвитинской волости; на самом же деле, как мы помним, она была построена Александровским православным братством, хотя, возможно, и при какой-то помощи местных жителей. Похоже, что Белоцерковский искажал исторические факты сознательно – принципиальный борец с "монархической басней" не мог примириться с тем, что часовня в Деревеньках была освящена в год 300-летия династии Романовых и что построила её такая "поповско-монархическая организация", как Александровское братство.

** Ни этой фермы, ни этой деревни уже давно нет.

и поныне возвышающаяся на склоне над шачинской долиной...*

Некоторые перемены к лучшему в сусанинских местах начали происходить лишь с середины 60-х годов.

В середине 60-х годов

После отстранения от власти в октябре 1964 года Н.С. Хрущёва в политике государства по отношению к историческому наследию проявились некоторые новые подходы (в частности, было объявлено о создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры), стал делаться несколько больший упор на патриотизм, на героические традиции народа, тесно связанные с современностью, и т.д. Новые веяния достигли и костромской земли: в начале 1965 года костромской обком КПСС принял постановление "Об увековечивании памяти Ивана Сусанина", [28] которым предусматривалась мемориализация сусанинских мест, открытие музея в Сусанине, открытие в Костроме памятника Сусанину и др.

В 1965 году было решено соорудить памятный обелиск неподалёку от Исуповского болота – в деревне Холм; вскоре был готов и проект обелиска. Его автор архитектор Ю.С. Соловьёв писал: "Обелиск будет представлять собою прямоугольную колонну из бетона высотой 9 метров. И рядом по горизонтали – стенка с памятной надписью. Перед ней – чёрная металлическая чаша, которая символизирует меру народного горя и беды. По плану этот памятник должен быть установлен уже летом 1965 года".[29] К счастью, не все планы у нас выполняются и бездушно-холодный мемориал у Исуповского болота так и не появился. Чему мы должны быть благодарны за это – осознанию низкого качества проекта или отсутствию хороших дорог до Холма?

Весь 1966 год в селе Сусанине шла подготовка к открытию музея памяти Ивана Сусанина – филиала областного музея-заповедника. Инициатором и главным создателем музея был Б.В. Белоцерковский, который, выйдя на пенсию, всецело посвятил себя сбору материалов по истории края, основное внимание уделяя, конечно, сусанинской теме. 7 ноября 1959 года

---

* В том же 1963 году, по свидетельству местных жителей, была закрыта церковь Рождества Христова в селе Прискокове, быстро приведённая в "обычное" состояние заброшенных сельских храмов. Напомним, что руководивший в то время страной Н.С. Хрущёв, расценив относительное смягчение политики Сталина по отношению к церкви как нарушение "ленинских норм", обрушил на церковь новые гонения, сопровождавшиеся массовым закрытием храмов.

в районном Доме культуры открылась созданная им выставка "Иван Сусанин", явившаяся как бы прообразом будущего музея. Выставка состояла из разделов "Патриотический подвиг Ивана Сусанина" и "Сусанинцы – герои Великой Отечественной войны", на ней также были представлены стенды с портретами передовиков труда Сусанинского района.[30] Через несколько лет для музея было выделено помещение в одном из старых зданий села, и в канун нового, 1967 года, он принял первых посетителей.[31] Открытие музея, безусловно, – явление положительное. Другое дело, что он был типичным советским музеем – т.е. не очагом культуры, где можно увидеть объективную картину прошлого родного края, а одним из средств "коммунистического воспитания трудящихся". Основной упор в музейной экспозиции делался на показ героических традиций нашего народа, людей, повторивших подвиг Сусанина, местных Героев Советского Союза и т.д. Подвиг Сусанина освещался, разумеется, строго в "антимонархическом" духе.

Одним из экспонатов музея стала и вышедшая в 1965 году в Ярославле первая часть повести А.Ф. Румянцева "Я видел Сусанина"(вторая часть вышла в 1968 году) – первое прозаическое произведение о Сусанине, написанное в советское время.

Автор повести А.Ф. Румянцев (1912-1975), уроженец граничащего с Сусанинским Судиславского района, участник войны, долгое время учительствовавший в сельских школах, написал её для детей. Конечно, в этой книге сильно чувствуется "дух эпохи", в которую она была создана, – это сказалось, например, и в чрезмерном очернении Филарета Никитича, и, разумеется, вообще Романовых, и в строго классовом подходе к событиям Смутного времени. В начале повести Сусанин показан мирским старостой, всячески защищающим крестьян от произвола жестокого приказчика вотчины Акинфия, по прозвищу "Полтора пуза". О происхождении Сусанина и его прозвания мы узнаём следующее. Приказчик замечает своему подручному Митьке Носу на его слова о том, что "Сусанин-старостишка мужикам слабит":

"– Надоел звон: Сусанин, Сусанин... Фамилией, как дворянина, жалуешь лапотника. <...>

– Гы–гы... это старостишке тут прозвище <...> . Ходит бывальщина, осударь, что жила тут-ка нищая Саня. Из погорелок заболотских – давно, слышь, дело-то было... "Подай-су", "пожалей-су", – к каждому слову "су" да "су"... Вот и того... и звали "Сусаня", хе-хе...

– Ну?

– Иванишку-старостишку, когда тот ещё дитёнком был, Сусаня-христорадница в приёмыши, бают, взяла. Вот Сусанин стал".[32]

Вскоре владелец вотчины Филарет Никитич, приехав в Кострому, вызывает Сусанина к себе и назначает его приказчиком вотчины взамен смещённого Акинфия. Автор передаёт мысли Филарета: "Ведь и Акинфия он убрал из Домнина отнюдь неспроста. Этот Акинфий – вепрь хищный – ладно ему послужил и послужит ещё, ох, верой послужит! Но ветер пока не тот. Зажми благородный свой нос, а к черни приглядывайся: пусть она, чернь вонючая, учится из-под твоей руки смотреть.

Ведь как всегда бывает перед грозой? Дельный хозяин сам оглядит хозяйство и двор: там приберёт, чтоб не сорвало, здесь поукроет да укрепит, наперёд загадывая... А владыке простительно ль жить без загадов? Вот уберёт он, скажем, лютого вепря-приказчика, простым лапотником заменит его на время – и чернь в ноги к тебе же падёт! Убыток вотчине? Пусть! Надо идти и на это: пусть уж Сусанин-староста тешит пока смутьянов".[33]

Конечно, превращение Сусанина-старосты в Сусанина-приказчика происходит в повести достаточно искусственно (историк В.Н. Бочков в своём отзыве на первую часть книги заметил: "Хочется всё же предостеречь автора: не слишком ли фантастична придуманная им биография Сусанина? Стоило ли, например, делать простого крестьянина управляющим крупной вотчиной?"[34]). По-видимому, А.Ф. Румянцев пошёл на такую искусственность вполне сознательно: ведь негоже будущему народному герою стать боярским прислужником иным – более обычным – путём. Если уж суждено Сусанину стать приказчиком, то пусть он будет как бы не настоящий приказчик, а условный, временный. Однако нельзя не отдать должного писателю: пусть так, но он всё-таки назвал Сусанина приказчиком домнинской вотчины, что для того времени было шагом весьма смелым.

Действие повести "Я видел Сусанина" начинается в 1608 году, а так как А.Ф. Румянцев умер, не завершив её, то мы не знаем, как бы он показал гибель Сусанина. Бесспорно лишь одно – Сусанин в книге не отдал бы жизнь "за царя". Именно поэтому уже первая часть повести вызвала живейшее одобрение Б.В. Белоцерковского, который писал: "Повесть А. Румянцева имеет огромное воспитательное значение – страница за страницей разоблачает бытующую ещё и до сих пор монархическую небылицу о том, что Сусанин пожертвовал собою, якобы для спасения жизни царя Михаила. Автор показывает, что "Сусанин – это не холоп: душа Сусанина – иная душа. Это – народный герой".[35]

Нельзя не пожалеть, что книга А.Ф. Румянцева осталась незаконченной. При всех своих изъянах она представляется весьма добротной исторической повестью.

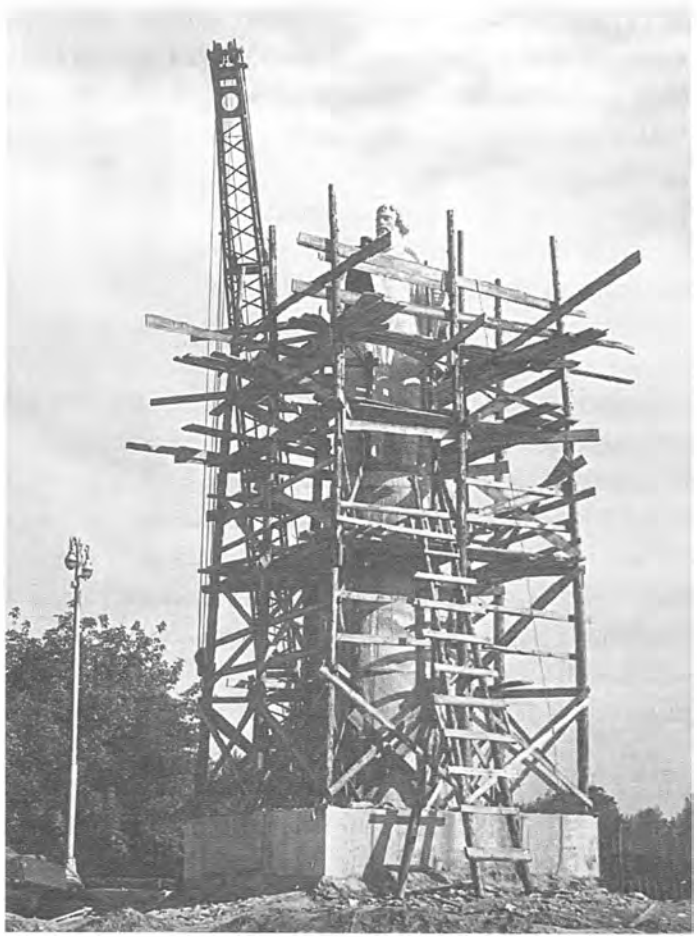
В это же время полным ходом шли работы по созданию в Костроме памятника Сусанину – первого в России в послереволюционное время. Его открытие в 1967 году – году 50-летия Октябрьской революции – стало своего рода апофеозом Сусанина всего этого, начавшегося с конца 30-х годов, периода.

Открытие памятника Ивану Сусанину в Костроме

Поскольку Сусанин в конце 30-х годов был вновь объявлен народным героем, то неизбежно должен был встать и вопрос о сооружении ему памятника. Идея о построении нового – советского – памятника Сусанину в Костроме родилась, как мы помним, в первые послевоенные годы. В начале октября 1947 года "Северная правда" сообщила, что "правительство Российской Федерации удовлетворило ходатайство областного Совета депутатов трудящихся об отпуске средств на сооружение в Костроме памятника знаменитому патриоту русской земли, костромскому крестьянину Ивану Осиповичу Сусанину. Началась подготовка к строительству монумента. Проект его заказан скульпторам лауреату Сталинской премии Н. Томскому, Г. Мотовилову и П. Дзюбанову. Памятник будет открыт в будущем году".[36]

Как видим, предполагалось, что памятник Сусанину будет делать Н.В. Томский – один из официальных советских скульпторов, автор известного памятника Кирову в Ленинграде и многочисленных ленинских монументов по всей стране. Открытие же памятника первоначально намечалось уже в 1948 году – году 335-летия гибели Сусанина. Однако сбыться этим планам было не суждено. Н.В. Томский по каким-то причинам не стал делать памятник, поручив эту работу своему ученику Н.А. Лавинскому, защитившему диплом по проекту памятника Сусанину в 1952 году.[36] Уже в дипломной работе у Лавинского сложился образ монумента, который спустя годы был установлен в Костроме – фигура крестьянина в долгополой одежде, стоящая на массивном цилиндрическом постаменте. Тогда же был определён и материал памятника – белый известняк. В конце 1958 года Министерство культуры РСФСР поручило Н.А. Лавинскому выполнение памятника Сусанину в Костроме, а уже в феврале 1959 года костромской горисполком утвердил его проект и место постановки.

Трудно сказать, почему новый памятник не стали ставить на месте прежнего – "царского" (видимо, при всём возвеличивании, Сусанин до того, чтобы стоять в центре социалистической Костромы посреди площади Революции, всё-таки не дотягивал). Место для него было выбрано на самом



Создание нового памятника Сусанину в Костроме близится к завершению. Фото Г.П. Белякова. Лето 1967 г.

краю бывшей Сусанинской площади – на Молочной горе, над съездом к Волге, на месте разрушенной в 1924 году часовни Александра Невского, сооружённой в начале 80-х годов XIX века в память о погибшем Александре II (именно разрушением этой часовни было положено начало массового уничтожения храмов Костромы). На выбор места повлияло, конечно, его положение у спуска к Волге; и с некоторых точек прямой и короткой улицы, упирающейся в реку, памятник сейчас смотрится довольно выразительно, но в целом место для монумента было выбрано неудачно – фактически спиной к историческому центру Костромы, спиной к людям.

Вскоре скульптор выполнил рабочую модель памятника из гипса, которая была доставлена в Кострому. Костромская печать благожелательно освещала работу по созданию сусанинского монумента. Автор одной из публикаций в 1960 году писал: "Перед нами проект будущего памятника. Он изображает фигуру крестьянина, крепко стоящего на своей земле. Его вытянутая рука как бы является символом смертного приговора врагам, посягнувшим на нашу землю, – это обобщённый карающий жест. Если правая рука Сусанина выражает идею: "Русская земля – место вашей гибели", то левая рука, держащая палку, служит Сусанину опорой на родную землю, откуда он черпает мужество и волю".[38]

По-видимому, открытие памятника предполагалось в 1962 году, но вдруг – ведь страна переживала бурное время хрущёвских реформ – всё круто переменилось. 18 сентября 1961 года бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет министров РСФСР приняли постановление "О сооружении памятников на территории РСФСР", через несколько дней – 28 сентября – аналогичное постановление "Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников" приняли ЦК КПСС и Совет министров СССР. В результате этого в стране были прекращены работы почти на сотне памятников, в число которых попал и монумент народному герою в Костроме.

Однако 14 октября 1964 года на пленуме ЦК партии Н.С. Хрущёв был смещён со всех постов, и уже 30 октября в "Северной правде" появилась статья, вопрошающая: "Когда же, наконец, в Костроме воздвигнут памятник Сусанину?"[39] Ставший жертвой хрущёвского "волюнтаризма" монумент был срочно реабилитирован. По ходатайству костромских властей постановлением правительства РСФСР в мае 1965 года на завершение памятника Сусанину были отпущены средства. В начале сентября 1965 года хранящийся в Ипатьевском монастыре макет памятника был собран и установлен на дворе перед Свечным корпусом (таким образом, как бы спустя целую историческую эпоху, осуществилась идея костромского дворянства об установке здесь памятника Сусанину). Макет мало кто видел, но, к несчастью для Н.А. Лавинского, в то время в монастыре велись реставрационные работы. Работники костромской реставрационной мастерской имели возможность оценить макет памятника по достоинству, и следствием этого стало письмо группы архитекторов и художников,* опубликованное в "Северной правде" в конце сентября 1965 года. В нём, в частности, гово-

* Письмо подписали: главный архитектор мастерской К.Г. Тороп, архитектор Л.С. Васильев, художники А.М. Малафеев и М. Малахова.

Памятник Сусанину открыт.
Фото Г.П. Белякова. 28 сентября 1967 г.

рилось: “Предлагаемый проект памятника Сусанину в его теперешнем виде, на наш взгляд, грешит настолько крупными недостатками, что неизбежно возникает вопрос: достоин ли он места, ему предназначенного? <...> Уместным считаем напомнить, что лучшие монументы или здания, играющие роль архитектурно-художественной доминанты, во всём определялись уже существующим <...> окружением. Лишь при таком логическом ходе – от общего к частному – возможно художественное единство, гармония во всех частях ансамбля. <...> Пренебрежение этим правилом в полную меру сказалось в облике памятника – он не масштабен застройке площади, не масштабен мягкой пластике невысоких стелющихся аркад торговых рядов (непомерно увеличена общая высота, нарочитая грубость силуэта, подавляющая тяжесть цилиндрического пьедестала).”[40]

Авторы письма предложили установить модель памятника на предполагаемом месте его постановки – на Молочной горе. Письмо завершалось словами: “Пусть костромичи взглянут на него и выскажут своё суждение. Памятник народному герою должен стать народным делом”.[41]

Это предложение было принято, и в октябре 1965 года макет памятника установили на Молочной горе. Около месяца шло его обсуждение, газеты публиковали отзывы жителей города, среди которых было немало положительных, но преобладали всё же отрицательные. Одна из костромичек писала о макете: “Размер его не соответствует образу: возникает неприятное чувство подавленности. Даже памятник Минину и Пожарскому на Красной площади более лёгкий. В наше время поставить памятник Сусанину нужно так, чтобы это было скромно, чтобы это была память, а не доминанта, подчиняющая себе всё вокруг. <...> Самое неудачное впечатление памятник оставляет со стороны Волги, к которой он обращён лицом. Основание пьедестала, связывающее скульптуру с землёй, срезается , и фигура сливается с постаментом в тяжёлую массу”.[42]

1 ноября 1965 года в зале областного совета профсоюзов состоялось обсуждение макета общественностью Костромы. Его участникам было зачитано письмо Н.В. Томского (всё это время будущий президент Академии художеств активно поддерживал монумент своего ученика), убеждавшее: “Этот памятник будет служить не только памятью о подвиге Ивана Сусанина и украшением города, но и обязательно в каждом человеке, кто внимательно его рассмотрит и почувствует, будет поднимать те высокие чувства патриотизма, которые так искренне и с любовью выражены автором в образе Ивана Сусанина”.[43] Окончательное слово, как всегда, было за партией: в начале ноября 1965 года бюро обкома партии во главе с 1-м секретарём

Памятник Сусанину работы Н.А. Лавинского, открытый в п. Сусанино в 1971 г. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

Л.Я. Флорентьевым, осмотрев макет, дало ему положительную оценку. После этого процесс строительства памятника, несмотря на все попытки части общественности помешать ему, пошёл: на заводе художественного литья в Мытищах была высечена из известняка фигура Сусанина, летом 1967 года на Молочной горе начался её монтаж.

Разумеется, во всех публикациях, посвящённых сооружению памятника Сусанину, ни под каким видом не упоминалось одиозное имя основателя Романовской династии. Накануне открытия памятника в "Северной

правде" было опубликовано "Слово об Иване Сусанине" Б.В. Белоцерковского, в котором автор, обрушившись ещё раз на "монархическую легенду", написал о Сусанине: "Это был крепостной, всю жизнь трудившийся на господ-бояр, терпевший от них гнёт и унижение, мечтавший вместе со своими земляками о вольной и более счастливой жизни".[44]

Торжественное открытие памятника состоялось 28 сентября 1967 года. Молочная гора была заполнена народом. У монумента, закрытого белым покрывалом, парусящим на ветру, стояла трибуна, украшенная кумачовым лозунгом: "Сусанин и сейчас живёт, вечный гражданин России!" Само открытие "Северная правда" описывала так: "... благодарные потомки, земляки-костромичи собрались <...> на митинг, посвящённый открытию в нашем городе памятника великому патриоту земли русской. Среди присутствующих – рабочие, представители интеллигенции, школьники, старые коммунисты, участники Великой Отечественной войны. Приехала авторская группа, создавшая памятник Ивану Сусанину".[45] Вступительным словом митинг открыл председатель костромского горисполкома И.Н. Захаров,* в частности, сказавший: "Из глубины веков пришёл на волжский берег великий гражданин России Иван Сусанин. Он пришёл, когда труженики Костромской области удостоились высшей награды страны – ордена Ленина.** Этот орден, не только на знамени области, он горит на груди каждого из нас. Иван Осипович Сусанин видит сегодня новую Кострому, город замечательных тружеников, хлеборобов и металлистов, ткачей и инженеров, учёных и студентов".[46] Митинг был объявлен открытым, прозвучал Гимн Советского Союза. Первым – от людей науки – выступил кандидат исторических наук К.А. Булдаков, рассказавший о борьбе русского народа против "панских захватчиков" и заявивший, что "в наши замечательные дни, когда советские люди готовятся отметить 50-летие Великого Октября, мы глубоко ценим историческое прошлое нашей Родины, традиции нашего народа".[47] После него – от участников войны – выступил Герой Советского Союза И.Т. Шейкин, "посвятивший своё выступление подвигам советских людей в годы Великой Отечественной войны, героическим тра-

---

* Примечательно отсутствие на открытии памятника 1-го секретаря обкома партии Л.Я. Флорентьева и председателя облисполкома А.В. Савина – вспомним, что на открытии старого памятника на Сусанинской площади присутствовало всё высшее руководство губернии.

** Незадолго до этого, в связи с 50-летием Октябрьской революции, Костромская область была награждена орденом Ленина. Церемония вручения ордена произошла в Костроме через день – 30 сентября.

дициям нашего народа".[48] От имени земляков Сусанина выступил директор совхоза "Сусанинский"* А.П. Маков, сказавший: "Трудящиеся Сусанинского района рапортуют сегодня Родине о новых свершениях. Мы горды тем, что наша земля дала такого замечательного героя, как Иван Сусанин. И мы с честью носим его имя".[49] От имени молодёжи выступила секретарь комсомольской организации прядильной фабрики им. В.И. Ленина Т. Кошелева, от детей – пионер Серёжа Салуянов, заверивший Сусанина, что "если нависнет над нашей страной опасность, то знай, что каждый из нас будет готов повторить твой подвиг".[50] Последним на митинге выступили скульптор Н.А. Лавинский и председатель московского отделения Союза художников РСФСР А.Л. Малахов.

Само открытие памятника "Северная правда" описывала так: "По поручению бюро горкома партии и исполкома горсовета право открытия памятника предоставляется Герою Советского Союза Е.В. Анисимову, члену КПСС с 1917 года А.Н. Колобовой, секретарю горкома партии И.А. Торгованову и наладчику Сусанинской фабрики Р.К. Солдатову.

Ниспадает белое покрывало, и перед взорами присутствующих предстаёт фигура русского крестьянина, бессмертного в своём величии, словно бы идущего на подвиг. Торжественно звучит "Славься..." На постаменте надпись: "Ивану Сусанину – патриоту земли русской".

К памятнику ложатся букеты цветов".[51]

Итак, памятник над спуском к Волге был открыт** и зажил собственной жизнью. Вписался ли он за минувшие тридцать лет в исторический ансамбль центра города, стал ли он, подобно монументу В.И. Демут-Малиновского, одним из символов Костромы? Конечно, к нему привыкли, но памятник Лавинского так и остался для центра города явлением чужеродным. Предупреждения тех, кто говорил о его чрезмерной величине, о неудачно выбранном месте установки, а также материала,*** к сожалению, оправдались полностью. Нельзя, конечно, сказать, что этот памятник изуродовал Кострому, но подавно нельзя – что украсил.

---

* Бывший колхоз "За пятилетку", он же – имени НКВД, он же – имени Ивана Сусанина.

** Через несколько лет, в 1971 году, уменьшенную копию фигуры Сусанина установили в посёлке Сусанино. Первоначально предполагалось поставить её на площади возле полуразрушенной Воскресенской церкви (изображённой, напомню, на картине Саврасова "Грачи прилетели"). Однако установили её в так называемом парке "Русский лес", где стоящая в окружении деревьев небольшая статуя воспринимается гораздо лучше, чем её костромской "прототип".

*** Памятник изготовлен из азербайджанского известняка.[52]

*Образ Сусанина в поэзии 50-80 годов**

В послевоенное время образ Сусанина постепенно становится одним из излюбленных у советских поэтов, к которому они охотно и много обращаются. Поэтическая "Сусаниана" того времени велика: в ней есть и талантливые, и бездарные, и серые произведения, но был ряд принципиальных моментов, которых придерживалось – вольно или невольно – подавляющее большинство поэтов того времени. В первую очередь – это, конечно, отрицание того, что Сусанин отдал жизнь за царя, нередко при этом усиленное антирелигиозными мотивами.

Чуть ли ни единственным исключением из этого правила за весь период 50-80 годов стала посвящённая Сусанину главка в 3-й книге поэмы Н.П. Кончаловской "Наша древняя столица", вышедшей в 1953 году (1-я книга была опубликована в 1947 году, когда отмечалось 800-летие Москвы). Эта поэма замечательна тем, что её автор – внучка великого В.И. Сурикова – сумела в сталинское время ярко и талантливо изложить в стихах, обращённых к детям, историю нашей столицы. Так вот, в 3-й книге поэмы подвигу Сусанина посвящается особая глава "Быль о славном патриоте – о Сусанине Иване", в которой рассказывалось, как после освобождения Москвы ополчением Минина и Пожарского польские феодалы, узнав, что избранный царь Михаил Федорович находится в Костроме, решают:

Пусть отряд наш собирается
И прикончит там царя!

Отряд попадает в Домнино, Сусанин заводит поляков в болото, они его убивают и сами гибнут.[53] Но, повторим, поэма Н.П. Кончаловской, восходящая в своём описании подвига Сусанина к его традиционной дореволюционной версии, являлась исключением.

В 1958 году в Костроме была опубликована поэма "Иван Сусанин", написанная молодым поэтом А. Петровым. Эта поэма стала, пожалуй, вторым исключением из "антимонархического" правила: Сусанин в ней также отдавал жизнь, спасая царя. Но зато автор, пользуясь своим правом на художественный вымысел, предварил гибель Сусанина описанием эпизода, будто бы случившегося с ним весной (видимо, 1612 года). Сусанин с сыном ехал тогда с возом по дороге и ему повстречался "боярский недоросль верхом", одетый как польский пан, за которым ехала челядь "в расшитых золо-

* Поскольку отражение образа Сусанина в поэзии 50-80 годов было, по сути, одинаковым, мы даём его обзор в единой главе.

том кафтанах". Сусанин замешкался уступить дорогу 15-летнему боярскому сыну, и тот распорядился сбросить воз с дороги, а самого Сусанина выпороть.

Свист плётки… Огненная боль…
Глухое ржанье… Треск саней…
И нет боярина со свитой.
Лишь снегу вешнего белей
Лежит Сусанин, весь избитый.

– Отец, кто это? – сын спросил.–
Из чужеземных атаманов,
Наверно, он?
– Нет, это был
Боярин Михаил Романов.
Запомни![54]

Через несколько месяцев, узнав, что высекший его боярский сын избран царём России и что ему угрожают поляки, Сусанин испытывает колебания:

Не забыл и не простил крестьянин
"Милости" боярского сынка.
Думу думает Иван Сусанин.
Боль обиды в сердце старика.
<…>
Мальчишка… Дрянь… Единым взмахом
Позор седин достойно смыть!
Но Русь… В ответе Русь… Не ляхам
Владеть Отечеством! Как быть?..[55]

И вот, решившись, Сусанин ведёт поляков по лесу:

Заметает свежий ветер тропы.
По ногами – взрыхленная твердь,
Позади – голодный сброд Европы.
Впереди – мучительство и смерть.[56]

Но в целом в поэзии господствовало отрицание того, что Сусанин спасал царя. Поэтесса Н. Зверева в 1966 году в довольно сумбурном, но "иде-

ологически верном" стихотворении "Сусанин", описывающем, как ополчение Минина празднует в Костроме масленицу, писала:

Золото сусальное
На крестах блестит.
За него ль Сусанину
На смерть идти?
Лжёте вы, нарошные,
Легенды старокнижные!
Была гора Молочная,
Шумела Дебря Нижняя,
Да женки рвали волосы,
Да жались детки малые,
А о царе и голосу,
И духу не бывало.
А билась Волга синяя –
Быстринок круговерть,
Да была Россия,
А за неё – на смерть![57]

Открытие в Костроме в 1967 году памятника Сусанину придало поэтам новый импульс для творчества. В 1968 году в "Северной правде" была опубликована песня Ю. Рыбникова "Иван Сусанин", в которой говорилось:

Не сочтёшь в России
Славных патриотов.
Слава их сверкает
Золотом лучей,
И во мгле столетий
Не померкло имя
Первого героя
Из костромичей.
Поднимаясь в гору,
С набережной Волги
Ты его увидишь
В богатырский рост.
Не в мундире царском,
В армяке просторном,

Наш герой российский
Без крестов и звёзд.[58]

В 1968 году в нерехтской районной газете было опубликовано большое стихотворение "За русскую землю" поэта С. Калягина, имеющее подзаголовок "Светлой памяти Ивана Сусанина, земляка нашего, посвящается".

Стихотворение начинается с того, что Сусанин, весь день проковавший по приказу своего боярина копья в кузнице, уставший, приходит домой:

В ночь домой Иван явился,
Злой шагнул через порог:
"Только зря перекрестился,
Жди – поможет тебе бог".
Покосился на икону,
Стиснул бороду в кулак:
"По какому же закону
Топчет Русь родную враг?"
Молчаливым и серьёзным
Встал Сусанин у окна –
За околицей морозной
Русь в пожарищах видна.[59]

Жена, не понимающая высоких мыслей мужа, подходит к нему с чашей мёда.

Не взглянул Иван на чашу:
"До того ли, время ль пить?
Заварили ляхи кашу,
Да сумеют ли сварить?"
<...>
Так и лёг он спать в печали
За судьбу родной земли.
Чу... вдруг в двери застучали.
Ляхов черти принесли.[60]

Уходя с поляками, Сусанин прощается с женой:

"Ну, пойду я, стало быть,
Стану, только б воротиться,

Пуще прежнего любить”.[61]

А вот как С. Калягин показывает гибель Сусанина:

Шапку снял, рванул рубаху.
Изменился, стал другой.
Плюнул прямо в очи ляху:
“Сроду не был я слугой.
Пусть я смерти не миную
За отцовское село,
За страну мою родную,–
Смерть и вам, принесшим зло!”[62]

В 1973 году в “Северной правде” был опубликован “Сказ об Иване Сусанине” Е. Старшинова, являющийся в каком-то смысле “вершиной” поэтической Сусанинианы этого времени.

“Сказ”, в котором полностью отсутствует рассказ об исторических обстоятельствах гибели Сусанина, начинается с главки “Зачин”.

Словно дуб,
он стоит над веками,
Человек живой,
а не камень,
Землепашец
и храбрый воин,
Славы Родины
удостоен,
Не сусальный,
а колоссальный,
Седобородый,
Иван Сусанин,
Седоусый,
седобородый,
Богатырский,
лесной породы.[63]

Затем автор весьма натуралистически показывает, как гибнут поляки, заведённые Сусаниным в болото:

Как завёл он
в болото панов,
Голенастых,
в куцых жупанах.
А в болоте –
снег по колени.
Губы шепчут:
– Чтоб вы околели!..
Дремлют ели
под вой метели.
Паны ухают
в снег под пах!..
Их жупаны
обледенели,
Руки, ноги,
окоченели.
Жуть синюшная
на губах…
Снег – по пояс.
Мороз по коже.
В теле дрожь не унять.
Рад Сусанин.
Шевелит усами.
Покажу вам
кузькину мать![64]

“Сказ” кончается почти так же, как и был начат:

Словно дуб,
он стоит над веками,
Человек живой,
а не камень.
Не сусальный,
а колоссальный
Сын России
Иван Сусанин.[65]

В стихах о Сусанине обычно присутствует высокая патетика, к месту и не к месту обильно приправленная советским патриотизмом. Типичным в этом отношении является напечатанное в 1960 году в сусанинской районной газете стихотворение Г. Куликова “Сусанину”.

С горы крутой в болото,
К твоей могиле, патриот родной.
Я, сын советского народа,
Несу поклон сердечный мой.

Ты алой кровью снег полил
И смерть обрёл в болоте топком –
Врагов к Москве не допустил,
Вольготней чтоб жилось потомкам.

И мы, сыны Отчизны нашей,
Разили полчища врагов
И отгоняли дух их вражий
С советских сёл и городов.

Стоять ты научил за Русь!
Твоих нам не забыть заветов:
Верны мы Родине, клянусь! –
Мы охраняем власть Советов.[66]

Опровергая “царскую” версию, поэты давали отпор тем, кто вообще не верил в существование Сусанина. В. Лебедев в стихотворении “Рукавица Сусанина”, опубликованном в 1982 году, писал:

Хитро блеснёт очками сальными,
Роняя в сторону смешок:
“А знаешь, не было Сусанина,
Давно идёт такой слушок.
По сути здесь и спорить нечего.
Был просто оперный сюжет…”[67]

Естественно, что в конце стихотворения автор хлещет подобного маловера в сальных очках найденной им в лесу рукавицей Сусанина.

В целом же в стихах о Сусанине 50-80 годов при всём обилии пафоса и идеологии было очень мало и истинной поэзии, и истинного патриотизма, предполагающего любовь к родному краю и ощущение кровной связи с его историей.

Глава 14

НА ПЕРЕЛОМЕ (конец 60-х – конец 80-х годов)

Конец 60-х: "царская" версия возвращается

Итак, как мы писали, в каком-то смысле апофеозом всего периода с конца 30-х по конец 60-х годов стало открытие в Костроме нового памятника Сусанину. В последующие годы любили сравнивать старый памятник, с коленопреклонённым Сусаниным, и новый, где народный герой стоял во весь рост, что обычно трактовалось как несомненное опровержение нелепых домыслов о том, будто Сусанин спасал какого-то царя .

Однако "крот истории" продолжал рыть. В стране, с официальной точки зрения, продолжающей успешно строить коммунизм, происходили процессы, впоследствии названные "застойными", политическая система переживала глубокий кризис, и постепенно прежний политический монолит под напором жизни стал давать трещины. По мере развития общества неизбежно усиливался процесс возвращения к национальным традициям России, одним из признаков которого было то, что с конца 60-х годов на передний план вновь, как и в годы войны, начала выходить "царская" версия подвига Сусанина.

Первой ласточкой стал очерк "Жизнь за народ" И. Купцова, помещенный в сборнике "Навечно в памяти народной", вышедшем в Москве в 1968 году – всего лишь через несколько месяцев после открытия памятника Сусанину в Костроме. В очерке рассказывалось: "В марте 1613 года один из польских отрядов остановился в костромском селе Домнине. Вооружён-

ные пришельцы искали самый короткий и верный путь через заснеженные дремучие леса. Поэтому они решили взять проводника из местных жителей. Их выбор пал на пожилого крестьянина Ивана Сусанина. Он должен был вывести отряд на след юного, шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, избранного на московский престол, в котором многие русские люди того времени видели человека, отличавшегося в лучшую сторону как от предавшихся интервентам бояр, так и от самих иноземцев.

В подобной ситуации Михаил Романов – в сущности, никак лично не проявивший себя – становился как бы символом надежд на светлое завтра и самобытность Русского государства. Именно о Родине и думал Иван Сусанин, принимая своё решение. И чтобы позднее ни говорили о его поступке царедворцы, он спас не боярского сынка, не отпрыска последней отрасли Рюриковой династии, а честь патриота, истинного гражданина русской земли. Будучи безоружным, Сусанин никак не мог в открытую сразиться с вероломными захватчиками, от нашествия которых стонала Русь. Но он всё же дал и выиграл геройски-трагический бой. Сусанин согласился на словах провести польский отряд через болотистую чащу. И он "повёл" его… И когда след был запутан, когда враги оказались в непроходимом лесу, из которого не могли сами выбраться, Сусанин признался им, что нарочно завёл их сюда.

Поляки в гневе зарубили крестьянина".[1]

В 1969 году в Москве вышла книга военного историка Н.В. Борисова "Они повторили подвиг Сусанина". Основная часть книги была посвящена людям, повторившим подвиг Сусанина, но в начале её так же, довольно простодушно, излагалась "монархическая" версия гибели знаменитого крестьянина.* Н.В. Борисов писал: "В то время избранный Земским собором на престол молодой русский царь Михаил Романов находился в своей вотчине, в селе Домнино Костромского уезда <…> Интервенты старались разыскать царя, чтобы убить его. Однажды отряд численностью до 60 человек, на конях и с собаками, в метельную ночь сбился с пути и набрёл на деревню Деревеньки, что в трёх километрах от Домнина. Непрошеные гости ворвались в избу Сусанина. Они искали проводника.<…>

Нагрянувшие вражеские всадники потребовали, чтобы Сусанин повёл их в Домнино, предлагая за услуги деньги, грозили смертью в случае отказа. Старик медлил. Между тем, предупреждённый об опасности зятем

---

* Не зря в своём отзыве на эту книгу Б.В. Белоцерковский упрекнул автора в том, что в ней "нет наступательной боевитости против поповско-монархической версии о подвиге Сусанина".[2]

Сусанина Богданом, царь уехал из Домнина в Кострому и укрылся за стенами Ипатьевского монастыря. К радости захватчиков, Сусанин наконец согласился быть проводником. Он решает погубить ненавистных врагов."[3]

Книга Н.В. Борисова, превращающаяся местами в художественное произведение, внесла свой посильный вклад в число различных небылиц о Сусанине. Вот как, например, её автор писал о семье Сусанина: "Иван Осипович Сусанин более 20 лет был старостой в с. Домнино. Был он человеком добрым и справедливым. У него была дочь Антонида и находились на воспитании двое мальчиков-сирот: Богдан (впоследствии стал его зятем) и Ваня (последний "мальчик-сирота" явно заимствован из оперы М.И. Глинки – Н.З.). Выдав Антониду замуж, Сусанин поселился с дочерью и зятем Богданом Сабининым в Деревнищах (другое название Деревеньки)."[4]

А вот как Н.В. Борисов описывает гибель Сусанина: "Долго шли (Сусанин и поляки – Н.З.) вдоль берега. Сусанин надеялся, что ему удастся бежать, но привязанный верёвками к двум лошадям, никак не мог выбрать момент. Пока передвигались вдоль речки, лошади провалились в трясину и утонули (а как же привязанный к ним верёвками Сусанин? – Н.З.).

Началась вьюга. Отряд вошёл в лес. Сусанин двигался впереди, за ним шляхтич, державший верёвку. Вдруг старик ловким ударом посоха выбил из рук шляхтича верёвку и прыгнул в кусты. На Сусанина набросились собаки, за ними подоспели несколько поляков. Первых двух врагов старик повалил дубинкой, но остальные настигли его.

– Ты обманул нас! – кричали они, окружив проводника.

– Да, из этого леса вам уже не выбраться. Здесь вы погибнете, – сказал Сусанин.

Выбившиеся из сил, окоченевшие враги просили крестьянина вывести их из леса на дорогу, обещая ему за это не только жизнь, но и всё имевшееся у них награбленное золото. Но старик был непоколебим. Шляхтичи набросились на него и изрубили саблями. К утру следующего дня метель стихла. Долго крестьяне искали Сусанина. Под вечер Богдан Сабинин с соседями набрёл на замёрзших захватчиков, а затем обнаружили и тело Сусанина.

Похоронили старосту сначала под Домнинской церковью, а затем прах перенесли на территорию Ипатьевского монастыря".[5]

(Явная пародийность этого отрывка внушает очень сильное сомнение в достоверности и основной части книги, рассказывающей о людях, повторивших подвиг Сусанина.*)

* Книга Н.В. Борисова "Они повторили подвиг Сусанина" вышла тремя из-

Впрочем, всё это были только цветочки. Процесс возвращения "царской" версии развивался так успешно, что вскоре вызвал из прошлого и её неразлучную спутницу – нигилистическую тень Н.И. Костомарова.

Ю.Д. Черниченко: покушение на устои

В 1974 году в 4-м номере журнала "Звезда" была опубликована статья "Уравнение с известным" журналиста Ю.Д. Черниченко. В этой статье, посвящённой проблемам сельского хозяйства Красносельского района (на территории которого, напомним, находится и селение потомков Сусанина – деревня Коробово), автор попутно коснулся и сусанинской темы, повторив в весьма категорической форме версию Н.И. Костомарова. Ю.Д. Черниченко писал: "Кто он был, легендарный крестьянин, отдавший жизнь за царя? Не знаем. Хроники смутного времени имени такого не называют. Неосведомлённость? Как сказать. "Новый летописец" до третьего колена прослеживает историю Гришки (в миру Ефима) Отрепьева, тоже костромича родом, названы десятки второстепенных лиц и событий <...>. Тем невероятнее, что такой пропагандистски выигрышный факт, как спасение новоизбранного царя, мог выпасть из поля зрения летописцев.

Впервые имя Сусанина названо только через шесть лет после его гибели – в жалованной грамоте Михаила Романова. Никаких болот и дебрей (это пришло потом), указано только что крестьянина "пытали, где в те поры великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович", а он "ведая про нас, терпя немерные пытки, про нас не сказал, и за то польскими и литовскими людьми был замучен до смерти". Позднейшие указы лишь ссылаются на эту грамоту. Историк Н.И. Костомаров считал Сусанина "одной из бесчисленных жертв, погибших от разбойников в Смутное время": вражеского отряда, по его выкладкам, близ села Домнина в 1613 году не было, а Михаил Романов жил с матерью в укреплённом Ипатьевском монастыре, вовсе не в Домнине. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона осмеливалась утверждать, что до начала XIX в. никто не видел в Сусанине спасителя царя, а затем его личность становится "любимым предметом поэтов".[6]

И ещё один отрывок: "Имя Сусанина использовали долго и, увы, продуктивно для легенды о царелюбивом народе, о жертвенности как свой-

---

даниями – в 1969, 1979 и 1987 годах, причём в каждом издании число повторивших подвиг Сусанина существенно возрастало.

стве русского характера, служила для источения народной души черносотенным шовинизмом, а Романовы, вплоть до последнего Николая, считали Костромскую землю заповедной колыбелью самодержавия".[7]

В наше время подобная статья прошла бы совершенно незамеченной, но в середине 70-х годов, она, как и любой пример свободомыслия и отхода от привычных догматов, имела определённый шумный успех, сыграв в каком-то смысле роль подобную той, которая в своё время выпала статье самого Н.И. Костомарова.

Выступление Ю.Д. Черниченко было подвергнуто критике в опубликованной во 2-м номере журнала "Вопросы истории" за 1975 год статье "Вопреки фактам" известного историка В.И. Буганова, в которой, в частности, были такие слова: "...величие подвига Сусанина отнюдь не снижается от того, что он погиб, спасая только что избранного царя..."[8]

Вслед за В.И. Бугановым в защиту Сусанина выступил и костромской историк К.А. Булдаков в статье "Необоснованное заявление", опубликованной в апреле 1975 года в "Северной правде". Он писал: "В настоящее время советские историки, исходя из объективной оценки исторических событий, сделали известный шаг вперёд в определении характера подвига Сусанина. Несомненным стал факт пребывания во время трагических событий ранней весной Михаила Романова в Домнине. Из этого следовало, что спасая свой край, своих земляков, родных и близких от грабежа и физического уничтожения, Сусанин спасал и царя".[9]

Таким образом, Черниченко получил суровую – и в целом вполне заслуженную – отповедь от историков, и это естественно – журналисту, специализирующемуся на проблемах сельского хозяйства, было, по меньшей мере, несерьёзно касаться столь важной и сложной темы, явно зная из работ о Сусанине – как видно из его текста в "Звезде" – лишь статью из соответствующего тома словаря Брокгауза и Ефрона. Статья Ю.Д. Черниченко – весьма либерального публициста, а позднее радикального политика, – покушаясь на традиционный культ Сусанина, конечно, имела и определённый политический подтекст. Всё, что он писал об использовании имени Сусанина в целях политической пропаганды, – безусловно правильно (и, наверняка, автор имел в виду только дореволюционный период). Заслуга Черниченко состоит в том, что он, по сути дела, впервые в советское время произнёс публично "проклятый вопрос" сусаниноведения, пусть и не сформулировав его прямо: действительно ли Иван Сусанин отдал жизнь, спасая царя Михаила Романова? Другое дело, что форма постановки этого вопроса была крайне поверхностной и самоуверенной.

К сожалению, от ответа на главный вопрос, поставленный Черниченко, его критики уклонились, почему и неизбежны были новые выступления в защиту точки зрения Н.И. Костомарова.

Однако, если в столичных изданиях в борьбе с явившейся тенью Костомарова окончательно стала ведущей "царская" версия подвига Сусанина,* то в Костроме в эти годы по-прежнему хранили верность "антимонархическим" заветам старины конца 40-х – первой половины 60-х годов, хотя тон публикаций менялся и здесь.

60-80 годы: верность заветам

В 1969 году в Ярославле вышел сборник рассказов известного костромского историка В.Н. Бочкова "Так начинался подвиг". В одноимённом рассказе, посвящённом Ивану Сусанину, действие происходит в не названной автором деревне из четырёх изб, в одной из которых живёт деревенский староста Иван Сусанин со своей женой Марьей. Рассказ начинается с того, что к Сусанину прибегает на лыжах мальчик из деревни Дорок и сообщает, что к ним приехали на 30 санях поляки, взяли проводником Тита Захарова и направились дальше – "знать, Кострому громить собираются".[11] Сусанин тотчас посылает в Кострому своего племянника Ванюшку.

В.Н. Бочков замечает о деревне Сусанина: "Велика ли деревня, а за последнее время пять мужиков из неё от поляков смерть приняли <...>. А остальные жители, как звери, то и дело в лесных землянках должны отсиживаться".[12] Узнав о приближении поляков, жители деревни прячутся в лесу, в деревне остаётся один Сусанин. Автор описывает это так: "Начиналась привычная суматоха, ржали запрягаемые лошади. Затем со дворов отъехало по направлению к лесу несколько саней с людьми. Иван заспешил к своей избе.

---

* Примером может служить 5-е издание учебника для студентов исторических факультетов педагогических институтов "История СССР. С древнейших времён до 1861 г.", вышедшее в Москве в 1983 году. О Сусанине в нём говорилось: "Весть об освобождении Москвы вызвала новый подъём народной борьбы против захватчиков. Население городов и уездов прогоняло, часто истребляло отряды врагов. Героический подвиг совершил костромской крестьянин Иван Сусанин. Интервенты хотели уничтожить вероятного кандидата на престол Михаила Романова: его убийство помогло бы сохранить трон Владиславу. Иван Сусанин, по одной из версий, завёл в болото на гибель вражеский отряд, искавший Михаила, по другой – умер от пыток, отказавшись выдать место, где скрывается будущий царь."[10]

– И ты, мать, собирайся в зимник. Сейчас лошадей запрягу.
– А сам-от как?
– Останусь. Ляхи наедут, ежели никого не застанут, спалят деревню. А главное, с Титом, проводником ихним, перемолвиться надо – пусть неторопливо ведёт да дальней дорогой, чтобы в Костроме приготовиться успели.
– Себя побереги!
– Ничего, коль бог не выдаст, свинья не залягает! – мужик поскрёб бороду. – А если что случится, ты к Антониде с зятем перебирайся. Ну, хватит прощаться, езжай!"[12]

Вскоре в деревню входят поляки, выясняется, что их проводник Тит сбежал, и польский воевода приказывает Сусанину заменить его. Сусанин говорит воеводе:
"– Мужик, который от вас сбежал, небось напрямки в Кострому пошёл. Там уж к встрече как следует приготовятся. Невелика ведь у вас сила.
– Откуда знаешь, что один наш отряд в Кострому идёт? – было проговорился, но тут же спохватился. – А есть тут прямой путь?
– Есть. Ежели лесом вёрст шесть пройти пешком, то вдвое дорога сократится.<...> А за лесом в деревне можно новыми подводами разжиться.
– Не забудь, головой за свои слова ответишь, – хмуро предупредил воевода".[14]

А вот последние строки рассказа – поляки уходят из деревни: "Польский воевода тронул Ивана за локоть.
– Веди, но помни!
– Всё запомню.

Его окружило несколько человек. Сусанин оглянулся на пустую деревню, вздохнул и соступил с дороги в снег. Ему казалось, что сам лес движется ему навстречу, лес, единственный его друг и союзник среди этих чужаков.

Прошло ещё несколько минут, и польский отряд исчез за стеной деревьев".[15]

В 1977 году во 2-м выпуске "Краеведческих записок" Костромского музея-заповедника, посвящённого 825-летию Костромы, была опубликована статья Т.Н. Григорьевой "Костромской патриот Иван Сусанин". В этой статье косвенно излагалась "царская" версия подвига Сусанина. Т.Н. Григорьева писала: "Одним из славных эпизодов всенародной борьбы с польско-литовской интервенцией явился подвиг Ивана Сусанина. Иван Осипович Сусанин (год рождения неизвестен) был крестьянином деревни Деревеньки, расположенной близ села Домнино Костромского уезда. Зимой 1613 года

отряд польской шляхты* взял Сусанина проводником."[16] Вслед за этим, процитировав грамоту 1619 года и прошение И.Л. Сабинина 1731 года, автор продолжила: "В глубокой преданности своей Русской земле, своему отечеству – смысл патриотического поступка Ивана Сусанина. И, как подчёркивает известный советский исследователь, специалист по истории русского государства XVII века, В.И. Буганов, "величие подвига Сусанина отнюдь не снижается от того, что он погиб, спасая только что избранного на престол царя…".[17]

Учитывая реальные условия того времени – идеологический диктат и засилье цензуры, даже такое робкое признание "царской" версии было весьма знаменательным фактом, тем более, что в костромских изданиях этот случай ещё более десяти лет оставался единственным.

В 1978 году в Ярославле вышла 1-я часть учебного пособия по истории для учеников 7-8 классов "Костромской край", написанного историком К.А. Булдаковым, тремя годами раньше, как мы помним, поддержавшего – в полемике с Ю.Д. Черниченко – версию о том, что Сусанин спас царя. Однако в пособии "Костромской край" К.А. Булдаков написал о подвиге Сусанина следующее: "Но и после освобождения Москвы положение в стране оставалось всё ещё сложным и напряжённым. По территории обширного Замосковного края вплоть до Волги бродили отдельные польские отряды. Они стремились пробиться на запад и соединиться с армией короля. Не зная местности, боясь заблудиться и выйти к населённым пунктам, занятым отрядами ополчения (имеется в виду ополчение Минина и Пожарского, но нам неизвестно, чтобы оно где-нибудь оставляло свои отряды – Н.З.), поляки заставляли крестьян исполнять обязанности проводников. Зимой 1612-1613 года один их таких отрядов добрался почти до самой Костромы, но недалеко от неё сбился с пути. Поляки задержали крестьянина села Домнино Костромского уезда Ивана Осиповича Сусанина и потребовали вывести их на верную дорогу к его родному селу. Спасая родные места от разорения, а своих земляков от неминуемой жестокой расправы, Сусанин решил ценой собственной жизни погубить отряд. Он завёл поляков в непроходимые лесные дебри. Когда обман раскрылся, враги убили Сусанина. Так героически погиб русский патриот, но вместе с ним погиб весь польский отряд. Герой отдал жизнь, спасая свою отчизну, родной край"[18]

---

* Напомним, что "шляхтой" в Польше и Литве называли дворян. Именование поляков и литовцев эпохи Смутного времени "панами", "шляхтичами", "шляхтой" – исторически неправильно и является типично советским проявлением классового подхода к явлениям прошлого.

(по-видимому такая трактовка не была вызвана цензурными соображениями, т.к. этот же текст был повторён К.А. Булдаковым и во 2-м издании "Костромского края" в 1992 году[19]).

Почти то же самое было написано и в вышедшей в том же 1978 году книге "Кострома. Краткий исторический очерк", где говорилось: "Но и после освобождения Москвы по Замосковному краю, вплоть до Волги, в поисках пути на запад бродили разрозненные вражеские отряды. Один из них ранней весной 1613 года заблудился в пятидесяти километрах от Костромы. Паны насильно взяли в проводники крестьянина из села Домнино Ивана Сусанина. Сусанин намеренно завёл интервентов в непроходимые лесные дебри, откуда не было выхода. Когда обман раскрылся, шляхтичи убили патриота".[20]

В вышедшем в 1983 году путеводителе по Костроме о подвиге Сусанина было написано следующее: "Осенью 1612 года костромичи восстали против изменника-воеводы, который не пускал в город нижегородское ополчение (напомним, что эти события произошли весной 1612 года – Н.З.), открыли крепостные ворота и примкнули к Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому.

К этому времени относится и подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, который завёл отряд интервентов в лесные дебри и сам погиб от рук врагов. Народ воспел героя в сказаниях и преданиях".[21]

Празднование 375-летия подвига Сусанина

В марте 1985 года к руководству в партии пришёл М.С. Горбачёв, решившийся начать реформирование находящейся в глубоком кризисе социалистической системы. Были провозглашены лозунги "перестройки" и "революционного обновления социализма". Вновь, как и во времена хрущёвской "оттепели", началась критика деформаций социализма и осуждение преступлений эпохи социализма. В это переломное время и было отмечено 375-летие подвига Сусанина.

Как мы помним, в XIX веке юбилеи подвига Сусанина не отмечались. В 1913 году его 300-летний юбилей был составной частью празднования 300-летия романовской династии. В 1938 году, по существу впервые, было отмечено 325-летие подвига Сусанина. В 40-70 годы сусанинские даты (например, пришедшееся на 1963 год 350-летие подвига) не отмечались совсем. И вот, в обстановке переживаемых страной перемен, впервые после 1938 года было решено торжественно отметить выпадающий на 1988

Мемориальная доска, установленная на часовне в Деревеньках к 375-летию подвига Сусанина (разбита в 1997 году). Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

год 375-летний юбилей подвига Сусанина.

К юбилею намечалось провести целый ряд значительных мероприятий. В частности, было решено завершить начавшуюся 1977 году и растянувшуюся более чем на 10 лет реставрацию Воскресенской церкви в посёлке Сусанино (напомним вновь – изображённую на картине Саврасова "Грачи прилетели"). Именно в помещение этого храма было решено перевести местный музей, окончательно превратив его из краеведческого в тематический, посвящённый подвигу Ивана Сусанина.

Как мы помним, в 1965 году предполагалось создать у деревни Холм над Исуповским болотом мемориал, главным элементом которого должен был стать девятиметровый обелиск из бетона. К счастью, этот план не был осуществлён (сама же деревня Холм к середине 80-х годов исчезла с лица земли). В процессе подготовки к сусанинскому юбилею к этой идее вернулись вновь, но теперь местом для предполагаемого памятного знака избрали бывшую деревню Анфёрово,* откуда открывался замечательный вид на панораму Исуповского болота. В июне 1986 года в "Северной правде" было объявлено о проведении конкурса на создание в Анфёрове памятного знака. В газете говорилось: "В целях увековечивания памяти русского национального героя Ивана Осиповича Сусанина отдел по делам строительства и архитектуры облисполкома, исполнительный комитет Сусанинского районного Совета Народных Депутатов, Костромская организация Союза архитекторов РСФСР и Костромское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры объявляют конкурс на эскиз-идею

* Анфёрово – одна из многих старинных деревень, исчезнувших с лица земли в окрестностях Домнина в 60-80 годы.

Часовня в Деревеньках – единственное напоминание о родной деревне Сусанина. Фото автора. Октябрь 1988 года.

мемориального знака патриоту земли русской Ивану Осиповичу Сусанину".[22]

И хотя страна переживала эпоху невиданной гласности, когда повсеместно печатались вещи, выход которых ещё недавно был немыслим, подготовка к сусанинскому юбилею шла ещё в традициях "антимонархической" версии.

В вышедшем в 1988 году фотоальбоме "Костромской край" под фотографией часовни в Деревеньках был помещён такой текст: "Далёкие времена… 1613 год. Группа недобитков – шляхтичей, разгромленных в сражении с галичанами, пыталась вырваться из этих мест, найти путь в Кострому. Проводником взяли Ивана Сусанина. Мог ли он допустить, чтобы враги ушли от расплаты? В лесу, в тяжкий свой смертный час завёл он врага в непроходимые дебри и топи, обрёк на гибель. И не за царя отдал жизнь, а за землю русскую."[23]

В связи с 375-летием подвига Сусанина в областной комсомольской газете "Молодой ленинец" был опубликован цикл из трёх небольших статей старшего научного сотрудника музея-заповедника К. Воротного. Чита-

теля автор предостерегал, чтобы у того "не создалось впечатления, будто И. Сусанин совершил свой поступок ради спасения царственной особы…".[24] Говоря о царской грамоте 1619 года, К. Воротной замечал: "Поступок И. Сусанина был отмечен в грамоте лишь потому, что был совершён в вотчине Романовых, хотя предание о его, Сусанина, подвиге в народе переходило из поколения в поколение. А сколько было их, безвестных борцов за свободу, память о которых навечно хранит русская земля!"[25]

В другом месте К. Воротной писал: "Некоторые же историки, в частности, Н.И. Костомаров, вообще отрицали существование Сусанина,* заявляя, что он придуман правительством.<…> И только после Великой Октябрьской социалистической революции советские историки сумели дать правильную оценку подвигу И. Сусанина".[26]

Юбилейные торжества в Костроме начались в июне 1988 года с праздника улицы Ивана Сусанина. 24 июля в рамках юбилея состоялось необычное событие – в этот день в Ипатьевском монастыре, на площадке возле Троицкого собора, Горьковский театр оперы и балета им. А.С. Пушкина показал оперу "Иван Сусанин" М.И. Глинки, причём в финале спектакля, когда звучало победное "Славься", оркестр и хор были мощно поддержаны звоном колоколов много лет молчавшей монастырской звонницы.

Перед торжествами к бывшей деревне Анфёрово, где намечалось установить памятный знак, и к часовне в Деревеньках были проведены асфальтовые дороги. Комментируя эти работы, районная газета "Сусанинская новь" в июне 1988 года отметила: "Так что наш земляк, спасая родную землю от врагов, теперь, почти через четыре столетия, помогает нам спасать её от бездорожья".[27] В июне же начались и работы по устройству в Анфёрове памятного знака. Проведённый в конце 1986 – начале 1987 годов конкурс на "эскиз-идею" знака, о котором писалось выше, не выявил победителя. И тогда было принято решение установить в Анфёрове в роли памятного знака большой камень с надписью. Огромный базальтовый валун был доставлен сюда из-под Волгореченска с берега речки Кубани (нельзя не признать редкую удачность идеи – не сооружать на месте бывшей деревни очередной мемориал из бетона, а положить камень, к тому же очень интересный сам по себе и выразительно воспринимающийся на фоне панорамы Исуповского болота).

---

* Н.И. Костомаров не верил, что Сусанин погиб, спасая царя Михаила Федоровича, но он и не думал отрицать существования Сусанина вообще. Подобное заявление свидетельствует лишь о том, что К. Воротной не читал костомаровской статьи.

17 сентября 1988 года. Памятный знак на месте бывшей деревни Анфёрово открыт. Фото А.А. Шикалова.

К лету 1988 года были завершены и основные реставрационные работы на Воскресенском храме в Сусанине, и в нём начался монтаж новой музейной экспозиции. В конце августа, когда он был в самом разгаре, "Сусанинская новь" писала: "Музей не должен портить церковь, он должен органично вписаться в неё как архитектурно, так и, если хотите, духовно. Да, да, именно так, потому что, по замыслу, это будет не просто краеведческий музей, каких в нашей стране тысячи, а нечто новое, ещё неопределённое. Это будет музей тематический, целевой".[28]

Пик торжеств пришёлся на сентябрь 1988 года.

16 сентября в Костроме в здании областной филармонии состоялась научно-практическая конференция на тему "Подвиг Сусанина и вопросы воспитания советского патриотизма и социалистического интернационализма". Конференция, в которой приняли участие историки и музейные работники из Костромы, Москвы и Ленинграда, открыл 1-й секретарь Костромского обкома КПСС В.И. Торопов.

Основные торжества пришлись на субботу 17 сентября и происходили в Сусанинском районе. С утра члены бюро Сусанинского райкома

Торжественное открытие музея в бывшем храме. Фото П.И. Клиндухова. 17 сентября 1988 года.

партии, делегации от предприятий, колхозов и совхозов района возложили цветы к памятнику В.И. Ленину, после чего большая колонна машин и автобусов направилась из посёлка к бывшей деревне Анфёрово, где и состоялось открытие памятного знака. Областная газета так описывала это событие: "В нескольких километрах от посёлка Сусанино, в живописном месте собрались сотни людей из многих районов области. Моросит дождь. Пёстрые зонтики, словно осенние листья, раскрылись над аллеей, ведущей к памятному знаку, который поставлен в честь подвига национального героя России. Играет духовой оркестр. Среди участников торжества– делегации из Ярославской и Ровенской областей, первый секретарь обкома КПСС В.И. Торопов, заместитель министра культуры РСФСР Н.Б. Жукова, ветераны труда и войны, колхозники и интеллигенция.

11 часов дня. Слово берёт первый секретарь Сусанинского райкома партии С.Ц. Журавский…"[29]

Храм Воскресения Христова в п. Сусанино (бывшем Молвитине). С 1988 года в нём – Музей подвига Ивана Сусанина. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

В своём выступлении руководитель сусанинских коммунистов, сказав о значении подвига Сусанина, также сообщил присутствующим, что "в районе убраны зерновые, завершается уборка льна и картофеля, выполнены планы заготовки грубых и сочных кормов. Выросли по сравнению с прошлым годом удои, производство и продажа молока и мяса. Выполнен план 8 месяцев по производству товаров народного потребления".[30] Коснувшись боевых и трудовых традиций жителей района, С.Ц. Журавский отметил, что и "ныне сусанинцы вносят свой трудовой вклад в революционное обновление страны, в выполнение решений XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции".[31] Завершая речь, 1-й секретарь райкома сказал: "Надо сделать так, чтобы юбилейные торжества в честь 375-летия подвига И.О. Сусанина послужили хорошим зарядом для повышения трудовой и политической активности трудящихся района. Это наш долг, наша обязанность перед подвигами наших предков, перед подвигом земляка, великого патриота Земли Русской".[32]

Вывески, появившиеся на храме, воспетом А.К. Саврасовым, в 1988 году. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

После этого состоялось открытие памятного знака. "Северная правда" продолжает: "Сбрасывается покрывало с огромного валуна. На нём высечена лаконичная надпись: "Иван Сусанин. 1613". И всё. И хорошо, что создатели этого памятного знака не напрягали мозг, не выдумывали торжественной надписи. В простоте и лаконичности, на мой взгляд, больше смысла и чувства, чем в пространном словоизлиянии. У пятидесятитонной базальтовой глыбы встал почётный караул сусанинских пионеров. Делегации несут и кладут к подножию памятного знака цветы.

Цветов сегодня много. Люди проходят мимо памятного знака и спускаются по выложенной плиткой тропе на смотровую площадку. Отсюда открываются необозримые дали одетых в багрянец лесов. Видна деревень-

ка на холме. Внизу начинается знаменитое болото. <…> И туда сентябрьский ветерок уносит звуки духового оркестра, исполняющего финал оперы Глинки. Звучит “Славься”.[33]

После этого участники праздника посадили на месте бывшей деревни памятную аллею, причём право посадить первое дерево было предоставлено 1-му секретарю обкома КПСС В.И. Торопову. Затем хозяева и гости осмотрели часовню в бывших Деревеньках и возложили цветы к памятнику Сусанину в парке “Русский лес”. В 14 часов в Сусанине состоялось торжественное открытие “Музея подвига Ивана Сусанина”, разместившегося в бывшем Воскресенском храме. После небольшого митинга почётное право открыть музей, т.е. перерезать красную ленточку, было предоставлено артистке народной филармонии Ю. С. Красильниковой, шофёру объединения “Агрохимия” К.И. Жаворонкову и звеньевому совхоза “Головинский” С.А. Капустину. Под фонограмму колокольного звона - ведь самих колоколов на колокольне церкви не было уже 50 лет – первые посетители вошли в новое здание музея…

Глава 15

ВОЗРОЖДЕНИЕ (конец 80-х – конец 90-х годов)

Падение "советского" Сусанина

В бурных событиях конца 80-х – начала 90-х годов вместе с советской системой рухнул и тот политизированный образ Сусанина, который утвердился в нашей стране с конца 30-х годов. В каком-то отношении в это время повторилась ситуация 1917 года, но в отличие от той поры на смену "советскому" Сусанину пришёл сусанинский образ, восходящий к традициям дореволюционной России. "Царская" версия подвига костромского крестьянина окончательно была возвращена стране наряду с трёхцветным флагом и державным двуглавым орлом.

На рубеж 80-90 годов пришёлся завершающий этап процесса "победы остатков старой культуры над варварами", о котором в 20-е годы писал философ С.Л. Франк. И, как уже говорилось, свой определённый вклад в эту победу "внёс" и Сусанин, чья "реабилитация" при всех издержках неминуемо "тащила" за собой целый пласт русской культуры.

И по мере освобождения образа Сусанина от пронизанного классовой нетерпимостью культа – холодного и казённого – возвращалось естественное, соответствующее вековым русским традициям отношение к крестьянину-мученику.

Опера Глинки: возрождение

Процессы раскрепощения и переоценки советского периода нашей истории закономерно привели к тому, что в годы "перестройки" встал вопрос и о "реабилитации" дореволюционной редакции оперы М.И. Глинки "Жизнь за царя".

Первые голоса об этом прозвучали уже в конце 1986 года на конференции в Ленинградской консерватории, посвящённой 150-летию премьеры оперы Глинки. Заметной вехой на пути восстановления прежней редакции оперы был вечер-дискуссия, проведённый в августе 1988 года музыкальной секцией Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Выступая на этом вечере, председатель секции – солист Большого театра народный артист СССР А.Ф. Ведерников, в частности, сказал: "Тридцать лет я пою Сусанина. К сожалению, к стыду своему пою в новой редакции, хотя выучил подлинный вариант и исполняю его на концертах".[1] Все выступавшие на дискуссии поддержали идею восстановления дореволюционной редакции оперы. Подводя итог, писатель В. Крупин сказал: "Вывод из всех выступлений однозначен: нашему искусству необходима подлинная опера Глинки".[2]

В начале 1989 года музыковед С. Фролов писал: "...в наши дни, когда снова реабилитируются люди и их деяния, когда возвращается честь незаслуженно ошельмованным и пострадавшим в известные своей недоброй памятью годы, пора задуматься и над вопросом о реабилитации – так же и в те же годы пострадавших – народного героя 1613 года Ивана Сусанина, посвящённой его подвигу оперы "Жизнь за царя" и её создателя Михаила Ивановича Глинки".[3]

Конечно, мысль о "реабилитации" первоначальной редакции оперы пробивала себе дорогу с трудом. В дискуссиях на эту тему неизбежно присутствовали две крайности – противники возвращения к прежней редакции упорно доказывали низкие идейно-художественные достоинства старого розеновского либретто, их оппоненты же иногда провозглашали Розена чуть ли не гением, равным Глинке.

Большую роль в осознании необходимости отказа от "переделки-пародии эпохи сталинизма" и возвращения к авторской редакции сыграл музыковед Н. Угрюмов, писавший в конце 1989 года: "...подлинное возрождение "Жизни за царя" – это не только веление, но и насущная потребность времени".[4] Одну из статей на эту тему Н.Угрюмов закончил, проци-

тировав строки пушкинского "Возрождения", действительно, словно написанные про оперу об Иване Сусанине:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
На ней беспомощно чертит.

Но краски чуждые, с годами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

И вот время пришло, "краски чуждые" спали, и "созданье гения" наконец-то вышло воистину "с прежней красотой". 15 января 1990 года в Москве в Большом театре впервые после декабря 1916 года состоялась, по сути, новая премьера первой русской классической оперы "Жизнь за царя" в её авторской редакции.

Сусанинская площадь: возрождение

Первые голоса о необходимости возвращения главной площади Костромы (как мы помним, с 1918 года называвшейся площадью Революции) её исторического названия – "Сусанинская" – зазвучали в конце 80-х годов. В 1989 году областное отделение Фонда культуры распространило среди историков, работников музеев, журналистов и писателей анкету, содержащую вопросы о целесообразности восстановления ряда исторических названий костромской земли, в том числе и Сусанинской площади. Практически все ответившие на анкету поддержали это предложение. Писатель Е.И. Осетров заметил, что называть Сусанинскую площадь "площадью Революции – просто-напросто нелепо".[5] За восстановление "символа Костромы" – Сусанинской площади – высказался историк В.Н. Бочков.[6] Историк К.А. Булдаков, поддержав идею о возвращении Сусанинской площади, написал, что этим "восстанавливается старое название и увековечивается имя нашего земляка, патриота земли Русской Ивана Сусанина".[7] Мантуровский краевед А.В. Громов ответил: "Много говорит о нашем прошлом имя Ивана Сусанина, поэтому, думаю, будет правильным восстановление его имени для центральной площади Костромы".[8]

И снова – Сусанинская площадь.
Фото Г.П. Белякова. Ноябрь 1992 г.

Власти в данном случае оказались в довольно непростом положении: с одной стороны, Сусанин – великий патриот земли русской и знаменитый земляк, с другой, как посягнуть на "святое" – на Революцию? В мае 1991 года в ответ на предложение Фонда культуры о возвращении нескольких исторических названий Костромы, в том числе Сусанинской площади, исполком городского Совета народных депутатов решил: "Переименование площади Революции <…> считать нецелесообразным".[9] Однако ситуация в стране менялась стремительно. 24 августа 1991 года на общегородском митинге по случаю ГКЧП была принята резолюция, один из пунктов которой гласил: "…возвратить главной городской площади её подлинное название – Сусанинская".[10]

Но прошло ещё более полугода, пока 17 апреля 1992 года глава администрации Костромы Б.К. Коробов подписал постановление о возвращении центральной площади города её дореволюционного названия – Сусанинская площадь[11] (как мы помним, с переименования в сентябре 1918 года Сусанинской площади начался процесс массового уничтожения исторических названий в костромском крае; символично, что процесс их возвращения вновь начался именно с этой площади).

Колонна от сусанинского монумента. Сегодняшний вид. Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

Сусанинский монумент: возрождение?

Как мы помним, в 1928 году гранитная колонна от сусанинского монумента была закопана на сквере в центре бывшей Сусанинской площади, благодаря чему она и уцелела, когда через несколько лет приступили к уничтожению постамента памятника. В конце 1929 года один из читателей "Северной правды" предлагал извлечь её из земли и "использовать на жернова", однако к его предложению не прислушались, а вскоре о колонне забыли.

В конце пятидесятых годов при проведении в сквере земляных работ "похороненная" там колонна была обнаружена, извлечена из земли, около месяца пролежала в сквере, а затем была увезена и брошена на тогдашней окраине города – в конце улицы Свердлова. Там она пролежала 30 лет.

С конца 80-х годов в костромской прессе стали много писать о судьбе монумента В.И. Демут-Малиновского, а затем – вслед за призывами о возвращении Сусанинской площади – раздались и первые голоса о необходимости воссоздания памятника – одного из символов былой Костромы. И это логично: площадь и памятник на ней связаны неразрывно – вместе они появились в XIX веке, вместе и погибли накануне I-й годовщины Октябрьской революции. Тогда же – в конце 80-х годов – по распоряжению городских властей колонна была перевезена на территорию одной из организаций Костромы, где в ожидании лучших времён она находится и поныне.

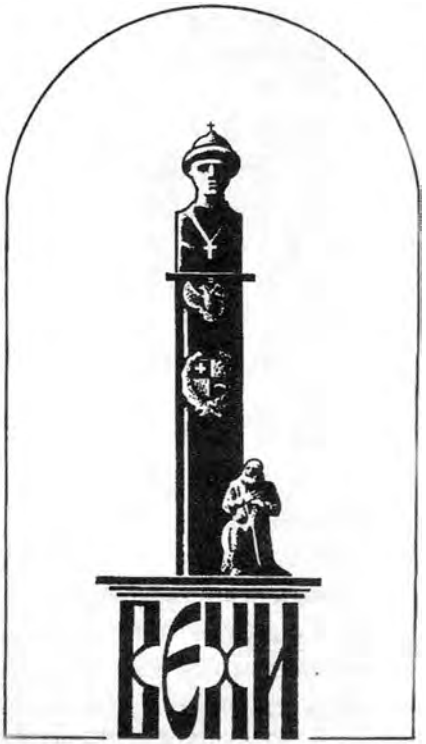
Не подлежит сомнению, что вслед за названием площади будет восстановлен и старый сусанинский монумент на ней, как восстановил бы град Петра Медного всадника, а Москва – памятник Минину и Пожарскому, будь они тоже разрушены в годы революции. Совсем не случайно то, что старый сусанинский памятник стал официальной эмблемой историко-художественного фестиваля "Вехи", проведённного в 1993 году в связи с 380-летием династии Романовых.

Фестиваль "Вехи"

Историко-художественный фестиваль "Вехи", эмблемой которого явилось изображение старого сусанинского монумента, стал важным шагом по возвращению к нашей подлинной истории и освобождению от представлений, что она началась лишь в 1917 году.

На фестиваль в Кострому прибыли представители Российского Императорского Дома во главе с великой княгиней Марией Владимировной. Участников фестиваля приветствовал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II: "В нынешнее сложное для нашего Отечества время обращение к событиям 1613 года, открывшим новый период бытия Российского государства, может служить для всех нас напоминанием о том, что только всенародное обращение к тысячелетним духовным устоям жизни России и русского общества, к животворящему источнику православной веры и церковной мудрости сможет положить основание подлинному обновлению нашей Родины".[12]

"Вехи" начались утром 28 мая панихидой по погибшим членам императорской фамилии, отслуженной в Ипатьевском монастыре епископом Костромским и Галичским Александром, на которой присутствовали первые лица области и города – губернатор В.П. Арбузов и глава администрации Костромы Б.К. Коробов, много сил отдавший организации "Вех". Насыщенейший событиями фестиваль, впервые с 1913 года посвящённый юбилею романовской династии, продолжался до 6 июня. В один из его дней глава Российского Императорского Дома великая княгиня Мария Владимировна, её мать – великая княгиня Леонида Георгиевна и её сын – наследник Императорского Дома двенадцатилетний великий князь Георгий Михайлович посетили сусанинские места. Великокняжеская семья побывала в Домнине, у часовни в Деревеньках и у памятного камня в Анфёрове. Заметим, что это было первое посещение представителями династии Романовых домнинской округи после 1619 года.[13]



Стилизованое изображение старого сусанинского-монумента – официальная эмблема фестиваля "Вехи", посвящённого 380-летию династии Романовых. Художник С. Кадыбердиев. 1993 г.

Высшей точкой праздника стала, конечно, показанная 30 мая в Ипатьевском монастыре Большим театром опера М.И.Глинки "Жизнь за царя", всего лишь три года назад возвращённая на отечественную сцену. "Российская газета" писала о спектакле: "В ограде Ипатьевского монастыря <...> костромичи услышали своего соотечественника Ивана Сусанина. Услышали в одной из самых пронзительных национальных опер. <...> Могучие стены, столько видевшие, столько истории вобравшие в себя, словно разряжались мощной художе-

ственной отдачей. Вековое молчание было нарушено. Тысячи собравшихся (многие простояли весь спектакль, не сетуя на отсутствие театральной комфортности) слушали музыку с редкой сосредоточенностью и самозабвением".[14]

Завершилась опера, как и спектакль, прошедший здесь же в 1988 году, перезвоном колоколов монастырской звонницы, но какая разница между двумя юбилеями, разделёнными всего лишь пятью годами. Тогда – достаточно скромная постановка Горьковским театром советской редакции оперы, сейчас – подлинный шедевр Глинки, показанный Большим театром,* в присутствии наследников царской династии, в монастыре, уже вставшем на путь возрождения в нём духовной жизни.

Сусанинские места: возрождение

К концу 80-х годов сусанинские места, как и вся сельская Россия, благодаря порождённой "мудрой политикой партии и правительства" колхозно-советской системе, пришли в глубочайший упадок. Десятки деревень, входивших ещё в вотчину Марфы Ивановны, исчезли с лица земли, другие десятки были готовы последовать за ними. К концу 80-х годов практически исчезло как населённый пункт село Исупово – место гибели Сусанина, – и среди его оставленных людьми домов как печальный символ прошлой жизни высились руины Троицкой церкви – одной из древнейших церквей на территории Сусанинского района...** Подобная перспектива вполне реально угрожала и Домнину, большую часть населения которого составляли пожилые люди, а в домнинской школе, ставшей начальной, – большом двухэтажном здании, построенном, как мы помним, в начале 90-х годов XIX века Александровским братством, – в 1987-88 году учился один единственный ученик.***

---

* Через некоторое время "Жизнь за царя", показанная в Ипатьевском монастыре, демонстрировалась по российскому телевидению.

** А ведь совсем недавно в Исупове были и сельсовет, и школа, и правление колхоза (последний, как мы помним, носил имя Сталина, а в конце 50-х годов был переименован в "Восход").

*** Нельзя не упомянуть при этом слова из статьи Б.В. Белоцерковского, писавшего в 1959 году о домнинской школе: "Две совершенно разные судьбы выпускников этой школы в царской России и в годы Советской власти. Счастливая юность у советской молодёжи сегодня, а впереди – ещё более счастливое коммунистическое завтра".[15]

Село Исупово. Забытый храм в заброшеном селе.
Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

Село Спас-Хрипели. Сохранившаяся колокольня (рядом с ней – заброшенное здание школы, построенное Александровским православным братством). Фото Г.П. Белякова. 1997 г.

Однако ситуация в стране быстро менялась, и признаки духовного возрождения обозначились и здесь. 15 июля 1990 года у часовни в Деревеньках впервые за много десятилетий епископом Костромским и Галичским Александром (Могилевым) была отслужена по Ивану Сусанину заупокойная лития (причём, она была вообще первой архиерейской службой у этой часовни).

А в следующем, 1991 году, в жизни Домнина произошло воистину судьбоносное событие: весной здесь было создано подворье возрождающегося в Костроме Богоявленско-Анастасиина женского монастыря. Под жилой дом подворья отдали здание окончательно закрытой к этому времени домнинской школы.*

За короткий срок подворье в Домнине встало на ноги, самим фактом своего существования благотворно влияя на всю прилегающую округу.

Общий процесс духовного возрождения очень скоро поставил под вопрос и пребывание "Музея подвига Ивана Сусанина" в Воскресенской церкви в Сусанине. Как мы помним, музей разместился в церковных стенах в 1988 году, однако безмятежное его пребывание здесь было недолгим. Верующие посёлка, свыше 50-ти лет лишённые своего храма, стали требовать использования его здания по прямому назначению. В районной и областной печати по этому поводу вспыхнула полемика. Противники возвращения храма верующим, прикрываясь именем Сусанина, обосновывали свои возражения тем, что это повлечёт за собой ликвидацию музея. Местный журналист В. Пархоменко в статье "Бей своих?", опубликованной в "Сусанинской нови", писал о требованиях верующих: "… мне было бы понятно их упорство, их настойчивость, их гнев (пусть во многом справедливый) в достижении своей цели, будь сейчас в церкви Воскресения конюшня или эмтээсовская мастерская, как это бывало раньше. Но там сейчас – вот та самая польская сабля, которой во времена той – не нынешней смуты! – рубили головы прадедам сусанинцев, в том числе и сегодняшних верующих. Возможно даже головы тем, кто своими руками сложил этот прекрасный храм. Сейчас там сотни и сотни предметов, сохраняя и сберегая которые, мы вопреки всему остаёмся русскими. И скажите мне, убедите меня: если уйдёт из русского тела русский дух – сохранится ли в нём православие? Нет, не убедите, не убедите…"[16]

---

* Это спасло здание домнинской школы от участи школы в Спас-Хрипелях – также построенной в начале 90-х годов XIX века Александровским братством, – которая, пройдя свой период угасания, стоит ныне заброшенной руиной в двух шагах от колокольни разрушенного Преображенского храма.

"Упокой , Господи, душу приснопамятного убиенного раба Божия Иоанна..."
Первая за многие десятилетия заупокойная лития по Сусанину у часовни в Деревеньках. Служит епископ Костромской и Галичский Александр (Могилев). Фото автора. 15 июля 1990 г.

Своё слово в защиту музея в храме сказал и Н.В. Борисов (автор книги "Они повторили подвиг Сусанина"), заметивший в статье в районной газете: "Достойно ли ведут себя верующие, угрожающие агрессивными атаками против музея, пропагандирующего подвиг Сусанина?"[17] Сторонники возвращения указывали на то, что пребывание "Музея подвига Ивана Сусанина" в здании храма, по сути, является актом неуважения к памяти народного героя. Наиболее обоснованно выразил эту точку зрения редактор епархиальной газеты "Благовест" священник В.И. Шапошников, написавший: "... спросим себя: как бы отнёсся сам Сусанин к тому, что вот на той самой земле, для спасения которой он жизни своей не пощадил, существует храм, из которого фактически изгнано само Имя Божие, причём изгнано как бы ради того, чтобы утвердилось в том храме его собственное имя?.. Нет никакого сомнения в том, что его христианское сердце исполнилось бы великой скорби, и сказал бы он своим забывшим Бога землякам: "Неразумные! Почто сотворили вы сиё во имя мое? Разве совершил я что-либо ужасное, что

Участники первой службы у часовни в Деревеньках. Фото автора. 15 июля 1990 г.

даже память обо мне наказана столь страшным образом?! Почто сотворили из меня кумира и поставили в поруганном храме сем? Или вы уже забыли Заповеди Божии, данные нам?! Разве такой памяти удостаиваются у вас те, что душу свою положат за други своя?! Если так, то не только не благодарю вас за такую "память" обо мне, но на коленях готов умолять вас – не продлевать этого глумления надо мной!.." Тут нет никакого преувеличения. Слова его могли бы оказаться именно таковыми, ибо "почесть" такая для истинного христианина – просто невыносима, как самая тяжкая душевная мука. <...> Речь <...> не просто о том, что если мы действительно чтим память нашего национального героя, нашего земляка Ивана Осиповича Сусанина – истинного, глубокого христианина, по-христиански погибшего, то должны прекратить глумление над ним, допущенное по невежеству, по забвению полному всех христианских законов и основ родного народа".[18]

В конце концов, в 1993 году было принято очень нелёгкое по нынешним временам, но, бесспорно, разумное и справедливое решение о переводе музея из Воскресенской церкви в один из старых особняков районного

Россия возвращается к своим святыням. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II посещает часовню в Деревеньках. Фото А.А. Шикалова. 8 мая 1993 г.

центра. (К сожалению, в современных условиях путь к его выполнению оказался весьма долгим и до сих пор в храме, ставшем, благодаря А.К. Саврасову и его картине, одним из символов России, пребывает довольно нелепый "Музей подвига Ивана Сусанина".)

А вскоре произошло событие, небывалое в истории сусанинских мест, о котором ещё несколько лет тому назад нельзя было и подумать, – 8 мая 1993 года* их посетил глава Русской Православной Церкви Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Патриарх и сопровождавшие его лица прилетели в Сусанинский район на вертолёте,** приземлившемся неподалёку от часовни в Деревеньках, возле которой Алексий II отслужил заупокойную литию по Ивану Сусанину. О последней очевидец писал:

"Солнечный день 8 мая 1993 года останется в памяти многих, кто стоял тогда возле часовни, выстроенной на месте избы Ивана Иосифовича Сусанина в бывшей деревне Деревеньки Сусанинского района. Далеко над лесом и полем разносилось церковное пение <...>. Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II служил заупокойную литию возле часовни. Толпы народа внимали ему и хору, в паузах наступала тишина, даже весенний хор птиц в лесу притих на эти торжественные мгновения".[19]

По завершению службы Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к присутствующим со следующими словами: "Вихрь атеизма, который пронёсся по стране нашей, коснулся и этого священного места. Сегодня мы вспоминаем снова нашу историю, учимся на уроках прошлого, чтим тех, кто свою жизнь полагали за ближних своих. И среди них чтим подвиг сына земли Костромской Ивана Осиповича Сусанина. Мы совершаем молитвенное поминовение тех, во имя кого он совершил свой подвиг".[20]

После Деревенек Патриарх Алексий II отслужил молебен в Успенской церкви Домнина, посетил монастырское подворье и осмотрел памятный знак в Анфёрове.

На следующий же год произошло другое, также воистину историческое событие, значение которого трудно переоценить – по благослове-

---

* Посещение Патриархом Сусанинского района должно было состояться ещё 23 августа 1991 года, однако грянувшая 19 августа 1991 года эпопея ГКЧП СССР, завершившая советский период в истории нашей страны, отложила приезд Алексия II-го на костромскую землю до мая 1993 года.

** Вместе с Патриархом Алексием II сусанинские места посетили: епископ Костромской и Галичский Александр, глава областной администрации В.П. Арбузов, председатель областного Совета народных депутатов Р.А. Карташев и представитель Президента в Костромской области Ю.А. Литвинов.

Глава Русской Православной Церкви Патриарх Алексий II в Деревеньках.
Фото А.А. Шикалова. 8 мая 1993 г.

Алексий II: "Вихрь атеизма, который пронёсся по стране нашей, коснулся и этого священного места..."
Фото А.А. Шикалова. 8 мая 1993 года.

нию архиепископа Костромского и Галичского Александра на примерном месте захоронения Ивана Сусанина – на кладбище возле Успенской церкви в Домнине – был установлен большой деревянный крест. Инициатором этого благого дела был сусанинский священник о. Павел Буров, * а исполнительницей стала старшая монахиня домнинского подворья матушка Ангелина (Травина).** Почти четырёхметровый монументальный крест с вырезанным на нём Распятием был освящён местным благочинным – буйским свя-

* Толчком послужило сообщение о примерном местонахождении сусанинской могилы в статье автора этих строк "За службу к нам, и за кровь, и за терпение...", которая была опубликована в 1990 году в 6 и 7 номерах епархиальной газеты "Благовест", а в 1992 году перепечатана во 2-м выпуске краеведческого альманаха "Костромская земля". На мой взгляд, крест следовало бы установить несколькими метрами южнее, так как сейчас он стоит слишком близко к стене Успенской церкви. Деревянный храм Воскресения Христова, в подклете которого был погребён Сусанин, конечно, находился несколько южнее.

** Матушка Ангелина (в миру Валентина Ивановна Травина) необычайно много сделала для становления монастырского подворья в Домнине. В октябре 1995

Крест на могилу Сусанина освящает благочинный о. Аркадий Климов. Фото П.И. Клиндухова. 10 августа 1994 г.

щенником о. Аркадием Климовым, а установили его на месте предполагаемого захоронения Сусанина 11 сентября 1994 года, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи – традиционный в дореволюционное время день поминовения Сусанина. Панихиду отслужил священник о. Павел Буров, среди присутствующих при этом событии были глава администрации Сусанинского района Н.К. Смирнов и глава соседнего – Судиславского района – В.Т. Мамонтов.

11 сентября 1997 года на могиле Сусанина архиепископом Костромским и Галичским Александром была отслужена заупокойная лития, на которой глава Костромской епархии помянул "приснопамятного убиенно-

---

года решением Св. Синода она была назначена настоятельницей возрождаемого в соседнем Буйском районе Макариево-Писемского женского монастыря (подворье в Домнине с того же времени стало подворьем этого монастыря).

11 сентября 1997 года. Первая архиерейская заупокойная лития на могиле Сусанина. Служит Архиепископ Костромской и Галичский Александр. Фото Г.П. Белякова.

го раба Божия Иоанна". На этой службе – первой архиерейской службе на сусанинской могиле – присутствовали: глава администрации Сусанинского района А.А. Белокуров, глава администрации Судиславского района В.Т. Мамонтов, руководители хозяйств, настоятельницы Богоявленско-Анастасиина монастыря в Костроме и Макариево-Писемского – мать Инокентия и мать Ангелина, сёстры и послушницы монастырского подворья, жители Домнина и соседних деревень.

Историческая наука о Сусанине: борьба мнений

Итак, с конца 80-х годов "царская" версия подвига Сусанина торжествовала, как казалось, полную победу. С вполне понятной задержкой она утвердилась и в учебниках по истории.* Однако в исторической науке, освободившейся от значительной части прежних идеологических запретов, именно теперь "царская" версия стала подвергаться сильному сомнению.

В это время со своей точкой зрения на подвиг Сусанина выступил известный историк Р.Г. Скрынников, крупнейший специалист по Смутному времени, в своих работах до этого никогда не касавшийся сюжета о Сусанине. Впервые он изложил её в конце 1986 года на уже упоминавшейся конференции в Ленинградской консерватории, посвящённой 150-летию премьеры оперы М.И. Глинки, в частности, сказав:

* Ещё в 5-м издании учебника "История Отечества" (бывшая "История СССР") для 8-го класса средней школы (авторы: В.А. Рыбаков, А.М. Сахаров, А.А. Преображенский, В.И. Краснобаев), вышедшем в 1993 году, повторялся тот же текст о Сусанине, что был и во всех предыдущих изданиях учебника: "Освободительная борьба породила многих славных героев, отдавших жизнь за родину. Сохранился рассказ о подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина, который завёл на верную гибель в леса большой отряд интервентов, пожертвовав своей жизнью".[21] Однако в вышедшем в 1995 году учебнике для 10-го класса средней школы "История России с древнейших времён до конца XVII века (авторы А.Н. Сахаров и В.Н. Буганов) о подвиге Сусанина сообщалось следующее: "Страна была разорена и истощена. По градам и весям бродили шайки разбойников и интервентов. Один из таких польских отрядов, ещё до приезда в Москву Михаила Романова (он тогда находился в костромском Ипатьевском монастыре), действовал в Костромском и соседних уездах. Здесь располагались родовые земли матери новоизбранного царя. Стояла зимняя пора. Поляки появились в одной из деревень Романовых, схватили старосту Ивана Сусанина и потребовали, чтобы он показал им дорогу туда, где находится молодой барин. Сусанин завёл их в дебри и, погибнув сам под саблями врагов, погубил отряд. Подвиг костромского крестьянина сыграл свою роль не только в спасении Михаила Федоровича, но и в предотвращении новой смуты в стране, в случае гибели молодого Романова".[22]

"Предположение о том, что поляки могли проведать об избрании Михаила и, опередив Шереметева (одного из руководителей посланного из Москвы к Михаилу Романову посольства – Н.З.), броситься в Кострому, чтобы захватить царя, достаточно фантастично. Следует заметить, что зимой 1613 г. по Руси бродило немало литовско-польских шаек, грабивших население. Скорее всего одна из таких шаек и пыталась захватить Романова, но не потому, что они знали, что Романов избран на трон царём, а потому, что пленение богатого барина сулило им многие выгоды, богатый выкуп.<…> Всё, что мы знаем об исторических обстоятельствах того времени, ведёт к заключению, что Иван Сусанин спас не царя, а спас боярина Михаила".[23]

По-видимому, вследствие участия в этой дискуссии, в вышедшей в Москве в 1988 году книге "Лихолетье. Москва в XVI-XVII вв." Р.Г. Скрынников впервые написал* и о Сусанине: "По всей вероятности, Иван Сусанин, староста принадлежавшего Романовым Домнина, спас не царя, а боярина Михаила Романова от одной из польско-литовских шаек, бродивших тогда по всей России. В этих шайках объединялись бывшие тушинские наёмные солдаты и прочий сброд. Они грабили население, захватывали богатых людей, чтобы получить за них выкуп".[24]

В 1-м номере "Вопросов истории" за 1993 год была опубликована небольшая работа А.С. Вайсмана "Не исторический факт, а монархическая легенда", автор которой открыто поддержал точку зрения Н.И. Костомарова.** Касаясь грамоты 1619 года, А.С. Вайсман писал: "Итак, событие, с которым связано появление грамоты, – мученическая смерть Сусанина – должно было произойти, очевидно, между 21 февраля (избрание Михаила на царство) и 13 марта 1613г. (приезд в Ипатьевский монастырь посольства Земского собора). Грамота же последовала в ноябре 1619 года. Получается, что царь и его мать более шести лет либо не знали о столь важном факте, либо почему-то не хотели отблагодарить своего спасителя".[25]

Особое внимание А.С. Вайсман уделил вопросу о присутствии "интервентов" в Костромском уезде в 1613 году: "…кардинальное значение имеет также мнение Костомарова (и Соловьёва), что в тот период интервентов в Костромском уезде вообще не было".[26] Вспомнив, однако, об известном разгроме в 7121 году (т.е. в период с 1 сентября 1612 по 1 сентября 1613 годов) Железноборовского монастыря, находящегося от Домнина чуть

* Выступление Р.Г. Скрынникова на конференции 1986 года было опубликовано только в 1989 году.

** В том же 1993 году в 45-м номере журнала "Новое время" в статье "Куда он завёл нас? не видно ни зги…" А.С. Вайсман вновь изложил свою точку зрения о "монархической легенде".

более в 20-ти вёрстах, автор написал: "Но даже если бы и действовали в первые месяцы 1613 г. в Костромском уезде отряды интервентов или шайки "воровских казаков", то это ещё не доказывает их присутствия в интересующем нас месте именно между 21 февраля и 13 марта".[27] Общий вывод новейшего последователя Н.И. Костомарова был таков: "Таким образом, к рассказу о спасении Сусаниным царя можно относиться лишь как к монархической легенде".[28] (Нельзя не отметить, что в своей заметке А.С. Вайсман допустил искажение фактов, почему-то зачислив в число сторонников Н.И. Костомарова Н.Н. Виноградова – одного, как мы помним, из наиболее последовательных противников костомаровской точки зрения.)

Однако в то время, когда в столичных изданиях "царская" версия – во всяком случае, в её классическом варианте – стала оспариваться, в Костроме она наконец-то получила полное признание. В вышедшем в 1993 году 5-м выпуске "Краеведческих записок" Костромского музея- заповедника была опубликована работа К. Булдакова и С. Уткина "Подвиг Ивана Сусанина. Письменные источники. Историография", посвящённая, как видно из названия, анализу источников и обзору историографии подвига Сусанина. Проанализировав письменные источники, авторы пришли к выводу, что "Иван Сусанин пожертвовал своею жизнью, спасая только что избранного Земским собором царя, находившегося в своей вотчине, в селе Домнино, от польско-литовского отряда, который действовал тогда в районе владений Романовых.

Значение этого вывода состоит в том, что он опровергает по всем пунктам высказывания некоторых историков, сомневавшихся в реальности Сусанина и его подвига, утверждавших, что Михаил Федорович находился в это время не в Домнино, а в городе Костроме, и, следовательно, не нуждался в спасении; и, наконец, доказывавших, что в районе вотчины Романовых действовал не польский отряд, а разбойничья шайка казаков".[29]

Объясняя, почему о подвиге Сусанина умолчали летописи и исторические повести XVII века, К. Булдаков и С. Уткин заметили, что в "период утверждения самодержавного политического строя в виде сословной монархии <…> царизм, занимавший прочные позиции, не нуждался (что проявилось значительно позднее) в использовании Ивана Сусанина и его подвига для идеологического укрепления своих позиций. Следует к тому же отметить, что исторические повести, отражая официальную дворянскую точку зрения на события интервенции, касались, главным образом, оценок наиболее крупных <…> политических деятелей <…> . Простому крестьянину в этих работах не нашлось места".[30]

Давая общую оценку дореволюционной историографии подвига Сусанина, авторы пришли к выводу, что до революции "многие историки допускали существенные ошибки в изложении фактов при освещении подвига. Основным недостатком дореволюционной историографии было стремление свести значение подвига к личной жертве Сусанина за царя. Подвиг рассматривался в отрыве от объективно создавшейся обстановки в начале XVII века.

Следует отметить также, что многие историки второй половины XIX – начала XX веков стремились поставить подвиг Сусанина на службу царизму. С помощью идеологического трюка (какого именно? – Н.З.) они пытались возвысить имя крестьянина, старались показать его подвиг, как пример доблести и преданности своему государю. Этим самым пытались затушевать классовые противоречия русского общества, особенно обострившиеся в начале XX века".[31]

Общая же оценка советской историографии была такова: "Для большинства советских историков, касавшихся в той или иной степени подвига Сусанина, характерным было стремление <...> оценивать подвиг с позиции "опрокинутой в прошлое политики". Безусловно, отрицательное отношение к самодержавному строю, царизму, привели к тому, что они подходили к решению этого вопроса с позиции молчаливого признания, что спасение царя снижало историческое значение подвига Ивана Сусанина".[32]

Окончательный вывод К. Булдаков и С. Уткин сделали следующий: "Гражданский и нравственный подвиг Ивана Сусанина был обусловлен не только исторической обстановкой в стране, но и стойкими царистскими настроениями русского крестьянства и самого Сусанина, настроениями, которые формировались в течение столетий и стали характерной чертой в социальной психологии русского крестьянства".[33]

Таким образом, в 1993 году историки К. Булдаков и С. Уткин, по сути, возвращались к "царской" версии подвига Сусанина, причём в её основном варианте, входившем до революции во все школьные учебники и популярные издания. По сравнению с советским периодом, "родимые пятна" исторической науки которого обильно присутствовали в их работе, это был, конечно, известный прогресс, но не более того.

Возвращение коробовского колокола

Наше повествование мы завершим рассказом о том, как отец и сын – потомки Сусанина – спасли колокол, отлитый в память об их знаменитом предке.

Как мы помним, почти все колокола, пожалованные в коробовский храм Иоанна Предтечи Александром II, были уничтожены в 1931 году. Лишь благодаря И.К. Кузьмину, один из них уцелел и остался в Коробове (а сам И.К. Кузьмин в 1932 году был прямо в поле арестован чекистами, получил три года казахстанской ссылки и больше в родной дом не вернулся). Спасённый колокол долгое время висел в Коробове – вначале на пожарной вышке, а потом на большом старом вязе. В начале 80-х годов его похитил проезжавший через Коробово прапорщик, вообразивший, что в нём много серебра. После долгих поисков колокол нашёл (в костромском гараже прапорщика, умершего к тому времени от алкоголизма) сын И.К. Кузьмина – участник Великой Отечественной войны Сергей Иванович Кузьмин.

Коробовский колокол – на колокольне Богоявленского собора в Красном. Фото Г.П. Белякова. 1997г.

В последующие годы С.И. Кузьмин прятал во второй раз спасённый колокол у себя в Коробове, в сарае (впервые показав его в 1991 году красносельскому священнику о.Петру Чулкову и автору этих строк). В 1992 году он передал его в возрождающийся храм Богоявления Господня в посёлке Красном. В 1996 году – ещё при жизни своего спасителя – шестипудовый царский колокол был повешен на колокольне этого древнего, построенного боярами Годуновыми храма, завершив тем самым свою многолетнюю одиссею. Звон его – воистину, наводя так много дум! – плывёт теперь над Красным, над Волгой, над окрестными пойменными лугами и лесами…

Послесловие

Итак, мы пролистали страницы почти четырёхвековой книги истории. Страницы эти были разными – героическими, возвышенными, позорными, глупыми. Но тем не менее, как писал Г.П. Федотов, имя которого мы уже не раз упоминали: “Надо понять, что позади у нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны – ущербная, изувеченная, но всё же великая история”.[1] Неотъемлемой частью этой истории является и Иван Сусанин.

Как мы видим, в последние годы уже исправлен ряд наших общих “вольных и невольных” грехов по отношению к памяти об этом человеке и, тем самым, по отношению вообще к нашему прошлому. Но сделать предстоит ещё больше. В первую очередь, конечно, надо восстановить на Сусанинской площади Костромы старый монумент работы В.И. Демут-Малиновского, тем более, что многострадальная гранитная колонна от него сохранилась. Один из былых символов Костроме должен быть возвращён. Со временем же надо восстановить и монумент в честь 300-летия династии Романовых, на котором Сусанин был представлен умирающим у ног женщины, символизирующей Россию.

Возвращаясь к истинному почитанию памяти Сусанина, надо, конечно, как можно скорее вывести нынешний “Музей подвига Ивана Сусанина” из занимаемого им Воскресенского храма в посёлке Сусанино. Скажу больше: есть глубокий смысл в том, чтобы отказаться и от присвоенного в 1939 году названия “Сусанино”, которое носит центр Сусанинского района, и вернуться к исконному древнему названию – Молвитино.

Самое же главное, наверное, состоит в том, что надо окончательно отойти от пропагандистского подхода к имени Сусанина и к его подвигу. Вот уже несколько лет ведутся разговоры о канонизации Сусанина, т. е. причислении его к лику святых. Надеемся, что этот акт рано или поздно состоится, и мы тем самым в какой-то мере сможем искупить наши грехи перед памятью человека, которого наш народ, по сути, всегда и воспринимал как святого, как мученика, положившего жизнь “за други своя”.

Примечания

Часть I

ИВАН СУСАНИН:
служба и кровь

Пролог

1 Виноградов Н.Н. Хождение царя и великого князя Михаила Федоровича и матери его инокини Марфы Ивановны на поклонение мощам новопрославленного чудотворца Макария в Макариев-Унженский монастырь, в 1619 году. // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 4, Кострома, 1914, с.24.

2 Там же, с. 25.

3 Вознесенский Е.П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского дома Романовых в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетии. Кострома, 1859, с.2-3.

4 Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.2, Париж, 1959; репринт, М., 1991, с. 94-95.

5 Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с.123.

6 Беляев В.В. История г. Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Федоровича. СПб., 1907, с.161.

7 Вознесенский Е.П. Указ. соч., с.5.

8 СГГД,ч.3, М., 1882, с.214-215.

Глава 1.
Романовы и Иван Сусанин

1 Старина и новизна. Кн.17, М., 1914, с.6.

2 Виноградов Н. Род бояр Романовых и их отношения к Костромской стороне. // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып.4, Кострома, 1914 (Далее – Виноградов Н. Род бояр Романовых).

3 Островский П. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855, с.34.

4 Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Ч.I, Спб., 1901, с.237, 343, 371.

5 Виноградов Н. Род бояр Романовых, с. 9.

6 Там же, с. 9-10.

7 Там же, с. 11.

8 Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I, М.- Л., 1947, с. 162-163.

9 Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с.154.

10 Известие о селе Домнине, Костромской губернии, и об исправлении в оном церкви. // Журнал министерства государственных имуществ.

1854, №1, с. 113.

11 Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плёсской десятин. Вып. 5, М., 1912, с. 149 (Далее – Материалы для истории... Костромской и Плёсской десятин).

12 Домнинский А. Правда о Сусанине (свод местных преданий).// Русский Архив. 1871, №2, с.4, 8, 14.

13 Домнинский А. Указ. соч., с.14.

14 Материалы для истории... Костромской и Плёсской десятин, с. 149.

15 Там же.

16 Виноградов Н. Род бояр Романовых, с.13.

17 Домнинский А. Указ. соч., с.10, 16.

18 Домнинский А. Указ. соч., с.19.

19 Скворцов Л. Материалы для истории г. Костромы. Кострома, 1913, с. 101 (далее – Скворцов Л. Материалы).

20 Материалы для истории... Костромской и Плёсской десятин, с. 152.

21 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4, М., 1956, с. 607.

22 Русский биографический словарь. Спб, 1912, с. 176.

23 Домнинский А. Указ. соч., с.9.

24 Домнинский А. Указ. соч., с.11.

25 Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1968, с. 59.

26 Там же, с. 62-63.

27 Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 3, ч. I, М., 1989, с. 497.

28 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4, М., 1980, с. 318.

29 Виноградов Н. Деревня Деревеньки и село Коробово, места жительства потомков Сусанина. // Костромская старина. Вып. VII, Кострома, 1911, с. 63.

30 Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974, с. 294.

31 Федосюк Ю. Русские фамилии. М., 1972, с. 171.

32 Данные для статистики белопашцев села Коробова, Костромской губернии // Костромская старина. Вып. VII, Кострома, 1911, с. 85.

33 Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4, М., 1977, с. 220.

34 Материалы для истории... Костромской и Плёсской десятин, с. 150.

35 Там же, с. 152.

36 Там же, с. 150.

Глава 2.
Романовы: время испытаний

1 Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Ч. 2, СПб., 1898, с. 95-96.

2 ПСРЛ, т. XIV, СПб, 1910,с. 53.

3 Там же.

4 Беляев В.В. Указ. соч., с. 163.

5 Троицкий П.С. Михаил Федорович Романов в своих отношениях к Костромскому краю. // Костромской край. Юбилейный сборник 1613-1913 гг. Кострома, 1913, с. 21.

6 Беляев В.В. Указ. соч., с. 223-224.

7 Там же, с. 187.

8 Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Ч. 1, Спб., 1901, с.150-151.

9 Скворцов Л. Указ. соч., с. 144-155.

10 Херсонский И. Летопись Макариева Унженского монастыря. Вып. I, Кострома, 1888, с. 8-9.

11 Там же, с. 9.

12 Там же.

13 Беляев В.В. Указ. соч., с. 196; Скворцов Л. Материалы, с. 127-128.

[14] Словарь исторический о русских святых. СПб., 1862; репринт, б.м., б.г., с. 152-153 (Далее – Словарь исторический о русских святых).

[15] Сырцов И. Древние памятники самозащиты и благочестия граждан г. Солигалича. //КЕВ, 1900, №23, ч. неоф., с. 669.

[16] Сказание о чудесах преподобного и богоносного отца нашего Макария Унженского чудотворца... // Светоч, Кострома, 1996, с. 27-29.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Словарь исторический о русских святых, с. 153.

[20] Херсонский И. Указ. соч., с. 9-10.

[21] Там же.

[22] Скворцов Л. Материалы, с. 128.

[23] Троицкий П.С. Указ.соч., с. 21.

[24] Костомаров Н.И. Личности Смутного времени.// Вестник Европы. 1871, июнь, с. 552 (далее – Костомаров Н.И. Личности Смутного времени).

[25] Скворцов Л.П. Восшествие на престол первого царя из Дома Романовых Михаила Федоровича Романова, 14 марта 1613 года, в Костромском Ипатьевском монастыре. Кострома, 1913, с. 10.

[26] Баженов И.В. Где Михаил Федорович Романов с матерью инокинею Марфою нашёл безопасное для себя убежище от преследования поляков в начале 1613 года? Кострома, 1911, с. 15.

Глава 3.
Гибель Сусанина: как это было?

[1] Костомаров Н.И. Иван Сусанин. // Исторические монографии и исследования. Кн. I, т. I, СПб., 1903, с. 277 (Далее – Костомаров Н.И. Иван Сусанин).

[2] Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина, за царя спасителя веры и царства живот свой положившего в 7212 (1613) году. Кострома, 1882, с. 38.

[3] Домнинский А. Указ. соч., с. 9.

[4] СГГД, Ч. 3, М., 1822, с. 214.

[5] Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 278.

[6] Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн.V, т. 9, М., 1990, с. 11.

[7] Самарянов В.А. Указ. соч., с. 63.

[8] Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 278.

[9] Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб., 1993, с. 164.

[10] Скрынников Р.Г. Лихолетье. Москва в XVI-XVII вв. М, 1988, с. 532.

[11] Виноградов Н.Н. Могли ли польские отряды, действовавшие в пределах нынешней Костромской губернии, до 14 марта 1613 года узнать о предполагаемом или уже совершившемся избрании на царский престол Михаила Федоровича? // Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. VIII, Кострома, 1915, с. 7.

[12] Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 279.

[13] Костомаров Н.И. Личности Смутного времени, с. 522.

[14] Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 279.

[15] Соловьёв С.М. История и современность. // Наше время, 12.04.1862 (Далее – Соловьёв С.М. История и современность).

[16] КГВ, 1852, №12, ч. неофиц., с. 119.

[17] Погодин М.П. За Сусанина. // Гражданин, 1873, №46, с. 1233.

[18] Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 272-273.

[19] КГВ, 1852, №12, ч. неофиц., с. 119.

[20] Виноградов Н. Деревня Деревеньки и село Коробово, места жительства потомков Сусанина. // Костромская старина. Вып. VII, Кострома, 1911, с. 64.
[21] Козловский А. Взгляд на историю Костромы. М., 1840, с. 94.
[22] Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 279.
[23] Соловьёв С.М. История и современность.
[24] Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 274.
[25] Материалы для истории... Костромской и Плёсской десятин, с. 10.
[26] Там же.
[27] Домнинский А. Указ. соч., с. 12.
[28] Свиньин П.П. Картины России и быт разноплемённых её народов. СПб., 1839, с. 142.
[29] Диев М. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. М., 1858, с. 64.
[30] Островский П.Ф. Исторические записки о Костроме и её святыне. Кострома, 1864, с. 58.
[31] Самарянов В.А. Указ. соч., с. 60.
[32] Баженов И.В. Указ соч., с. 5.
[33] Я.Н. О новой опере г. Глинки: Жизнь за царя. // Московский наблюдатель. 1836, ч. IX, с. 375.
[34] Цит. по: Григорьева Т.Н. Костромской патриот Иван Сусанин. // Краеведческие записки. Вып.2, Ярославль, 1977, с. 70.
[35] Щекатов А. Словарь географический Российского государства. Т. 3, М., 1804, с. 748.
[36] Свиньин П.П. Указ. соч., с. 146.

Глава 4.
Посмертные почести Сусанину. Переселение потомков Сусанина из домнинской вотчины в Коробово

[1] СГГД, ч. 3, М., 1822, с. 215.
[2] Материалы для истории... Костромской и Плёсской десятин, с. 151.
[3] Там же, с. 150.
[4] Самарянов В.А. Указ.соч., с. 22.
[5] Виноградов Н.Н. Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 2, Кострома, 1912, с. 67.
[6] СГГД, ч. 3, М, 1822, с. 334-335.

Глава 5.
Могила Сусанина

[1] Воротной К. Правда ли, что Сусанин похоронен в Ипатьевском монастыре? // КВ, 24.03.1993.
[2] Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993, с. 283-285.
[3] Свиньин П. Ипатиевский монастырь. // Отечественные записки. 1820, май, ч. I, кн. I, с. 19-20.
[4] Свиньин П.П. Картины России и быт разноплемённых её народов. СПб., 1839, с. 144-145.
[5] Журнал общего собрания членов Костромской губернской учёной архивной комиссии заседания 8 сентября 1900 г. Кострома, 1900, с. 21.
[6] Там же, с. 24.
[7] Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 5, М., 1826, с. 125.
[8] Козловский А. Взгляд на историю Костромы. М., 1840, с. 159.
[9] Православие – источник спасения Отечества. // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 61, СПб., 1849, с. 18.
[10] Ушинский К.Д. Поездки по России.

Ярославль, 1969, с. 91.

[11] Иллюстрированный практический путеводитель по Волге на 1903 год. Одесса, 1903, с. 97.

[12] Описание Костромской губернии. СПб., 1871, с. 34.

[13] Памятная книга Костромской губернии на 1903 год. Кострома, 1901, с. 16.

[14] Русский биографический словарь. СПб., 1912, с. 179.

[15] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991, с. 224-225.

[16] Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. Ярославль, 1968, с. 99.

[17] Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. М., 1982, с. 83.

[18] Борисов Н.В. Они повторили подвиг Сусанина. М., 1987, с. 16.

[19] Орлик Ю. Кострома готовится к фестивалю. // Известия, 20.02.1993.

[20] Домнинский А. Указ. соч., с. 23, 26.

[21] Известие о селе Домнине, Костромской губернии, и об исправлении в оном церкви. // Журнал министерства государственных имуществ. 1854, №1, с. 20.

[22] Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния. Спб., 1861, с. 636.

[23] Домнинский А. Указ. соч., с. 12.

[24] Там же.

[25] Там же, с. 23-24.

[26] Там же, с. 10.

[27] Костомаров Н.И. Личности Смутного времени, с. 525.

[28] Пятидесятилетний юбилей священника с. Соболева Василия Семёновского. /КЕВ, 1905, №3, ч. неофиц., с. 100.

[29] Особый журнал Костромской губернской учёной архивной комиссии, заседания 26 августа 1897г. Кострома, 1897, с. 21.

[30] Виноградов Н. Сказание о спасении от поляков Михаила Федоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина. // Костромская старина. Вып. VII, Кострома, с. 124.

[31] Воротной К. Указ. соч.

[32] Студитский И.М. Посещение г. Костромы и музея архивной комиссии 3 июня 1908 г. королевой эллинов Ольгой Константиновной...// Костромская старина. Вып. VII, Кострома, 1912, с. 3.

[33] Новое время. 17.02. (02.03) 1913.

Часть II
Сусанин в истории России

Глава 6.
Память о Сусанине в XVII – I-й половине XVIII веков

[1] Материалы для истории ... Костромской и Плёсской десятин, с. 31.

[2] Там же.

[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3, М., 1981, с.540.

[4] Самарянов В.А. Указ. соч., с. 71.

[5] Костромская старина, Вып. VII, Кострома, 1911, с. 124.

[6] ССГД, ч.3, М., 1822, с. 333.

[7] КГВ, 1852, №12, ч. неоф., с.121.

[8] Бирюков С. Исторический очерк о селе

Коробове, населённом белопашцами, потомками Ивана Сусанина. Нижний Новгород, 1910, с.7.

Глава 7
Начало всероссийской известности Сусанина

1 Козловский А. Взгляд на историю Костромы. М., 1840, с. 174-175.
2 Самарянов В.А. Указ. соч., с. 95-96.
3 Там же, с. 96.
4 Севастьянова А.А. "Любезным моим согражданам..." Первый костромской историк Николай Сумароков. // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. III, Кострома, 1995, с. 105.
5 Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии.// Губернский дом, 1997, №2, с. 49.
6 Григорьева Т.Н. Костромской патриот Иван Сусанин. // Краеведческие записки. Вып. 2, Я рославль, 1977, с. 70.
7 Васьков И. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. М., 1792, с. 49.
8 Мальгин Т.С. Зерцало Российских государей, изображающее от Рождества Христова с 862 по 1794 гг. Высокое их родословие... СПб., 1794, с. 459.
9 Щекатов А. Словарь географический Российского государства. Ч. 3, М., 1804, с. 747-748.
10 Херасков М.М. Русский анекдот. // Друг просвещения, 1805, №1, с. 28.
11 Хвостов Д. Надгробие. Крестьянину Ивану Сусанину.// Друг просвещения, 1805, №1, с. 23.
12 Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и избавитель царя Михаила Феодоровича Романова. // Русский вестник, 1812, ч. 18, №5, с. 77.
13 Там же, с. 78.
14 Там же, с. 79.
15 Там же, с. 82.
16 Там же, с. 87.
17 Там же, с. 90.
18 Там же, с. 91-92.
19 Шаховской А.А. Комедии, стихотворения. Л., 1961, с. 27.
20 Бенуа А. Мои воспоминания. Т. I, М., 1933, с. 34.
21 Костомаров Н.И. Иван Сусанин, с. 274.
22 Там же, с. 273.
23 Там же, с. 268.
24 Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993, с. 232.
25 Рылеев К.Ф. Сочинения. М., 1983, с. 174.
26 Там же, с. 175.
27 Там же.
28 Там же, с. 176.
29 Там же.
30 Там же.
31 Там же, с. 176-177.
32 Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах, Т. 9, М., 1977, с. 148.
33 Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, с. 237.
34 Домнинский А. Указ. соч., с. 26.
35 Беляев И. Указ. соч., с. 235.

Глава 8.
Сусанин – герой "официальной народности" (30–50 годы XIX века)

1 Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989, с. 28.
2 Вознесенский Е.П. Указ. соч., с. 57.
3 Там же, с. 67–68.
4 Летопись жизни и творчества М.И. Глинки. Ч. 1, Л., 1978, с. 79.

[5] Глинка М.И. Записки. М., 1988, с. 64 (далее – Глинка М.И. Записки).
[6] Цит. по: Орлова А.А. Глинка в Петербурге, Л., 1970, с. 75.
[7] Цит. по: Ярустовский В. Из истории оперы "Иван Сусанин" М.И. Глинки. // "Иван Сусанин" М.И. Глинки. М., 1955, с. 8.
[8] Глинка М.И. Записки, с. 64.
[9] Ярустовский В. Указ. соч., с. 7.
[10] Глинка М.И. Записки, с. 64.
[11] Там же, с. 168.
[12] Орлова А.А. Указ. соч., с. 95.
[13] Глинка М.И. Записки, с. 73.
[14] Цит. по: Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988, с. 419.
[15] Ростопчина Е.П. Талисман. М., 1987, с. 38–39.
[16] Ишимова А.О. История России в рассказах для детей, Кн. 1, М., 1993, с. 274–276.
[17] Козловский А. Взгляд на историю Костромы. М., 1840, с. 94–96.
[18] Там же, с. 131–132.
[19] Полевой Н.А. Костромские леса.// Репертуар русского театра, сентябрь, 1841, с. 5.
[20] Там же, с. 11.
[21] Там же, с. 17.
[22] Там же, с. 18.
[23] Там же.
[24] Там же, с. 25.
[25] Там же, с. 26.
[26] Гоголь Н.В. Избранные места из переписки с друзьями. М., 1990, с. 78.
[27] Шмидт И. В.И. Демут-Малиновский. М., 1960, с. 113.
[29] Островский П.Ф. Исторические записки о Костроме и её святыне. Кострома, 1864, с. 157–160.
[30] Вознесенский Е.П. Указ. соч., с. 73.
[31] Там же, с. 74.
[32] Лукомские Г. и В. Кострома. СПб., 1913, с. 309.
[33] Бочков В.Н. Дом Борщова. // Памятники отечества, 1991, №1, с. 113.
[34] Вознесенский Е.П. Указ. соч., с. 81.
[35] Самарянов В.А. Указ. соч., с. 96.
[36] Там же, с. 97.
[37] Там же, с. 97–98.
[38] Вешняков В. Белопашцы и обельные вотчинники и крестьяне. // Журнал министерства государственных имуществ, 1859, №5, с. 110–111.
[39] Там же, с. 109. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. СПб., 1861, с. 446.
[42] Там же, с. 446.
[43] Там же, с. 447.
[44] Вознесенский Е.П. Указ. соч., с. 86.
[45] Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, с. 41.
[46] КГВ, 1855, №50, ч. неоф., с. 313.
[47] Известия о селе Домнине, Костромской губернии, и об исправлении в оном церкви.// Журнал министерства государственных имуществ, 1854, №1, с. 21.
[48] Виноградов Н. Исторический очерк условий жизненного быта белопашцев с. Коробова. Кострома, 1911, с. 15.
[49] Памятная книжка Костромской губернии. Кострома, 1862, с. 297.
[50] КГВ, 1855, №50, ч. неоф., с. 313.
[51] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1, СПб., б.г.; репринт, М., 1992, стб. 849–850.

Глава 9.
Сусанин– герой России
(конец 50-х годов XIX – начало XX вв.)

[1] Смирнов В.Г. Россия в бронзе. Памятник Тысячелетие России и его герои.

[55] КГВ, 16.11.1868

[56] Островский П. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870, с. 166.

[57] Дорогобужинов В. Ещё отповедь г-ну Костомарову.// Русский Архив, 1871, №10, с. 1733-1734.

[58] Костомаров Н.И. Личности Смутного времени, с. 522.

[59] Дорогобужинов В. Указ соч., с. 1730.

[60] Костомаров Н.И. Личности Смутного времени, с. 522.

[61] Дорогобужинов В. Указ соч., с. 1731.

[62] Уткин С. В.А. Самарянов, историк, археолог, краевед.// КК, 30.12.1992.

[63] Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121(1613) году. Кострома, 1882, с. 1.

[64] Там же, с. 3.

[65] Там же.

[66] Там же, с. 59-60.

[67] Там же, с. 61.

[68] Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993, с. 336-337.

[69] Журнал общего собрания членов Костромской губернской учёной архивной комиссии заседания 8 сентября 1900 г. Кострома, 1900, с. 21.

[70] Виноградов Н.Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-20 мая 1913 года. Кострома, 1914; репринт, Кострома, 1993, с. 230.

[71] Виноградов Н. Об Иване Сусанине. Были ли польские отряды в районе Костромской губернии в 1612-1613 гг.?// Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып.VIII. Кострома, 1915, с. 3.

[72] Виноградов Н. Об Иване Сусанине. Могли ли польские отряды, действовавшие в пределах нынешней Костромской губернии, до 14 марта 1613 года узнать о предполагаемом или уже совершившемся избрании на царский престол Михаила Феодоровича?// Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып.VIII, Кострома, 1915, с. 3.

[73] Там же, с. 4-5.

[74] Там же, с. 7.

[75] Иловайский Д.И. История России. Новая династия. М., 1996, с. 228.

[76] Полевой П.Н. Избранник Божий.// Романовы. Династия в романах. Михаил Федорович. М., 1994, с. 135.

[77] Там же, с. 127.

[78] Там же, с. 129.

[79] Там же.

[80] Там же.

[81] Там же, с. 133.

[82] Там же, с. 133-134.

[83] Там же, с. 137.

[84] Там же, с. 138.

[85] Там же.

[86] Энциклопедический словарь. СПб., 1901, т. XXXII, полутом 63, с. 120.

[87] Там же.

[88] Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб., 1993, с. 164.

[89] Валишевский К. Смутное время. М., 1993, с. 301.

[90] Там же, с. 301-302.

[91] Всеобщая история обработанная "Сатириконом". Л., 1990, с. 293.

[92] Русский биографический словарь (Суворова-Ткачёв). СПб., 1912, с. 176.

[93] Там же, с. 177.

[94] Там же, с. 178.

[95] Россия под скипетром Романовых. 1613-1913. М., 1990, с. 21-22.

[96] КГВ, 27.08.1866.

[97] Виноградов Н. Деревня Деревеньки и село Коробово, места жительства потомков Сусанина. // Костромская ста-

рина, Вып.VII, Кострома, 1911, с. 66-67.

[98] Студитский И. Поездка в дворцовое село Коробово. Кострома, 1910, с. 7.

[99] Александр III в Костроме.// Губернский дом, 1993, №1, с. 39.

[100] КЕВ, 1898, №11, с. 357.

[101] На родине Сусанина.// Новое время, 17.02.1913.

[102] КГВ, 27.08.1886.

[103] Кончин Е. Три адреса знаменитой картины. К 150-летию со дня рождения А.К. Саврасова. // Советская культура, 23.05.1960.

[104] Студитский И. Состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Александровское Православное Братство в г. Костроме. Исторический очерк. 1879-1913 гг. М., 1913, с. 14.

[105] Там же.

[106] Воспоминания Н.Ф. Чалеева (рукопись).

[107] Виноградов Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-20 мая 1913 года. Кострома, 1914, с. 147.

[108] Там же.

[109] Там же, с. 154.

[110] Там же, с. 157.

[111] Там же, с. 158.

[112] Там же, с. 159.

[113] Там же, с. 162.

[114] Там же.

[115] Костромская старина, №4, Кострома, 1993, с. 45.

[116] Годовой отчёт состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Александровского Православного Братства в г. Костроме за 1913 год.Кострома, 1914, с. 6 (далее – Годовой отчёт ... Александровского Православного Братства в г. Костроме за 1913 год).

[117] Студитский И. Указ. соч., с. 41.

[118] Годовой отчёт ... Александровского Православного Братства в г. Костроме за 1912 год. Кострома, 1913, с. 25.

[119] Студитский И. Указ соч., с. 20.

[120] Там же.

[121] Годовой отчёт ... Александровского Православного Братства в г. Костроме за 1913 год, с. 24.

[122] Там же.

[123] Там же.

Глава 10.
Низвержение Сусанина
(1917 – сер. 30-х гг.)

[1] Наш современник. 1991, №3, с. 122.

[2] Ростопчина Е.П. Талисман. М., 1987, с. 39.

[3] Декреты Советской власти. Т. 2, М., 1959, с. 95-96.

[4] Изгнание романовских атрибутов. //СГ, 27.08.1918.

[5] ГАКО, ф. 838, оп. 1, д.254, л. 1777.

[6] Снятие реликвий царизма. // СГ, 7.09.1918.

[7] Отчёт о деятельности Костромского Научного общества по изучению местного края за 1919 год. Кострома, 1920, с.18.

[8] Площадь Революции. // СГ,11.09.1918.

[9] К переименованию Сусанинской площади. // СГ, 24.09.1918.

[10] Проект устройства "Трибуны Революции". // СГ, 24.09.1918.

[11] СГ, 2.10.1918.

[12] Украшение города. // СГ, 12 11.1918.

[13] В городе. // СГ, 6.11.1918.

[14] Обратите внимание. // КМ, 17.01.1932.

[15] Злосчастный памятник. // КМ, 18.04.1923.

[16] Что надо сделать. // СП, 26.03.1925.

[17] Снять флаг. // СП, 30.07.1925.

[18] Что надо сделать. // СП, 12.08.1925.

[19] Почему зарыли колонну от б. памятника Сусанина. // СП, 4.05.1928.

[20] Невский Г. Я помню... // СП, 23.02.1991.
[21] Там же.
[22] Никитин И. Восстановить памятник. //СП, 30.07.1938.
[23] ГАКО, ф. 6, оп. 1, л. 1об.
[24] Торжество 1 мая. // СГ, 3.05.1918.
[25] Комиссия по переустройству памятника Свободы. // СГ, 28.06.1918.
[26] Розов В. Глазами ребёнка. // Юность, 1987, №4, с. 10.
[27] Надо убрать. // КМ, 30.05.1924.
[28] Романовские статуи будут реализованы. // КМ, 7.061924.
[29] Об открытии памятника В.И. Ленину. // СП, 7.11.1927.
[30] Кто и как делали памятник. // СП, 26.04.1928.
[31] Первомайские торжества в Костроме. // Смена, Кострома, 6.05.1928.
[32] СП, 4.05.1928.
[33] Там же.
[34] Борисов Н.В. Они повторили подвиг Сусанина. М., 1987, с. 55.
[35] ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 256, л. 39-40.
[36] Там же, л. 48.
[37] Там же, л. 49.
[38] Глаголь С. Буй-город. // СП, 3.10.1928.
[39] Горький М. Собрание сочинений. М., 1953, т. 25, с.243.
[40] Самойлов В. Кострома в период польской интервенции и крестьянских войн XVII века. // СП, 26.10. 1936.
[41] Ростопчина Е.П. Талисман, М., 1987, с. 39.

Глава 11.
Сусанин снова нужен

[1] Федотов Г.П. Судьба и грехи России, СПб., т.2, 1992, с. 91.
[2] Там же, с. 83.
[3] Толстой А.Н. Полное собрание сочинений, М., 1949, т.13, с. 216.
[4] Там же, с. 216.
[5] Смирнов П. У истоков колхозного строя. //Сусанинская новь (Сусанино), 10.08.1967.
[6] ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2725, л. 16-16об.
[7] Там же, л. 9.
[8] Там же, л. 2 об.
[9] Там же, л. 2.
[10] Там же, л. 9.
[11] Там же, л. 2.
[12] Там же, л. 9.
[13] Там же, л.18.
[14] Встречные планы по уничтожению собственного народа. // Московские новости, 21.06.1992.
[15] ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2725, л.18.
[16] Там же, л. 20.
[17] Никитин И. Восстановить памятник. // СП, 30.06.1938.
[18] Самойлов В. Кострома в середине XVIII века. // СП. 21.07.1938.
[19] На родине Ивана Сусанина. // СР, 30.09.1938.
[20] На родине Ивана Сусанина. // Ленинская правда (Молвитино), 14.10.1938.
[21] Там же.
[22] На родине Ивана Сусанина. // Ленинская правда (Молвитино), 14.10.1938.
[23] Смуров В. Музейщик на всю жизнь. // СП, 17.05.1990, 19.05.1990.
[24] Рейпольский С. Народный герой. // СР, 26.10.1938.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Там, где жил Иван Сусанин. // Правда, 3.11.1938.
[29] Хубов Г. Народно-героическая эпопея "Иван Сусанин" на сцене Большого театра. // Правда, 22.02.1939.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Самойлов В. Народный герой Иван Сусанин. // Исторический журнал,

1939, №5, с. 64. (далее – Самойлов В. Народный герой Иван Сусанин).

[33] Герасимов Е. Иван Сусанин. М., 1939, с.31(далее – Герасимов Е. Иван Сусанин).

[34] Иван Сусанин. Опера М.И. Глинки. Саратов, 1939.

[35] Самойлов В. Народный герой Иван Сусанин, с. 59.

[36] Там же, с. 64.

[37] Там же, с. 60.

[38] Там же, с. 64.

[39] Герасимов Е. Иван Сусанин, с. 24-25.

[40] Там же, с. 25.

[41] Там же, с. 26.

[42] Там же.

[43] Там же, с. 29.

[44] Там же, с. 30.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939, с. 166-167.

[48] Там же, с. 169.

[49] На родине Ивана Сусанина. // СП, 8.10.1938.

[50] Ленинская правда (Сусанино), 6.09.1939.

[51] Ленинская правда (Сусанино), 2.09.1939.

[52] Справочник по административно-территориальному делению Костромской области (1917-1955). Кострома, 1955, с. 123.

[53] Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990, с. 186.

[54] Мемуары Н.С. Хрущёва.// ВИ, 1994, №4, с. 65.

[55] Франк С.Л. Из размышлений о русской революции. // Новый мир, 1990, №4, с.216.

[56] Федотов Г.П. Полное собрание статей в 6 томах, Т. IV,Париж, 1988, с. 301.

[57] Там же.

Глава 12.
Великая Отечественная война. Сусанин вместе со страной

[1] Пухов И. По примеру предка-патриота. // Ленинская правда (Сусанино), 26.06.1941.

[2] Григорьева Т.Н. Патриот земли русской. Кострома, 1990, с. 19.

[3] Марков С.Н. Знаю я – малиновою раньюю... Стихотворения. М., 1989, с. 157-158.

[4] Москвин Н. Ярославцы (письма о советском тыле). // СП, 6.10.1942.

[5] Борисов Н.В. Они повторили подвиг Сусанина. М., 1987, с. 98.

[6] Шишков В.Я. Собр. соч. в 8 томах. М., 1961, т. 3, с. 546.

[7] Патриотический почин тамбовских колхозников и колхозниц. // Правда, 9.12,1942.

[8] Построим танковую колонну "Ярославский колхозник". // СР, 12.12.1942.

[9] Танковой колонне – имя Ивана Сусанина. // СР, 22.12.1942.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Ледер Е. Иван Сусанин. // СР, 25.12.1942.

[14] Там же.

[15] Ленинская правда (Сусанино), 21.04.1943.

[16] СП, 6.04.1943.

[17] Там же.

[18] Ленинская правда (Сусанино), 3.02.1943.

[19] Архив Костромской епархии. Дело №15, л. 16.

Глава 13.
Великий патриот земли русской

[1] Асафьев Б. Иван Сусанин. Спектакль в Большом театре. //Правда, 25.05.1945.

[2] Приём в кремле в честь командующих войсками Красной Армии. //Правда, 25.05.1945.

[3] Пазовский А. Русская классика. // Известия, 3.06.1945.

[4] Хомутская Т. Наш край (по залам музея). // СП, 17.06.1945.

[5] План уборки урожая колхоза им. Ивана Сусанина Сусанинского сельсовета. // Ленинская правда (Сусанино), 3.07.1947.

[6] История СССР. Учебник для 4 класса. М., 1949, с. 57.

[7] Подготовка к сооружению памятника Ивану Сусанину. // СП, 8.10.1947.

[8] Караев Г., Саламанов Н. Костромичи – патриоты земли русской. // Костромской альманах. Литературно-художественный и публицистический сборник. Кострома, 1946, с. 120.

[9] Богачёв П. Иван Сусанин. // СП, 27.08.1949.

[10] Там же.

[11] История СССР. Учебник для 4 класса. М., 1949, с. 57.

[12] Кошкин Ф. К 800-летию Костромы. Возникновение и развитие Костромы. // СП, 11.03.1952.

[13] Иванов Л. Из летописи героических лет. // СП, 16.03.1952.

[14] Улицы Костромы. Справочник. Ярославль, 1989, с. 72.

[15] ГАКО, ф.2102, оп.1, д.8, л.13.

[16] Голубев Е. Необычный концерт. // СП, 19.07.1953.

[17] Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.- нач. XVII в. М., 1955, с. 604.

[18] Владимирский Н. Костромская область. Историко-экономический очерк. Кострома, 1959, с.29.

[19] Ерошин Н. Подвиг, вошедший в историю. // СП, 27.01.1963.

[20] Белоцерковский Б.В. : Некролог. // Сусанинская новь (Сусанино), 1.06.1971.

[21] Белоцерковский Б. Слово об Иване Сусанине. К открытию памятника в Костроме. // СП, 26.09.1967 (далее – Белоцерковский Б. Слово об Иване Сусанине).

[22] Белоцерковский Б. О прежних памятниках Сусанину и особенно поисках первого. // Твоя земля рассказывает. Сб. Кострома, 1960, с. 38.

[23] Белоцерковский Б. Слово об Иване Сусанине.

[24] Белоцерковский Б.В. На родине Ивана Сусанина. Кострома, 1959, с. 8-9.

[25] Белоцерковский Б. Слово об Иване Сусанине.

[26] Абатуров К.И. Моя Шача. Кострома, 1996, с. 95.

[27] Белоцерковский Б. Изучай родной край. // Ленинская правда (Сусанино), 17.05.1959.

[28] Дмитриев В. Так начинался музей. // СП, 31.01.1967.

[29] Соловьёв Ю.С. Заглядывая в завтрашний день. // СП, 20.06.1965.

[30] Васильев А. Выставка "Иван Сусанин". // Ленинская правда (Сусанино), 7.11.1959.

[31] Вишняков Д. Имени Сусанина. // СП, 6.01.1967.

[32] Румянцев А.Ф. Я видел Сусанина. Ярославль, 1968, с. 45.

[33] Там же, с. 54.

[34] Бочков В. Книга о великом патриоте. // СП, 20.05.1965.

[35] Белоцерковский Б. Сусанин - народный герой. // Сусанинская новь (Сусанино), 18.06.1965.

[36] Подготовка к сооружению памятника Ивану Сусанину. // СП, 8.10.1947.

[37] Игнатиус Н.В. Н.А. Лавинский. Л., 1987, с. 10.
[38] Степанов С. Таким был Сусанин. // Твоя земля рассказывает. Сб., Кострома, 1960, с. 39.
[39] Лежнин Л.К. О памятнике Ивану Сусанину. // СП, 30.10.1964.
[40] Ещё раз о памятнике Сусанину. // СП, 25.09.1965.
[41] Там же.
[42] Костромичи обсуждают модель памятника Ивану Сусанину. // Молодой ленинец, 31.10.1965.
[43] Григорьева Т. Как создавался памятник. // Молодой ленинец, 1.10.1977.
[44] Белоцерковский Б. Слово об Иване Сусанине.
[45] Сергеев В. Патриоту земли русской. Вчера в Костроме открыт памятник Ивану Сусанину. // СП, 29.09.1967. (далее – Сергеев В. Патриоту земли русской).
[46] Беляев В. Вечный гражданин России. К открытию в Костроме памятника Ивану Сусанину. // Молодой ленинец, 1.10.1967. (далее – Беляев В. Вечный гражданин России).
[47] Сергеев В. Патриоту земли русской.
[48] Там же.
[49] Беляев В. Вечный гражданин России.
[50] Там же.
[51] Сергеев В. Патриоту земли русской.
[52] Тарабухина Г. Памятник Ивану Сусанину. // СП, 5.08.1967.
[53] Кончаловская Н. Избранное. Т. 1, М., 1987, с. 232.
[54] Петров А. Иван Сусанин.// Волжский запев. Стихи молодых поэтов. Кострома, 1958, с. 66-67.
[55] Там же, с. 73,75.
[56] Там же, с. 77.
[57] Зверева Н. Сусанин. // СП, 15.03.1966.
[58] Рыбников Ю. Иван Сусанин. // СП, 1.12.1968.
[59] Калягин С. За землю русскую. // Нерехтская правда, 9.07.1968.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Старшинов Е. Сказ об Иване Сусанине. // СП, 13.03.1973.
[64] Там же.
[65] Там же.
[66] Куликов Г. Сусанину. // Ленинская правда (Сусанино), 14.02.1960.
[67] Лебедев В. Рукавица Сусанина. // Судьба моей берёзы. Ярославль, 1982, с. 39.

Глава 14.
На переломе
(конец 60-х – конец 80-х годов)

[1] Купцов И. Жизнь за народ. // Сб. Навечно в памяти народной. М., 1968, с. 34.
[2] Белоцерковский Б. Снова об Иване Сусанине. // СП, 24.03.1970.
[3] Борисов Н.В. Они повторили подвиг Сусанина. М., 1987, с. 14-16.
[4] Там же, с. 15.
[5] Там же, с. 16.
[6] Черниченко Ю. Уравнение с известным. // Звезда, 1974, №4, с. 177.
[7] Там же.
[8] Буганов В.И. Вопреки фактам. // ВИ, 1975, №2, с. 206.
[9] Булдаков К. Необоснованное заявление. // СП, 8.04.1975.
[10] История СССР. С древнейших времён до 1861г. 5-е издание, М., 1983, с. 232.
[11] Бочков В. Так начинался подвиг. Ярославль, 1969, с. 58.
[12] Там же, с. 60-61.
[13] Там же, с. 61.
[14] Там же, с. 64-65.
[15] Там же, с. 66.
[16] Григорьева Т.Н. Костромской патриот Иван Сусанин. // Краеведческие записки. Вып. 2, Ярославль, 1977,

с. 67.
17 Там же, с. 68.
18 Булдаков К.А. Костромской край. Ч.1, Ярославль, 1978, с. 17.
19 Булдаков К.А. Костромской край. Ч.1, Ярославль, 1992, с. 25-26.
20 Кострома. Краткий исторический очерк. Ярославль, 1978, с. 15.
21 Кострома. Путеводитель. Ярославль, 1983, с. 8.
22 Памяти Ивана Сусанина: Внимание: конкурс // СП, 26.06.1986.
23 Край костромской. М., 1988, с. 174.
24 Воротной К. Память. // Молодой ленинец, 22.12.1978.
25 Там же.
26 Воротной К. Противостояние. // Молодой ленинец, 29.12.1987.
27 Бобров Р. Дорога к обелиску. // Сусанинская новь, 18.06.1988.
28 Пархоменко В. Память. // Сусанинская новь, 27.08.1988.
29 Шпанченко В. На земле сусанинской. // СП, 20.09.1988 (далее – Шпанченко В. На земле сусанинской).
30 Клиндухов П. Память о нём не померкнет в веках. // Сусанинская новь, 27.09.1988.
31 Там же.
32 Там же.
33 Шпанченко В. На земле сусанинской.

Глава 15.
Возрождение (конец 80-х – конец 90-х годов)

1 Стежка И. Таков ли "Иван Сусанин"? // Советская культура, 13.08. 1988.
2 Там же.
3 Фролов С. Глинка: "Иван Сусанин" – "Жизнь за царя". // Советская музыка, 1988, №1, с. 84.
4 Угрюмов Н. Мученица нашего времени. // Советская музыка, 1989, №9, с. 90.
5 Ответы на анкету Фонда культуры о восстановлении исторических названий костромского края. // Костромская земля. Краеведческий альманах, Вып. 2, Кострома, 1992, с. 12.
6 Костромская земля. Краеведческий альманах. Вып. 1, Кострома, 1990, с. 14.
7 Там же.
8 Там же, с. 12.
9 О возвращении названий. //КВ, 15.05.1991.
10 Анохин А. Названия пристойные...// КК, 3.10.1991.
11 Площади Революции больше нет. // КВ, 29.04.1992.
12 Костромской земле. // СП, 18.05.1993.
13 Потомки Романовых – на родном пепелище. // Молодёжная линия, 4.06.1993.
14 Колесников А. "Жизнь за царя" на родине героя. // РГ, 8.06.1993.
15 Белоцерковский Б. Изучай родной край. // Ленинская правда (Сусанино), 17.05.1959.
16 Пархоменко В. Бей своих? // Сусанинская новь (Сусанино), 5.11.1991.
17 Борисов Н. Поклон Ивану Сусанину. // Сусанинская новь (Сусанино), 28.12.1991.
18 Шапошников В. Почитание, равное поруганию...// Благовест, 1992, №1.
19 Негорюхин Б. Духовное возрождение. // СП, 15.05.1993.
20 Вилкова Т. Короткий, но памятный визит. // Сусанинская новь (Сусанино), 13.05.1993.
21 История Отечества. Учебник для 8-го класса средней школы. Издание 5-е, М., с.149.
22 История России с древнейших времён до конца XVII века. Учебник для 10-го класса. М., 1995, с. 246.
23 Скрынников Р. Собирательный образ. // Советская музыка, 1989, №1, с. 91.
24 Скрынников Р.Г. Лихолетье. Москва в XVI-XVII вв. М., 1988, с. 532.

[25] Вайсман А.С. Не исторический факт, а монархическая легенда. // ВИ, 1993, №1, с. 174.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Булдаков К., Уткин С. Подвиг Ивана Сусанина. Письменные источники. Историография. // Краеведческие записки, Вып. 5, Кострома, 1993, с. 28.
[30] Там же.
[31] Там же, с. 36.
[32] Там же.
[33] Там же, с. 40.

Послесловие

[1] Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1, СПб., 1991, с. 44.

Список сокращений

ГАКО — Государственный архив Костромской области
ВИ — Вопросы истории
КВ — Костромские ведомости
КГВ — Костромские губернские ведомости
КЕВ — Костромские епархиальные ведомости
КК — Костромской край
КМ — Красный мир (Кострома)
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГ — Российская газета
СГ — Советская газета (Кострома)
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
СР — Северный рабочий (Ярославль)
ЦДНИКО — Центр документации новейшей истории Костромской области

SUMMARY

The book "Ivan Susanin: legends and reality" written by N.A. Zontikov is dedicated to a Russian hero Ivan Susanin.

Ivan Susanin was a peasant whose home land was a village situated in Kostroma region. He sacrified his life for Mikhail Feodorovitch Romanov's rescue who was an ancestor of the last czarist dynasty and governed Russia from 1613 up to 1917. Before the October Revolution Susanin was regarded as a Russian patriot. He was mentioned a lot in historical literature. One can find Susanin as a character of many well-known masterpieces of literature, painting, sculpture and music (for example, the most famous classic Glinka's opera name is "Life for the czar").

Later Susanin was reputed by a new revolutionary government to be a servient to Romanov's autocracy. Then tried to exclude Susanin's name from Russian history, but the great Susanin's morality was so impressive that in the end of the 30-s an attitude towards the famous peasant was changed and he was numbered among legendary heroes of the Soviet motherland.

At the end of the 80-s when Russia began its returning to authentic to Russian traditions and ideas traditional attitude towards Susanin as a personality and his deed was also changed.

The author of this book has analyzed a great lot of various materials dedicated to Susanin and generalized them. He tried to explain again events connected with Susanin deed that had taken place at the beginning of the XVII century, being not clear up to nowadays (in particular, it was found out by him where the exact place of the hero's burial was, since it had been lost at the beginning of the XIX century).

The book is richly illustrated, it contains a of unique photos, unknown yet to a broad public.

RÉSUMÉ

Le livre de N.A. Zontikov "Ivan Soussanine: légendes et faits réels" est dédié à Ivan Soussanine, un héros national de la Russie.

Ivan Soussanine fut un paysan de Kostroma qui se sacrifia pour sauver la vie de Michel Romanov, le fondateur de la dernière dynastie des tsars ayant gouverné la Russie depuis 1613 jusqu'en 1917.

A l'époque prérévolutionnaire Ivan Soussanine fut considéré comme la personnification du patriotisme russe; une abondante littérature historiqe lui fut consacrée, l'image d'Ivan Soussanine trouva son incarnation dans de nombreux oeuvres d'art — en littérature, peinture, sculpture, musique (dont le plus célèbre est le premier opéra classiqe russe "La vie pour le tsar" de M.I. Glinka).

Après la révolution de 1917 le nouveau régime traita Ivan Soussanine de serviteur de l'autocratie des Romanov, en rejetant sen nom des annales de l'histoire russe. Mais son prestige moral était si grand qu' à la fin des années 30 l'attitude envers ce paysan célèbre changea et il fut inclu en panthéon de la gloire des héros de l'Etat soviétique.

Dès la fin des années 80 marquées par le retour aux valeurs traditionnelles russes, l'image d'Ivan Soussanine retrouva ses traits de symbole du patriotisme.

L' auteur de ce livre a fait une analyse profonde des documents concernants Soussanine, les a synthétises, en présentant sous un nouveau jour certains événements du début du XVII siècles, liés à cet exploit, restés obscurs jusqu' à présent (à signaler: il a indiqué le lieu exact de sa mort oublié depuis le début du XIX siècle).

Le livre est richement illustré, aves en particulier un grand nombre de photos uniques, inconnues jusqu'ici au large public.

ZUSAMMENFASSUNG

Das Buch von N.A. Sontikow "Iwan Sussanin: die Legenden und Echtheit" ist dem nationalen russischen Helden I. Sussanin gewidment.

I. Sussanin ist der kostromaer Bauer. Er hat sein Leben für die Rettung Michail Romanow, des Gründers der Zarendynastie, die in Rußland seit 1613 bis 1917 regierte, hingegeben.

Die Sussanin Gestalt wurde seit alters als Symbol des russischen Patriotismus ausgefaßt. Es wurde ihm kolossale Menge historischer Schriften gewidmet; die Sussanin-Gestalt hat einen reichen Niederschlag in der Kunst gefunden, – in der Literatur, Malerei, Skulptur, Musik (höchstbekannt ist die erste russische klassische Oper "Das Leben für den Zaren" von M.I. Glinka.)

Nach der Revolution 1917 erklärte der neue Regime I. Sussanin für den Bedienten der Romanow Selbstherrschaft und sein Name wurde aus der russischen Geschichte gestreicht. Doch die Kraft und der Liebreiz seiner geistigen Gestalt waren so hoch, daß am Ende dreißiger Jahre der kostromaer Bauer ins Ruhmespantheons der Sowjetmachthelden eingefügt wurde.

Anfang der neunziger Jahre wurde mit allgemeinen Rückkehr zu russischen Traditionen auch das traditionale Verhalten zu I. Sussanin erneuert.

Der Autohr des Buches analysierte zahlreiche histoische Urschrieften. Neuarting behandelte er zu vielen bis jetzt nicht klaren Fragen der Sussanins Geschichte (es wurde insbesondere die Anfang des XIX. Jahrhunderts verlorene genaue Stelle Sussanins Beisetzug festgestellt.)

Das Buch ist reich mit Fotos illustriert, die meisten sind dem breiten Publikum nicht bekannt.

Именной указатель*

А

Абатуров К.И. 261
Адамсон А.И. 190
Аксаков И.С. 116, 137
Александр (Могилев), архиеп. 10, 12, 306, 307, 315, 318
Александр I, имп. 98
Александр II, имп. 112,133, 135, 138, 142, 145, 155, 158, 179, 180
Александр Невский, вел. кн. 218, 242
Александр III, имп. 164, 179, 180
Алексий II, патр. 305, 312, 318
Ангелина (Травина), игум. 315, 316
Анисимов Е.В. 273
Анна Ивановна, имп. 55, 88, 89
Анна Леопольдовна, правительница 88
Антонида, дочь Сусанина 30, 31, 64, 69, 86, 87, 115
Антоний Печерский, преп.16
Арбузов В.П. 305, 315
Асафьев Б. 252

Б

Бадаев А. 234
Баженов И.В. 49, 60, 72
Балакирев М.А. 141, 142
Бантыш-Каменский Д.Н. 72
Баратынский Е.А. 200
Батый, хан 42
Бебель А. 205, 234
Белоцерковский Б. 258, 259, 262,263, 272, 282, 306
Беляев В.В. 16, 36, 44
Беляев Л.А. 78
Бенуа А.Н. 98
Бестужев А.А. 100
Бестужев-Рюмин К.И. 141
Борисов Н.В. 73, 283, 284, 311
Борщов М.С. 161
Борщов С.С. 111
Бочков В.Н. 265, 287, 302
Бриан 212
Брокгауз 175, 285, 286
Брюсова В.Г. 73
Буганов В.И. 286, 321
Будённый С.М. 242
Булдаков К.А. 272, 286, 290, 302, 322, 323
Буров П. свящ. 318
Буслаев Ф.И. 141

В

Вайсман А.С. 321
Валишевский К. 176
Василий (Родзянко), еп. 10
Васильев Л.С. 268
Васьков И.К. 94
Ведерников А.Ф. 301
Веселовский С.Б. 31
Вешняков В. 132
Виноградов Н.Н. 20, 53, 57, 69, 79, 145, 170, 171, 261, 322
Владимирский Н.Н. 257
Владислав, ц-ч. 53
Вознесенский Е.П., свящ. 126
Войцех А.Ф. 135
Волков А.А. 126
Володарский 234
Воротной К. 70, 80, 293
Ворошилов К.Е. 228, 242
Воскресенский А., свящ. 256

Г

Гальберг С.И. 123
Гамбургер И. 124

Принятые сокращения: *арихиеп. – архиепископ, вел. кн. – великий князь, еп. – епископ, игум. – игуменья, митр. – митрополит, мон. – монахиня, патр. – патриарх, преп. – преподобный, свящ. – священник, ц-ч – царевич

Генкин Л.Б. 232, 233
Георгий Михайлович 306
Герасимов Е. 231, 232
Герман Соловецкий, преп. 16
Гермоген, патр. 37
Гитлер А. 238, 241
Глаголь С. 216
Глинка М.И. 112, 113, 114, 227, 252
Глинка С.Н. 96, 97, 98, 100, 113
Гоголь Н.В. 112, 123
Годуновы:
Борис Федорович, царь 33, 36, 86, 87
Дмитрий Иванович 86
Иван Иванович 33
Голицын В.В., кн. 38
Гончаров И.А. 141
Гораций 96
Горбачёв М.С. 290
Горицкий Г., свящ. 251
Городецкий С.М. 229
Горький А.М. 216
Григорьева Т.Н. 288
Григорий, правнук Сусанина 87
Громов А.В. 302
Гулиа Г. 261
Гуляев Ф.С. 212

Д

Давид (Хвостов), игум. 37
Даль В.И. 30
Дамаскин (Аскаронский), еп. 37
Даниил, внук Сусанина 27, 30, 86, 87
Дантон 202
Демут-Малиновский В.И. 123, 124, 188, 259, 273
Дехтярёв З.И. 180
Дзюбанов П. 266
Диев М.Я., свящ. 60, 72
Дмитрий Донской, вел. кн. 218, 242
Домнинский А.Д. свящ., 25, 28, 29, 51, 54, 60, 75, 76, 79, 154,166, 175, 232, 261
Дорогобужинов В.И. 166, 167, 175
Дурляпин 196

Е

Евсевий, свящ. 25, 28, 166
Ежов Н.И. 224
Екатерина II , имп. 87, 92, 93, 113
Елизаров 246
Ерошин Н. 257
Ершов А.М. 224
Ефрем, митр. 37
Ефрон 175, 286

Ж

Жаворонков К.И. 297
Жуков Н.И. 124
Жукова Н.Б. 124
Жуковский В.А. 112,
Журавский С.Ц. 296

З

Загоскин М.Н. 113
Заруцкий И. 38
Захаров И.Н. 272
Зверева Н. 276
Зосима Соловецкий, преп. 16

И

Иван Антонович, имп. 88
Иван Грозный, царь 20, 218
Иван Калита, вел. кн. 33
Иванова Е.Г. 212
Иловайский Д.И. 172
Ильина О.А. 200
Иннокентия (Травина), игум. 316
Иоанн Алексеевич, царь 87
Иорданский И.Д. 71
Ишимова А.О. 118, 119

К

Кавос К.А. 99, 114
Калинин М.И. 228, 234
Калягин С. 277
Каменский И.В.126
Капустин С.А. 297
Каракозов Д.В. 159, 164, 165
Карамзин Н.М. 109
Карташев Р.А. 315
Карцев Н.П. 160

Катырев-Ростовский И.М. 38
Керенский А.Ф. 216
Кизеветтер А.А. 152
Климов А., свящ.318
Ключевский В.О. 155
Коганович П.К. 204
Козлов Г. 234
Козловский А.Д. 58, 72, 120
Колобова А.Н. 273
Комиссаров О.И. 157, 159, 163, 164, 179, 181, 235
Константин, внук Сусанина 27, 30, 86, 87
Константин Павлович, вел. кн. 107
Константинов Е.К. 100
Кончаловская Н.П. 274
Кончин Е. 182
Корецкий М.Ф. 192
Коробов Б.К. 303, 305
Костомаров Н.И.11, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 69, 77, 78, 91, 100, 141, 147, 149, 150, 152, 163, 165, 170, 175, 285, 286, 287, 292, 293, 321, 322
Кошелева Т. 273
Красильникова Ю.С. 297
Краснобаев В.И. 320
Крупин В. 301
Крупская Н.К. 213
Ксения (Груздева), мон. 251
Кузмин И.К. 216
Кузмин С.И. 324
Кузьмин М.К. 244, 324
Куликов Г. 280
Купцов И. 282
Кутузов М.И. 218, 242

Л

Лавинский Н.А. 266, 268, 273
Ларионов А.Н. 246
Лассаль Ф. 205
Львов А.М. 68
Леандров Н., свящ. 134, 143
Лебедев В. 280
Ленин В.И. 202, 205, 210, 212, 213, 234
Леонид (Зарецкий), еп. 126
Лжедмитрий II 37
Либкнехт К. 234
Лисовский 186
Листопад М.Ф. 212
Литвинов Ю.А. 315
Литвинов М.М. 228
Ломоносов М.В. 109
Луначарский А.В. 202, 234
Лука, правнук Сусанина 87
Люксембург Р. 234
Ляпунов П. 38

М

Майков А.Н. 141, 162, 163
Макарий Унженский и Желтоводский, преп. 15, 16, 40, 41, 42, 44, 46, 47, 66, 69
Маков П. 273
Малафеев А.М. 268
Малахов А.Л. 273
Малахова М. 268
Малышев Н.И. 124
Мальгин Т.С. 94
Мамонтов В.Т. 316
Марков С.Н. 242
Маркс К. 202, 205, 234
Мартемьянов Герасим 68
Мартос И.П. 98, 123
Маянский Иван 134
Микешин М.О. 140, 147
Минин Кузьма 27, 38, 80, 109, 176, 185, 186, 218, 228
Миронов А.А. 135
Михайлов М.Д. 256, 243
Михайлов Н.А. 248
Михаил, правнук Сусанина 87
Молотов В.М. 220
Мотовилов Г. 266
Мягков Г.В. 71

Н

Назаров Ю.П. 11, 12
Назаров И.Н. 71
Наполеон I, имп. 97, 98
Наполеон III, имп. 162

Нафанаил (Леандров), еп. 134
Неклюдов 145
Николай I , имп. 107, 108, 109,125, 126, 129, 131, 135, 138
Николай II, имп. 180, 186, 192, 195, 196, 208, 212
Новиков 246

О

О.Л.Д'Ор (И.Л. Оршер) 177
Овцын Тимофей 60
Одоевский В.Ф. 112
Орловский Б.И. 123
Осетров Е.И. 302
Островский А.Н. 165
Островский П.Ф. 60, 72, 165

П

Павлов-Сильванский Н.П. 29
Пазовский А.М. 252
Палеолог Морис 73
Пархоменко В. 310
Паскевич И.Ф. 107
Пафнутий Боровский, преп. 16
Первушин А.А. 127
Пётр I, имп. 218
Петров А. 274
Петров О.А. 114
Пилсудский 212
Пименов С.С. 123
Платон (Фивейский), еп. 164
Платонов С.Ф. 53, 176
Погодин М.П. 56, 62, 141, 154, 155, 175
Пожарский Д.М., кн. 38, 81, 186 218, 228 242
Покровский М.Н. 231
Полевой Н.А. 27, 120, 173
Полевой П.Н. 173, 174
Полумордвинов Г.А. 224
Преображенский А.А. 320
Прушанин Миша 20
Пухов И. 241
Пушкин А.С. 63, 104, 112, 234
Пушкин Л.А. 160
Пушкин М.Е. 60

Р

Радищев А.Н. 202
Рейпольский С.Н. 227, 229
Робеспьер 202
Розанов Е. 144
Розен Е.Ф. 115
Розов В.С. 209
Романовы:
Александр Никитич 34
Борис Федорович 33
Василий Никитич 34
Владимир Александрович, вел. кн. 143, 164, 180
Иван Никитич 36, 44
Иван Федорович 33
Константин Константинович вел кн. 180
Лев Федорович 33
Михаил Никитич 34
Михаил Федорович, царь 16, 19, 35, 36, 37, 40, 41, 47, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 58, 61, 63, 64, 65, 69, 72, 76, 80, 87, 89, 91, 110, 111, 125, 149, 166, 169, 176, 177, 178, 184, 203, 228, 230, 231, 232, 243, 246, 255, 283, 321
Никита Романович 20, 33
Никита Федорович 33
Сергей Александрович, вел. кн. 180
Федор Никитич (в иночестве Филарет) 15, 19, 34, 37, 38, 40, 41, 51, 59, 61, 65
Александра Федоровна, имп. 190
Анастасия Никитична 35, 36
Анастасия Романовна 20
Ксения Ивановна (в иночестве Марфа) 15, 16, 22, 28, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 47, 48, 50, 54, 55, 58, 61, 62, 65, 66, 69, 169, 172, 178, 307
Леонида Георгиевна, вел. кн. 305
Мария Александровна, имп. 180
Мария Владимировна, вел. кн. 305
Мария Федоровна, имп. 180
Марфа Никитична 35, 36

Татьяна Федоровна 35, 37
Ирина Никитична 36
Романус И.В. 144
Ростопчина Е.П. 117, 201, 217
Рубинский Н., свящ. 197
Румянцев А.Ф. 264, 265
Рыбаков В.А. 320
Рыбников Ю. 276
Рылеев К.Ф. 100, 104, 105, 113, 259

С

Сабинин Василий 93
Сабинин И.Л. 57, 60, 88, 89, 289
Савва Звенигородский, преп. 16
Савватий Соловецкий, преп. 16
Савин А.В. 272
Саврасов А.К. 181, 182, 235, 312
Сакс К.В. 208
Салуянов Серёжа 273
Самарянов В.А. 60, 167, 168, 261
Самойлов В. 217, 225, 229, 230
Сахаров А.М. 320
Свердлов Я.М. 234
Свиньин П.П. 60, 63, 70, 71, 100
Селифонтов Н.Н. 70, 71, 169
Семашко Н.А. 234
Семеновский В.Г. 170
Сергий Радонежский. преп. 16
Сигизмунд III, король 38, 39, 53
Симонов К.М. 236
Скворцов Л.П. 37, 41, 46
Скрынников Р.Г. 53, 320, 321
Слободской Л.П. 198
Смирнов В.И. 227
Смирнов Н.К. 318
Смирнов Ф.А. 195
Собинин Богдан 27, 57, 58, 64, 65, 66, 69, 79, 89, 116, 232
Сокольский К., свящ. 221,222, 224, 251
Солдатов Р.К. 273
Соловьёв Ю.С. 263
Соловьёв С.М. 12, 52, 55, 58, 153, 175
Соловьёва А.В. 12
Софонов 196
Сталин И.В. 202, 213, 218, 236, 238, 239, 243, 245, 246, 250, 256
Старшинов Е. 278
Стасов В.В. 141, 142
Степан Разин 219
Стрешнев В.И. 68
Студитский И.М. 81, 196
Суворов А.А. 160
Суворов А.В. 160
Сумароков Н.Н. 94
Сумароков Н.С. 94
Суриков В.И. 274
Сурьянин Тороканов 69
Сытин И.Д. 11

Т

Терентий Михайлович 20
Тихон (Василевский), архиеп. 188, 197
Толстой А.Н. 219
Томский Н.В. 253, 266
Торгованов И.А. 273
Тороп К.Г. 268
Торопов В.И. 295, 296
Тотлебен Э.И. 156
Третьяков П.М. 11
Троицкий П.С. 37
Троцкий Л.Д. 207, 234
Трубецкой Д. 38
Тургенев И.С. 141
Тютчева А.Ф. 144

У

Уваров С.С. 108, 113
Угрюмов Н. 301
Улу Мухамед, хан 42
Ульянова М.И. 213
Урицкий 234
Уткин С. 322, 323
Ушинский К.Д. 72

Ф

Федор Иванович, царь 20, 33, 53
Федотов Г.П. 219, 239, 323
Феодосий Печерский, преп. 16

Феофанов А. 192
Филофей (Успенский), архиеп. 135
Флорентьев Л.Я. 271, 272
Фокс, посол США 181
Франк С.Л. 239, 300
Франц Иосиф, имп. 162
Фролов С. 301

Х

Хвостов Д.И. 96
Херасков М.М. 95
Херсонский И.К., свящ. 41
Хрущёв Н.С. 236, 263, 268

Ц

Цеткин К. 234

Ч

Чалеев Н.Ф. 185
Чемберлен 212
Черевин П.А. 158, 159
Черкасский Б.К. кн. 35
Черниченко Ю.Д. 285, 286, 289
Чернышевский Н.Г. 150
Чижов Ф.В. 11
Чирков Максим 68

Ш

Шаляпин Ф.И. 184
Шапошников В.И., свящ. 312
Шаховской А.А. 98
Шварц Д.П. 212
Шевченко Т.Г. 150
Шейкин И.Т. 272
Шереметев 320
Шестовы:
Василий Михайлович 19, 22, 23
Григорий Михайович 19
Иван Васильевич 19, 22, 23
Пётр Васильевич 23
Мария 34
Шишков В.Я. 244
Шмидт И.М. 123
Штейман С.И. 246
Шуйский Василий, царь 38

Щ

Щекатов А. 94, 95

Э

Энгельс Ф. 202

Ю

Юзикова 113
Юрчук Б.К. 224

Я

Яковлев Т.К. 23
Ярустовский В. 113

Указатель географических названий

А

Австрия 92, 98
Антипино*, д. 25
Англия 134
Анфёрово*, д. 221, 291, 293, 295
Архангельск, г. 110
Ахлебинино, ус. Галичского у. 101

Б

Белое море 35
Белоозеро (г. Белозерск) 35, 37, 120
Белоруссия 107
Березина, р 98
Березники*, поч. 25
Бородино, с. 235
Бородинское поле 98, 110
Бочатино*, ус. 161
Бузлуево*, д. 25
Буй, г. 186
Буйский район 315
Буйский уезд 23, 159, 215, 216

В

Варшава, г. 92, 98, 107, 238
Варшавское герц-во 98
Ватерлоо (Бельгия), 98
Великие Луки, г. 244
Венеция, г. 99
Верховская волость Галичского у. 20
Веселово**, д. 216
Вильно (Вильнюс), г. 160
Водожский ям 66
Волга, р. 322
Волгореченск, пос. 293
Вологда, г. 26
Волок Ламский (Волоколамск), г. 39
Высокое*, д. 25

Г

Галич, г. 26, 101, 186, 234, 255
Галичский уезд 19
Германия 236, 241
Голодаева*, д. 25
Горчаки*, поч. 25
Греция 110
Гридино*, д. 25

Д

Давыдово*, д. 25
Деревнище (Деревеньки)* 9, 12, 17, 25 31, 65, 66, 69, 86, 120, 173, 186, 197, 198, 215, 216, 221, 225, 226, 231, 234, 254, 257, 259,261, 283, 284, 306, 313
Деулино (Подмосковье), д. 65
Днепр, р. 141
Докукино*, поч. 25
Долматов*, поч. 25
Домнино*, с. 12, 17, 19, 22, 23, 25, 40, 41, 47, 48, 50, 52, 54, 55, 57, 61, 65, 69, 74, 80, 81, 82, 89, 95, 96, 105, 160, 166, 169, 170, 173, 175, 180, 182,

---

Принятые сокращения: г. – город, герц-во – герцогство, губ. – губерния, д. – деревня, обл. – область, оз. – озеро, п-ов – полуостров, пос. – поселок, поч. – починок, пуст. – пустошь, р-н – район, р. – река, с. – село, у. – уезд, ус. – усадьба.

*Населённые пункты, находящиеся и находившиеся на территории Сусанинского района Костромской области.

**Населённые пункты, находящиеся и находившиеся на территории Красносельского района Костромской области.

184, 185, 186, 198, 215, 220, 221, 232, 234, 251, 254, 257, 283, 285, 288, 289, 290, 306,315,316, 319
Домнинская волость* 179, 181, 195

Е

Ефаново*, д. 25
Ефремово, ус. Галичского у. 70

Ж

Жары*, д. 25
Жёлтые воды, оз. 42

З

Западная Двина, р. 141
Здемирово**, с. 133
Зимина*, д. 25
Зогзино*, с., д. 19
Золотая Орда 42

И

Ивановская область 224
Ивашево*, д. 25
Ипатьевская слобода в Костроме 184
Избердеевский район Тамбовской обл. 245
Исупово*, с. 12, 60, 61, 64, 160, 215, 221, 306
Исуповское (Чистое) болото 26, 60, 186, 216, 263, 291, 293

К

Казанское ханство 42
Караваево, с. Костромского р-на 246
Кинешма, г. 186
Кинешемский уезд 133
Кисели*, поч. 25
Клины, с. Юрьев-Польского у. 36, 37
Клоны, с. Юрьевецкого у. 37
Кологрив, г. 20
Кондратово*, д. 25
Копнино*, д. 25
Копцов*, поч. 25
Корба, р. 259
Коробово** пуст., д., с. 9, 12, 66, 69,81, 85, 86, 105, 133, 134, 135, 142, 144, 160, 179, 181, 213, 214, 216, 285, 321
Коровино*, д. 25
Коростели*, д. 25
Коряковская волость Галичского у. 44
Кострома, г. 15, 40, 41, 47, 50, 64, 65, 82, 93, 97, 110, 120, 125, 129, 134, 143, 167, 179, 181, 188, 199, 202, 209, 212, 234, 253, 255, 256, 257, 266, 268, 274, 284, 288, 290, 292, 301
Кострома, р. 161
Костромская губерния 147, 159
Костромская область 54, 69, 172, 251
Костромской округ 214
Костромской уезд 17, 22, 57, 69, 94, 179, 215, 319
Красное**, с., пос. 69, 215, 133, 321
Красносельский район 9, 69, 215, 285
Крым, п-ов 135
Кубань, р. 293
Кулиги, с. Нерехтского у. 221
Куликово поле 110

Л

Ленинград, г. 258, 266
Линяков*, поч. 25
Литва 107
Лух, р. 42
Львов, г. 238

М

Маврино*, д. 25
Макаров*, поч. 25
Макарьев на Унже, г. 36, 184
Малоярославец, г. 98, 110
Малые Хрипели*, д. 32
Мальборгский замок 38
Мамшин остров 44
Митирёво*, д. 262
Михайловское, с. Псковской обл. 235
Молвитино*, с. 19, 23, 160, 161, 179, 180, 182, 215, 223, 233, 234, 237, 238, 247

Молвитинская волость 159, 179
Молвитинский район 23, 215, 234, 247
Монастыри:
Богоявленский в г. Костроме 40
Богоявленский на р. Лух 42
Антониево-Сийский 34
Богоявленско-Анастасиин в г. Костроме 309, 316
Железноборовский 173
Ипатьевский в г. Костроме 40, 41, 47, 57, 64, 70, 71, 72, 82, 86, 89, 100, 110, 118, 120, 169, 181, 204, 255, 268, 284, 293, 305
Макариево-Решемский 44
Макариево-Желтоводский 42, 44
Макариево-Писемский 315, 316
Макариево-Унженский 36, 40, 41, 42, 46, 47, 48
Никольский в Чебоксарах 35
Новоспасский в Москве 66, 69, 81
Спасо-Евфимиевский в Суздале 81, 110
Троицкий Сумароковский 250

Москва, г. 16, 17, 37, 39, 42, 47, 64, 66, 94, 97, 98, 178, 220, 231, 251, 254, 255, 257, 274, 283, 301, 304
Московский кремль 40, 46

Н

Нева, р. 200
Неман, р. 96
Нёмда, р. 44
Нерехта, г. 20
Нерехтский уезд 133
Нероново, ус. Солигаличского у. 157
Нестерово*, д. 25
Нижний Новгород, г. 42, 110, 112, 181, 189, 257
Новгород, г. 20, 140, 171, 192, 213

О

Овсяников*, поч. 25
Оксенов*, поч. 25
Ортемово*, д. 25

П

Павлово*, д. 25
Париж, г. 97
Пелым, с. (Зап. Сибирь) 35
Перевоз*, д. 25, 221
Переяславль-Залесский, г. 15, 41
Петербург, г. 63, 71, 98, 99, 135, 160, 168, 178, 189, 229
Плёс, г. 133, 144
Полтавская губерния 165
Польша 38, 41, 47, 92, 107, 141, 221
Прискоково**, с. 87, 133, 134
Пруссия 20, 92, 98
Пурех, с. Нижегородской обл. 44
Пушкин, г. 234

Р

Рагозки*, поч. 25
Рассказиха, с. Барнаульского у. 212
Речь Посполитая 92
Решма, с. Кинешемского у. 44
Рим, г. 110
Ровенская область 295
Родихино*, д. 25
Ростов, г. 15, 41
Рыбина*, д. 25

С

Саратов, г. 150
Саратовская губерния 146, 158
Свирлова*, д. 25
Семёновское, с. Макарьевского у. с. 78
Семеновское, с. Нерехтского у. с. 169
Сидоровское**, с. 88
Симбирск, г. 110
Симбирская губерния 146
Смоленск, г. 38, 98, 110
Соль Галицкая (Солигалич) г. 26, 234
Солигаличский уезд 157
Спасское, с. Буйского у. 76
Спасское-Лутовиново, с. Орловской обл. 235

Спас-Хрипели*, с. 12, 25, 32, 64, 65, 74, 80, 105, 184, 185, 198, 309
Стуглево*, д. 25
Сунгурово**, с. 133
Сусанино*, с., пос. 19, 23, 233
Сусанинский район 19, 245, 246, 247, 306

Т

Тамбовская область 245
Тарутино, с. Калужской губ. 110
Татарская слобода в г. Костроме 215
Тверь, г. 99
Турция 134
Тушино, с. (Подмосковье) 37

У

Украина 107
Унжа, г. 20, 42
Унжа, р. 15, 20, 40, 41, 42, 46, 44, 47, 48, 50, 62, 65, 173
Унженская осада Галичского у. 20

Ф

Франция 134

Х

Холм*, с. 25, 221, 225, 263, 291
Хрипели*, д. 32

Ц

Царское Село 234
Церкви:
Богоявленский кафедральный собор в г. Костроме 162, 164
Воскресенская в посёлке Сусанино 160, 291, 294, 309
Воскресенская в селе Исупове 60
Воскресенская в селе Домнине 23, 24, 74, 79, 85 леве Буйского уезда 78
Никольская в селе Прискокове 86
Петропавловский собор в Петербурге 135
Преображенская в селе Спас-Хрипели 262, 239, 309
Рождества Христова в селе Прискокове 86. 263
Собора Иоанна Предтечи в селе Коробове 135, 214
Спасо-Преображенский кафедральный собор в Нижнем Новгороде 80
Троицкая церковь в селе Исупове 60, 78, 248, 256
Успенская в селе Домнине 65, 80, 165, 182, 221, 224, 248, 248, 248, 313
Успенский собор в Костроме 40
Успенский собор Соли Галицкой (Солигалича) 42
Христа Спасителя в Москве 110

Ч

Чердынь, г. Пермской обл. 35
Чмутово, с. Галичского уезда 170
Чухлома, г. 26, 234
Чухломской уезд 179, 180

Ш

Шача, р. 22, 32, 74, 105, 161, 259
Шачебольский стан Костромского у. 22

Щ

Щелыково, ус. Островского р-на 235

Ю

Югославия 10
Юраки*, д. 25
Юрьевец, г. 44
Юрьевецкий у. 37

Я

Якимово*, д. 25, 225
Яренск, с. Архангельской обл. 35
Ярославль, г. 15, 39, 41, 125, 182, 232, 257, 264, 287, 289
Ярославская губерния 132
Ярославская область 224, 245, 246, 251
Ясная Поляна ус. Тульской обл. 235